ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

XI-XII

ПРАГА
1927

VOLIA ROSSII — REVUE MENSUELLE

7-ой год издания. 7-ой год издания.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1928 ГОД
на ежемесячный журнал политики и культуры

„ВОЛЯ РОССИИ“

под редакцией В. И. Лебедева, М. Л. Слонима, Е. А. Сталинского и В. В. Сухомлина.

В каждом номере «ВОЛИ РОССИИ»: Рассказы, повести, стихотворения. Переводы выдающихся произведений западно-европейской литературы. Статьи по вопросам русской и иностранной политики. Систематические обзоры жизни Советской России. Проблемы современной культуры. Жизнь славянства. Статьи иностранных авторов по вопросам международной политики. Литературные отклики. Обзоры новых книг и журналов. Библиография.

За 1926 год в журнале были помещены произведения следующих русских авторов: Аноним (Россия), Б. Аратов, В. Архангельский, К. Бальмонт (Париж), Н. Безпалов, П. Булатов, Д. Вяткин (Россия), С. Верещак, Н. Воронович (Варшава), Е. Зноско - Боровский (Париж), проф. А. Герш (Женева). Д. Ивицкая (Россия). З. Кочеткова (Брюссель), А. Коршунов (София), П. Климушкин, К. Кочаровский, И. Калинников, Е. Лазарев, Л. Леонов (Россия), Вл. Лебедев, проф. И. И. Лапшин, Б. де Люнель (Россия), Д. Лутохин, Н. Мельникова - Папоушек, П. Милославский, Е. Недзельский, И. Нечитайлов (Загреб), С. Новиков (Белград). Невидимцев, Б. Нерадов (Россия), П. Орлушин, С. Постников, А. Пешехонов, А. Ремизов (Париж), Ф. Репейников, С. Раппопорт (Лондон), Н. Русанов (Ницца), Л. Россель, Н. Рубакин (Лозанна), М. Слоним, Е. Сталинский, В. Сухомлин, В. Тукалевский, Г. Фальчиков, Г. Шрейдер, М. Цветаева, А. Цаликов, В. Чернов, Ю. Данилов (Париж), проф. Ульянов (Лозанна).

Кроме того, были помещены следующие специально для «Воли России» написанные статьи иностранных авторов: Рудольф Брейтшейд (Германия), Ван-Чу-Фу (Китай), Шарль Вильдрак (Франция), Тадеуш Голувко (Польша), Гануш Елинек (Чехословакия), Бласко Ибаньес (Испания), Рихард Линстром (Швеция), Альсинг Андерсен (Дания), Рамзей Макдональд (Англия), Александр Олар (Франция), Сант Яго (Испания), Коста Тодоров (Болгария), Альбер Тома (Швейцария), Свентаржицкий (Финляндия), Генрих Штребель (Германия), Джиованни Зиборди (Италия), А. Хондокарян (Армения), С. Янниос (Греция) и др.

Произведения следующих иностранных авторов были помещены в переводе с их согласия или согласия издателей: Г. Апполлинер (Франция), В. Вавчура (Чехословакия), Э. Бенеш (Чехословакия), Ю. Волькер (Чехословакия), О. Бржезина (Чехословакия), Т. Масарик (Чехословакия), М. Пруст (Франция), Я. Папоушек (Чехословакия), М. Эбергард (Франция).

Цена настоящего номера: Во всех странах Европы — 80 цент. В Америке, Китае и Японии — 1 доллар.

Адрес редакции и конторы:

«VOLJA ROSSII», Uhelny trh I, PRAGUE Tchécoslovaquie.

Отделение в Париже: 32, rue de Ménilmontant, 32. (XXe).

П 1.
543
ПОГАШЕНО
П1
543
1927 № 11/12

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ

под редакцией

В. И. ЛЕБЕДЕВА, М. Л. СЛОНИМА,

Е. А. СТАЛИНСКОГО И В. В. СУХОМЛИНА

6-ой ГОД ИЗДАНИЯ

ЦГАОР
Книгох...
ИНВ. №
Г П Б
ПОГАШЕНО

XI-XII

Г П Б
906
ПОГАШЕНО

ПРАГА

PRAHA, UHELNÝ TRH ČÍS 1

СОДЕРЖАНИЕ:

Марина Цветаева. Октябрь в вагоне 3
Алексей Ремизов. Чудо о Василии 14
Арсений Несмелов. За 8000 верст[1]) 32
Гайто Газданов. Общество восьмерки пик 36
К. Бальмонт. Цыганская скрипка 50
Глеб Гонцов. Снова по родной земле 54
С. Сумский. Суд над Петлюрой и Шварцбардом 73
Марк Слоним. Десять лет русской литературы 92
Д. Селиванов. Русская наука в СССР 120
Ир. Церетели. Основной вопрос нашей тактики 145
В. В. Сухомлин. Русская революция и Европа 171
Е. Сталинский. Что дальше? (Юбилей и оппозиция) 187
М. Кроль. Китайский кризис 208
В. Архангельский. Церковная смута 229

Славянский обзор:

Ян Гербен. О Петре Безруче..... 247

Иностранная жизнь:

Р. Свенторжецкий. Правительственный эксперимент в Финляндии 259

Иностранцы о России:

С. В-к. Что я видел в России 264

Среди книг и журналов:

М. Сл. Федор Сологуб 278
С. П. «Власть советов за десять лет» 284

Отзывы о книгах:

Мардвинов А. «Новый Корабль». Лит. журнал 293
Н. М. П. Е. Замятин. «Нечестивые рассказы» 294
Н. М. П. «Письма А. Блока к родным» 296
В. В. V. Lazarevsky. «Rusko a ceskoslovenske znovuzrozeni.» 298
Об'явления. 300

---

[1]) На стр. 32 ошибочно напечатано «За 800 верст».

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград
О 1967 акт Р П-476/26.
сх ~~5361~~

3
14
32
36
50
54
73
92
120
145
171
187
208
229
247
259
264
278
284
293
294
296
298
300

ОКТЯБРЬ В ВАГОНЕ

(Записи тех дней)

Двое с половиной суток ни куска, ни глотка. (Горло сжато). Солдаты приносят газеты — на розовой бумаге. Кремль и все памятники взорваны. 56-ой полк. Взорваны здания с юнкерами и офицерами, отказавшимися сдаться. 16 000 убитых. На следующей станции — уже 25 000. Молчу. Курю. Спутники, один за другим, садятся в обратные поезда.

Сон (2-ое ноября 1917 г, в ночь).

Спасаемся. Из подвала человек с винтовкой. Пустой рукой целюсь. — Опускает. — Солнечный день. Влезаем на какие то обломки. С. говорит о Владивостоке. Едем в экипаже по развалинам. Человек с серной кислотой.

Письмо в тетрадку

Если Вы живы, если мне суждено еще раз с Вами увидеться — слушайте: вчера, под'езжая к Харькову, прочла «Южный Край». 9 000 убитых. Я не могу Вам рассказать этой ночи, потому что она **не кончилась.** Сейчас серое утро. Я в корридоре. Поймите! Я еду и пишу Вам и не знаю сейчас — но тут следуют слова, которых я не могу написать.

Под'езжаем к Орлу. Я боюсь писать Вам, как мне хочется, потому что расплачусь. Все это страшный сон. Стараюсь спать. Я не знаю, как Вам писать. Когда я Вам пишу, Вы — есть, раз я Вам пишу! А потом — ах! —

56 запасной полк, Кремль. (Помните те огромные ключи, которыми Вы на ночь запирали ворота?) А главное, главное, главное — Вы, Вы сам, Вы с Вашим инстинктом самоистребления. Разве Вы можете сидеть дома? Если бы все остались, Вы бы один пошли. Потому что Вы безупречны. Потому что Вы не можете, чтобы убивали других. Потому что Вы лев, отдающий львиную долю: жизнь — всем другим, зайцам и лисам. Потому что Вы беззаветны и самоохраной брезгуете, потому что «я» для Вас не важно, потому что я все это с первого часа знала!

Если Бог сделает это чудо — оставит Вас в живых, я буду ходить за Вами как собака.

Известия неопределенны, не знаю чему верить. Читаю про Кремль, Тверскую, Арбат, Метрополь, Вознесенскую площадь, про горы трупов. В с.-р. газете «Курская Жизнь» от вчерашнего дня (1-го) — что началось разоружение. Другие (сегодняшние) пишут о бое. Я сейчас не даю себе воли писать, но тысячу раз видела, как я вхожу в дом. Можно ли будет проникнуть в город?

Скоро Орел. Сейчас около 2 ч. дня. В Москве будем в 2 ч. ночи. А если я войду в дом — и никого нет, ни души? Где мне искать Вас? Может-быть, и дома уже нет? У меня все время чувство: это страшный сон. Я все жду, что вот-вот что-то случится, и не было ни газет, ничего. **Что это мне снится, что я проснусь.**

Горло сжато, точно пальцами. Все время оттягиваю. растягиваю ворот. Сереженька

Я написала Ваше имя и не могу писать дальше.

—

Трое суток — ни с кем ни звука. Только с солдатами, купить газет. (Страшные розовые листки, зловещие. Театральные афиши смерти. Нет, Москва окрасила! Говорят, нет бумаги. Была да вся вышла. Кому — так, кому — знак).

Кто-то, наконец: «Да что с вами, барышня? Вы за всю дорогу куска хлеба не с'ели, с самой Лозовой с вами

еду. Все смотрю и думаю: когда же наша барышня кушать начнут? Думаю, за хлебом, нет — опять в книжку писать. Вы, что ж, к экзамену какому?»

Я, смутно: Да.

Говорящий — мастеровой, черный, глаза, как угли, чернобородый, что то от ласкового Пугачева. Жутковат и приятен. Беседуем. Жалуется на сыновей: «новой жизнью заболели, коростой этой. Вы, барышня, человек молодой, пожалуй и осудите, а по мне — вот все эти отребья красные да свободы похабные — не что иное будет, как сомущение Антихристово. Князь он и власть великую имеет, только ждал до поры до часу, силу копил. Приедешь в деревню, — жизнь то серая, баба то сивая. «Чорт, шут»... Гляди, кочерыжками закидает. А какой он тебе шут, когда он князь рожденный, свет сотворенный. На него не с кочерыжками надо, а с легионами ангельскими»...

Подсаживается толстый военный: круглое лицо, усы, лет пятьдесят, пошловат, фатоват. — «У меня сын в 56-ом полку! Ужасно беспокоюсь. Вдруг, думаю, нелегкая понесла». (Почему то сразу успокаиваюсь)... «Впрочем, он у меня не дурак: охота самому в пекло лезть!» (Успокоение мгновенно проходит)... «Он по специальности инженер, а мосты, знаете ли, все равно для кого строить: царю ли, республике ли, — лишь бы выдержали!»

Я, не выдерживая: «А у меня муж в 56-ом». —«Му-уж? Вы замужем? Скажите! Никогда бы не подумал! Я думал барышня, гимназию кончаете. Стало-быть в 56-ом? Вы верно тоже очень беспокоитесь? — «Не знаю, как доеду». — «Доедите! И свидитесь! Да помилуйте, имея такую жену — идти под пули! Ваш супруг себе не враг! Он верно тоже очень молод?» — «Двадцать три». — «Ну, видите! А вы еще волнуетесь! Да будь мне двадцать три года и имей я такую жену... Да я и в свои пятьдесят три года и имея вовсе не такую жену»... (Я, мысленно: «в том то и дело!» Но почему то, все таки, явно сознавая бессмысленность, успокаиваюсь.)

—

Сговариваемся с мастеровым ехать с вокзала вместе. И хотя нам вовсе не по дороге: ему на Таганку, мне на Поварскую, продолжаю на этом строить: отсрочку следующего получаса. (Через полчаса Москва). Мастеровой — оплот, и почему то мне чудится, что он **все знает,** больше — что он сам из князевой рати (недаром Пугачев!) и именно **оттого, что враг** меня (С.) спасет. — Уже спас. — И что нарочно сел в этот вагон — оградить и обнадежить — и Лозовая не при чем, мог бы просто в окне появиться, на полном ходу, среди степи. И что сейчас в Москве на вокзале рассыпется в прах.

—

Десять минут до Москвы. Уже чуть-чуть светлеет, — или просто небо? Глаза к темноте привыкли? Боюсь дороги, часа на извозчике, надвигающегося дома (смерти, ибо — если убит, умру). Боюсь услышать

—

Москва. Черно. В город можно с пропуском. У меня есть, совсем другой, но все равно. (На обратный проезд в Феодосию: жена прапорщика). Беру извозчика. Мастеровой, конечно, канул. Еду. Извозчик рассказывает, я отсутствую, мостовая подбрасывает. Три раза подходят люди с фонарями. — Пропуск! — Протягиваю. Отдают не глядя. Первый звон. Около половины шестого. Чуть светлеет. (Или кажется?) Пустые улицы, пустующие. Дороги не узнаю, не знаю (везет об'ездом), чувство, что все время влево, как иногда мысль, в мозгу. Куда то **сквозь,** и почему то пахнет сеном. (А может-быть я думаю, что это — Сенная, и потому — сено?) Заставы чуть громыхают: кто то не сдается.

Ни разу — о детях. Если С. нет, нет и меня, значит нет и их. Аля без меня жить не будет, не захочет, не сможет. Как я без С.

—

Церковь Бориса и Глеба. Наша, поварская. [1]). Сворачиваем в переулок — наш, Борисоглебский. Белый

[1]) Есть еще на Арбатской площади.

дом Епархиального училища, я его всегда называла «volière» : сквозная галлерея и детские голоса. А налево тот, зеленый, старинный, на вытяжку (градоначальник жил и городовые стояли). И еще один. И наш.

Крыльцо против двух деревьев. Схожу. Снимаю вещи. Отделившись от ворот двое в полу-военном. Подходят. —«Мы домовая охрана. Что вам угодно?» — «Я такая то и здесь живу». «Никого по ночам пускать не велено». — «Тогда позовите, пожалуйста, прислугу. Из третьей квартиры». (Мысль: сейчас, сейчас, сейчас скажут. Они здесь живут и все знают).

— «Мы вам не слуги». — «Я заплачу».

Идут. Жду. Не живу. Ноги, на которых стою, руки, которыми держу чемоданы (так и не спустила). И сердца не слышу. Если б не оклик извозчика, и не поняла бы, что долго, что чудовищно-долго.

— «Да что ж, барышня, отпустите или нет? Мне еще на Покровскую надо.

— Прибавлю.

Тихий ужас, что, вот, уедет: в нем моя последняя жизнь, последняя жизнь до... Однако, спустив вещи, раскрываю сумку: три, десять, двенадцать, семнадцать... нужно пятьдесят... Где же возьму, если...

Шаг. Звук сначала одной двери, потом другой. Сейчас откроется входная. Женщина, в платке, незнакомая.

Я, не давая сказать:

— Вы новая прислуга?

— Да.

— Барин убит?

— Жив.

— Ранен?

— Нет.

— То-есть как? Где же он был все время?

— А в Александровском, с юнкерями, — уж мы страху натерпелись! Слава Богу, Господь помиловал. Только отощали очень. А сейчас они в N-ском переулке, у знакомых. И детки там, и сестры бариновы... Все здоровы, благополучны, только вас ждут.

— У вас найдется 33 рубля, извозчику доплатить?

— А как же, как же, вот сейчас только вещи внесем.

Вносим вещи, отпускаем извозчика, Дуня берется меня проводить. Захватываю с собой один из двух крымских хлебов. Идем. Битая Поварская. Булыжники. Рытвины. Небо чуть светлеет. Колокола.

Заворачиваем в переулок. Семиэтажный дом. Звоню. Двое в шубах и шапках. При чиркающей спичке — блеск пенснэ. Спичка прямо в лицо:

— Что вам нужно?

— Я только-что из Крыма и хочу к своим.

— Да ведь это неслыханно, в 6 часов утра в дом врываться!

— Я хочу к своим.

— Успеете. Вот заходите к 9-ти ч. тогда посмотрим.

Тут вступается прислуга:

— Да что вы, господа, у них дети маленькие, Бог знает сколько не виделись. И я их очень хорошо знаю, оне личность вполне благонадежная, свой дом на Полянке.

— А все-таки мы вас впустить не можем.

Тут я, не выдерживая:

— А вы — кто?

— Мы домовая охрана.

— А я такая то, жена своего мужа и мать своих детей. Пустите, я все равно войду.

И, наполовину пропущенная, наполовину прорвавшись — шести площадок как не бывало! — седьмая.

—

(Так это у меня и осталось, первое видение буржуазии в Революции: уши, прячущиеся в шапках, души, прячущиеся в шубах, головы прячущиеся в шеях, глаза прячушиеся в стеклах. Ослепительное — при вспыхивающей спичке — видение **шкуры.**)

—

Снизу голос прислуги: «Счастливо свидеться!»

Стучу. Открывают.

— Сережа спит? Где его комната?

И, через секунду, с порога:

— Сережа! Это я! Только-что приехала. У вас внизу — ужасные мерзавцы. А юнкера все-таки победили! Да есть ли Вы здесь или нет?

В комнате темно. И, удостоверившись:

— Ехала три дня. Привезла Вам хлеб. Простите, что черствый. Матросы — ужасные мерзавцы! Познакомилась с Пугачевым. Сереженька, Вы живы — и...

—

В вечер того же дня уезжаем: С., его друг Г-цев и я, в Крым.

Кусочек Крыма.

Приезд в бешеную снеговую бурю в Коктебель. Седое море. Огромная, почти физически жгущая радость Макса В. при виде живого Сережи. Огромные белые хлеба.

—

Видение Макса В. на приступочке башни, с Тэном на коленях, жарящего лук. И пока лук жарится, чтение вслух, С. и мне, завтрашних и после-завтрашних судеб России.

— А теперь, Сережа, будет то-то... Запомни.

И вкрадчиво, почти радуясь, как добрый колдун детям, картинку за картинкой — всю русскую Революцию на пять лет вперед: террор, гражданская война, расстрелы, заставы, Вандея, озверение, потеря лика, раскрепощенные духи стихий, кровь, кровь, кровь....

—

С Г-цевым за хлебом.

Кофейня в Отузах. На стенах большевицкие воззвания. У столов длиннобородые татары. Как медленно пьют, как скупо говорят, как важно движутся. Для них время остановилось. XVII в. — XX в. И чашечки те же, синие, с каббалистическими знаками, без ручек. Большевизм? Марксизм?

Афиши, все горло прокричите! Какое нам дело до ваших машин, Лениных, Троцких, до ваших пролетариатов новорожденных, до ваших буржуазий разлагающих-

ся... У нас ураза, мулла, виноград, смутная память о какой-то великой царице... Вот эта кипящая смоль на дне золоченых чашечек...

Мы — вне, мы — над, мы давно. Вам — быть, мы — прошли. Мы — раз навсегда. Нас — нету.

—

Лунные сумерки. Мечеть. Возвращение коз. Девочка в малиновой, до полу, юбке. Кисеты. Старуха, выточенная, как кость. Изваянность древних рас.

—

В вагоне (обратный путь в Москву, 25-го ноября).

— Брешко-Брешковская — тоже сволочь! Сказала: надо воевать вам!

—

— Сгубить больше бедного классу и самим опять блаженствовать!

—

— Бедная матушка-Москва, весь фронт одевает-обувает! Мы Москвой не обижены! Больше все газеты смущают. Большевики правильно говорят, не хотят кровь проливать, смотрят за делом.

—

В вагонном воздухе — топором — три слова: буржуи, юнкеря, кровососы.

—

— Чтоб им торговля была лучше!

—

— У нас молодая революция, а у них, во Франции, старая, лежалая.

—

— Что крестьянин, что князь — шкура одинакая! (Я, мысленно: шкура то именно и нет!)

—

— А офицер, товарищи, первый подлец. Я считаю: он самого низкого образования.

—

Против меня, на лавке, спит унылый, тощий, благоразумный Викжель

—

— Бог, товарищи, первый революционер!

—

— Вы москвичка, вероятно? У нас на юге таких типов нет!

(Прапорщик из Керчи.)

—

Спор о табаке.

«Барышня, а курят! Оно, конешно, все люди равны, только все же барышне курить не годится. И голос от того табаку грубеет, и запах изо рта мужской. Барышне конфетки надо сосать, духами прыскаться, чтоб дух нежный шел. А то кавалер с любезностями — прыг, а вы на него тем мужским духом — пых!

Мужеский пол мужского духа терпеть не выносит. Как вы полагаете, а, барышня?»

Я: «Конечно, вы правы: привычка дурная!

Другой солдат: «А я, то-есть, товарищи, полагаю: женский пол тут не при чем. Ведь в глотку тянешь, — а глотка у всех одинакая. Что табак, что хлеб. А кавалеры любить не будут, оно может и лучше, мало ли нашего брата зря хвостячит. Лю — бовь! Кобеля, а не любовь! А полюбит кто — за душу, со всяким духом примет, даже сам крутить будет. Правильно говорю, а, барышня?».

Я: «Правильно, — мне муж всегда папиросы крутит. А сам не курит». (Вру).

Мой защитник — другому: «Так они и не барышни вовсе! Вот, братец, маху дали! А что же у вас муж из студентов, что-ль?

Я, памятуя предостережения: «Нет, вообще так»...

Другой, поясняя: «Своим капиталом, значит, живут».

Мой защитник: «К нему стало-быть едете?». ,

Я: «Нет, за детьми, он в Крыму остался».

— «Что-ж, дача там своя в Крыму?».

Я, спокойно: «Да, и дом в Москве». (Дачу выдумала).

— Молчание. —

Мой защитник: «А смелая вы, погляжу, мадамочка! Да разве теперь в эдаких вещах признаются? Да теперь кажный рад не только дом, что ли, деньги — себя собственными руками со страху в землю закопает!».

Я: «Зачем самому? Придет время — другие закопают. А впрочем это и раньше было: самозакапыватели: сами себя живьем в землю закапывали — для спасения души. А теперь для спасения тела».

— Смеются, смеюсь и я. —

Мой защитник: «А что ж супруг то ваш не с простым народом, чай?».

Я: «Нет, он со **всем** народом».

— «Что-то не пойму».

Я: «Как Христос велел: ни бедного, мол, ни богатого: человеческая и во всех Христос».

Мой защитник, радостно: «То-то и оно! Неповинен ты в княжестве своем и неповинен ты в низости своей»... (с некоторым подозрением:)... «А вы, барышня, не большевичка будете?».

Другой: «Какая большевичка, когда у них дом свой!».

Первый: «Ты не скажи, много промеж них образованного классу, — и дворяне тоже, и купцы. В большевики то все больше господа идут». (Вглядываясь, неуверенно:) «И волоса стриженые».

Я: «Это теперь мода такая» [2]).

Внезапно ввязывается, верней — взрывается — матрос:

«И все это вы, товарищи, неверно рассуждаете, бессознательный элемент. Эти-то образованные, да дворяне, да юнкеря проклятые всю Москву кровью залили! Кровососы! Сволочь! (Ко мне:) «А вам, товарищ, совет: поменьше о Христах да дачах в Крыму вспоминать. Это время прошло».

Мой защитник, испуганно: «Да они по молодости.... Да какие у них дачи, — так, должно, хибарка какая на трех

---

2) Мода пришла позже. Для России с сыпняком, т. е. в 19 г.-20 г., для Запада, уж не знаю с чего и с чем, в 23 г.-24 г.

ногах, вроде как у меня в деревне... (примиряюще) — Вот и полсапожки плохонькие»...

Об этом матросе. Непрерывная матерщина. Другие (большевик!) молчат. Я, наконец, кротко: «Почему вы так ругаетесь? Неужели вам самому приятно?».

Матрос: «А я, товарищ, не ругаюсь, — это у меня поговорка такая».

Солдаты грохочут.

Я, созерцательно: «Плохая поговорка».

Этот же матрос, у открытого окна в Орле, нежнейшим голосом: «Воздушок какой!».

Аля (4 года).

— «Марина! Знаешь, у Пушкина не так сказано! У него сказано:

Пушки с пристани палят,
Кораблям пристать велят.

А надо:

Пушки — **из дому** палят!

(После восстания).

Молитва Али во время и с времен восстания:

«Спаси Господи и помилуй: Марину, Сережу, Ирину, Любу, Асю, Андрюшу, офицеров и не-офицеров, русских и не-русских, французских и не-французских, раненых и не-раненых, здоровых и не-здоровых, — всех знакомых и незнакомых».

Москва, октябрь-ноябрь 1917 г.

Марина Цветаева.

ЧУДО О ВАСИЛИИ

Какой это был чудесный мальчик — Василий сын Агрики. Наденет елочную золотую корону — загорятся глаза ярче золота, ну такой он чудесный!

А как он представляет гномов: «керионы разговаривают» — руки сложит так, только два у него пальчика свободны и ими по столу: «тук - тук - тук?» — «куик - куик!» Так и видишь — а как озабочен! — вот они в острых колпачках где - нибудь у красного камня, когда солнце идет купаться в море, ведут свой разговор: им вся короткая ночь, а делов! — потому он так и озабочен.

У Агрики виноградник — жили они на самом берегу моря.

Выше — по берегу стоят красные камни — каменное шуршащее вереском поле. Около камней ютятся керионы — это все «языческие» духи и им никто нынче не кланяется, но по старой памяти побаивались: Агрика и все соседи, сколько деревень, «православные!»

Духи высвистывали в ветре, летали с бурей, толкали в пропасти и помогали выбраться на ровное место, стращали, пугали и тешились. Их было очень много и всех их звали по-именно — по именам камней, их дома. И каждую весну и осень кто - нибудь уж непременно встретит, но редко чтобы показалось человеком, чаще — горящий красный куст, черная собака, белый заяц, серая крыса, а то баран — как переходить ручей, схватишься за ветку, тут он тебе на руку лапу свою положит, теплая, и ты иди смело! — еще овца, бык, лошадь, свинья, а то вздох-

нет или вспыхнет, или человеческий след, а кругом ни души, или слышно, скрипят колеса, а никакой повозки, а тс идете вдвоем и вдруг между вами тень — ни ваш спутник, ни вы его, ну пропал, а голос его как через стенку, или вскочит тебе на плечи и несешь, и неси, оглядываться не рекомендуется.

И стоял такой длинный, всех длиньше красный камень. В день св. Анны всю ночь стоят со свечами — полна церковь: это те, кто хочет иметь детей. А на заре к этому камню: о камень трутся. Дионисия сколько зорь ходила — так у нее Василий на свет появился.

Василий не видал ни одного каменного духа, он только не раз слышал, как перед бурей ходит какой - то вокруг дома с колотушкой — и верно, очень маленький в остром колпачке:«пум-пум!—пум-пум!»А Буробу он видел:пробиралась старуха по шоссе к мельнице, огромный у нее мешок за плечами — «собирает в мешок детей, которые долго спать не ложатся!» — но Василия она не тронула, потому что не заметила: — «потому что он зажмурился!» А когда раскрыл глаза, ее и след простыл: один мешок — и тот далеко и совсем-совсем маленький. А в соседней деревне жил Крокмитэн, муж Буробы, сапожник: очень бывало страшно, когда — никак не обойти! — и проходишь тесной крутой дорожкой мимо его каменного белого дома.

А какой Василий внимательный: берег скалистый, пойдешь с ним собирать перломутровые ракушки, тоже и сучки — в отлив попадаются вместе и ракушки и камушки, и не сучки они, Василий хорошо знает, а морские духи — водяные! — так вот, где с обрыва спускаться, всегда протянет тебе свою маленькую ручку, будто с ним ничего не страшно! и поведет и выведет через самые острые и скользкие обрывы. Скажу по-правде: одному страшно, а с ним еще жутче — и за собой следи и за ним глаз! — ну а за то как трогательна его заботливость и как горяча его ладошка и нежны его побаивающиеся пальцы. Или идешь и развяжется туфля, заметит — он все замечает — остановит тебя, станет на колени и примется завязывать. Да плохо это у него: конечно, нет сноровки — или узлом затянет и после никак

не развяжешь, или шнурки запутает, ступишь, и опять по камням за тобой, как белые змейки.

«Очень трудно!» — деловито говорит Василий и виновато тянется ко мне, чтобы непременно носом к носу — так гномы ластятся — и я вижу близко его очень белые — камушки! — еще не переменившиеся зубы: один шатается — скоро его отдадут мышке.

Ну, на седьмую весну, как натащат ему мышки полный кулек с зубами — зубы крепкие и острые! — и все он поймет в этом мире: и завязывать и развязывать.

Скал и обрывов Василий не боится и морских духов не боится.

Сегодня нашли двух: оба одноглазые и у каждого есть еще по глазу на темени — вот какие они: «плавун» и «ныр» — им не только этот мир, где нужно уметь завязывать и развязывать, но и то открыто, где нет никаких узлов, они и там живут и тут появляются, очень страшные.

А ничего, Василий их несет в корзиночке; он им подостлал душистой морской травы и еще положил крабью клешню и камушки белые, красные, зеленые и желтые. Но коровы — нет, победить рогатый страх он никак не может: все ему кажется, что коровы его бодать хотят!

После дождей и таких гремящих бурь — по ночам в доме качает кровать, как лодку! — жаркий день, а солнце у моря еще жарче. Коровы на берегу, им жарко! и не пасутся, а стоят они тесно: пить хочется. Мы проходим на пяточках,стараемся не смотреть:—«так они нас и не увидят!» Василий прижимается всем своим тельцем к моей руке, я чувствую: не дышет. А пройдя коров — прошла беда! — и мы мечтаем: если бы иметь собственные рога! если бы золотые рога — —

«Или серебряные, я никого бы не боялся!»

Василий делает пальчиками у себя над головой, как рога, и идет уверенно — кажется, будь у него настоящие, он пошел бы рогами коров бодать.

«А меня — не забодаешь?»

— — —

И я совсем не уверен, что Василий и меня — — с рогами-то ему все по другому! Наставив себе рога, он то-и-дело

чего-то нагибается, ртом сорвал травку и ест. Я заметил, и за столом, если подается с травой — не для еды, а как украшение, он тихонько всю траву повыберет и ест ее с жадностью: он думает, что от травы выростут рога.

Размечтавшись о рогах золотых или серебряных, Василий мечтает об автомобиле — маленький авто: в нем он будет катать эти сучки — морских духов.

У Василия есть свой садик: сам он его и устроил в саду — это сейчас же за колодцем, там под мимозой грядки и всего по-немногу: помидоры, морковь, репа, редька и один артишок; и в садике построен у него дом — живут сучки-духи и еще другие из пробок — в пробки воткнуты обожженные спички, как руки и ноги, я ему их секкотином склеил, крепко, и это тоже духи, но без имени, у него их много, молчаливые и совсем незаметные, «ненужные»: — «потому что им ничего не надо!» А водяные — их надо прогуливать, беречь.

Только без рог и авто ни к чему: сначала надо обзавестись рогами золотыми или серебряными!

И сны ему снятся все рогатые. Вчера напал на него бык и так швырнул рогами, Василий упал с кроватки, проснулся — лежит на полу и не понимает: может, бык его уж с'ел?

«Где я нахожусь?» — и заплакал.

Но когда я мычу по - бычьи, он меня не боится или немножно: если близко, всегда чуть отстранится и глаза такие большущие, а пальчики само-собой складываются рогами. Он с сам бы не прочь помычать, да не выходит, он пробовал. Но за то он может и это у него выходит: он может пропеть, как петушок поет — «доброе утро!»

*
**

Сядут вечером за стол. Поговорят о дневных новостях, да мало чего случается: ни у них, ни у соседей. Ну, какой-нибудь с пьяных глаз в веялку угодил мордой: машине-то ничего, а себя разукрасил, но главное то, что ничего не почувствовал; ну, где-нибудь на дороге столкнулись автомобили или автомобиль подшиб велосипедиста; а больше раз-

говор о ярмарках — баранья, поросячья, конская, коровья, и о скачках: кто-нибудь из домашних непременно поедет в город посмотреть — все соседи будут — и кто как одет и с кем, и что говорили; и после скачек на много вечеров только и разговору; еще о свадьбах и о таких, об'явленных, и которые только еще ожидаются, предполагаемых по всяким приметам и замысловатым домыслам: в доме три невесты — Сусанна, Леонила и Елена.

Темнеет — пора свет.

Примащивается около стола на столик электрическая лампа — лампа с рефлектором — и как пустят, весь стол зальет и белые блестящие шарики плывут, ничего не видно. А понемногу глаз привыкает. Это Агрика выдумал — «для оживления».

Василий вскочит из-за стола, станет и прокукурекает.

И так это верно — как петушок: как петушок, голову нагнет, как давятся, и откуда-то — отсюда вот из подгрудья «ку-ка-реку!» — звонко, чисто, никак не отличишь от правдошного.

А за петушком все, кто во что. Сам Агрика собакой лаял, и знаете, знаешь, что Агрика, но так это внезапно — вилка из рук выскочит либо косточку проглотишь; Дионисия — свиньей хрючит: она в хозяйстве свиньями заведует, привыкла — и большой и поросятиной; Сусанна — бараном; Леонила — она лягушку представляет; а войдет из кухни прислуга Елена вино или что-нибудь еще к столу подать, Елена помяучит кошкой или распищится котятами и самыми маленькими слепыми, как они тянутся к матери и хвостиками заковырки делают, и побольше, сознательными, о матери скучают, и только бабушка — а как бы тоненько кузнечика или стрекозой прошуршала! — да она тихонечко все покажет и стрекозу и кузнечика, когда Василий забежит к ней в комнату.

А Василий не только петушка, он может и курицу: курица яйцо снесла!

Василий и сам яйцо снес... И когда он про это сказал мне, я видел: он искренно верит — — но как это могло быть? «На тряпку, — об'я-

снил Василий, — настоящее яйцо!» И действительно, снес, а произошло это чудесным образом. Заметив, как это делает курица, не раз пробовал он сам так делать: присядет на корточки, посидит - посидит, а потом вскочит и закудахчет; но сколько он ни садился и сколько ни кудахтал, яйца из него не выходило, ну, никакого, ни самого маленького, сорочьего. Видит Дионисия, что Василий все курицей садится — смеется: «Хочешь, — говорит—яичко снесть?» — «Да, — отвечает, — хочу.» — «А ты спусти штанишки и зажмурься!» И когда он зажмурился, она ему на тряпочку яйцо подложила. «А теперь вставай и кудахчи!» Василий закудахтал — глядь, а под ним яйцо: лежит на тряпке теплое.

Хорошо Василий кудахчет курицей, а петушком лучше — самый прием у него до петушиного пера — петух: там гребешок, а тут бородка —

„ — золотой гребешок — „

„ — масляна головка — „

„ — шолкова бородка — „

— — —

И действительно, она у него шолковая!

А Агрика еще и болотную птичку умел представлять: как поздним вечером на болоте, слышно, и не поет эта птичка, а как стонет — и покой от нее, от ее стонущего звука, и такая благодать и такая уверенность, и жизнь — через край. И когда начнет Агрика болотную птичку представлять, тишина входит в дом, и будь ты самый отчаянный и пропащий или податной инспектор, который сидит сейчас за столом, и у него от манжет до очков все разграфлено и в глазах проценты, а невозможно — и при всей мертвящей точности и в мертвом оцепенении поддашься этому животворящему чувству. И я всегда думаю, я чувствую: как хорошо жить на земле и какой это большой дар человеку дышать воздухом, напульверизованном цветами, травами и земляною сырью. И еще я думал, какая

спокойная жизнь у Агрики — благословение его дому, его ближним, его быкам, коням, коровам, свиньям, курам, уткам, саду и всему винограднику и всем виноградам.

А перед тем, как вставать из-за стола, Василий подбирается ко мне, но не для того, чтобы «носом к носу», как гномы, а ему хочется еще винограду — да нельзя ему больше! Но так отпустить тоже невозможно. Я ловлю его единственную пуговицу у штанишек и от нее веду выше — сюда, откуда кукуречит такой чудесный петушок и, чуть качаясь, начинаю вертеть рукой, как заводят мотор, и чем дальше, тем больший делаю рокочущий заводной круг и мое «р р р у - уч» вывожу еще рурей и, вдруг оборвав, приподнимаю его с земли — летим!

«Полетели!»

«Летели!»

Василию это очень нравится.

А перед самым сном, когда я отмечаю в Календаре прожитый день и смотрю, сколько мне еще осталось гостить у Агрики, Василий уставился на картинку: «по острову бежит олень» — и всякий вечер этот «олень», а ему, как в первый раз: рога!

*
**

Под Николу всем домом поехали в Миры ко всенощной. Дома осталась караулить Елена да Дюк.

Николин день в Мирах — Никольская ярмарка — после обедни крестный ход из Мир по дороге к Андриакэ на могилу Николая-чудотворца. Со всей Ликии и соседней Фригии с'езжаются купцы с товарами на ярмарку, а богомольцев — не протолкаешься. Очень людно и очень шумно. И всегда какое-нибудь чудо, о котором годами будут поминать во всех концах Византии и в Египте, в Сирии и Палестине, в Сицилии, Апулии, Калабрии и в Венеции и в Неаполе.

— — — — — — — — — — —

Рассказывали о молодом человеке, называли его имя Николай. Захворал он еще весной: грипп. Стал поправляться и вдруг отнялись ноги. И чего только ни делали: и электричес-

твом и еще чем-то — ничего не помогает, так и бросили. Так он и лежал всю осень. И вот на Николин день потащился на костылях ко всенощной. Ближайшая церковь Николы Ковыльского. Навстречу какой-то монах. Пожалел его и говорит: «Не ходи ты к Николе Ковыльскому, пойдем к Николе в Воробине, я тебя доведу». А Никола в Воробине куда дальше. И всю дорогу монах утешает: «поправишься, непременно поправишься!» Так и дошли. И у самой церкви спутник куда-то пропал. Николай один вошел в церковь — очень было трудно. Потихоньку протолкался к образу. И был поражен необыкновенным сходством со своим спутником; и чем больше он вглядывался, тем меньше оставалось сомнения, кто это был его спутник. И охватил его трепет — потянулся он к образу приложиться. А костыли: никак не достать! И совсем уж близко, а не дотянуться — — и, сделав последнее усилие, он ртом поймал металлический крестик, — висел на образе, — рванул зубами — — и проглотил. И стало ему как-то необыкновенно легко. И когда он снова потянулся к образу и невольно протянул руки, сразу почувствовал, что стоит — крепко и твердо — без костылей.

Еще о Льве: этого несчастного Льва принесли на носилках и положили перед образом Николая-чудотворца. Он был весь парализован и не говорил, а мычал — и так жалобно, тяжко было слушать. И молящиеся возроптали: третью всенощную нет покою, невозможно молиться, — мычит! И надоел он всем: все равно, такой — такая его судьба и надо терпеливо нести крест, а не испытывать и других не тяготить. Но Лев-то, потеряв всякую надежду, не потерял веру и, глядя на образ, жалобно мычал — только мычал, и у него в

этом все было и никак он по-другому не может. И вдруг замечают, стало как-то спокойно в церкви: а это Лев затих. Думали, ну, помер! Нет, измучившись, он заснул. «И не знаю, как это я заснул, — рассказывал Лев, — и вижу Николай Угодник подходит, а я мычу, а он ближе, ясно вижу, наклонился: «Лев, — говорит, — перестань! — да рукой меня, как подзатыльник, — вставай и иди!» И я вскочил и бежать». Когда Лев побежал из церкви, народ шарахнулся от него, как от зверя — уж очень это всем странно и страшно. Хорошо еще зима, воздухом-то его сейчас же за оградой очнуло, перекрестился он и пошел назад в церковь.

И третье чудо: в Лотарингии по дороге к Нанси какой-то крокмитэн-отельщик заманил к себе в отель ребятишек, зарезал и, разрезав на куски, в кадушку, как поросятину, сложил, посоля. И должно быть, последнюю мольбу детей: «не губить!» — а ее никто не мог слышать, услышал и явился и по молитве его три мальчика вышли из кадушки живые, как после долгого сна, скорый помощник Николай-чудотворец.

— — — — — — — — — — —

Василий с бабушкой стоит в сторонке, а из окна синего, как самое синее небо, наклонившись, смотрит на него Николай-чудотворец: и зеленая одежда переливается морем, а в венчике цветут мимозы — он не такой, как на иконах его пишут, чуть прихмурый, нет — ну, такой, как Елена, так сказалось у Василия: возраст; а волоса на голове, как у Василия, спущены на лоб.

Василий упорно, как на оленя в Календаре, все заглядывал в его чудотворные глаза и просил о рогах: принести просил завтра в мешке золотые или серебряные... и за-одно маленький авто катать морских духов.

Василий старался молиться, как бабушка: он перебирал губами — «рога-авто», и, истово крестясь, задер-

живал крепко пальчики на лбу и потом становился на колени — и до самой земли поклонится и медленно приподнимается, очень это трудно ему медленно, он может очень быстро, но он хочет все, как бабушка.

И ему слышится: Николай-чудотворец глазами говорит ему:

«Хорошо, Василий, будут у тебя рога — серебряные».

«И авто?» — шепчет Василий.

«И авто».

«Я вам покажу мой садик: помидоры, морковь, репа, редька и один артишок — и вашего ослика я накормлю!», — и начинает прислушиваться, чего бабушка вышептывает.

«Авто-авто!» — шепчет бабушка. — — —

Служба долгая. Агрика сказал: «приложимся к образу, помажут миром и ехать домой», — завтра ему на обедню пораньше встать: надо поросят везти на ярмарку.

А когда после евангелия пошел народ прикладываться, в церкви поднялось такое, не то землятрясение, не то бомбу бросили — а не то и не это, нет, те самые арабские корсары, о которых писали в газетах всю осень, но которых никто никогда не видел, сарацины, пользуясь темнотой, высадились в Андриакэ и на своих арабских конях примчались в Миры и прямо в остророгих шапках ворвались в собор: «руки вверх».

«Вверх!» — это «вверх» заглушило и канон и певчих, и только «вверх» — ничего не слышно.

А первая страшная минута прошла — и страх проходит, когда опасно! когда опасно, на одной ноге пойдешь! — первое дело: бежать. И уж кто как изловчился: кто в дверь, кто в окно, а кто — некуда! — влип в стену или юркнул под соседа.

Здесь люди вопят, а за дверями — кони, овцы, бараны, быки, коровы, козы: там свое дело — живая карусель!

Кому из церкви не удалось выстрекнуть, как стали выводить, видят: такая все дрянь, не стоит и рук пачкать

— колотушку в загривок и пошел. Отобрали повиднее «для работы», стариков и старух не тронули, а из детей тоже всех отпустили, одного не отпустили — Василия.

И ведь не тронули б, да такая видно судьба: Василий очень испугался — «крокмитэны!» — и остророгие шапки, он только их и видел, рогом наводил на него бодать; и от последнего страха: будь у него рога — а вот и пальчики не слушают, не складываются! — он нагнул голову, как давится, и чистым звонким петушком пропел «доброе утро!» Сарацины бросили Дионисию, а его забрали.

И вернулся Агрика домой со всем домом и одного не было — Василия.

Да лучше бы и не возвращаться домой.

«Лучше бы меня на месте, как собаку, пристрелили!» — убивалась Дионисия.

А Агрика, как зачарованный, сидел за столом и, как собака во сне, скашиваясь, ловил ртом воображаемых мух: Агрика спасся чудом!

Агрика действительно спасся только чудом: когда до него дошла очередь, а такого никак не пощадили б! — Агрика стал на четвереньки и к ужасу не только сарацин, а и очухавшихся богомольцев, залаял собакой — вот как он это делает вдруг — так зверски тявкнул, никому и в голову не пришло, что человек, а какой-то из бандитов даже цыкнул.

«Лучше бы меня на месте, как собаку, пристрелили!» — убивалась Дионисия и пеняла, что вот с Агрикой чудо, а Василия Угодник не пощадил и в свой праздник отдал беззащитного ребенка в руки палачей.

И бабушка и Сусанна и Леонила и Елена — всякий по своему — повторяли одно: с Агрикой чудо, а Василий — — за что?

И в доме стало серо, тесно — Агрика нет-нет да и тявкнет — собачья конурка.

**
*

Корсары с богатой добычей тем же порядком проскокали на своих арабских конях в Мирский порт Ан-

дриакэ, только их и видели. И на моторных лодках морем в свое разбойное гнездо на остров Крит, а с ними Василий.

Эмир похвалил разбойников — такого подарка ему еще никто не привозил — какой чудесный мальчик!

А Василий все ждал, когда крокмитэны его с'едят.

Крокмитэны нарядили Василия по своему — в свое сарацинское платье. И когда надели на него остроконечную шапку — она, как золотая корона! — и глаза его заголубились волшебною ночью, ну такой он чудесный.

Эмир не хотел расставаться, он его сделал самым первым среди своих слуг — обер-глав-дотелем — обязанность его: за обедом и ужином при столе находиться, подавать вино — только из его побаивающихся пальчиков брал эмир стакан.

День-ото-дня и обвык: остророгая шапка, как гномий колпачек, очень ему понравилась и он нет-нет и заведет разговор, как гномы, пальчиками по столу так: «тук-тук-тук?» — куик»-куик!» Никто ничего не понимает, крокмитэны потешаются, глядя, и не только его не ели, а его же пичкали всякими песочными и слоеными пирожными и швейцарским шоколадом с картинками.

И Василий пел — петушок.

И так хорошо рассказывал: какие скалы, какие стоят красные камни на берегу и какие каменные духи и какие водяные-сучки, и о старухе Буробе — муж ее крокмитэн-сапожник, и о своем садике, где живут морские духи и еще из пробок — «ненужные», и о рогах золотых или серебряных, чтобы никого не бояться, и о маленьком авто катать морских духов и обо всем доме: об отце, о матери, о бабушке, о тетках, о Елене, и обо всем хозяйстве, о винограднике и о Дюке, и как он настоящее яйцо снес.

Эмир подарил ему елочные серебряные рога: эмир их велел тайно ночью положить ему в туфли около кровати. И в ту же ночь маленький авто поставили в его комнате.

Василий, как проснулся — «рога»! И сейчас же надел их и выбежал во двор, но там коров не было. Он на ули-

цу — и там нет. Он в переулок, переулком — так и есть: навстречу стадо — и «рогатый» он шарахнулся и замер. А в это время откуда-то выюркнула маленькая девочка с хворостинкой, подбежала к самой страшной корове — корова шла прямо на Василия бодать — и не ударила, а только замахнулась хворостинкой — корова шарахнулась, как Василий.

И Василий, заря — «рогатый» — не озираясь, прошел мимо коров. Ясно: «рога действовали!» И бояться нечего. «Он больше никого не боится!»

А чтобы и во сне не бояться, он повесил рога около кровати и взялся за авто.

ские духи были там — дома, тут были не настоящие — чурочки. И катать чурочки — это не то.

Но и автомобиль не долго занимал его: ведь все мор-

Из кукурузы он сделал себе усы — зеленые длинные за уши. Сядет играть в чурочки, молча муслит и клеит самым клейким вит-колем, а чего-то не поддается и сруву все бросит или перемешает. Да очень просто — ведь это все чурочки — «ненужные», а не сучки — «морские духи»: морские духи там — дома.

Чурочки говорят Василию:

«Мы вовсе не ненужные и ты напрасно нас забросил: твои ненужные пробки умеют плавать, твои сучки — им подавай авто, а мы — чурочки! — любим летать: нам аэроплан!»

Василий задумался: «если бы аэроплан! наловчиться на чурочках, а потом и сам».

Василия заставляли петь — какой чудесный петушок! И рассказывать—большой фантазер! И он пел и рассказывал и никогда не заплачет, но почему из-под остророго колпачка, откуда это взялся — или еще чего-то задумал? — такой сухой блеск?

Эмир скажет:

«Домой хочешь?»

Молчит.

«Чего же тебе: хочешь аэроплан?»

— — —

Эмир подарил ему маленький аэроплан: чурочки подымать

И Василий подымал чурочки — высоко и, кажется, унесло, пропали! — а они полетают-полетают и домой.

И вспоминая, как это делает бабушка, Василий проснется — все заснули — тихонечко встанет с кроватки, подойдет к окну и, глядя на месяц — такой же, как дома! — шепчет луне:

«Домой-домой-домой!»

И истово перекрестясь, низко поклонится и медленно приподнимается, как бабушка.

У него все есть: и рога и авто и аэроплан — ему принес Николай-чудотворец! — и теперь он просит: принести ему в мешке ничего не надо, а домой.

«Домой».

Ему ничего не надо — он «ненужный», как те его духи из пробок с обожженными спичками, а только б домой.

О доме из всех чувств не покидало его, вдруг нахлынет: пропал! — «ты пропал и никакие рога не помогут, ни авто, ни аэроплан!» И это безвыходное о доме пригибало его голову — и тогда, ему никто не велит, он сам пел: это он весть подает туда, в дом. И в его чистом звонком голосе слышалось не петушиное и не человеческое — а это как с мясом вырвано — —

*
**

А дома ничего не слышно: и жив ли Василий или Бог взял к себе его маленькую душу и петушком она там поет у него на заре и в полдень, никто ничего не знает. И только в петушином крике по заре и в полдень чего-то вспоминается. И не было дня, не было часа, чтобы не помянул кто-нибудь.

Жизнь шла не по старому. От собачьей ли встряски, а у Агрики стало с сердцем: ни с того, ни с сего упадет, а то так забьется. Вина больше не подают к столу, сидр. А чтобы Агрика не утомлялся, сократили хозяйство: свиней не держат, разводят кроликов, а главное: молоко.

Идут дни одинаковые, чего-то ждут. Не дай Бог кто вскрикнет, весь дом закричит.

На вешняго Николу, как всегда, прилетела утка с утятами — прямо к церкви. И все этой утке очень обрадовались: утка помнит — прилетела!

Неподалеку замок, теперь развалины, и в этом замке когда-то заключена была пленница: владелец замка, возвратясь с войны, привез с собой. Убежать ей не было никакой возможности и только чудо. Вспомнив о Николае-чудотворце, она обещалась: будет всякий год приходить сюда на праздник в его церковь, она верит: он услышит — заступится: он освободит ее! И — была чудесно восхищена из замка и очутилась на дороге. — Но когда она шла по дороге, навстречу ей солдаты — слуги этого замка. И она поняла: такая судьба ее — ей не уйти. На пруду плавала утка с утятами. «Пусть эта утка, — сказала она, — прилетает вместо меня всякий год к церкви и благодарит за меня!» Солдаты ее схватили и, надругавшись, бросили ее тело в пруд. А на следующий год прилетела утка с утятами к церкви. И всякий год она прилетает и чего-то заботливо крячет. И опять улетит и никто не знает, где она живет зиму. Охотники хотели ее убить, но только выстрелили и сами упали мертвые. Тоже пес на нее бросился, но только на три шага не дошел — остановился, и, какой злющий, проходу никому не даст, стал на задние лапы и перед уткой служит!

Этот завещанный верный прилет чудесной утки нынче был особенный. Память о Василии всплыла горячей надеждой. И чего-то еще больше ждут. А время не ждет, дни идут — улетела утка с утятами, лето прошло, вот и осень, вечерами разжигайте камин — на Николу будет ровно год, а все по-старому: о Василии нет вестей.

— — —

Под Николин день всем домом поехали в Миры. И благополучно вернулись от всенощной. Утром ездили на обедню. И после обедни — крестный ход — помазались миром, потолкались на ярмарке и с никольскими свистульками домой.

Николин день престольный праздник, всегда жди гостей. Готовили ужин. Но Дионисия отказалась: она не хочет праздновать: не ей, это пусть другие!

Гости приехали. И Агрике больших трудов было уговорить Дионисию сесть за стол — «хоть для гостей».

К столу подали вино. И как будто оживилось. Вспоминают. Агрика вспомнил о своем чуде: как чудом он спасся тогда, залаяв собакой. Рассказывают о новых чудесах.

Одна Дионисия молчит: ее не развлекли гости, напротив, все чудесные рассказы только ожесточают: почему-то со всеми чудеса и все выходят сухи из воды? и тогда все спаслись — все соседи: и Шалэ и Марто и Мутоны?

«Но почему же не совершилось чуда — и допустил в свой праздник надругаться над беззащитным ребенком — —?»

А за рассказами о новых чудесах припомнились и старые, недавние. Кто-то упомянул Василия. И как только это имя сказалось громко, сразу замолчали.

И в тягчайшем молчании — это неотступное «почему же?» — это как золой в огонь все затушит — вдруг слышат: на дворе Дюк залаял.

И стало еще глуше — точно вошел кто-то в комнату и вот-вот, как тогда, «руки вверх!» — все присмирели.

И опять Дюк залаял.

— — —

Агрика поднялся из-за стола. Подошел к окну — окно блестит: ничего не видать. Прижался лбом к стеклу — холодное! А надо пойти взглянуть — с чего-то собака лает? — надо проверить. И пошел из комнаты.

И по лестнице вниз, и через стеклянную дверь — во двор.

По среди двора колодец. А кругом тесно деревья и летом цветы, теперь голые прутья. И от прутьев длинные тени к колодцу — каменный белый колодец такой белый. И у колодца на белом камне стоит — — на голове остророгая черная шапка и весь он в черном — не то это халатик, не то фартук, а в руке держит коктель — от месяца стаканчик, как зеленый листок — —

«Ведь это ж Василий! — Василий!» — хочет позвать Агрика, а не слышит своего голоса, язык одервенел, и ноги, как не свои, не стронуться ему никак, а руки, как прутья, а сердца — нет.

И Василий смотрит — куда это он смотрит?

И показалось Агрике: он силится голову нагнуть, вот и нагнул — а петушка нет. Тут опять Дюк залаял. И за лаем резко прозвенело о камень — это выпал стаканчик — и зеленая струйка живой змейкой поползла по камню.

«Где я нахожусь?» — спросил Василий и заплакал.

И голос его вывел Агрику: подошел Агрика к колодцу, взял его за руку и повел в дом.

И когда это маленькое существо в черном колпачке появилось с Агрикой в комнате — глазам не поверите! — сами стены раздвинулись и потолок улетел вверх; и ночь, а свет — золотая синь на праздничный воскресный стол.

А рассказ Василия — — Василий рассказывал о Крите — «какие на Крите елки ростут золотые яблоки!» и о сарацинах — «сарацины не крокмитэны и никого не едят, а усы из кукурузы!» и как год служил у эмира — «оберглав-дотель!» и какие у него были серебряные рога — «ан теперь никого не боится!» и маленький авто и аэроплан чурочки подымать, и как сегодня за ужином, когда он взял коктель — —

когда он держал стаканчик подать эмиру, мгновенный свет рефлектором ударил ему в глаза, и легонько коснувшись, закрутило вот

сюда в подгрудье, как заводят мотор, и он, как чурочка, поднялся на воздух; в глазах от света летели белые блестящие шарики и он летел за ними, он летел быстрее и, нагнав, увидел, что это вовсе не шарики, а звезды; и когда он увидел звезды, испугался, не понимает, где он? — и вдруг видит: сбоку из сини наклонился над ним, и он сразу узнал, это как в Соборе в окне, Николай-чудотворец. «Василий, домой я тебя отведу!» — сказал он и взял его за руку и по синей дорожке под звездами мягко и ровно, как по пляжу, пошли они: — «я тебя не оставлю!» А дорожка все уже, а звезды выше, вот и совсем пропали и только зеленая одежда подымается к небу. И тут Дюк залаял — —

Василий рассказывал, как когда-то свои страшные рогатые сны, теперь нестрашные, и каждое слово слышно было во всех уголках всеми — все его сучки и пробки — а как они соскучились: ведь целый год! и никто с ними слова не скажет! — все морские духи и «ненужные» слушали всякий на свой лад, и из каждого слова было им счастье — такое это счастье: «домой вернулся!»

И в доме еще светлее: три солнца: одно восходило над морем греть камни и Агриков виноградник, другое — вот сияет в черном колпачке! — и третье чудесное из сини за этим солнцем.

Алексей Ремизов

Carnac 1927

ЗА 800 ВЕРСТ

Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.
Марина Цветаева

Гор обугленные горбы,
Мили — до самого близкого.
Опрокинув розовые столбы,
Закат море обыскивал.

Полосы меди отточенной
Выковал запада горн.
Граниту наносят пощечины
Мокрошлепающие ладони волн.

Облаков сквозные невода,
Умирающая вода.

Туда — Камчатка,
Киты, туманов молочный напор,
Замшевая перчатка
На распяленных пальцах гор.

Туда — зеленеющие пышно,
Вулканические острова.
Народ, подкрадывающийся неслышно,
Убивая, говорящий вежливые слова.

Туда — зеленеющие пышно,
Светящиеся духи, протяжный гонг.
Гонконг,
Слоны Сиама.

А в Москве светает.
(Звонят ли в Москве колокола?)
Первого трамвая
Густая
Гудит пчела.

Из переулка такого,
Что знал — века,
Ломовика
Падающая подкова.

Ничего не знаю, какая вы!
(Видел раз в двенадцатом году).
Переливчатые цвета и вы,
Отраженная в голубом льду.

Поэтому, какая у вас комната,
Как вы открываете глаза?
Я бы все это мог выдумать (гном на то!)
Но этого нельзя...

Ночь. Ветер. Знойный и ночью.
(Летают светящиеся мухи)
Пляска шаркающих туфель волн.
(Мои глаза электрически сухи),
Ветер. Прибоя и вой и вол.

Сейчас поплыву, волной освечен,
Буду клубить под собой межу.
Вал, откатясь, обнажает плечи
Не человеку уже — моржу.

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград

Фыркаю. Камень схватил за спину.
Солоны губы. Давай! Давай!
И выгибают кошачью спину
Волны на каменный каравай.

Может быть, вглубь и торпедой до дна,
Вытянув рук голубой бугшприт,
Чтобы взорвать тот чертог подводный,
Где фосфорический свет зарыт.

Верблюд в песчаном караване, я
Покачиваюсь от ороби:
Под грохотом завоевания
Всплывают голубые проруби.

А вы сейчас пьете чай,
Прищуриваясь на строчки,
И мне — от морей, — различать
Маркизетовые цветочки.

Хорошо, что вы есть, что ваш
Голос слышен до океана,
До страны, что живет, жива
По Евангелию Иоанна.

И стихи вам и петь и вить,
Их за тысячи верст не спрячете!...
Мне в ладони мои ловить
Метеоровые их мячики.

Я стою на огне росы,
Я на берег себя причалил....
(Вы станете — ну, да, часы! —
Ведь девятый у вас вначале).

Ночь.

Суб - тропическая, синяя, жаркая.
Как танцующие слоны
Шаркают волны.
Волны,
Отпрыгнувшей прочь,
Голубоватый песок .

Ночь.

На мысок,
—Берег хвост опускает драконий,иглистый—
Шаткий от крена, —
Парус контрабандиста.

Ветер. Прожектор. Сирена.

Арсений Несмелов.

Дальний Восток
Бухта Улисс.

ОБЩЕСТВО ВОСЬМЕРКИ ПИК

«Я проснулся на жлистом рассвете
Неизвестно которого дня.»

А. Блок.

Их судьбу им предсказал еврей с длинной бородой и чудовищными красными руками. Белки его глаз были хронически воспалены; по профессии он был хиромантом и волшебником и на двери легендарного домика, в котором он жил, было написано:

« Я вам открою ваше будущее. Исаак Сифон.»

И Исаак Сифон рассказал им их судьбу. Они пришли к нему все вместе: Вася Моргун, фантазер и фальшивомонетчик, Боря Вертуненко, независимый, рисовальщик Вова, гимназистка Алферова по имени Джэн, польский поэт Казимиров, актер Баритонов, содержательница музея восковых фигур Марья Гавриловна Сироткина, которую называли Маруся - упади, и ученик пятого класса реального училища по прозвищу Молодой.

— Я вам могу рассказать каждому отдельно, что вы имеете делать — сказал Исаак Сифон. — Но как я хорошо знаю ваши расходы, то я вам скажу всем зараз. Если вы хотите, так вы можете сесть.

— Есть такое дело — сказала Джэн. Они сели. Сквозь желтую слюду окна слабо проходил свет, пыльные тетради были навалены на полу, в комнате пахло мускусом: громадные белые свечи призрачно пылали в сером воздухе. Исаак Сифон рассмотрел их ладони и сердито поглядел на Джэн, слишком медленно снимавшую перчатки. Потом он поста-

вил небольшую кастрюльку на спиртовую лампу, что то кипятил, вздыхал и бормотал по еврейски. Маруся - упади, понимавшая этот язык лучше, чем остальные, испуганным шопотом перевела:

— Он говорит: какое время, какое время!

— Лучше бы вы не родились — сказал им Исаак Сифон. — Вы, может, об'ясните мне, зачем вы родились?

— От вашего имущества останется только дым и обломки — сказал он дальше, обращаясь к Марусе. — Господин скульптор — он посмотрел на рисовальщика Вову — вы будете голодовать вашу жизнь. Барышня, — Джэн вздрогнула, — вы можете пропасть с вашей красотой, в этом я вас предупреждаю. Не смотрите на меня с улыбкой, — это он сказал Молодому, — мы с вами больше не увидимся.

— Вы имеете дело — продолжал Исаак Сифон. — Так вы не думайте, что это хорошее дело. Что я вам могу посоветовать? Есть такая линия в вашей судьбе, так было бы лучше,чтобы ее не было. Это линия преступления. Вы ее можете разорвать без совершенного усилия, вы только должны сказать сами себе: досвиданья, дорогие товарищи, потому что если мы останемся вместе, то даже Исаак Сифон нам не поможет.

— У нас нет времени, чтобы поверить Исааку Сифону — сказал Вася Моргун.

И так как Вася Моргун пользовался известным авторитетом, потому что неоднократно сидел в тюрьме и никогда не оставался там дольше, чем считал необходимым, то с ним согласились и забыли о предостережении Исаака Сифона.

И в одиннадцать часов вечера встретились, как всегда, в квартире Маруси - упади. Звонили у двери, на которой вместо визитной карточки была прибита восьмерка пик. Маруся подходила и спрашивал:

— Кто там?

Отвечали:

— Нас восемь.

Квартира Маруси была устроена как то так, что стульев, например, там не было, стояла только одна вертящаяся табуретка. Были ковры, низкие диваны, подушки, опять ковры. Гости не сидели, а лежали. Вася играл на пианино, Вова рисовал неприличные картинки и показывал их смеющейся Джэн и ахающей Марусе. Поэт Казимиров, человек немецкой культуры и славянской беспорядочности, читал наизусть Фауста и Вильяма Ратклифа. Вертуненко, самый ленивый, тихо засыпал под музыку и стихи.

В час ночи Маруся приносила вино и бутерброды. Актер Баритонов, выпив, орал монолог из «Орленка», потом путался и кричал:

— Быть или не быть? Джэн, мы ждем!

И Джэн начинала петь.

Песнь идет так:

она начинается колеблющейся нотой,
медленными, извилистыми, раскачивающимися
звуками,
затем,
звенит ровно
и сдвигает сердце
и опоясывает его
цепью тоски
и атласом крови
и судорожным чувством слез
и пронзительным ощущением
улетающих призраков памяти

Потом песнь начинает расти.

Она поднимается
и скользит
и трясет потолок
и долетает до крыш
и,
спускаясь,
доходит

до вышины человеческой груди
и струится по атласу
и бряцает цепью.

Так, по крайней мере, пела Джэн.

Обессиленные и вздрагивающие, они лежали на ковре. Из соседней комнаты слышался плач Джэи и запах эфира. Желтели электрические лампы, уступая нарождающемуся рассвету.

И когда возвращалась Джэн, Вася начинал импровизировать. Он закрывал глаза, покачивался и рассказывал истории, которые были тем неожиданнее, чем пронзительнее пела Джэн. Как все фантазеры, Вася чувствовал искусство, захлебывался музыкой и плакал.

— И вот, я увидел себя в Египте — начал Вася. Вова набросал Клеопатру с длинными глазами, ласкающую крокодила, мумию фараона в непристойной позе на пирамиде и сфинкса, который подмигивал пустыне и чесал себе лапой затылок. Он рисовал это короткими, быстрыми движениями карандаша и внизу написал:

Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.

— Запыленные образы моего прошлого — говорил Вася, — тонули в медленных волнах Нила, под неторопливой и мудрой жестокостью красного египетского солнца...

За зимними окнами изредка взвизгивали полозья саней. Сомнамбулическое бормотанье, сменявшееся медленным шопотом, беззвучно поглощалось мягкими пространствами ковров и диванов. Люстра с матовыми стеклами освещала лежащие на полу тела: черная тень Васи падала в кресла и бесшумно скользила по стенам.

Вася рассказывал, бормоча и захлебываясь, точно ныряя в черных морях своей фантазии, внезапно открывающихся под желтым светом солнц и ламп. Он рассказал, как в Египте он стал нищим, потом сделался сапожником, как

встретил красавицу, полюбил ее — и с ужасом узнал, что она его сестра. — Сюжет из Мопассана — подумал Молодой.

К пяти часам утра разговоры и крики умолкали. Долго пили чай, потом Джэн уходила в гимназию, а Молодой в реальное училище. Остальные засыпали. В десять часов Маруся шла в свой музей восковых фигур с многозначительной надписью: «только для взрослых».

Это было в далекую эпоху мечтателей, в России семнадцатого и восемнадцатого годов. Трудно сказать, на какие средства существовало бы общество восьмерки пик, если бы его образ возник в иные, более прозаические времена. Фантазер Вася, рисовальщик Вова и независимый Боря Вертуненко составляли в клубе восьмерки пик некий status in statu, отдельную компанию, сплоченную классическими единствами времени, места и действия. Вася скупал украинские карбованцы одесского производства, переделанные из бумажных полтинников, широкие листы и длинные ленты керенок. Вова и Боря были главными и ответственными их распространителями. В особенно трудные периоды Вова рисовал злободневные каррикатуры для разухабистого юмористического журнала «Жало».

Финансовым центром организации была Маруся-упади, собственница музея, квартиры и автомобиля системы «Бенц». Мужа ее, юнкера, убили на войне еще в четырнадцатом году. Деньги перешли в ее распоряжение, а она все боялась вложить их в сомнительное предприятие и не знала, что делать. Случай столкнул ее с Васей.

— Поймите, Маруся, — сказал он, — самое лучшее дело, это продажа наркотических средств и какая нибудь тихая лавочка. Вы открываете, предположим, музей восковых фигур. Вы платите кому следует и ни одна собака не сунет носа в ваше дело. Затем, так как я вижу, что вы женщина с запросами и вас не удовлетворит простое матерьяльное благополучие, мы организуем общество восьмерки пик — я давно об этом думал — и будем вас развлекать.

Разговор происходил в открытом саду «Тиволи». Хрустел гравий под ногами свободных шансонетных артисток в черных шляпах с трепещущими перьями. Со сцены куплетист во фраке пел «Это девушки все обожают». Маруся согласилась.

Вася принялся за организацию общества восьмерки пик. Боря Вертуненко и Вова - рисовальщик были первыми членами клуба. В квартире Маруси они сразу почувствовали себя, как дома, так как обоим в равной степени была безразлична среда, в которую они попадали. Актер Баритонов стал членом клуба, благодаря ошибке: в доме Маруси жили его знакомые, этажом выше клуба. Однажды, будучи беспросветно пьян, бормоча стихи и монологи, он не досчитался одного этажа. Пьяная гордость не позволила ему допустить мысль о возможности заблудиться в однозначных числах. Он ввалился в квартиру Маруси.

Вова - рисовальщик, Боря - независимый и Маруся-упади лежали на ковре и Вова показывал, как можно нарисовать кота одной линией, не отрывая карандаша от бумаги.

Актер Баритонов остановился на пороге комнаты. Он был чрезвычайно грустен. Не глядя ни на кого, он сказал с чувством:

— Снова я в сказочном старом лесу,
Липы осыпаны цветом....

Артисту Баритонову налили портвейна. Выпив, он закричал в отчаянии: — Мне двадцать лет!... и упал на пол. На утро, проснувшись, он поблагодарил Марусю в актерских, нарочито старомодных выражениях — «великодушного вашего прощения прошу, матушка» — ушел и через три дня явился уже в качестве старого знакомого. Его не прогнали.

Следующим членом общества восьмерки пик стал реалист Молодой. Вася Моргун познакомился с ним в бильярдной, проиграв ему перед этим четырнадцать партий. Он хотел расплатиться фальшивыми бумажками. Но реалист Молодой знал его давно и знал его профессию.

— Товарищ, — сказал Молодой, — ваши деньги действительно хорошо нарисованы. Только вы напрасно думаете, что меня можно дурачить. Я люблю другой сорт бумаги. Заплатите мне настоящими деньгами или вы оставите здесь вашу шубу и шапку.

Несколько постоянных посетителей, повидимому хороших знакомых Молодого, подошли к бильярду и молча остановились. Вася быстро поглядел вокруг себя и понял, что положение безнадежно.

— Такой молодой и так разговаривает — сказал Вася. — Что вы кушаете за обедом, товарищ?

— Вы мне платите деньги, товарищ Моргун, или потом вы сами будете жалеть.

— А, вы даже знаете мою фамилию? — удивился Вася. — Сколько вам лет, скажите пожалуйста?

— Скоро пятнадцать — ответил Молодой.

— Хорошо. — И Вася заплатил проигрыш настоящими деньгами. — Вы свободны? — спросил он. — Мне надо с вами поговорить.

Они вышли. Вася помолчал, потом закурил и сказал:

— Вы читали Шекспира, молодой человек? Или каких нибудь других авторов? Вы вообще что нибудь понимаете или вы сильны только в бильярде?

Молодой обиделся.

— Я читал — сказал он — Шекспира, Данте и Вольтэра. Кроме этого я читал Фейербаха, Юма, Спинозу, Шопенгауэра и еще нескольких философов, которые мало известны. В последнее время я прочел. Ницше, Гюйо, Конта, Спенсера и первые пятьдесят страниц «критики чистого разума».

— Вот как. А вы не слышали ничего про такую женщину, Марусю - упади?

— Знаю — быстро ответил Молодой. — Она имеет музей восковых фигур, но это вывеска. На самом деле она спекулирует кокаином.

— Какой талантливый — сказал Вася. — А портвейн вы любите?

— Товарищ Моргун, мне это начинает действовать на нервы.

— Извозчик! — закричал Вася.

Было около одиннадцати часов вечера. Через пятнадцать минут Молодой очутился в квартире Маруси - упади.

— Не хватает еще двух — сказал ему на следующий вечер Вася. — На вас возлагается обязанность доставить нам их в кратчайший срок.

И Молодой отправился в кафе «Кристаль». Поэты с подведенными глазами кричали свои стихи. Молодой пригласил Казимирова, поклонника Гейне, вступить в общество восьмерки пик. Тот согласился, но поставил условием, чтобы одновременно с ним приняли и Джэн. — Кто такая эта Джэн?—Казимиров,вместо ответа, прочел длинное стихотворение о девушке с рыжими волосами. Реалист нахмурился, но тоже согласился.

В Джэ исключительным был только ее голос. В остальном она почти не отличалась от русских революционных гимназисток, влюбленных в классические образы «вакханок» и политическую слепоту Шарлотты Кордэ. В общем, это был прекрасный тип женщин, лишенных многих условностей добродетели, — тип, обреченный на медленное подчинение мещанским канонам,идущего по дымящимся следам революции, неподвижного и скудного быта. Но в пролете эпох, между гибелью державного убожества дореволюционного времени и нарождением тупого лика фанатических формул нового быта, — но в пролете эпох мы не любили других женщин.

В первом протоколе общества восьмерки пик было написано:

«Мы благодарим Джэн за высокий лиризм ее песен».

Это написал Вася - фантазер, любитель торжественных фраз и строгого искусства в подделке кредитных билетов.

Второй протокол гласил следующее:

«Товарищ Джэн уполномачивается получить в главном отделении купеческого банка деньги по чеку за номером 5794 (пять тысяч семьсот девяносто четыре). Эта сумма вверяется товарищу Джэн на цели непременного привлечения в квартиру общества бывшего помещика Рандолинского».

Бывший помещик Рандолинский носил с собой бумажник, набитый иностранными кредитными билетами. Он приехал с юга. Его полная фигура и оплывшее лицо неизменно появлялись во всех веселых местах города. Его видели в« «Moulin rouge», и в коммерческом клубе, где он крупно играл в карты и в подвале «Кавказ» и в кафэ «Кристаль», куда он приходил слушать поэтов. Из общества восьмерки пик первым обратил на него внимание Молодой, который видел, как в бильярдном зале гостинницы Метрополь Рандолинский расплачивался со своим партнером золотыми монетами.

Дела общества шли неважно. Восковое неприличие музея с некоторых пор перестало действовать возбуждающе на ущербленную чувствительность граждан, за спекуляцию Маруся платила громадные взятки и денег в кассе общестянии: сообщение с Одессой прервалось благодаря зашевева оставалось мало. Вася - фальшивомонетчик был в отчалившимся южным армиям.

И общество единогласно приняло Васино предложение о непременном привлечении помещика Рандолинского.

— Необходим приток капитала со стороны — было занесено в протокол.

Поужинав в «Moulin rouge», помещик Рандолинский вышел из вращающейся двери и сейчас же увидел Джэн, одетую со специальным уличным шиком. Он ускорил шаги.

— M-lle...

Джэн испуганно посмотрела на него и пошла дальше. По пятам Рандолинскаго двигалась восьмерка пик. Через несколько минут помещик остановил лихача. Джэн обернулась, увидела внимательное лицо Васи и закрыла глаза. Восьмерка пик побежала к автомобилю Маруси, стоявшему за углом.

Когда Джэн позвонила два раза. Молодой открыл дверь. Рандолинский с удивлением посмотрел на мальчика в форменной куртке.

— Это мой брат — сказала Джэн. — Снимайте шубу.

Джэн и Рандолинский прошли в гостинную. Молодой повернул ключ и запер входную дверь.

Через несколько секунд до слуха Молодого донеслись крики. Все шло именно так, как было условлено.

— Вы не смеете! — кричала Джэн. — Вы пользуетесь тем, что в квартире нет никого,кроме моего брата, ребенка, которого вы не боитесь!

И в этот момент все члены общества восьмерки пик вошли в комнату. Кофта Джэн была разорвана, Рандолинский одной рукой держал ее кисти, другой прижимал к себе извивающееся тело. Увидев входящих, Джэн засмеялась и перестала сопротивляться.

— Нам предстоит небольшой разговор — торжественно сказал Вася, обращаясь к растерявшемуся Рандолинскому. — Вы позволили себе оскорбить девушку, вы даже порвали ей кофту. Вы вторглись в чужую квартиру.

— Но...

— Помещик Рандолинский, мы знаем, что не существует доводов, которые могли бы оправдать ваше поведение.

Для важности Вася сделал паузу.

— Мы избавляем вас от комментариев и необходимости извиняться. Взамен этого, в возмещение убытков, мы требуем ваш бумажник и категорически настаиваем на том, чтобы, передавая его нам, вы бы ничего оттуда не вынимали.

— Мой бумажник?... — сказал Рандолинский.

— Именно, ваш бумажник. В ваших носках, например, или подтяжках или даже кальсонах мы не нуждаемся.

— Но это грабеж!

— Я бы на вашем месте избегал таких определений. Вы, может быть, хотели сказать — возмещение?

— Я хотел сказать — грабеж! закричал Рандолинский.

— Боря, попроси, чтобы он не нервничал — сказал Вася.

— Помещик, не волнуйтесь.

— Я не отдам бумажника. А ты... — он обратился к Джэн и сказал нецензурное слово. Тяжелая пощечина Казимирова загорелась на его лице.

— Пусть он благодарит своего Бога — пробормотал Казимиров — если я его выпущу отсюда неискалеченным.

— Помещик Рандолинский — вмешался Вова - рисовальщик, — не подвергайте благородство нашего друга такому трудному испытанию.

— Сила ломит силу — медленно сказал, наконец, Рандолинский. Его сейчас же поддержали Вася, Вова и Молодой.

— Именно. Плетью обуха не перешибешь.

— Против рожна переть тоже не приходится.

— Один в поле не воин, знаете.

И помещик Рандолинский отдал бумажник.

— Но я вас предупреждаю, господа... — сказал он, надевая шубу.

— Мы вас тоже предупреждаем — мирно ответил Вася. —Катитесь с Богом,господин помещик. Жаль,лифт не действует, ужасно небрежная администрация дома,—никакого уважения к гостям, прямо безобразие.

На деньги, взятые у помещика Рандолинского, общество издало три номера газеты «Знамя пик». Она были за-

полнены стихами Казимирова, воспоминаниями Баритонова, отрывками из дневника Маруси - упади, литературной критикой Васи - фантазера, каррикатурами Вовы - рисовальщика, фельетонами Бори - независимого под общим заглавием «Даешь воздуху!» и политическими статьями Молодого. На третьем номере петлюровская власть газету конфисковала.

А дела все ухудшались. Россия бурлила, вскипая пузырями политических авантюр. В городах бродили шайки вооруженных властей и микроб государственности беспрерывно проростал и усиливался, расползаясь широким кольцом арестов и расстрелов. Граждане перестали думать о восковых фигурх, портвейн Маруси подходил к концу, Одесса была в руках белых, а деньги местной работы ничего не стоили и никуда не годились.

И восьмерка пик вспомнила о предостережении Исаака Сифона.

Первой их покинула Джэн. Она уезжала в Москву. Ей устроили прощальный вечер, пропитанный слезами Маруси, выкриками Баритонова и общим исступлением. Вася фантазер рассказал историю о том, как он родился скрипачем и как был убит завистливыми музыкантами в одном из глухих переулков Рима. Позже жизнь внесла свои прозаические поправки к этой вариации: она установила, что Вася родился фальшивомонетчиком и исчез в российских тюремных подвалах. А еще позже оставшиеся на свободе члены общества восьмерки пик прочли в газетах о торжественных похоронах товарища Алферовой, убитой бомбой, брошенной под ее автомобиль.

Потом скрылся поэт Казимиров и вынырнул на другом конце России, в Польше. Он говорил, что уезжает на несколько дней, но уехал совсем и даже не попрощался с членами клуба.

За ним последовал актер Баритонов. Он рыдал и кричал свои монологи и месяц спустя восьмерка пик увидела

его портрет в деникинской газете, один номер которой случайно заблудился в Республике.

Приближались, однако, совсем плохие дни. Волшебник и предсказатель, старый еврей с воспаленным глазами и чудовищными распухшими пальцами, Исаак Сифон оказался прав.

Однажды вечером, под медленное бормотанье Васи, они услышали стук прикладов в дверь. Шутить не приходилось.

— Маруся, не забывайте о черном ходе — сказал Вася. — Вам нельзя попадаться. Боря, мы стреляем одновременно. Я их задержу. Молодой, когда я скажу «Боря», вы тушите свет.

Дверь открыли. Вошло четыре милиционера. За ними показалась неторопливая фигура Рандолинского.

— Я вас предупреждал, господа — сказал он. — А где же ваша красавица?

— Мне одного жаль — ответил Вася, медленно поднимая глаза.

— А чего, интересно знать? — спросил Рандолинский.

— Мне жаль, что вы не успеете помолиться Богу. Боря!

Загремело два выстрела, Молодой потушил свет. Маруся отчаянно закричала. Вова, Боря и Молодой увлекли ее тяжелое тело, спустились по черной лестнице, пробежали полтора квартала и очутились в темных проходах самой разбойничьей окраины города, где знали каждый камень. Сам дьявол не мог бы их там найти. Ночь они провели в лачуге Тараса Барсукова, председателя сободной окраинной коммуны. На утро, проходя мимо дома Маруси, Молодой увидел разбитые восковые фигуры,валявшиеся на тротуаре. Из разговора с прохожими он узнал об аресте известного фальшивомонетчика и убийстве крупного агента тайной полиции, выдававшего себя за помещика Рандолинского.

Последний протокол общества восьмерки пик:

«По независящим от личных желаний членов клуба причинам, клуб восьмерки пик прекращает свое существование. Общество восьмерки пик отдает должное героическому поведению главного его организатора, фантазера, фальшивомонетчика и стилиста, товарища Василия Моргуна. Общество выражает единодушную благодарность Марусе - упади, иначе товарищу Сироткиной. Далее, общество резко осуждает дезертирство поэта Казимирова и измену актера Баритонова высоким принципам политической честности.

Мы склоняемся перед тенью товарища Алферовой по имени Джэн и неизменно скорбим о смерти единственной воспевательницы восьмерки пик.

Мы благодарим наших остальных товарищей за их лойальность и за постоянную солидарность перед беспрестанно возникавшими трудностями.

Товарищу Молодому мы желаем успешно продолжать свои занятия в реальном училище.

Мы признаем справедливость предсказания Исаака Сифона, человека, знающего будущее.

Общество сохраняет за каждым своим членом — в торжественных случаях его жизни — право на клятву именем восьмерки пик.

Общество перестает существовать в силу инстинкта самосохранения и в силу неблагоприятных обстоятельств. Мы расстаемся и пожимаем друг другу руки.

Именем восьмерки пик: досвиданья, товарищи!»

Гайто Газданов.

18-IV-27 Париж.

ЦЫГАНСКАЯ СКРИПКА

Перевод с чешского **Ярослава Врхлицкого.**

В белом замке нынче праздник,
Трубы, гусли, звон, как зелье,
Челядь возле полных бочек,
Сам магнат велел веселье.

Гулко в залах, в коридорах,
Пляска, с гулом полновластным,
От Токая золотого
Кровь вином пылает красным.

Эй, цыган, иди, не бойся,
Ничего, что полуголый!
Суки спят, а пан рехнулся,
Заиграй галоп веселый!

Заиграл цыган. — По первой
Он струне ударил тонкой
Острых звуков рой помчался,
Звук за звуком — искрой звонкой.

В том упрек какой - то дивный,
На костре так прутья гнутся,
Как струна звенит и плачет,
Вот - вот струны оборвутся.

Словно ветер с гиком мчится,
Следом громы вразсыпную,
Переброшенный из глуби,
Звук в струну летит другую.

Звоны, вспевы, ликованье.
Полным ходом, водопадом,
С ветром так летит по степи
Конь с конем под конокрадом.

Тихо - тихо, приутайно,
Змей ползет так после спячки,
Вой протяжный, словно волки
В ночь бегут для дикой рвачки.

Слышишь! — Нож там точит кто-то...
Звук иной, в нем жалость стонет...
Дивный шум! — Там ворон, стая,
Криком мертвого хоронят.

Чу, о виселицу крылья
Тупо бьются, рвется тело.
Ах, в тот говор сатанинский
Чья-то нежность звук свой впела.

Звук струны по залу — третьей,
Колокольчики, мечтанье,
Переливы, блески, вспышки,
Взор любви и в нем сверканье.

Соловей навзрыд распелся,
И вино пылает в кубке,
Молодой цыган воркует
До цыганочки голубки.

Тужит, ждет, истаевает,
Лик горит, томленье в теле,
Грустью тщетной, негой жгучей,
Звуки ревностью запели.

Чаш златых слыхать бряцанье,
Рыки челяди, — и дымом
Стон укора, кто-то бьется,
В чем - то он непоправимом.

Вот тоска струны четвертой,
Горьких плачей в ней истома,
В перезвоне том выносят
Тело мертвое из дома.

Вопит звук, как вихрь в равнине
Ночью в лете запоздалом, —
Словно мертвый молвит в гробе,
Шепчет голосом усталым.

Дивный вскрик! — Струною каждой
Плач владеет, выкликанье.
Скрипка — к сердцу у цыгана,
А в глазах его сверканье.

Кончил. — Полночь... Пьяны люди,
Пьян магнат, и все же с жаждой.
«Диво - песня... Расскажи - ка,
Что в струне пропело каждой?»

Посмотрел цыган на челядь,
Спят, испито тут немало, —
Пану вкрадчиво ответил,
В речи скрипка зазвучала.

«Пан вельможный не поверит,
Что в струне душа живая,
А в моей есть гнев и радость,
Говорит со мной, играя.

«Мать любил я, мать родную,
Знает Бог, меня любила,
Угодить хотела людям,
Голодая, ворожила.

«Хвать магнат ее, — на вертел, —
И поджарил, и сгорела.
Что-ж за диво, если дивно
И струна моя запела!

«У меня был брат, — предобрый, —
Конокрадом был, — бывает, —
Почему же, сам не знаю,
В петле с ветром он играет?

«Хорошо, что так он пляшет,
Сам я часто повторяю,
Да струна моя, — так глупо, —
В звук струит рыданье с краю.

«И жена была, — доселе
Помню счастье, ласки наши, —
Да пришлось ей, полуголой,
Пред магнатом млеть в чардаше.

«А за вспыхнувший румянец
Дал ей шолку, дал ей злата....
Уж о том не думать лучше,
Эта песня старовата.»

Досказал, погладил скрипку,
И к дверям, с улыбкой милой.
«Стой!» взгремел магнат. «Скажи мне,
Что в струне четвертой было?»

Стал цыган и рот осклабил,
Поглядел в окно на небо: —
«Пан вельможный, уж об этом
Говорить нам не потреба.»

Скрылся. — Пан вскочил, и челядь
Будит криком и ударом, —
Вот, — но замок был уж обнят
С четырех сторон пожаром.

К. Бальмонт

СНОВА ПО РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ НЕЛЕГАЛЬНОГО [1]

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ДЕНЬ

Весь день, как день: трудов наполнен малых
И мелочных забот.
Их вереница мимо глаз усталых
ненужно проплывет.

Мой день — день легализовавшегося нелегального — странен. «Нелегальность» моя в «легальности» проявляется тем, что у меня пока все время свободно, я могу ходить по Петербургу куда хочу, сколько хочу, могу всматриваться в быт и в толще октябрьских напластований различать блоковские и пушкинские слои. Особенно блоковские.

Я могу следить за новой жизнью, и связывать ее с прошлым, с предчувствиями и предвидениями, так ярко теперь воскресающими. И, бродя по Набережным Невы, вновь вглядываться в бессмертного фальконетовского всадника и из толпящихся в памяти рифм выделять чеканный вопрос: «Куда ты скачешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта?»

Эти набережные еще полны воспоминаний о наводнении 1924 года. И мне чудится, что оно происходило точно так, как наводнение сто лет тому назад, описанное и запечатленное навеки Пушкиным.

---

[1]) См. «Волю России» ном. 10, 1927 г.

⁂

Наш дом, как все большие дома, живет уже отстоявшейся, «налаженной» жизнью. У него — постоянный круг обязательных посетителей.

В восем утра приходит чухонка. С молоком. Также, как и раньше, молоко водой разбавляет. Чухонка... А вейки? Помните ли веек на Масляной, бравших с вас «рицать копеек»? Оказывается и теперь на оффициально не празднующуюся масленницу вейки с'езжаются в Петербург. Но просят уже не меньше рубля, жалуются, что с них за простой лошади берут много.

За чухонкой является Кондратий:

«Сиги, куры! Сиги, куры! Сиги, куры!»

Кондратий ругательски ругает «ненастоящих господ», а к бывшим «настоящим» подлизывается:

— Было времячко, а теперь что... Мелочь.

Иногда так ругает, что на покупателя страх нападает — не шпион-ли?

У Кондратия кура дороже, чем в кооперативе, но лучше. Сентябрьская кура — «два рубли». Торгуется до упада, божится, складывает и выкладывает куру и, наконец, «спускает цену»:

— Только для Вас. Ей-Богу. Вы посмотрите какая кура, сколько в ей весу. — Не кооперативная.

Приходит мужик, настоящий, из деревни. Предлагает мед. Мед гадкий, нечистый. Мужик тоже торгуется. Но цены не спускает. Мужики народ упрямый — так со своим медом и уходит.

Баба с творогом. Эта является редко. Нынче принесла сметану. У бабы свой безмен. Обманет, обмерит, нашумит. Торгуется, как на рынке. В кооперативе сметана прекрасная и дешевле. Но чтобы «не ходить», берут у нее. Конечно, коммунистка-хозяйка и за лимоном в кооператив побежит, ни за что не возьмет у частника. Так то — коммунистка.

Подымется нищенка, молоденькая, пройдет к хозяйке, распахнет халат и скажет:

— Мама, мама, смотри — не во что одеться....

А под халатом голое тело. Совершенно голое. Не постесняется и мужчины... Беженка какая-то. Который год уже ходит голая, — ничего кроме халата, — а красотка, Венера настоящая. А то выдавит из груди каплю молока:

— Ребенка кормлю...

Наберет в дому копеек и исчезнет на время.

Почтальон. Веселый, в предвкушении «чаевых». Почтальонам надо давать, — мало получают по службе. За чаевые они страшно благодарны, и уж посылку обязательно принесут на дом. А коммунисты на чай не дают...

Мужчина-почтальон принесет и газету. Женщина же поленится, обыкновенно. Впрочем, газету не всякий в доме получает. Выписывают только состоятельные, другие больше в складчину выписывают в учреждения, или читают в учреждениях.

— Угли, угли, угли!

Это угольщик по улице идет, ручную тележку с углем катит. С древесным, конечно, для самовара. Иногда подымется, принесет угля в этаж. Но чаще к нему на улицу хозяйки сходят. Торгуются, за мешок вместо рубля тридцать дают рубль двадцать, а то и рубль десять. Хотя вообще уголь продается в казенной или частной керосинной лавке. (В казенной — керосин пять копеек фунт, в частной — шесть, но она — «близко».) У угольщика уголь лучше, чем в казенной лавке. Угольщики, — говорят, — появились этим годом. А когда отношения с Англией были хороши, тогда, — вспоминают со вздохом, — покупали каменный уголь — по заказу привозили на дом — им топили, и было дешевле, чем дровами. Так англо-советский разрыв на петербуржце отразился....

И снова:

— Бутылок, банок. Бутылок, банок...

Здоровенный детина с мешком за плечами. За бутылки — для пивных заводов — дает до смешного малую

плату, а от «боржомских» — из под минеральной воды — отказывается.

И, наконец... Знакомое, такое с самого детства знакомое... Только нотой ниже, солиднее, внушительней:

— Халат, халат. Халат.

Все тот же татарин — помните «халат-халат»? Только теперь — «халат-халат» разбогател, все эти годы хорошие дела делал, торговал напропалую, и как выгодно! А потому нынешний «халат-халат» держит себя истово, важно.

Уж не он-ли попал в аристократию, в выгодного жениха, в одного из героев сегодня утром слышанной мною девичьей песни? Пела Марфуша, у соседей, на кухне:

Хотела меня мать
За писаря отдать.
Мама, мама, не хочу
Дорогая не пойду:
Писарь будет кляузы писать,
А я ему чернильницу держать.

Хотела меня мать
За татарина отдать.
Мама, мама, не хочу,
Дорогая не пойду:
Татарин будет бормотать,
А я буду хохотать.

Хотела меня мать
За комиссара отдать.
. . . . . .
. . . . . .

Девичье сердце не выдерживает, и за комиссара она идет, так как:

У него штаны галифе...

Много через руки «халат-халат» прошло всякой всячины от енотовой шубы и до этих самых галифе. Вот кому революция «в общем и целом» в прок пошла...

Еще носят татары на досках горы чувяков. Теперь, впрочем, их стали носить и русские. Чувяки раскупаются. По три рубля пара, но, поторговавшись, вы получаете их за два пятьдесят. Носятся не долго, и в квартире их валяется масса. У нашего татарина в симбирской губернии поставщик, он же только продает.

Приходит «управдома» — я стараюсь не попасться ему на глаза — спросить что нибудь. Может притти электрический контролер.

И обязательно придет книгоноша.

Книгоноша — всегда из «бывших». Бегает целый день с портфелем, туго набитым книгами. Робко, робко позвонит, войдет, говорит сладким голосом, улыбается:

— Не желаете книги? Самые новые. Есть и иностранные...

Книгонош много. Они все время приходят. Работают от библиотек и вырабатывают мало. Это все интеллигенция. Ходят, главным образом, по рекомендациям. Наша книгоноша в наш дом три раза в неделю приходит. Клиент ведь жаден до новых книг —так в теории... И бегает такая книгоноша, из «бывших» дам с книгами по четвертым, пятым этажам, а машины под'емные повсюду не действуют...

Кто на нашей лестнице возьмет эти «новейшие книги»?

— Придите через месяц...

Не бывшая же прачка, и не бывшие «аристократы»... Бывшая прачка, бывший управдом (также как и нынешний) книг не читают. Бывшие «аристократы» продают, шьют, бедствуют. Коммунисты романы презирают.

— Не желаете книги? Плата в месяц двадцать копеек, да еще рубль за носку. —

— Придите через месяц...

Нет, на нашей лестнице книгоноше не разжиться....

(Между прочим, коммунисты очень любят читать книги о... лечении, читают всякие на этот счет популярные книжки, описание курортов и тому подобное. И над ними издеваются, что «все они любят лечиться».)

*
**

Марсово поле парадов больше увидеть не может. Решетка садика при Зимнем Дворце, — если не ошибаюсь гессенская новинка Николая II, — перенесена на Марсово Поле и окружает Братскую Могилу.

Марсово Поле нынче — луг, обсаженный деревьями, на котором играют дети.

У меня здесь «приятель». Оборванный мальчишка — «беспризорный». Он обещал показать мне «дом на N... переулке», о котором не раз говорилось в ленинградских газетах. Болтая на самые разнообразные темы, мальчишка повел меня к N.... переулку.

— В Питербурги, — говорил он, размахивая руками, — беспризорному лучше. В Москве плоха-а-а. В Питирбурги, беспризорный больше из детских домов, закрывшись которые. А то убежали. И потом ни так много нас в Питирбурги.. В Питирбурги беспризорный ни хулиган. Воровать воруют среди нашего брата, а хулиганить нини-ни. В Москве нас боятся, в сторону шарахаются от беспризорных. А в Питирбурги, если попросите: — «Дяденька, подайте беспризорному. Отца-матери лишимшись, сестра на руках»... — еще и подаст который. Толька-а-а ни савецкой. Ни коммунист. Коммунист стерва-а-а, злее «мильтона»...

Мальчишка мало по малу воодушевился и рассказал массу интересного. Он оказался на редкость смышленным. Из его рассказа явствовало, что причиной более или менее добродушного отношения петербуржцев к беспризорным является именно тот «дом на N... переулке», в который он меня вел. Беспризорные перешли в нем к «продукции», к своеобразному скорняжному ремеслу. Кошек в Питере было не обобраться и «беспризорные» занялись выделкой кошачьего меха.

— На нипманов работаем — с гордостью говорил мальчишка. «Продукцией» занимаемся, — это первое.

Кошек много, давим их, — значит приносим пользу. Кошачий мех на отделку идет, — вторая польза.

И он отогнул второй палец.

— Сичас даже платить за кошку стали. Торговля.

Отогнул третий палец.

— Меньше крадем. Ни хулиганим.

Отогнул четвертый палец.

— И сами бываем при деньгах. В пивную, в кино пойдешь, папиросы, жратвы купишь. Торговля.

Был победно отогнут и пятый палец.

— А в Москве, — продолжал мальчишка, — беспризорные здорово хулиганят. Иной раз с пальцами наровит «отрубить», а то «отгрызть» сумку у гражданки. Да-а-а...

Дом «на N... переулке» недостроен, окна снаружи замурованы кирпичами. Для того, перепрыгнуть через стену мне понадобилась вся ловкость бывшего «фортуньера» — так когда-то в нашей гимназии звались особенно ловкие гимнасты. Но я был вознагражден. В ту же минуту, как мы, с другого конца спрыгнул небольшой рыжий мальчишка. В руке у него извивался порядочный пакет — какой-то предмет, обернутый в тряпки.

— Принес? Спросил мой вожатый.

«Здоровая, мать ее... Царапается».

— Сколько хочешь?

«Давай полтинник...»

— А,.... ни хочешь? и вожатый сделал живописный жест.

«Сколько даешь»?

Пакет был развернут. Великолепная, видимо оглушенная кошка, ослепительно черная, с большими зелеными глазами, с беленьким носиком, глотнула свежего воздуха и попыталась вырваться. Мой мальчишка ловко схватил ее за горло и зажал между коленками.

— Дай ему, дяденька, тридцать копеек. За меня дай.

Я дал рыжему три гривенника. Мальчишка звякнул монетами в руке и скрылся внутри недостроенного здания.

Мой вожатый разжал колени, быстро взмахнул ру-

кой, стукнул кошку головой о кирпич и, вынув из кармана ножик, стал ловко снимать шкурку.

— А мясо куда денешь?

«Тут брошу».

И он пальцем ткнул в кучу всякого мусора.

«Весной шибко вонять начало. Милиция, говорят, два раза вывозила. Меня весной в Питирбурги ни было. Я сам самарска-а-й. Ишь, ты, жирна-а-я.»

Мальчишка работал с изумительной быстротой. Последний взмах — вытер нож о тряпку, в которой принесена была злополучная кошка, трупик полетел на кучу и мой вожатый со шкуркой в руках наставительно сказал мне на прощанье:

«Ты, дяденька, теперя убирайся прочь».

— А ты куда?

«В общежитие».

И он показал вглубь здания, по направлению, где исчез рыжий.

— Так и я с тобой.

«Нивозможно. Никак нильзя. Там и на голого, и на хулиганов нарвешься. И мне попадет».

Мальчишка явно старался меня «запугать». Но делать было нечего. Некорректным быть нельзя. Я все же сделал несколько шагов за ним и видел, как его ловкая фигурка со шкуркой в руке юркнула в подвал и скрылась.

Я перепрыгнул через стену, быстро прошел по залитому солнцем переулку, и через несколько минут вышел на Невский. По проспекту звенели трамваи, неслись автомобили с начальством к Арке Главного Штаба, шли со службы бесчисленные совслужащие и в ясном небе, в осеннем петербургском небе была

. . . . . светла

Адмиралтейская игла.

⁂

Трамвайная линия № 2. — Новая Деревня — Балтийский Завод. Это примерный маршрут. То, что находится на

этом маршруте, вы встретите и на остальных маршрутах. В главных, конечно, чертах.

Итак трамвайная линия № 2.

Вагоновожатые — чаще мужчины, реже женщины.

Кондуктора — чаще женщины, реже мужчины.

Кондуктора, особенно, кондукторши, совершенно беспощадны. Попробуйте войти в вагон раньше остановки или выскочить на ходу — немедленно штраф. Три рубля! И не пробуйте спорить. Все равно не докажете. Даже, если ей показалось, что вы чуть чуть раньше вошли или вышли, когда уже замирал ход вагона, она с вас сдерет штраф. Публика по большей части промолчит, а кондукторша или довезет вас до милицейского или высвистит его с ближайшего поста и настоит на своем. Кажется известный процент со штрафной суммы поступает в ее пользу.

Кондукторша — в черной тужурке, в слишком широкой черной юбке, в форменой шапочке или платке — царствует самодержавно и строго. Повиновения требует беспрекословного.

Лопухинская улица. Пустырь. Когда-то стоял дом, теперь посредине пустыря высится полуразрушенный дымоход. Пустырь зарос травой. Рядом в четыре этажа «Фабзавуч».

Дальше — Клиника накожных болезней, принадлежащая Экспериментальному Институту.

Если вы слезете с трамвая и пойдете пешком по Лопухинской, по маршруту, то обогнув здание Экспериментального Института, попадете на Каменноостровский проспект — теперь Улица Красный Зорь. Здесь вы увидите дома, перемежающиеся с огородами.

Вместо забора — старые заржавленные, сбитые вместе листы, через которые не только не проберешься, а и не заглянешь.

Листы... Откуда эти листы? Да, с крыш разобранных домов, на месте которых раскинулись огороды.

Там, где в улицу Красных Зорь главным притоком вливается бывший Большой Проспект — теперь Проспект Карла Либкнехта, — все впрочем зовут его по старому, — вы

увидите телефонную автоматическую будку и стоянку извощиков. Тут же в небольшом количестве и «таксиморы», (москвичи их зовут «машинами»).

Площадь, образующаяся от пересечения Большого и Каменноостровского, оживлена и шумна. Выкрикивают названия газет и сенсации газетчики, заманивает к телеге с яблоками и другими фруктами краснощекий малый — у него все в порядке и милицейский, «мильтон», ему не страшен. В будке, похожей на телефонную, сидит «инвалид», торгующий папиросами по казенной цене. У инвалида «Нева» стоит двадцать одну копейку. У «бабешки» за те же лафермовские — помните фабрика Лаферм? — папиросы надо заплатить двадцать три копейки, но за то бабешку можно найти там, где нет инвалида, где нибудь на середине пролета Дворцового — Республиканского — моста.

Большой Проспект вливается (справа) на площадь сравнительно узкой улицей, выливается же из нея (влево) широкой, настоящим проспектом.

Свернем на минуту направо. Народу — толчея толчей. На углу огромный магазин: «Кооператив» металистов. В окне первой витрины — всевозможные колбасы. Дверь узка. И прямо из двери попадаешь в толпу, безпорядочно толпящуюся вокруг прилавков и представляющую контраст с правильной очередью — хвостом у кассы. Заплатив за талоны на все ваши покупки, вы получаете, наконец, у приказчика ваши четверть фунта колбасы.

В следующей комнате молочные продукты, в глубине, в третьей, висят мясные туши и снова касса. А около нея — дверь на Большой Проспект.

Здесь, на Большом, вы не увидите уже ни разрушенных домов, ни огородов, разбитых на их руинах. Но вас поразит обилие наскоро сколоченных в промежутках между шестиэтажными домами построек. Это небольшие магазинчики. Тут и пивная «пивнушка», с доносящейся из нее музыкой, и магазины живых цветов, и «писчебумажный и канцелярских принадлежностей» и т. д. и т. д. Тут

На тротуарах — женщины, торгующие конфектами, же и «кино» — «Летний», Эльдорада» и другие.

яблоками, папиросами. Вертятся шустрые, словно из ртути вылитые мальчишки. И вдруг — и женщины, и мальчишки в паническом страхе «снимаются» и несутся к боковой улице. Что произошло? Через некоторый промежуток времени с противоположной стороны появляется флегматичная фигура «мильтона», милицейскаго, грозы «торгующих без разрешения», то - есть не выбравших дорогостоющего патента.

Зайдем в грязную пивную, потребуем пива, разложим на столе четверть фунта колбасы и свой хлеб, и, хлебнув, найдем, что пиво не так-то уж вкусно.

— Что за пиво?

«Самое лучшее «Стенька Разин». Бывший Калинкин.

Может быть врет?

— Далеко ему до бывшего Калинкина.

«Не наша с вина, гражданин. Ячмень стал хуже. На заводе, сказывали мне, вырождается»...

Вырождается... То-же мне говорила баба в зеленой и про картошку.

«Стенька Разин и Красная Бавария — лучшие сорта, гражданин».

Влево от Каменноостровского Большой Проспект расширяется. Здесь большие «новые» дома. В одном из них жил когда - то и я... Дальше!

На углу толпа: рычит труба «громкоговорителя» и вдруг после какой - то речи и музыкального номера начинает выкрикивать самое интересное — цены на продукты в кооперативах. На этом углу кооператив «Пищетреста». В нем и мясная, и молочная, и гастрономическая, но покупателей — куда меньше, чем у металистов. Об'яснение: — те же продукты, но дороже. Зато, не в пример прочим, кооперативы «Пищетреста» открыты даже в воскресенье, а в будние дни вместо семи часов вечера закрываются в двенадцать часов ночи.

Дальше, по «маршруту», по Каменноостровскому к Невскому.

Ищу глазами — где, когда-то бывшая здесь маленькая библиотека польских книг?

Мне приятель сказал, что она превратилась в русскую библиотеку, и что в ней есть нужная мне книга.Какой там! была да сплыла.... В прошлом году, оказывается, переехала в здание подле «Михайловского» театра — теперь Государственного — там теперь и оперы и опереты и гвоздь сезона «Желтая Кофта».

Эти переезды советских учреждений сущее несчастье для Петербурга. Только что вы знали что то или иное учреждение «там - то», как вдруг нет его, ищи по всему городу! Используют здание, приведут его в полную негодность и вместо ремонта... переедут! Переезды советских учреждений приобрели характр какой-то болезненной — страсти. Директор одного лабораторного учреждения со слезами говорил моему приятелю:

— Все перебили.

Кочующие учреждения!...

И библиотека стала библиотекой «Лассаля», и Михайловская улица превратилась в улицу Лассаля, должно быть оттого, что у здания Городской Думы (теперь «городская станция по предварительной продаже железнодорожных билетов») и подле часовни на высокой колонне высится голова Лассаля. Точно обезглавленная голова на шесте, — на показ.

— И за что его батюшку? Али разбойник?

Шамкая говорит и крестится старушонка. Старушонка выходит из часовни, в которую, как и встарь, заходят прохожие, покупают свечи, зажигают их перед обезображенными, потерявшими свои ризы иконами. Также, как встарь, служат молебны, и поминают усопших.

В библиотеке добываю нужную книгу.

— Залогу рубль. В прошлом году плата была двадцать пять копеек. В этом году бесплатно.

Но иностранных книг не выдают, — перестали давать. Чарская, помните - ли Чарскую? — из'ята из обращения, Вербицкую не дают — при мне попросили и ту и другую и получили отказ.

*
**

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что нынче не веселый
Товарищ поп?
Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?

Остальная часть маршрута трамвайная линия № 2 — Новая Деревня — Балтийский Завод — известна. Значительную часть ее я прошел, не пробежал - ли? в день моего приезда в Петербург, когда «проспект воспоминаний» — сладко - скорбный путь от Николаевского вокзала до Зимнего Дворца воскресил в моей памяти весь сверкающий, весь заветный «1917 Год».

Я теперь в «квартале убийц», как говорит не раз со злостью моему приятелю пять лет притворяющийся коммунистом сослуживец. Улица Желябова, — бывшая Большая Конюшенная, — улица Софьи Перовской, — бывшая Малая Конюшенная, улица Халтурина, — бывшаяМиллионная, — и другие.

Здесь в церкви «Спаса на Крови» помещается «Клуб Милиции» — участковый (районный) клуб «мильтонов». Вот это и приводит в раж сослуживца моего приятеля: в «квартале **убийц**», в церкви «Спаса на **Крови**», клуб помощников **«антихристовых».** Приводит в раж, конечно, в пьяном виде. В трезвом же — это стопроцентный «сталинец», приемлющий «в общем и целом» советское государство и «пролетарскую» власть.

История превращения этой церкви в клуб примечательна.Был тут попик, очень лойяльный к соввласти, отец, кажется, Федор. Все честь честью — даже поминал на ектениях рабоче - крестьянскую власть.

А когда церковные ценности надо было сдавать, чуть - ли не сам их представил. И все шло отлично. Да, сунулись как - то случайно в церкви в какой - то чуланчик, а он полнехонек риз.... Скандал! Не только ризы, принад-

лежащие церкви, а очевидно и из других храмов. Кинулись на дом. Попика дома не было, но хозяйка набила риз полную печь, а они не горят. Накрыли. И засадили попика в тюрьму. Со «Спаса на Крови» с купола крест содрали и превратили в клуб «мильтонов».

Не всегда, впрочем, с церкви крест сдирают. С наружи все как следует, а внутри — склад муки устроен: «видишь солдатские казармы рядом».

А то спросишь:

— Когда у вас тут богослужения бывают?

«У нас в соборе служба белая, а в часовне красная, вам на какую?

ответят.

— Как так белая? как так красная?

«Белая — это служба, как по старому, красная — это по новому. С диаконисами и с попами стриженными. Вот какая красная...»

Приходила к моим хозяевам на работу монашка бывшая. Рассказывала, как намучилась, когда солдаты — редко кто скажет «красноармеец», если не советский — их из монастыря выгоняли. В дождь, на холод. Умоляли солдат переночевать оставить, не позволили.

К таким монашкам общее сочувствие, и у нерелигиозных. Ра-бо-та-ют!...

— Монахини то ведь тоже разные бывают, говорит бывшая монашка. Не зря иные толкуют, что столько, мол, монахиня багажу с собой везла, что люди диву дались.

И рассказывала монашка о тихом в десяти верстах от города монастыре, где чудотворная «Казанская» два раза в год толпы верующих собирала.

— А теперь, кто говорит, в собор попы перенесли, а кто толкует «чудной силой»...

Подростающее поколение и поколение нашей революционной эпохи ни «красной», ни «белой» церковью не увлекаются. Но обыватель постарше, а главным образом, обывательницы составляют кадры, иногда весьма восторженных почитателей.

Если бы видели, как за каким-нибудь «отцом Васи-

лием» или за «отцом Порфирием» «бабочки ходят». И булочек нанесут, и панагеи покупают, и воздуха вышивают, и «послание пастырское» — письмо — друг дружке по домам показывают: «только вам, милая,», и о проповеди тысячеустую молву разносят, и «на Иисуса Христа похож», и Златоуст — золотые уста, и кудряв, и речист, и в «глазах голубых благость»...

Иногда получит такая «бабочка» - мироносица пастырское письмо из провинции подстоличной — там часто главные «отцы» гремят. Послание серьезное, а в конце приписка:

«справьтесь — сколько в столице панагея стоит?»

В ответ, конечно, летит:

«панагея заказана, задаток внесла, остается вам доплатить...»

А на ответ — пастырский ответ:

«благодарность большая»,

и о деньгах ни слова...

Время проходит, заказ готов. Ходит «бабочка» пригорюнившись: и панагея хороша, и деньги, что внесены пропадут, и пастырь не пишет. «Бабочка» мужа и детей без обеда оставит, побежит на толкучку — что нибудь продать, а все же панагею выкупит и пастырскую благодарность получит.

Одну такую развязку пастырской двухмесячной переписки мне самому наблюдать в эти дни пришлось.

Чем, казалось бы, не жизнь?

Правда в провинции, в монастырях, только те монахи остались, которые «на земле». Но в городе, в Петербурге — куда лучше. И рукоположение быстрое, — от пономаря до дьякона путь недолог. Верно и то, что в приходе, чаще в соседнем, говорят:

— Недавно сапожником был, а ныне «священством» стал.

ну, да ведь, это от зависти.

Правда перед церковью выбора мало — действительно, тот, кто в церковь подпевать ходит, и священный чин получить может.

Это легкое производство псаломщиков, диаконов священников, имеет какое-то сходство с такими же скороспелыми продвижениями по службе у коммунистов.

А хоры в церквах дивные... Обедни Чайковского! И поют их больше девушки. Да не какие нибудь, а бонтонные.

Выйдет отец Порфирий — в штатском, идет по улице, где нибудь на Васильевском Острове. А вокруг «бабочки» — поклонницы вьются. И до того вьются, до того по городу весть об «отце» разнесут, что, глядишь, ГПУ в один прекрасный день нагрянет, арестует, на Шпалерную засадит. А оттуда — в Соловки...

«Чересчур популярен стал».

***

Обедал я у знакомых приятеля, истинного моего положения не знающих. Обедал поздно, в семь часов. В Петербурге «служащие» обедают по окончании службы. А служба кончается в четыре с половиной, или в пять часов. Рабочий день служащих или шести часовой, или восьмичасовой (в конторах при заводе.)

Обед обычный: суп, котлеты.

За обедом разговоры. И разговоры обычные. О ценах, о том, что скоро осени конец, что зимой замерзнут краны, что дрова дороги, что уже время петь:

Мама, мама, что мы будем делать,
Когда наступят зимни холода.
У тебя нет теплого платочка,
У меня нет зимняго пальта.

Жгучая тема — о подлеце «управдоме», о кражах в правлении «жилтоварищества», о новом жильце, вселенном к нижним по той же лестнице, о том, что вселенный — «номерной», или иначе «партийный», и что жена у него не живет с ним и в церковь ходит. И еще страстно говорят о вещах в квартире, которые никак не укараулишь — жильцы оттягивают в свою пользу. И о том, что надо-

ели взносы на Авиохим и на Доброхим. И, наконец, гадают «свои собаки раздерутся - ли?» — кто победит — оппозиция или аппаратчики? — и приходят к единодушному выводу: аппаратчики.

И незаметно переходят на анекдоты. Рассказывают старый — еще в мое время в иной вариации известный — анекдот о клоунах: «Бим и Бом»:

«Цирк. На сцену выходит, таща на спине большущую корзину Бим.

Бом садится посередине. Бим возле него. Вытаскивают по краюхе хлеба и начинают жевать с причмакиванием, с ужимками.

Публика молча наблюдает, ждет. Бом медленно, основательно прожевывает и, обращаясь к начинающей проявлять нетерпение публике, говорит:

«Мы жуем и молчим».

Молчание.

«А, вы то хороши! и не едите, и все таки молчите»...

Аплодисменты. Потом Бим начинает вытаскивать из корзины вещи.

«Что ты делаешь, Бим?»

— Переезжаю, Бом. Чем смотреть, лучше помоги.

Бим хватает портрет.

«Стой, постой братец! Надо подумать, кого повесить раньше — Троцкого или Сталина?»

(В мое время спрашивали: Ленина или Троцкого?) Публика в восторге. А у ворот цирка, говорит рассказчик, стоит карета, Бим и Бома увозят... в Бутырки. (Для петербуржцев **действие, конечно,** происходит в Москве).

«Что давно вас не было? спрашивают сторожа: мы уже соскучились по вас».

Идет чад с кухни от примуса. Монотонно льется рассказ за рассказом, анекдот за анекдотом, и обывательская серая, тусклая жизнь развертывается передо мною во всей ее без'исходной скуке.

От надвигающегося десятилетняго юбилея «великого октября» ждут увеличения жалования, («вряд-ли!») скид-

ки всяких недоимок (тоже «вряд-ли»), крупчатки на пирог («наверное»).

Пора и честь знать, я ухожу. И решаю завершить мой «примерный» ленинградский день каким нибудь развлечением. У меня на выбор: или пойти на «танцульку», или в «киношку», или в «бар».

«Танцулька» — сегодня у одних знакомых знакомого моего знакомого. Но это все равно. Общий закон танцулек одинаков. На частной квартире, в какой нибудь бывшей большой зале устраивается танцулька. Приглашенные складываются по два рубля с персоны. И приходит настоящий «тапер», с двенадцати ночи до восьми утра играющий «фокс-троты, «светит месяц», вальс «Венеция», мазурку и новые мне неизвестные танцы с прихлопыванием и своеобразными названиями.

Бывает и ужин до танцев, часов в десять — для гостей, участвующих во взносах.

Бывает и водка — в углу какой либо комнаты, куда удаляются привеллигированные.

Бывает и пенье — гвоздь вечера — какой нибудь особы с голосом.

Бывает и мелодекламация какой нибудь особы без голоса.

(Более интимные танцульки тоже с танцами, во время чьих либо имянин. Тоже в складчину, но копеек по тридцать. Нижние жильцы прибегают делать скандал или жалуются утром правлению: — спать не дают.)

Нет, не пойду я на «танцульку»!

Не пойду я и в «бар», переполненный молодежью. Там музыка, концерт, относительно чисто. И стоит дым коромыслом.

Сегодня я пойду в «пивнушку». Благо их не оберешься. На каждом углу. И все полным полны. В них масса простого люду, и атмосфера душевнее.

И я отправился обратно, но уже в трамвае, на Петроградскую — не Ленинградскую — Сторону. Пойду в «нашу», угловую пивную.

И, действительно, хорошо сделал.В нашей «пивнушке»

собралась вся домовая аристократия — и наш «управдом» (которого скоро выгонят за растрату, уже обнаруженную, предварительно дав ему время пополнить недостающую сумму), и бывший первый управдом — из подвального этажа, токарь по металу — и дворник, забывший ненависть к преемникам (он тоже был управдомом), утешающийся в пьяном виде тем, что он «георгиевский кавалер», и бывший, разжалованный нынче, дворник, у которого дочь трамваем переехало...

Здесь в пиве забывается фронда по отношению к председателю правления, к деловому комитету, и прочим начальствам. Здесь управдом, нынешний, пропивает деньги с квартир. И льются дружеские беседы. И делаются признания, домовые тайны открываются.

Но кроме этой, нашей домовой аристократии, в пивнушке много интересного народу — все больше люди среднего возраста.

Здесь в пивнушке ругают власть не стесняясь: начиная с месткома до самого Кремля доходят.

Я сижу в табачном дыму, терпко пахнет пивом, тускло светит сквозь дым и какой то пар электрическая лампочка, позванивают стаканы, мелькает непрестанно услужающая девка, и стуча кулаком по столу доказывает, предназначенный к «вышибке» управдом:

— Все до одного воры, растратчики-и-и...

И мне невольно лезут в голову несуразные, невяжущиеся с действительностью, с пивнушкой со всем ленинградским днем, созданные скоро десять лет тому назад — великим поэтом строфы:

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

Петроград. Сентябрь 1927 г.

(Продолжение следует)

Глеб Гонцов

(Продолжение следует)

СУД НАД ПЕТЛЮРОЙ И ШВАРЦБАРДОМ

Автор этих строк в качестве журналиста прослушал дело об убийстве С. В. Петлюры с начала до конца. Предлагаемые строки являются поэтому подведением итога тем непосредственным впечатлениям, какие сложились у автора во время слушания дела. На французской земле, перед чужими людьми ожили страдания и страсти, вошедшие рубежом в нашу историю и в нашу жизнь. Еще долго они будут жизнью прежде, чем окончательно стать историей, и этим оправдывается появление этих строк. Я хотел бы только еще раз указать, что это — впечатления и только впечатления.

1. ПОДСУДИМЫЙ

1. Смех

По прочтении обвинительного акта и выполнения ряда длинных и утомительных формальностей председатель суда Флори обратился к Шварцбарду.

Шварцбард встал, даже не встал, а вскочил, неестественно вытянув голову вперед. Невысокий, худой, с гладко причесанными назад волосами, в сером аккуратном костюме, вообще, весь аккуратный и вытянутый, он начал рассказывать, как решил убить Петлюру и как привел свой замысел в исполнение.

Он говорил по французски. Но ни французский язык, ни ленточка военного ордена в петлице, ни аккуратно подстриженные усы, ни платочек, торчащий из кармана пиджака, не могли скрыть в нем то, о чем постоянно напоминал его гортанный, высокий, переходящий иногда в крик, голос. Это говорил еврей, только еврей, желавший быть евреем и чувствовавший себя орудием еврейского мщения.

В его глазах, в его тоне была ненависть, не смягченная убийством, было чувство правоты, не знающее ни сомнения, ни колебания, была даже гордость. Он не сказал этого, но это слышалось в каждом его слове:

— Нельзя говорить обо мне, как о преступнике. Я совершил не убийство, я совершил подвиг.

Иногда казалось, что этот еврей в какие-то ночные часы, сидя в тюрьме, становился вдвойне евреем, надевал на себя белый молитвенный талес и горячо благодарил Бога, что вот он, Шварцбард, сподобился великой милости, что вот ему выпало это счастье — стать мстителем, судьей, палачом наибольшего преступника перед еврейским народом. Образы библейских евреев несомненно владели Шварцбардом. Он даже сравнил себя раз с Маккавеем, отвечая на один вопрос председателя. Отвечая на другой вопрос, он сказал:

— Франция жила 40 лет, пока вернула Эльзас и Лотарингию, а я ждал шесть лет, пока мне удалось убить Петлюру.

Огромные исторические сравнения надобны были ему для оценки того, что он сделал. И бедными человеческими словами он так формулировал свою напряженность:

— Я убил убийцу.

Вытянув голову вперед, он рассказывал, как произошло убийство. Высокие ноты, звучащие в его голосе, когда он говорил о погромах и насилиях, пропали. Почти задушевно, тихо и очень спокойно он об'яснял:

— Я подбежал к Петлюре и спросил его: «Вы — Петлюра?». Он обернулся и посмотрел на меня. Я снова спросил его: «Вы — пан Петлюра?». Но я уже знал, что это он....

И Шварцбард стал говорить быстро - быстро, сжимая руку, точно держа в руке ровольвер, точно вновь убивая Петлюру; и говоря, он все время надавливал пальцем невидимую собачку:

— Я выпустил пять пуль. Вы знаете, револьвер был автоматический, и пули вылетали одна за другой...

Петлюра упал.... И в речи Шварцбарда послышался легкий смешок удовлетворения, может быть, радости, может быть, даже счастья.

На столе под стеклянным колпаком — среди вещественных доказательств — лежит черный револьвер. Тот самый. Глядя против себя, — прямо на револьвер, — в черном трауре сидит вдова Петлюры и слушает показания Шварцбарда. А Шварцбард почти обращаясь к ней, об'ясняет, и в голосе его опять слышен смешок:

Я — не сомневался, что мои поиски увенчались успехом.

И уже не смешок, который казался странным, истерическим, как всхлипывание, а смех — настоящий смех — сопровождает рассказ Шварцбарда:

— О! Я был убежден, что мои пули в него хорошо вошли... Когда Петлюра упал, я твердо знал, что он — мертв...

Весь зал шарахнулся — судьи и фотографы, журналисты и жандармы, и даже не от самых этих слов, а от того, что Шварцбард смеялся. А он продолжал смеяться, как смеются дети или разбойники. Неподвижно, как изваяние, сидела только вдова Петлюры.

Во все остальное течение процесса Шварцбард больше не смеялся. Все напряженнее становились его реплики. К концу процесса он плакал, когда одна из жертв погромов рассказывала о Проскурове. Но вот в ту секунду, восстанавливая картину убийства, он был счастлив, и кто знает, не был ли этот момент самым счастливым в его жизни? Это был такой смех.

2. Его прошлое

Я передаю свое первое впечатление о Шварцбарде так, как оно складывалось непосредственно во время его показаний. Было в его показании такое, что отталкивало, и такое, что покоряло — безобразное и почти библейское. Кто этот напоенный местью до крайнего предела человек? Фанатик, способный на огне сжечь свою руку, или лавочник, чувствующий себя на пьедестале, чуждый простым человеческим чувствам и заранее уверенный в своем оправдании?

Лавочником и при том — с уголовным прошлым хотел показать Шварцбарда адвокат вдовы Петлюры Кампэнки (а не Кампинчи, как его называли в русской печати), тонкий, блестящий и умный адвокат.

— Шварцбард, — обратился он к Шварцбарду, — какое право имеете вы быть мстителем и судьей? Для такого дела идут с чистыми руками. А вы? Что вы можете нам сказать о своем прошлом? Почему вы были в 1908 г. приговорены в Вене за кражу к четырем месяцам принудительных работ? Почему вас за уголовное прошлое выслали из Будапешта? Разве вам пристала та роль, которую вы взяли на себя?

Шварцбард начинает об'яснять. Он говорит долго, подробно и чрезвычайно обстоятельно, даже подозрительно обстоятельно. Он был без работы, бродил пешком по Австрии, голодал, ютился в ночлежных домах и на больших дорогах. В его тоне уже нет уверенности, нет такой четкости и ясности, как в рассказе об убийстве Петлюры. Это — другой Шварцбард. Может быть, и верно все то, что он говорит, но не убедительно.

Да, его приговорили к четырем месяцам принудительных работ за кражу. Но это чистейший произвол. Однажды кельнер

ему позволил переночевать в одном кафе. Утром кельнер ушел, украв что-то у хозяина, а хозяин обвинил Шварцбарда в краже. Его арестовали....

— Кстати, вы арестованы были по подложному паспорту? — спрашивает Кампэнки.

— Да...

— Продолжайте....

При Шварцбарде оказались две анархические книги. Хорошо известно, какой режим был тогда в Австрии. И его осудили хотя он был и невинен.

— Какие книги у вас нашли?

— Одна из них Штирнера — «Единственный и его собственность». Названия другой я не помню.

— Вы были анархистом?

— Да.

— Вы и теперь анархист?

— Да.

Кампэнки ставит ряд вопросов.

— В Австрии был полицейский режим. Это верно. В Австрии хватали бездомных и беспаспортных. Это тоже верно. Но таких иностранцев высылали. Почему Шварцбарда обвинили в краже? Почему суд признал это обвинение доказанным? Почему у Шварцбарда был подложный паспорт? Анархистов в старой Австрии сажали в тюрьму, как анархистов, но их не присуждали к принудительным работам за кражу. Справка, полученная в австрийском министерстве уже теперь, во время процесса, справка данная правительством новой Австрии, не оставляет сомнения в том, что суд признал обвинение Шварцбарда в краже доказанным.

— В этом нет ничего удивительного, — возражает защитник Шварцбарда Торрес, — австрийцы и немцы — союзники Петлюры, друзья и даже изобретатели украинского движения, и вполне понятно, что они хотят скомпрометировать убийцу Петлюры.

Возможно....

3. «Мелочи»

Петлюра упал между вторым и третьим выстрелом. Шварцбард выпустил семь пуль, но из них пять попало в убитого. Все свидетели очевидцы совершенно согласно рисуют сцену убийства. Раненый Петлюра лежал на земле, он что-то говорил или стонал, а Шварцбард продолжал стрелять в него — с остервенением, с яростью.

— Я не стрелял в лежачего, — возражал против этого все время Шварцбард.

Но очевидно, что Шварцбард либо не помнит, либо отрицает то, что было. Шварцбард все-таки стрелял в лежачего. Конечно, в этом нет ничего удивительного, если вспомнить, в каком исступленном состоянии находился тогда Шварцбард. Но удивительно другое. Удивительна та настойчивость, с какой он отрицает и показания свидетелей, и данныя вскрытия. Какое это имеет значение для Шварцбарда? Почему этот человек, только что смеявшийся от удовольствия, радовавшийся тому, что его пули хорошо вошли, придает значение этому факту? Но он упрся. Он не хочет, чтобы его считали способным на стрельбу в беззащитного.

Опять непонятно: ведь не вызывал же Шварцбард Петлюру на дуэль. Он стрелял и хотел убить на улице безоружного человека. И Кампэнки спрашивает:

— Вы стреляли, окликнув вашу жертву и не дав ей возможности опомниться. Вы называете это мужественным поступком?

Шварцбард:

— Я крикнул ему: «Защищайся, сволочь!».

Кампэнки:

— И выстрелили, не дожидаясь ответа, даже если допустить, что вы действительно это сказали?

Шварцбард:

— Он хотел замахнуться на меня палкой...

И опять перед нами — другой Шварцбард. Он считал себя судьей, он выслеживал Петлюру, желая его убить, казнить, а палач не говорит казнимому: «Защищайся!». После первых показаний Шварцбарда было бы понятно и психологически оправдано, если бы он топтал ногами убитого, бил бы труп по лицу, стрелял бы в мертвого, чтобы вернее было. По существу, он в мертвого и стрелял. И в ту минуту, и после ареста он находился в состоянии восторга от убийства, он обнял полицейского комиссара и пожал ему руку, когда тот сообщил, что Петлюра умер.

«Защищайся, сволочь!» появилось потом. Этого не было на предварительном следствии. На суде Шварцбард почувствовал себя героем и рыцарем, а рыцарь по его понятиям, не может стрелять в лежачего. Библейское переплелось с современным, с самым современным, с кинематографическим представлением о благородстве, — и разве во фразе «Защищайся, сволочь!» нельзя узнать обычной реплики всех благородных и замечательных героев всех роковых и трагических романов и фильм?

И Шварцбард с необыкновенным упорством отрицал показания буквально всех очевидцев, и спор его с Кампэнки принимал порой характер торговли.

Кампэнки:

— Вы рады, что убили Петлюру и продолжаете теперь радоваться?

Шварцбард:

— Очень рад.

Кампэнки:

— Почему же вы теперь спорите и торгуетесь о мелочах? Это недостойно человека, полагающего, что он вознес себя на пьедестал национального героя.

Для Кампэнки это — мелочь, хотя он всячески на этой мелочи спекулировал. Для Кампэнки, но не для Шварцбарда. И Шварцбард, который еще так недавно был страшен, стал немного жалок и смешон.

4. Часовщик

В 1920 году Шварцбард вернулся во Францию. Он был на войне, был ранен, дважды награжден военным орденом, его храбрость специально отмечалась в военных приказах. Он побывал в России, пережил погромы, выбрался из России, поселился в Париже, принял французское гражданство и стал часовщиком. В небольшой лавочке он чинил и продавал кольца и дешевые драгоценности.

В том, что Шварбард — часовщик есть своя — почти таинственная — оправданность. Сколько средне - вековых легенд связано с часовщиками. Живет вот мирный часовщик, заводит часы, читает по ночам толстые книги, помогает бедным и любуется своей красавицей дочерью. И, конечно, знатный рыцарь обесчестил его дочь. Часовщик ему мстит.

Шварцбард в своей психологии судьи был тоже мстителем за поруганную честь дочери. И должно было случиться так, что он тоже был часовщиком.

В своем квартале он жил мирно, спокойно, как настоящий буржуа. 2000 его соседей по кварталу прислали Торресу заявление, характеризующее Шварцбарда с самой лучшей стороны. Он помогал многим. Когда с Украины привезли детей, оставшихся сиротами после погрома, Шварцбард был первым, кто взял на себя расходы по содержанию одного ребенка, несмотря на ограниченные средства. Он долгое время не убивал Петлюры, потому что Петлюра всегда находился в обществе жены и дочери.

— В ноябре или в декабре 1925 года, — начал свои об'яснения на суде Шварцбард, — я встретился с одним офицером, лежавшим в венерическом отделении одного парижского госпиталя. Он сообщил мне, что с ним в госпитале лежало два русских офицера. Эти офицеры с гордостью рассказывали о своих под-

вигах во время погромов. Один из них хвастался тем, что изнасиловал 35 евреек. Другой — тем, что лишил невинности 16 евреек и после насилия их зарубил.

Этот рассказ был тем стимулом, который толкнул Шварцбарда на решение убить Петлюру. После этого рассказа участь Петлюры была решена. И замечательно, что свои об'яснения на суде Шварцбард начал с этого рассказа.

Часовщик, почти средне-вековый мститель, испорченный современностью — кинематографом, войной и анархизмом, схоласт и талмудист по самому складу своего мышления, но нервный и истерический человек. Шварцбард потому так разно держал себя на суде, что весь создан из этих противоречий.

Он много читал, изучал еврейский вопрос, постоянно бывал в библиотеке св. Женевьевы, и даже Петлюру он встретил потому, что часто ходил в библиотеку. И когда присяжные вернулись из совещательной комнаты и сказали: «Нет, невиновен!», Шварцбард разрыдался, обнимая своего защитника. В эту секунду он уже не чувствовал себя героем, вознесенным на пьедестал во время вредного и ненужного процесса. В эту минуту, он думал, вероятно, что собирание часовых колесиков и винтов, спокойная жизнь в своей лавке, хождение в библиотеку св. Женевьевы, и вообще житейское небытие много лучше и проще, чем мучительная напряженность, сознание ответственности и желание быть на высоте. Громкий процесс, адвокаты, мобилизация общественного мнения испортили этого часовщика так же, как прежде война, кинематограф и анархизм. Может быть, теперь он будет забыт. И это будет лучше и для него, и для нас.

5. Интервью с жандармом

В зале суда в течение всего процесса находилось несколько десятков жандармов, так как существовало предположение, что будут беспорядки и столкновения. Это были одни и те же лица, и мы знали друг друга в лицо. Жандармы все время следили за ходом дела и были вполне в курсе того, о чем шла речь.

Незадолго до приговора я решил проинтервьюировать одного жандарма. Я остановился на нем, как на добросовестном и совершенном французе с пушистыми, настоящими усами, с орденом в петличке, с золотыми галунами. Это был живой, любезный человек, но с чувством собственного, так сказать, двойного достоинства: француза и жандарма.

Мы закурили в корридоре во время перерыва, и я спросил его:

— Скажите, что вы думаете о деле Шварцбарда?

— Я оффициальное лицо, — ответил жандарм. — И мне не следует высказывать суждения по этому делу.

После этого — до известной степени — обязательного замечания жандарм сразу перестал себя чувствовать оффициальным лицом и продолжал:

— Но как частный человек, вы только хорошо поймите меня, как частный человек, как француз, я скажу вам: это дело нас не касается.

— То-есть, как не касается?

— Это нас не касается. Вы понимаете, это еврейское дело. Я — не еврей, я — француз. О, это не политическое дело. Шварцбард — не большевик. Шварцбард — еврей, и это еврейское дело, исключительно еврейское дело. И если бы Шварцбард убил Петлюру на Украине или в Польше, то я сам бы пришел к нему и пожал бы ему руку.

Жандарм задумался.

— Да, эти погромы. Вы понимаете, насилия над женщинами и убийство детей. Может быть, Петлюра и не хотел погромов, но Шварцбард имел право его убить. Но только на Украине, а не во Франции...

— И затем, — продолжал жандарм, — вы подумайте, Шварцбард - француз. Он дрался на фронте, он был ранен за Францию. Поэтому мне нет дела, еврей он или нет, но для меня важно, что он — француз. Как француз, вы понимаете, он не имел права убивать в Париже. Это еврейское дело, а нас, французов, не касается. И здесь в Париже для Шварцбарда должно быть важнее, что он француз, чем то, что он — еврей.

— А какой бы вы приговор вынесли Шварцбарду, если бы вы были присяжным?

— Мне очень трудно ответить на этот вопрос, — сказал жандарм. — Если бы Шварцбард был евреем, я бы его оправдал. Но так как он француз, его надо судить. Но надо ему дать самое маленькое, вы понимаете, самое маленькое наказание... Не забудьте, пожалуйста, что это мое мнение, как частного лица и француза....

«Идут присяжные» — послышались голоса. Надо было итти в зал. Присяжные решили иначе, чем жандарм, вероятно, потому что они увидели в Шварцбарде еврея, а не француза. Но после разговора с жандармом я уже не сомневался в их вердикте.

II. СВИДЕТЕЛИ

1. *Coup de théatre*

Перед судом должно было пройти 180 свидетелей. К счастью, их прошло всего около 30. Оба адвоката — и Торрес, и Кампэнки — поняли, что вопрос всей массы свидетелей совершенно излишен. По настоящему, свидетелей было немного. Это — те несколько человек, которые находились на бульваре Сен-Мишель в момент убийства. Допрос этих очевидцев занял очень мало времени, и показания их имели второстепенное значение, так как Шварцбард не отрицал факта убийства и брал на себя за него полную ответственность. Выяснять свидетельскими показаниями, собственно говоря, было нечего.

Главная масса свидетелей была не свидетелями, а экспертами Одни из них должны были доказывать непричастность Петлюры к погромам,ъ другие, напротив, обвинять его и дать картину погромов. Но самое существенное было уже сказано в первую неделю процесса. В дальнейшем свидетели начали повторяться. Все они никак не могли уяснить себе того, что суд есть суд, а не парламент, не исторический конгресс, не политическое собрание. Для суда, в особенности, для иностранного суда важно понимание событий в основном, а не тщательность и обстоятельность в подборе фактов. Вряд ли присяжные могли разобраться в этом хаосе событий, имен, титулов. Даже адвокаты, превосходно изучившие дело, все-таки не всегда все себе ясно представляли. Адвокат вдовы Петлюры упорно именовал покойного украинского политического деятеля «гет маном», хотя, насколько известно, этого титула у Петлюры не было. Другой адвокат в своей речи характерно обмолвился и о Чичерине сказал: «атаман Чичерин». Торрес украинца А. Я. Шульгина спутал с В. В. Шульгиным. Много было таких мелочей.

Бесконечный допрос свидетелей только мешал присяжным разобраться в главном вопросе: несет ли С. В. Петлюра личную ответственность за погромы? Надо признать, что — по всей видимости — суд без большой симпатии относился к Шварцбарду. И когда стало очевидно, что у присяжных созрел ответ на основной вопрос, допрос дальнейших свидетелей был просто ненужен.

И в этот момент Торрес устроил свой coup de théâtre, проведенный им настолько эффектно, что даже многие искушенные люди приняли его в серьез. Как известно, он неожиданно предложил прервать допрос свидетелей и приступить к прениям сторон. Это предложение произвело очень большое впечат-

ление,особенно,на недопрошенных еще свидетелей, усиленно готовившихся к своим показаниям и считавших, разумеется, что их то показания и являются самыми важными. Предложение Торреса было совершенно неожиданно, как для комитета защиты Шварцбарда, так и для украинцев.

Но французы-европейцы просто перехитрили и украинцев, и евреев. У французских адвокатов, как всегда, оказалось сильно развитым чувство меры: они видят перед собой цель и они не могут разговаривать до бесконечности.

Теперь уже не секрет, что свой театральный эффект Торрес устроил с ведома и одобрения Кампэнки. Два адвоката держащиеся прямо противоположных политических взглядов, яростно борющиеся между собой на суде, в личной жизни являются друзьями. В пылу азарта, когда шла судебная перепалка, Торрес не раз обращался к Кампэнки на «ты» и вызвал даже замечание Кампэнки, что такое обращение в оффициальном судебном заседании не совсем удобно.

Торрес, конечно, знал, что по вопросу об ответственности Петлюры за погромы у присяжных уже сложилось свое мнение, и что оправдание Шварцбарда поэтому не подлежит сомнению. Для чего же затягивать процесс еще на три недели? Не сомневался в этом после восьми дней процесса и Кампэнки. Мало того. Было заметно, что в некоторых пунктах Кампэнки под влиянием допроса свидетелей сам изменил свою точку зрения и начал отказываться от некоторых положений, защищавшихся им в начале и навязанных ему очевидно украинцами. Так, к концу процесса он совершенно отказался от того, что Шварцбард был агентом большевиков. И его последняя речь на суде была неожиданно мягка по отношению к Шварцбарду и была посвящена доказательству того, что Петлюра лично не был ни погромщиком, ни антисемитом. Для чего тянуть безнадежное дело? И Кампэнки принял предложение Торреса

После закрытия заседания, когда судебное следствие было об'явлено законченным, председатель Флори, улыбаясь, сказал:

— Это — государственный переворот, заранее условленный...

В этот же день утром жена Шварцбарда, проходя во время перерыва по корридору, увидела Торреса и Кампэнки. Оба стояли у окна и вели оживленный разговор. Когда госпожа Шварцбард подошла поближе, она услышала, как Торрес, хлопнув Кампэнки по плечу, сказал:

— Итак решено?

—Я согласен, Торрес.

В панике госпожа Шварцбард бросилась в комитет защиты, оттуда к Торресу:

— В чем дело?

Торрес даже обиделся:

— Имею я право, наконец, разговаривать с моим коллегой?

Все успокоились. А вечером Торрес оборвал процесс.

В этом было то европейское, что все еще остается чуждым нам. Но это европейское было заметно и в другом.

2. Англичанин Смит.

Англичанин Смит проходил как раз по бульвару Сен-Мишель в момент убийства и был поэтому одним из немногих свидетелей-очевидцев. Ему — 68 лет. Он — крепкий и живой старик, говорящий необычно громко и выразительно, с большим пафосом и энергией. По профессии — он учитель английского языка, давно живет в Париже и хорошо говорит по французски.

Он — англичанин и очень гордится тем, что он англичанин. С первых же слов он счел необходимым доложить об этом суду.

— Когда Петлюра упал, — рассказывает присяжным Смит, — я подбежал к человеку в белом рабочем костюме и крикнул ему: «убийца!». Но Шварцбард ответил мне: «Нет, я убил убийцу». — «Негодяй, ты сам — убийца» — закричал я ему. И я посмотрел на него...

Смит протягивает обе руки, поднимает голову, пристально и испытующе глядит на одного из присяжных, сидящих впереди — толстого седого человека с короткой шеей. Видно, как присяжный смущается от этого взгляда, и как краснеет его шея. И так же глядя на него в упор, Смит продолжает:

— Я — большой физиономист, господа судьи. Я пятьдесят лет смотрю в человеческие глаза. Я никогда не ошибался. И посмотрев Шварцбарду в глаза (присяжный с короткой шеей облегченно вздыхает), я понял... Я понял, что это — не убийца, а судья. Его глаза горели, и у него был вид судьи.

Англичанин Смит начинает цитировать Шекспира. Какой англичанин и какой учитель может обойтись без цитаты из Шекспира?

— Когда я узнал, — продолжает Смит, — что Шварцбард мстил за свой народ, я понял, что я не даром пятьдесят лет смотрел в человеческие глаза...

Показания Смита переходят в защитительную речь, которую он кончает таким образом:

— Я — англичанин. Но если бы я встретил палача своего народа, я поступил бы точно так же, как Шварцбард.

И самое примечательное в показаниях Смита было не то, что он начал и кончил свои показания утверждением факта: «Я — англичанин». Нас, русских, должно было поразить другое: независимость и свобода, с какой он говорил на суде, обращался к присяжным и к председателю. Как особенно контрастны были после показаний Смита свидетели украинцы и евреи!

Почти все они, подходя к свидетельскому барьеру, имели — как бы это сказать — неестественный и даже несколько подобострастный вид. Когда человек, которому Господь Бог дал голосину, способную загасить свечу, или другой человек, бывший у петлюровцев председателем военно-полевого суда (вы себе представляете?), говорят неестественно ласково и заискивающе, обнаруживая свой страх перед начальством, то это наше — российское.

Один из свидетелей-украинцев (А. Я. Шульгин) пытался держать себя независимо, но в его поведении не было той европейской свободы, которая всегда вежлива, и его независимость все время переходила в грубость. Только М. Л. Гольдштейн держал себя, как европеец, с той непринужденностью, которая никогда не переходит ни в грубость, ни в подобострастие. Зато, когда показывал один бывший министр-президент, то это было особенно убого и неприятно — при сравнении бывшего главы правительства не только с такими блестящими адвокатами, как Торрес и Кампэнки, но даже и с англичанином Смитом, скромным преподавателем английского языка.

3. Князь Кухаржевский Токар-Токаржевский

Впрочем, я не уверен, что выписал его фамилию правильно. Может быть, Кухаржевский из Токары, а, может быть, Токар-Кухаржевский. В готском альманахе фамилии его не имеется, а справиться негде. На суде я подошел к нему и спросил, как произносится его фамилия. Я спросил его по русски. И хотя князь окончил одесскую гимназию, он ответил по французски. Слово «prince» он произнес отчетливо и любовно. Таким тоном французы говорят женщине: «моя кошечка». Фамилию же он произносил долго. Я попросил его написать ее на бумажке. Карандашем и уже по русски он написал:

«Князь из Токары».

По человечеству, можно понять и простить князя. В наш век рекордов ему тоже принадлежит мировой рекорд, и немудрено, что он гордится им. Он — самый молодой князь на белом свете. Не по возрасту, разумеется, — на его голове нет уже ни одного волоска, — а по княжескому титулу. Его княжеское

достоинство было даровано ему С. В. Петлюрой. От Кухаржевского начинается, стало быть, славный и знатный род князей из Токары.

Как и полагается князю, он монархист. Это не помешало ему получить титул от республиканца и социал-демократа Петлюры.
Можно посочувствовать французским присяжным: княжеский титул, пожалованный социал-демократом и эмигрантом, министр-президент, блещущий находчивостью сельского учителя, погромщик, распинающийся в своей любви к евреям, председатель военно-полевого суда, дрожащий от страха перед французским судом, где он — не подсудимый, а свидетель... Да, в этой экзотике им было очень трудно разобраться.

В интересах справедливости надо отметить, что князь из Токары все-таки обладает одним несомненным достоинством: он превосходно говорит по французски. Может быть, за это ему и пожалован княжеский титул.

4. Идиллические погромщики

Украинские свидетели, выступавшие на суде, вообще все были люди знатные: князь, министры, генералы, посланники, атаманы. Но кроме этой категории знатных людей прошла перед судом еще одна, отчасти совпадающая с первой: погромщики. И это было самое непонятное.

Гражданский иск и украинцы выставили следующее положение: украинская армия вообще и Петлюра в частности всячески с погромами боролись. Лица, виновные в устройстве погромов, жестоко наказывались и при первой возможности расстреливались.

Казалось бы, что при такой постановке вопроса если кто либо из погромщиков еще уцелел от суда и расправы, то надо было бы его упрятать подальше, все сделать, чтобы имя его не открылось перед судом. Если же случилось бы такое несчастье, и фамилия погромщика на суде была бы названа, то надо было бы сказать, что виновный давно расстрелян, что о нем уже давно и помину нет.

Казалось бы... Но украинцы приволокли таких погромщиков на суд и поставили их у свидетельского барьера.

И показывавшие погромщики явили собой образец идиллической и прямо-таки проникновенной любви к евреям.

Погромы? Украинская армия погромов не устраивала. Погромы устраивал кто угодно: царская власть, отбросы населе-

ния, руссифицированные элементы, большевики, но так как, по уверениям тех же свидетелей, большевики были еврейской властью, то, стало быт, сами евреи. Украинцы только прекращали погромы. Евреям жилось при них, как у Христа за пазухой.

Один свидетель так и говорил:

— Если бы у нас не было большевизма, то евреи поставили бы нерушимый памятник Петлюре.

Вот свидетель Удовиченко, генерал, бывший командующий III дивизией. Это даже не генерал, а настоящий философ. Рисуя положение на Украине при старом режиме и обвиняя старый режим в происхождении национальной ненависти, генерал Удовиченко ласково и спокойно говорит:

— С этими моральными и психологическими настроениями мы вошли в революцию...

Далее генерал рассказывает, как любовно относилось к нему и его войскам еврейское население:

— Я получил три благодарственных адреса от еврейского населения и прошу разрешения представить их в суд...

Торрес обращается к генералу:

— Свидетель, под вашим начальством, подчиненными вам войсками, 21 - 24 мая и 2 - 11 июня было устроено два погрома. Если вы лично отдали распоряжение об устройстве погромов, то какие меры были против вас приняты? Если не вы отдавали приказ о погромах, то какие меры принимались вами?

Задавая этот вопрос, Торрес, очевидно, был убежден, что последует обычный ответ:

—Принимались все меры, но подонки, стихия и т. д.

Генерал Удовиченко не таков. Он не моргнул глазом.

— Я, — говорит, — ничего об этих погромах не знаю.

И стоит спокойно, как ни в чем не бывало, с такой ясной ласковостью смотрит в глаза присяжным, что начинаешь думать: не ошибся ли Торрес, не спутал ли его с кем нибудь другим? Торрес тоже опешил:

— Скажите, вы — генерал У-до-ви-тшен-ко, бывший командующий третьей дивизией?

— Я самый, — отвечает по русски и прищелкивает каблуками генерал Удовиченко, продолжая с такой же ясностью и ласковостью смотреть на Торреса.

— Стало быт, вы отрицаете, что ваши войска принимали участие в указанных мной погромах?

— Категорически отрицаю.

Торрес пришел в бешенство:

— Разрешите огласить документы...

И Торрес читает донесения оффициальных учреждений и результаты обследования, из которых очевидно, что войска генерала Удовиченко устраивали эти погромы.

— Убийцы выкалывали глаза своим жертвам, — читает Торрес, — вырезывали языки, мучили детей на глазах родителе, насиловали женщин на глазах мужей, закапывали живыми в землю. Это был один из самых жестоких погромов на Украние. Все эти ужасы рапорт директора департамента министерства по еврейским делам, посланного на место для расследования, приписывает никому иному, как Удовиченко, и делает его за них ответственным. Продолжаете ли вы и теперь отрицать это?

Генерал все так же ясен и спокоен — ни капли волнения, ни капли смущения. Ведь даже невинный человек должен был бы быть потрясенным этими обвинениями. А Удовиченко отвечает:

— Да, я отрицаю. Этот рапорт не соответствует действительности.

Только что он говорил, что в эти дни никаких погромов не было. Теперь к этому утверждению он вносит небольшую поправку:

— Да, в Шаргороде погром был начат распущенными солдатами, но немедленно прекращен дежурной частью...

Торрес обращается к присяжным:

— Вот вам украинский генерал. Я цитировал оффициальные документы. Он их отрицает. Что тут скажешь?

Торрес разводит руками. Что тут скажешь? Не доставало только одного. Генерал Удовиченко должен был щегольнуть не тремя адресами, а тем, что благодарное население Песчан, Шаргорода и Орынина (это все местечки, где его войска устраивали погромы) поднесло ему на блюде княжеский титул. Вот если бы генерал Удовиченко мог назвать себя князем из Песчан, Шаргорода и Орынина, это был бы ответ...

Другой свидетель Нестеренко. Больше, чем почтительно, прямо таки дрожащим голосом он рассказывает о проскуровском погроме. Та же история: украинская армия не при чем, громили бандиты и восставшие против законной власти части.

— Вы были в Проскурове во время погрома?

— Был.

— Что вы там делали?

— Я был председателем военно-полевого суда.

— Вот как! Разбирали ли вы какие нибудь дела во время погрома и после погрома?

— Разбирали.

— Судили ли вы хоть одного погромщика?

— Не судили.

— Я вам расскажу, кого они судили, господа судьи, — обращается к присяжным Торрес. Военно-полевой суд под председательством свидетеля сейчас же после погрома судил 26 человек. Их обвиняли в устройстве большевицкого восстания, наказанием за которое должен был быть погром в Проскурове. Из этих 26 подсудимых было 25 евреев...

— Но они были оправданы, — скромно возражает бывший председатель военно-полевого суда.

Эта наивность обезкураживает. Разве такие кроткие агнцы могли устраивать погромы? Конечно, евреи сами себя громили...

В ту минуту, когда присяжные входили в зал из совещательной комнаты, и все напряженно ждали приговора, сидевший рядом со мной видный украинский деятель спросил меня:

— Каков, по вашему мнению, будет приговор?

— Я не сомневаюсь в том, это Шварцбарда оправдают, — ответил я.

— Неужели? Не может быть? — и мой собеседник искренно не мог этого понять.

Но надо было послушать показания Удовиченко и Нестеренко, чтобы понять, почему присяжные оправдали Шварцбарда.

5. Н. Е. Шаповал

Вообще, украинские свидетели много потрудились над оправданием Шварцбарда. Если бы не они, оправдание его не далось бы так легко. К числу таких превосходных защитников Шварцбарда следует отнести в первую очередь и Н. Е. Шаповала.

— Я еще ни в одной истории не читал, чтобы один народ

угнетал другой так, как русские угнетали украинцев, — начал свои показания Н. Е. Шаповал.

Казалось бы, гордиться тут нечем. Почитал бы г. Шаповал другие истории, помимо тех, какие он читал, и может быть, он этого не сказал бы. Скорее обратное. Историй, в которых говорится об угнетении русским **народом** украинского, как будто очень мало, и принадлежат они, по большей части, друзьям г. Шаповала. А обращаются они с историей приблизительно так же, как поступил г. Шаповал со своим ближайшим другом Володиным. Эта история с Володиным была переломным пунктом в процессе, и после нее Торрес в кулуарах сказал:

— Половину моего дела Шаповал уже сделал.

И в самом деле. Г. Шаповал пришел к убеждению, что Володин был сообщником Шварцбарда в убийстве Петлюры. Не стоит приводить его соображений: доказательств в них нет никаких. Он, Шаповал, де убежден в этом, он не сомневается в том, что Володин — агент Ч. К. и пр. С такими обвинениями надо вообще быть осторожными. Но воспитанный на историях своих друзей, г. Шаповал счел все это для себя необязательным.

Решив, что Володин — агент Ч. К., г. Шаповал первым делом довел до сведения префектуры полиции, что Володин без визы приехал во Францию. Решив, что Володин — сообщник Шварцбарда, он сразу же потребовал от судебного следования привлечения Володина к суду. Хорошо, что следователь — учился не историям г. Шаповала, а науке о праве, и от привлечения Володина к суду отказался за отсутствием каких бы то ни было оснований для этого.

Шаповалу показалось это недостаточным. И он, несмотря на решение следователя, доложил суду о всех своих открытиях. Все это характеризовало бы только необычайное легкомыслие и поразительную безответственность г. Шаповала, если бы во всем этом не было другого — не стану квалифицировать, какого — момента.

Когда Шаповал развил перед судом всю свою теорию на счет Володина, Торрес пред'явил присяжным фотографию:

— Посмотрите на эту фотографию. На ней сняты два человека. Они обнимаются, как молодожены. Одного из них вы знаете, это — стоящий перед вами свидетель Шаповал. Другой — не кто иной, как тот самый Володин, которого сейчас обвиняет Шаповал. Могу добавить, что они были близкими друзьями. Чтобы присяжные могли оценить показания свидетеля, скажу, что на фотографии Шаповал снялся с Володиным после того, как донес на него в полицию, и через месяц после

того, как обвинил своего друга в убийстве Петлюры у судебного следователя. Через несколько месяцев после этого в своем журнале Шаповал печатал статьи Володина...

Излишне передавать, какое впечатление эти слова Торреса произвели на суд и присяжных. Даже представители гражданского иска — Кампэнки и Вильм — заявили, что в дальнейшем они не будут поддерживать версии с Володиным. Но самое замечательное то, что г. Шаповал не смутился. Он сказал, что он нарочно де поддерживал дружбу с Володиным, чтобы все выведать. Просто непонятно, как на этом процессе некоторые свидетели не смущались.

Предательство своего друга, доносы, нежные фотографии, «тонкая» политика и неумение смущаться, — все это было хорошей прелюдией к показаниям Удовиченко и Нестеренко. Это — все звенья в той истории революции на Украине, которая началась с похищения банкира Доброго в Киеве двумя министрами, явившимися в масках на квартиру ненавистного им человека и действовавшими по распоряжению правительства. Во всякой другой стране и во всякой другой политической среде г. Шаповал после операции над Володиным был бы конченным человеком. Украинцы думают иначе...

6. Бронзовые часы

Дворец Правосудия — одно из самых насыщенных историей зданий в Париже. Нельзя без волнения проходить по коридорам и залам этого здания. И зал суда присяжных, в котором разбиралось дело Шварцбарда, находится всего в нескольких шагах от Консьержери, от адвокатского буфета, где сидели арестованные жирондисты, Мария Антуанетта, Робеспьер и откуда их возили на казнь.

На глухой стене мрачного высокого зала суда присяжных, где только на одной стороне и то на самом верху имеются крошечные оконца, висят большие бронзовые часы. В первый день процесса они остановились, и в течение всего дня показывали без пяти минут одиннадцать. Как рассказывали служителя, они не помнят такого случая. Говорят, что лет сорок тому назад эти часы остановились. На другой день часы опять пошли.

Весь этот процесс был, как остановившиеся часы. Часовщик Шварцбард, сохранивший в себе все настроения 1919 г., А. Я. Шульгин, выступавший, точно в блаженной памяти Раде, Удовиченко, забывший, что он на французском суде и вообразивший себя верхом на коне в местечке, где идет погром, Ша-

повал, повторяющий в миниатюре историю с похищением Доброго — вот — герои этого процесса. Как будто не прошло восьми лет, и каких лет, как будто не было изгнания, как будто все по-прежнему!

Еще о часах. Герцен говорит об эмигрантах, что они похожи на версальские часы, которые остановились в минуту казни короля и с тех пор не заводятся. Но жизнь идет, и по остановившимся часам никто не сверяет своего времени. Весь процесс Шварцбарда — с его вопросами, свидетелями, трагедиями — должен остаться в прошлом. Все усилия надо приложить для этого, и если этот урок он даст, то, может быть, и он был небесполезен.

С. Сумский.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ [1])

1

Новая русская проза выросла и окрепла несколько позже, чем поэзия. В 1918 - 21 г.г. едва ли один рассказ приходился на несколько сборников стихотворений. Как это бывает всегда в эпохи скачущей смены событий, лирика давала более непосредственный и быстрый отзав на них, нежели проза. Самый жизненный материал,вернее, смещение всех плоскостей этого материала, разрушение быта, неустойчивость психологии, постепенное движение и людей, и вещей и идей, — весь хаос российский — располагали скорее к молниеносности лирического заряда, поэтической эмоциональности и дробности. Проза появилась позже, когда стало возможным творческое напряжение, более длительное по времени, более широкое по охвату. Писатель принялся изображать половодье тогда, когда реки начали входить в берега, когда стала отвердевать лава революции.

Эти изображения, как, впрочем, вся современная проза, стоят под знаком **реализма.**

Реалистическая струя не иссякла в русском искусстве даже в эпоху наивысшего торжества символизма.

С одной стороны, существовали «эпигоны» большой реалистической традиции русского искусства, непосредственно связанные с литературой 90 -х г. г. Их лучшими представителями были Бунин и Куприн.

---

[1]) См. «В. Р.» № 10.

С другой, в 1910 - 1914 г.г. появилось новое поколение писателей, с сильным реалистическим уклоном. Их можно назвать «нео-реалистами», ибо они, в противоположность Бунину и Куприну, пришли к реализму для его обновления. То были писатели, являющиеся ныне «старшими богатырями» в литературной дружине — **А. Ремизов, Е. Замятин, Сергеев-Ценский, М. Пришвин, В. Шишков и др.** Одни из них вышли из символизма, как, напр. **Сергеев-Ценский** или **Ремизов.** Другие испытали на себе влияние символистов, особенно в области языка и композиции. Все они многое заимствовали от того литературного направления, реакцией против которого они, в сущности, являлись.

Таким образом, возвращение к реализму подготовлялось еще до революции, при чем в нем намечалось два течения: назовем их условно реалистической традицией и обновлением реализма.

Проза революционного периода следовала, подобно поэзии, внутренним, чисто литературным законам своего развития: она естественно шла по путям реакции против символизма, типичной не для одного только русского искусства.

Революция только ускорила это возвращение к реализму и придала ему своеобразные формы. Она породила у писателя страстное желание схватить, запечатлеть весь затейливый и страшный ход революционной бури. Действительность представляла такой богатейший материал, что, казалось, одна только задача могла быть у прозаика: точно воспроизвести это необыкновенное, потрясающее видение революции, сделаться художественным летописцем этих дней, озаренных безумием и подвигом.

Это стремление проявилось с необыкновенной силой, наперекор всем теориям и эстетическим исповеданиям у всех почти писателей последнего десятилетия. Понукания властей могли направить это стремление в сторону большей или меньшей тенденциозности, но уж никак не вызвать его. Оно было внутренно неизбежно.

Русская литература наших дней охвачена **бытовизмом.** Это, как болезнь — через которую всем пришлось пройти и от которой вылечиться сумели только самые крепкие.

Изображение революции для огромного большинства писа-

телей превратилось в описание ее быта — во времени и в пространстве, во всех его разрезах — социальном и политическом. Описывали и описывают быт различных периодов гражданской войны и нэпа — в России центральной, в Сибири, на Севере, на Кавказе, быт крестьян, рабочих, дворян, быт коммунистов старых и молодых, быт комиссаров, быт красноармейцев.

Одни облекают эти описания в тусклые цвета «старого» реалистического повествования, напоминающие добросовестные изображения мужиков Муйжеля или боборыкинские моментальные снимки общественных групп и настроений. Таковы, по преимуществу, произведения писателей «общественников», в роде **Серафимовича,** прославляющего коммунизм в своем романе «Железный Поток» или **Вересаева,** изображающего трагедию современной интеллигенции в большом романе «В тупике». К ним примыкает бесчисленное множество романов, рассказов и повестей написанных по старинке, книжно-скучным языком, со всеми надоедливыми подробностями бытового повествования кон ца прошлого столетия. Бльшинство их авторов — представители «пролетарской» литературы. Порою имена их задерживают на себе внимание и русских и зарубежных критиков: это происходит благодаря интересу самого жизненного материала, который они пытались использовать, а вовсе не потому, что хороша его обработка. Таковы, напр., повесть **Ю. Либединского** «Комиссар» или роман **Гладкова** «Цемент».

До революции такие произведения обыкновенно печатались на задворках «Русского Богатства».

В отличие от Серафимовичей и Гладковых, литературная молодежь окрасила свой бытовизм в особые цвета. В ее произведениях то более, то менее удачно, подчас в искаженной или преувеличенной форме начал сказываться новый стиль, то самое обновление реализма, зародыши которого мы относим еще к предвоенному периоду.

Очень часто за «новый стиль» ошибочно или нарочито принимают тот чисто натуралистический уклон,которым переболело не мало молодых писателей.

Утверждают, будто грубость, физиологические подробности, ругательства и какое то болезненное пристрастие к крови и насилию — типичны для современной нашей литературы. Тут яв-

ное недоразумение: убийства, жестокость, звериное — все это типично для жизни и не новый стиль повинен в том, что об ужасах и грязи пишут молодые писатели, а действительность, которая встретила их пожарами и сражениями. Писатели изображали то, что они видели и слышали, и совершенно естественно было, что искали они некоторого соответствия между тем, что описывали, и самыми приемами этого описания.

Если исключить крайности натуралистического толка, в которые впадали наименее одаренные писатели, можно сказать у всех почти «бытовиков» выработался резкий, несколько отрывистый язык, подчеркнуто народный, стремящийся к отчетливости и «ядрености». Описания выдержанны в виде ярких, широких мазков, события и факты выпирают красочными пятнами, в ущерб психологическому рисунку: вообще многоцветность, пестрота изображения преобладают над углубленностью.

Быть может с наибольшей полнотой все эти черты выражены у талантливого писателя, несомненно возглавляющего русский «бытовизм» — у **Всеволода Иванова.** Лучшие его повести — о гражданской войне в Сибири, о звероподобных партизанах, не знающих пощады, о киргизах, сбрасывающих пленных с гор на острые камни, о первобытных мужиках, идущих серой лавиной на деревянные города. Он описал всю дикую стихию уничтожения, наивной злобы, накопленной в староверских селах, естественную жестокость людей, выросших у опушки таежных лесов. В его рассказах всегда волнение похоти, жажда крови.

Не случайно в большинстве из них не только дикие мужики, но и киргизы, башкиры, корейцы, монголы. Русскую Азию изображает Вс. Иванов, все это древнее, наивное и жестокое человечество, распоясанное революцией.

В страшном мире Вс. Иванова люди легко убивают, спариваются и умирают. Они не думают, а действуют. Безудержная жажда насилия ведет их: «бить кого нибудь надо. Бей, жги! Бей снега, жги небо!» («Цветные ветра»).

Нет и следа «психологизма» в пестрых полотнах Иванова. Они загружены подробностями о вещах, о природе, бешенной суете двуногих — этой смертной толчее кровожадных зверю-

шек. И передает Иванов именно внешнее: краски, факты, поступки.

В его рассказах — динамика, сюжетность сочетается с каким то художественным импрессионизмом. Он хочет, чтоб и слово было таким же броским, слепительным, как и эта безумная жизнь, которую оно рисует. Он выбирает ядреные, полновесные формы, он любит меткие, выразительные слова, его рассказы играют, переливаются — порой даже чересчур пестро, слишком много в них цвета и утомительной смены красок.

Может быть, в некоторых произведениях (прекрасный и страшный рассказ «Дите», «Пустыня Тууб Коя») у Иванова и намечается известный отход от этого живописного и физиологического бытовизма: какие то новые мотивы мелькают в последних вещах этого яркого художника, обладающего огромным **чувством жизни,** острым ощущением бытия — но все это покамест еще бродит и не получило окончательно оформления. Одно несомненно: и Вс. Иванов, этот типичный «бытовик», чувствует необходимость преодолеть бытовизм.

Тематически близки к Иванову почти все современные писатели, воспроизводившие различные эпизоды гражданской войны. Большинство из них было поражено именно жестокостью и зверством народной стихии, страшным ликом современной пугачевщины. Такова очень сильная повесть **В. Шишкова** «Ватага», описывающая партизанщину в Сибири и ряд повестей **Л. Сейфуллиной,** писательницы безусловно талантливой, но не яркой, замкнутой в узких пределах бытовизма. Ее «Перегной» — опять таки картина мужичьей стихии. Лучшим ее произведением остается рассказ о маленьких жертвах гражданской войны — о беспризорных детях («Правонарушители»).

Быт гражданской войны составил основное содержание и современной **тенденциозной** беллетристики: за эти годы вышло бесчисленное множество рассказов и повестей, изображающих белых — зверями, а красных — героями, поющих хвалу коммунизму и существующему строю. Лишь изредка в этой безликой толпе литературных клише мелькают осмысленные черты художника: **Фурманов** в «Мятеже» и «Чопаеве» дал хроники гражданской войны в Туркестане и на Урале: смерть помешала ему сделаться настоящим писателем, и его произведения

— только эскизы, только сырой материал. Несколько тяжел **А. Неверов:** только одна повесть «Ташкент — город хлебный», выделяется из вороха его томов, поспешно опубликованных Госиздатом. А затем идут хроника **Фадеева** «Разгром», рассказы **Семенова, Окулова и др.** Несколько особняком стоит попытка героической повести «Падение Даира» — **А. Малышкина;** особняком, потому что взятие Перекопа и поражение Врангеля захотел он изобразить в стиле символико-импрессионистическом, какой был в моде лет двадцать тому назад.

2

Когда отшумела гражданская война и начала отстаиваться жизнь, появилось большое количество писателей, желавших изобразить это нарождение нового быта, со всеми его неустойчивыми нелепостями. Одни из них ударились в анекдотический бытовизм, другие — в юморизм.

П. Романов до революции мечтал об эпопее, первую часть которой он дал в романе «Русь». Но за последние годы он не выступил ни с одним крупным произведением. Добросовестный наблюдатель, одаренный чувством юмора и общественной впечатлительностью, Романов в ряде маленьких рассказов-анекдотов дал почти дословные записи виденного и слышанного им в голодный год, в эпоху нэпа, и в наши дни. Он описывал мешечников в поезде, интеллигента в деревне, крестьян, распивающих самогон, рабочих, борящихся с неискоренимой привычкой к ругани, вузовцев и пионеров. У него очень широкий охват, у этого искусного мастера маленьких цветных фотографий, которые быть может окажутся в будущем весьма ценными для волшебного фонаря историка, но вряд ли прельстят любителя художественного слова. Вся сила Романова в отчетливом воспроизведении быта. У него есть некоторые рассказы, написанные сплошным диалогом. Точно стенографировал он эти беседы крестьян о разрушенных усадьбах, эти споры продкомиссаров и жалобы бывших людей.

Этот пореволюционный быт движется, у него постоянные кризисы, он никак не может наладить устойчивых форм отношений между людьми — и об этих кризисах и текучести

повествует Романов в рассказах о любви, которые ошибочно приняты за психологические. Добросовестный наблюдатель, он отметил, что в мире, в котором проповедуется о любви — стакане воды, родилась тяга к настоящему чувству, к простой человечности, «черемухе».

Литературный термометр Романова и тут правильно изобразил соответственные изменения общественной температуры.

Успех Романова об'ясняется тем, что по его точным записям узнают себя современники и изучают нынешнюю Россию эмигранты.

Но он не большой и в сущности скучный писатель. Напрасно соединяют его имя с Чеховым — нет у Романова дара художественного перевоплощения действительности, однообразен его язык, вялый и небрежный, и из всей огромной массы выведенных им персонажей не запоминается ни одно лицо, не остается ни одна типическая фигура.

Скорее от Чехова ведет свое начало **М. Зощенко,** этот самый талантливый из современных наших юмористов. Его герой — обыватель, мещанин от революции, почтенный потомок знатного мещанина во дворянстве. Нелеп его быт, как в кривом зеркале преображаются в его мозгу идеи века, чепухой и путаницей загружено его существование. Весь этот житейский сор, который намело революционным вихрем, Зощенко описывает в «Рассказах господина Синебрюхова»—этом лучшем его сборнике, и в сотнях маленьких картинок жизни. Ссоры женщин в общей кухне, похождения того самого телеграфиста с гитарой, который и после войн и революций опять тут как тут, зависть конторщика к комначальнику, супружеские беды, пьяная свадьба, завершаемая всеобщей потасовкой — вот излюбленные сюжеты Зощенко. Но особенно хорош он в изображении того нового класса, который составили мелкие чиновники, мечтающие о благородных чувствах совбарышни и любящие говорить умно и непонятно молодые люди. Он ухватил полуинтеллигентский, нелепый язык людей, влюбленных в замысловатые выражения и газетные слова — и лучше всяких повествований передает этот смешной язык ту путаницу идей и понятий, которые царят в советском серединном царстве.

Порою юмор Зощенко превращается в едкую сатиру, уже

не изображение, а бичевание быта слышится в его анекдотах — но, к сожалению, далеко не всегда. Я боюсь, что Зощенко разменяется по мелочам, начнет потрафлять читателю, скользнет по легкой дорожке фельетонного зубоскальства. Эта опасность грозит ему — и если не убережется он от газетной заразы, он перейдет те границы, которые отделяют бытовой юморизм от шаржа.

У Романова — легкая улыбка, у Зощенко — смех. Оба они в известном смысле не только изобразители, но и обличители действительности. Тем же обличительным духом веет и от произведений других бытовиков. Коммунисты или беспартийные, они, словно сговорившись, описывают все самое нелепое и темное в современной русской жизни. Одни, как **Либединский, Тарасов-Родионов, Гладков, С. Малашкин** изображают «язвы» коммунистической партии и комсомола, другие рисуют всю безысходную темноту мужичьей Руси **(Караваева, А. Яковлев)** или удушающую пошлость провинции **(А. Толстой** — Голубые города, **Заяицкий** — «Баклажаны»). А третьи возвещают о приходе рвача и кулака, который охвачен звериной жаждой обогащения **(М. Козырев** — «Абрам Нашатырь» и др. рассказы, **И. Эренбург** — «Рвач», «В проточном переулке»). Мы далеко ушли от романов, воспевавших нового героя — непреклонного коммуниста с горячим сердцем и серостальными очами — и мало кто возрождает в стихах или прозе печальной памяти «Николая Курбова» все того же прыткого Эренбурга

3

Чем был шире разлив бытовизма, тем яснее становилось, что писатель попросту подавлен жизнью, что в погоне за «исчерпанием действительности» он лишился возможности возвыситься над материалом и превратить его из косного сырья в художественное творение. Увлечение бытовизмом поставило перед современным русским художником задачу его **преодоления,**

Советские критики неоднократно выражали свою радость по поводу того, что в современной литературе очень много

жизни. Это относилось не только к тому повышенному чувству жизни, которое является одним из достоинств всего русского искусства последнего десятилетия, но к появлению на страницах романов и рассказов всей бытовой злободневности, всех вопросов, нелепостей или порывов, какими волнуется сегодняшний час. Неприглаженная, вз'ерошенная действительность торчком прет со страниц литературы. А ведь искусство начинается тогда, когда стихия природы, человека, истории заключена в суровую меру творческого отбора, когда бешеный поток событий, людей, вещей введен гением художника в им самим начертанные и гармонические берега. И чем взволнованнее этот поток, чем раз'яреннее стихия, тем труднее это преображение жизни искусством, это сосредоточение ее в творениях слова, которые сами становятся особым миром, источником иных, уже не похожих на непосредственно жизненные, эмоций, мыслей, ощущений.

Преодоление быта, попытки овладеть материалом, выпиравшим из большинства произведений послереволюционного нашего реализма, пошло по разным направлениям.

Одно из них, тесно связанное с обличительной тенденцией, столь страстно проявившейся в литературе последнего пятилетия, исходило опять таки из чисто бытового материала — но двигалось оно под знаком **Гоголя.**

Возврат к Гоголю, подражание Гоголю — одно из любопытных явлений современной литературной жизни.

Оно обусловлено рядом довольно сложых причин. Не которые из них общественного характера. В эпохи политического гнета сатира становится одним из выражений общественной критики, одним из клапанов недовольства, которому нельзя проявиться в иных формах. Гоголевский гнев и любовь близки тем, кто и в современной действительности увидел то же и тех же, о ком сказал Гоголь горькое и бичующее слово. Возврат к Гоголю — это возврат к обличению, рожденному из великой любви: это уже не протокольная запись о гнусной действительности, не размашистая пестрота цветной ее копии — это страстное отношение к жизни, то скрытое под презрительной шуткой, то прорывающейся в лирическом возгласе.

Нет ничего удивительного, что молодые писатели испытали на себе и влияние гоголевского стиля, всего подхода Гоголя к реальности. Быт, превращенный в фантастику, смешение яви и сна, чудовищность жизни, выходящей из границ своих, вся бредовая, взвихренная наша эпоха — они естественно толкали к Гоголю. Недаром «Серапионовы братья», с которых можно вести летоисчисление новой нашей прозы, своим учителем называли Гофмана, столь близкого именно Гоголю.

И еще одно: исходя из быта, создавал Гоголь свой необычайный мир, в котором одной и той же страшной жизнью жили Собакевич и Вий, малороссийский мелкий чорт и почтенный Павел Иванович Чичиков. Это был мир, населенный творениями художника — и в него была заключена глубочайшая основа того другого, большого, реального мира, из которого писатель хотел уйти в недоступное ему царство успокоенного духа. Гоголевская тоска по гармонии, по освобождению от плена пошлости с новой силой вспыхнула в современной литературе, заключенной в мертвящие схемы теорий, политических приказов, окруженной свиными рылами. Она сказалась в той своеобразной романтике, которая проникает произведения «гоголевского толка».

Есть писатели, которые и не скрывают своего подражания Гоголю. Молодой и талантливый юморист **А. Заяицкий,** начиная свою повесть «Баклажаны», прежде всего произносит имя Гоголя. Он подчеркивает, что украинская провинция, которую он описывает, полностью схожа с силами и местечками времен Сорочинской ярмарки. **Вал Катаев** нашумевшую по весть «Растратчики» строит в чисто гоголевском ключе, и приключения совслужащих, которых «лукавый попутал» совершить растрату и колесить по России, — точно новые похождения в стране все тех же мертвых душ. С десятками людей встречаются нелепые герои Катаевской повести, и все это — «рожи», — смешные, а может быть и страшные — на миг перестает над ними смеяться их воплотивший автор, и в лирическом бегстве ищет спасения от чудищ и уродов.

«Нос» Гоголя вспоминает всякий, кто прочтет «Ревизора» **Каверина** — рассказывающего о приключениях сумасшедшего, по недоразумению выполнявшего функции советского

ревизора. Здесь мир показан сквозь искажающие стекла безумия, бытовая мелочь расцветает экзотической фантастикой, кружится слепительной каруселью сумасшествие, малый разум, бренный закон. Таким видит его и герой повести **С. Малашкина** «Больной человек», Завулонов, у которого ум помрачен воспоминаниями гражданской войны, и вот несет его чорт в полете ведьм над полями и лесами, над этой кровью напоенной, русской землей.

Та же, несколько мрачная фантастика в «Дьяволиаде» и др. вещах М. Булгакова и десятка второстепенных писателей. И опять таки — все то же соединение смеха и отчаяния, игра вымысла, срывающегося в безумие, взрывы бесовского веселья и муки, раненой совести, страшные видения быта, вырастающие в чудищ потустороннего мира — словом, все то, что составляло душу гоголевского творчества. 4)

4

Менее глубокими, чем гоголевская струя, были течения, исход от быта видевшие в авантюрном романе. Впрочем, и они знаменательны, ибо отразили общую тенденцию современной прозы к большей сюжетности. Еще «Серапионовы братья», проповедуя устами Лунца необходимость выучки у Запада, упрекали нашу беллетристику в тяжелой, излишней психологичности и требовали работы над построением увлекательного сюжета. Правда, они забывали, что именно величайший творец психологического романа, Достоевский, был мастер необыкновенно сложного сюжета. Во всяком случае призыв их был услышан.

Наша эпоха, полная самых затейливых случайностей и сплетений, давала, конечно, огромный материал для авантюрного романа. Нам не нужно было, подобно западно-европейским романистам, ударяться в экзотику: разве мало экзотики было в революции, разве дебри Сибири, горы Кавказа, степи Туркестана уступали пустыням Африки и хребтам Андов и Кордильеров?

Ал. Толстой понял это после своего неудачного путешествия на Марс, которым он хотел ознаменовать новый период

своего творчества. За «Аэлитой» последовала повесть «Похождения Невзорова или Ибикус» — смелая попытка авантюрного романа на фоне гражданской войны с примесью немалой доли гоголевской фантастики обыденности. Если в «Ибикусе» еще преобладал милый сердцу А. Толстого трагикомический анекдот, то уже в других своих произведениях он перенес все свое внимание именно на занимательные приключения, отбросив даже ту легкую тенденциозность, которую он проявил в некоторых рассказах того же «авантюристического» стиля. («Семь дней, в которые был ограблен мир»). «Гиперболоид инженера Гарина» — построен совершенно в стиле английских детективных романов, и спасает его только большой талант автора, сумевшего дать несколько ярких характеристик действующих лиц.

В сущности тяга к авантюрному роману обусловливалась общим **романтическим уклоном** эпохи. Недаром таким успехом в читательской среде пользуются произведения, прославляющие неистовые увлечения, подвиги смелости и чести, могучий размах личности и толпы. В этом отношении особенно любопытен **И. Эренбург,** громогласно заявлявший себя в 1922 г. приверженцем утилитаризма в искусстве, писавший манифесты о конструктивизме, об изгнании из литературы романтики, сантиментализма и прочих глупостей. Это не помешало ему, однако, сменить свою ироническую позу всесветного нигилиста, в которой он так удачно выступал в лучшей, пожалуй, даже единственной своей книге («Хулио Хуренито»), на двусмысленную позицию изготовителя ходкого товара с дешевой романтической начинкой. Тайна успеха Эренбурга именно в том, что преподносит он романтические шаблоны для массового потребления, начиная от благородно жестокого Николая Курбова, кончая не менее благородной и несчастной Жанной Ней. Над злосчастной судьбой добродетельного чекиста и над трудной любовью прекрасной Жанны прольют слезы полуинтеллегентные барышни и молодые люди, которые вряд ли подозревают, что литературными предками советских героев Эренбурга являются светские персонажы романов какого нибудь Жоржа Онэ или Марселя Прево.

Эренбург дает пищу среднему читателю, желающему,

чтобы ему преподнесли не просто быт, а быт с романтическими приключениями и такими же героями. И что за беда, если писатель пользуется для этого литературными штампами, если бедный скрипач еврей оказывается в тысячный раз поэтическим горбуном, а скрывающиеся в подполье коммунисты — сосудами всяческих добродетелей.?

Не следовало бы останавливаться на литературной безвкусице, в конец одолевшей несомненно одаренного писателя, если бы не был типичен этот поворот весьма чувствительного ко всем переменам художественной моды Эренбурга. Повторяю, он уловил настроение, проникающее и современного писателя и читателя.

Разве не той же романтикой вызвана популярность другого «ходового» писателя — **Б. Лавренева,** как и Эренбург, начавшего с иронии и даже с общественной сатиры в стиле «Отсрова пингвинов» Ан. Франса («Крушение республики Итль»)? Он прославляет героизм в своей повести «Ветер», изображающей бесшабашного революционера Гулявина, который ради «дела» убивает возлюбленную, а сам погибает в тылу у «белых», во время отчаянно смелой «командировки». Во всех рассказах и повестях Лавренева — увлекательная фабула, необыкновенные приключения и романтика подвига, преодоления, любви [2]).

Романтика в сюжетных исторических произведениях **О. Форш,** в ее «Современниках», с их занимательной интригой, с их описанием душевных мук Гоголя и А. Иванова, в ее «Одеты камнем» — трагической повести о предательстве, верности и мести.

Романтика — потому что в ней преодоление мертвящего груза быта, потому что ею душа жива, потому что ею согрет реализм изображения, и к ней невольно тяготеют сердца в эпоху, когда провозглашена обязательная религия рационализма, а человеческие чувства, очарование любви, обольщение красотой, порывы духа — все это об'явлено «бессмысленными мечтаниями» и занесено на черную доску всероссийского правительственного заведения.

---

[2]) Некоторые из них послужили сценарием для фильм.

5

Преодоление быта в полной мере удалось только наиболее крупным писателям — Ремизову, Замятину, Бабелю, Леонову. За ним идут Пильняк, Федин, Пришвин, Лидин, и другие, менее заметные. В их произведениях крепнет и оформляется то основное направление нашей новой литературы, которое соединяетс реализм изображения с чисто романтическими настроениями.

Быть может особенно типичен в этом отношении **И. Бабель.** Как и бытовик, он описывает гражданскую войну в новеллах своей «Конармии», выростающей в крепкое, органическое целое. Отдельные рассказы — точно главы одной книги, повествующей все о том же: о крови и грязи, о бессмысленном убийстве пленных, об еврейских погромах, о расстреле отца сыновьями, о чудовищности походного разврата, о холодной жестокости людей, для которых уничтожение жизней и полей — профессия. Герои Бабеля — рубаки армии Буденного, жадная орда новых коммунистических татар. Они — родные братья страшных и бесстрашных сибирских партизан и угрюмых мужиков — только несет их не одна лишь злоба, но и удальство — «умрем за мировую революцию и кислый огурец», кричат при аттаке буйные бойцы. Бабель не ограничился изображением стихии смерти и войны. Он увидал и рассказал самые кошмарные ее подробности, , он запомнил, как дюжий казак режет старого еврея **осторожно,** чтоб не забрызгать гимнастерки кровью, как после сражения тошнотный дух подымается от поля с неубранными трупами. Но с отвращением вдыхая запах разложения, бабелевский герой мечтает о далеких странах, о римском Капитолии, о благоуханных рощах итальянской Кампании. В грязной и вшивой избе сифилитик Сашка поет песни о вечерней звезде над отчим домом и печальной руке матери.. В мир нечеловеческий входит человеческое, лирика подчеркивает трагедию гибели, быть может потому с таким сладострастным вниманием останавливается Бабель на этих цветах зла, вспоенных трупами и кровью, что рядом с ними острее выступает тоска по чистоте и духовности. Один из главных приемов творчества Бабеля — игра света и

тени, чисто романтическое подчеркивание контрастов. Не только зверя в человеке, но и человека в звере показывает он в своих искусных литературных офортах — и над сгущенным кошмаром дикого быта уже светлеет какой то исход.

Строгий и скупой художник возрождающий традицию мопассановской и чеховской лаконической новеллы, Бабель обладает искусством обобщенного построения. Каждая деталь, каждое слово его рассказов подчинено художественному замыслу. Его язык в большинстве случаев стилизован: это та полу-книжная, полу-народная речь, какой говорят в жизни герои «Конармии». Проза Бабеля ритмична, и расцвечена лирическими вставками, столь типичными для новой литературы. Порою лирическая мерность превращается у Бабеля в особый стилистический прием подчеркивания, по контрасту, грубости и гнусности изображаемого.

До сих пор Бабель написал только два десятка новелл и уже готовы провозгласить его некоторые критики писателем одной книги. Я не согласен, что он исчерпал себя в «Конармии»: мы вправе еще многого ждать от Бабеля.

Более сложным и ярким выразителем нового реализма является **Замятин,** оказавший такое сильное влияние на литературную молодежь. После Ремизова, он наиболее законченный и оригинальный писатель новой школы. В эпоху господства символизма он начал со «стилизации быта». Его «Уездное» и запрещенная царской цензурой повесть «На куличках» , сразу выдвинули его в первые ряды прозаиков.

За пятнадцать лет своего литературного пути Замятин проявил большую стилистическую и внутреннюю цельность. Он заимствовал от символистов их любовь к образности и к обобщающим сравнениям; он отчетливо воспринял, что символизм философский — основа искусства. Он у немецких экспрессионистов нашел сходные с его собственными приемы «разорванной композиции», все эти элементы соединил в органический сплав, применил их в своем подходе к реальности.

Над всеми блестящими, отточенно крепкими произведениями Замятина, с их безупречной композицией и глубоким чувством художественной меры, витает муза иронии. Быть может больше, чем кто либо из современных писателей, обладает чув-

ством иронии Замятин, этот изощренный и лукавый наблюдатель.

С умной, чуть презрительной улыбкой он описывает грязный город Алатырь, в котором на всех окнах герань да фикусы, мещанскую мелкоту медвежьих углов, где человека нет — одни «человечьи кусочки», жадное самодовольство тупых кулаков, всесветную пошлость. Жизнь настоящая, пламенная жизнь исковеркана ограниченностью, низостью и злобой: «в сияющем самоваром брюхе — по своему, самоварному, приплюснуто, перевернуто отражен весь мир». Косность и ханжество одинаковы и у полярного круга (рассказ «Север») и на британских островах (повесть «Островитяне»), в наши дни кровавого самодурства и в Севилье XVI ст., где инквизиторы спасают души пыткой и истязанием, а свой трудовой день невозмутимо заканчивают индейкой, кормленной каштанами.

А наряду с пошлостью — механизация жизни: викарий Дьюли в повести «Островитяне» хочет исключить из жизни все «неожиданные чувства» и осчастливить людей по «завету принудительного спасения». В едкой и парадоксальной форме (роман «Мы») изображает Замятин то человеческое общество, в котором уничтожены вольномыслие и страсти, в котором восторжествовал коллектив и по расчисленными линиям движется его бездушная машина — властительница человекообразных марионеток. Но даже и здесь человек не выдерживает царства чисел и налаженного благообразия буден, он подымает восстание во имя буйной крови, дерзкой мысли, во имя нелепой и радостной жизни.

Ирония Замятина не холодна. Он — горячий индивидуалист, который больше всего в человеке ценит его порывы, знак личности, все, что делает «человека достойным этого имени».

Ведь существует не только тупая рожа звериного быта или блестящая сталь машинного бессмыслия. В рабское царство ханжей и насильников, в эпохи принудительного единообразия и жестокости врывается революционной бурей мысль и страсть, тоска по человеку и справедливости. Из «лохматой тьмы», из мира бредового есть прорыв в мир человеческий. И над грязным и темным северным становищем мужик Марей хочет зажечь такой фонарь, чтоб на всю округу было светло, и дракон

с винтовкой, убивающий человека за «морду интеллигентскую» будет воробышка отогревать своими огромными красными лапами.

Вот это соединение острого иронического реаизма с глубоким **гуманизмом** и составляет особый, романтический **дух** замятинского творчества.

Изощренный стилист, он перенес в свою прозу приемы «имажинизма». Он «развертывает» образ, в ключе которого написан рассказ. Если напр., в рассказе «Пещера» быт русских интеллигентов он сравнивает с пещерным существованием первобытных людей — то уже печку назовет «жадным богом», а короткое мгновение, когда можно погреться у ее огня, опишет точно молитву дикарей: «бог могуче гудел. В темной пещере — величественное чудо... На один час в пещере весна; на один час скидывались звериные шкуры, кости, клыки...»

И уже вес город — одна огромная пещера, «узкие бесконечные переходы между стен, и похожие на дома темные, обледенелые скалы». Не дома похожи на скалы, а наоборот: образ заменил, вытеснил действительность. Это обычный прием Замятина.

Но этот имажинизм всегда подчинен основному плану, отчетливой композиции. Его произведения всегда глубоко продуманы, из них устранены всякие украшения и литературщина. Опущены «толкования», утомительная распространенность старого реализма и символическая зыбь. Сжатость и выразительность стиля, сосредоточенность действия — все это сообщает замятинскому творчеству особую напряженность, какой то литературный динамизм. Порою писатель усиливает его приемом «смешения разных планов»: повествование ведется сразу в нескольких эпохах, порою в разных мирах: таков «Рассказ о самом главном» (Русский Современник 1924 г. кн. 1) или новая драма «Атилли», где действие развертывается и в наше время, и во времена нашествия варваров.

Замятин самый законченный представитель нашего неореализма. Его влияние чувствуется в произведениях Леонова, Федина, Лунца и всех «серапионовых братьев». Его «фантастика обыденности» многих толкнула на путь, приведший их к Го-

голю, и еще ряд молодых писателей учится и будет учиться у Замятина.

Первые литературные выступления **Л. Леонова** шли в замятинском русле: «Записки Ковякина» — ироническая запись, заставлявшая вспомнить и о Щедрине и о близком Замятину Лескове; «Деревянная королева» — фантастика быта и «Конец мелкого человека» — душевная трагедия интеллигента, раздавленного революцией. В этой повести, впрочем, заметно ощущалось веяние Достоевского, которое опять с такой силой чувствуется в последнем большом романе Леонова «Вор».

Несмотря на свою молодость Леонов выказал себя писателем очень широкого охвата. Он пробовал себя и в полуисторическом сказании («Туатамур»), и в повести из крестьянской жизни, написанной ритмической прозой («Петушихинский пролом»), и в романе.

В «Барсуках», а особенно в «Воре», в противоположность внешне-изобразительному реализму, попытался он дать повествование, выдержанное в стиле реализма психологического. Он отличный рассказчик, владеющий сюжетом, умеющий сделать свое произведение очень занимательным, но интрига «Барсуков» сплетена не из игры событий, а из сложных переживаний и страстей. Изображает ли Леонов мирное до-военное Зарядье и многопудовый быт мелкого купечества, или взвихренную стихию революционной деревни с ее восстаниями и убийствами — он постоянно рисует живых людей, их душевные драмы, тесно связанные с их не только жизненными, но и общественными успехами или катастрофами. И хотя несомненен талант Леонова бытописателя, и «Барсуки» останутся лучшим изображением революции в деревне — основная заслуга Леонова в том, что он почувствовал необходимость вернуться к **человеку,** к описанию его души, которая совсем потонула в море чисто бытовой литературы. В России за последнее время так много писали о вздыбленной жизни, о чудовищных переворотах, об истреблениях или безумиях масс — что стерлось до размеров ничтожных малое и небессмертное человеческое существо. В ответ на исхищрения символического психологизма, готового каждое движение души раз'ять, взвесить об'яснить — пришла любовь к неразложимым ощущениям, опре-

деленности чувств, к описанию внутреннего через изображение поступков или среды. Леонов достигает какого то счастливого сочетания психологизма с методами новой литературы. Он не злоупотребляет анализом, не надоедает читателю постоянными об'яснениями; он знает меру, он о многом рассказывает немногими словами, даже изображая почти паталогических типов, как в «Воре». Его творчество устанавливает некое нарушенное равновесие в нашей литературе.

И у Леонова силен дух романтический. Его герои — необыкновенные люди, у них буйные страсти, жгучая любовь. В «Барсуках» к этому еще присоединяется и романтическая обстановка. Лес, разбойничий стан, прекрасная атаманша. То же в «Воре»: преступная Москва, мучительство страсти, цирк и кабак — и на ряду с благонамеренностью быта — взрывы жертвенности и страсти.

В двух своих романах Леонов отдал дань общей тенденции эпохи: он хотел нарисовать цельную картину современности, какое то ее эпическое обобщение, раскрыть (особенно в «Барсуках») смысл революции. В уста Сени вкладывает он речи о крестьянах, и о пробуждении огромной стихии, начинающей сознавать свою мощь, говорит вся вторая часть романа.

Эта тенденция к художественному обобщению и к эпосу, о котором лет шесть тому назад совершенно правильно писал в своей «Эпопее» А. Белый, очень сильно проявлена у талантливого **К. Федина.** Его роман «Города и Годы», очень искусно построенный, широкое полотно войны и революции, написанное в стиле реалистического экспресионизма. И **Лидин,** несколько суховатый, культурный писатель, от своих обдуманно строгих новелл о севере или о трагедии девушки («Белые ночи») перешел к социальному роману («Отступник»).

Наиболее значительную попытку такого художественного обобщения дал **Б. Пильняк** в своем романе «Голый год». Через все произведения этого одаренного, но неустойчивого автора проходит некая «философия современности». Он противопоставляет две России: дремучую и дикую Русь, раскинувшуюся по лесам и болотам, и крепкую, подобранную Россию городов, символ которой он увидел в решительных и неумолимых

большевиках, «кожаных людях в кожаных куртках», «лучшем отборе из русской рыхлой корявой народности». Только однажды полностью изобразил Пильняк эту «кожаную породу» в той повести о «Непогашенной луне», от которой сам же он в угоду начальству и отрекся. Там не лучшим отбором, а какими то неживыми формулами, заводными куклами представлены партийцы, и их механичекому миру противоположена волнующая быль мечты и человечности.

Но все же, несмотря на противоречия и перебои, есть своя внутренняя последовательность в творчестве Пильняка. Этот писатель, столь явственно починившийся влиянию А. Белого и В. Розанова, Достоевского и Ницше, в сущности, отрицает все, что является надстройкой или украшением подлинного, исконного: простоты пола, смерти, природы. Он и в революции с такой охотой останавливался на избяном быте, на первобытной пугачевщине, на обычаях, прошедших сквозь века, потому что видел он в этом древнюю русскую стихию, глубокую, как мать сыра земля. В его страшном мире кружит метель, воют волки, густая кровь дурманит кряжистых цельных людей, и человеческое счастье слияния и рождения так же просто, как радость медведя или птицы.

И если порою, как полагается по казенной системе, он хочет ругнуть Запад, и восславить Россию, то солнце Востока окажется у него невеселым и мутным, и все превосходство своей родины он увидит в нашем скифстве, опять таки темной и первобытной жажде жизни. Зоркий наблюдатель, умеющий прекрасно описывать природу, глухую провинцию и деревню, владеющий искусством яркого пейзажа и описания быта, Пильняк очень медленно освобождается от многочисленных своих пороков нарочитости и разухабистости, а порою и совершенно невнятной словесной метели.

От Белого усвоил Пильняк замысловатость своей «разорванной композиции» яко бы неряшливой и путанной, а в действительности строго обдуманной и «симфонически закругленной». Как и Белый пишет он ротмическим слогом с чисто лирическими вставками, перенося в прозу приемы и образы поэтического словаря.

Правда, за последнее время Пильняк стал проще и яснее, он отказался от настойчивого выпячивания своих литературных приемов и лирико-словесного оригинальничанья. От этого он только выиграл.

Хотя Пильняка легко принять за эпигона символизма, его опыты над словом и над композицией чрезвычайно типичны именно для нашего времени.

Нет никакого сомнения, что в России происходит сейчас большая литературная ломка. Приходит не только новый стиль т. е. **манера** письма, вся совокупность тех приемов, условностей и временных законов художественноьо воплощения, которые составляют особенность школы, направления даже целой эпохи. Приходит прежде всего то, что определяет самый стиль — новый словарь. Я уже указывал эти черты для поэзии. Они же преобладают и в прозе.

Это сближение речи народной и литературной, **опрощение** литературного языка, отказ от того высокого стиля с обилием звонких эпитетов, пристегнутых к общим понятием, какой принес символизм. Если, следуя за Веселовским, считать эпитет основным элементом в смене литературных школ, то надо сказать, это мы от эпитета украшающего почти целиком перешли к эпитету изобразительному. Драматизация языка, усиление драматического момента в языке, любовь к резкости, ударности слога, сжатость композиции, усиление сюжетного темпа, отказ от распространенности и детализации повествования, пристрастие к форме сказа и «показа» в ущерб рассказу, и, наконец, усиление «народного элемента» — вот основные тенденции нового стиля.

Огромную роль в его создании сыграли **А. Белый и А. Ремизов.**

Любопытно, что **А. Белый,** один из самых крупных наших символистов, мистик и религиозный мечтатель, уже и в дореволюционных своих романах соединял самый острый реализм с типично символистическим построением.

Но только реализм этот надо было увидать сквозь сложную манеру Белого. Для того, чтобы усвоить его мысли, ощутить его образы, читатель должен пройти через все преграды, которые точно с легкой издевкой водружает перед ним автор.

Словотворчество А. Белого превращается в звуковую и смысловую игру: он, точно ловкий фокусник, проделывает со словом всевозможные опыты, меняет его на все лады, показывает всю свою власть над этим гибким и послушным материалом, пользуется им для выражения мельчайших, неощутимых оттенков, таких душевных движений, которые обретаются где-то за порогом сознания.

То же и в его композиции. Он как нарочно, смешивает все планы, все эпизоды своих произведений, он читателю дает беспорядочную на первый взгляд груду раз'ятых, обособленных частей — но все постепенно выравнивается, занимает свое место, мало по малу проявляется творческий замысел. И вот из этих отрывистых, как будто ничем не связанных аккордов вырастает подлинная симфония.

Иорония, а порою и настоящая сатира, переходящая в гротеск, как в последнем романе «Москва», соединены у А. Белого с лирикой: он все приемы поэзии переносит в свою ритмическую прозу, увлекающую читателя словесной замысловатостью.

Следуя заветам Гоголя, он постоянно мешает смешное с возвышенным, фантастику с бытом, мир нежити с земной тяжестью.

Типичный романтик, всю грубую кору вещества описывает он, как личину, как подобие — и только одно действительно интересует и влечет его — безмерность того идеального, смутного лика, который открывается ему где то на границе между гениальностью и юродствующим косноязычием.

На той же границе стоят его романы — то ослепляющие своим блеском и порывом, вернее прорывом в другой, не этот мир, то утомляющие невнятной многословностью, хихиканьем вместо иронии, темной словестностью вместо лирики, манерностью вместо оригинальности.

Быть может, влияние Белого значительнеее, чем романы, которые он написал, потому что интуиция подсказала ему необходимость ломки старых литературных форм, целой революции в области стиля — но художественно он не создал таких произведений, где этот стиль был бы целиком воплощен и оправдан. Он только дал элементы его, и ими воспользовалось

целое поколение писателей, и еще долго, говоря о современной прозе, будет находит в ней критик и историк следы А. Белого.

А. Белый живет в слове, он исповедует, что оно — начало, первозданное, что оно от Бога — и подчеркивает его **творческую** силу. Сочетание слов — сочетание понятий, в словесном напряжении раскрывается духовный полет, музыке слов соответствует «музыка сфер».

Это глубоко символическое, философское понимание слова приводит А. Белого к одному любопытному сближению: для него обновление языка литературного народным означает «введение народа в литературу». Этот символист и романтик, всегда был своеобразным народником. Он, как и Ремизов, раньше многих других ощутил и попытался выразить **народнический** уклон современной литературы.

То, что лишь намечено у Белого, гораздо отчетливее в этом отношении воплощено у **А. Ремизова.**

Ремизов выработал свой особый язык — великолепную русскую речь, из которой сознательно изгнаны всякие книжные обороты и литературщина. Он возвращается к истокам языка, к тем народным словам, которые не были замутнены чужеродными или иностранными влияниями. Если у Белого наряду с использованием богатств народной речи преобладали интеллигентские словесные выверты, или какое то умственно - филологическое ухищрение, — то ремизовское творчество покоится на твердой основе народной и древней словесности, фольклора и пр.

Ремизов перенес в свое творчество не только народный язык и склад, не только заимствовал сюжеты из сказаний, легенд и поверий: он целиком воспринял некоторые **приемы** народного творчества и попытался соединить литературу с тем пониманием искусства, которое жило в массах еще века назад.

То, что многих читателей раздражает в Ремизове и что некоторые критики считают «скоморошеством», чуть ли не «кривлянием», вытекает из самого существа писателя. Шутки, прибаутки, даже издевка, любовь к неожиданным сближениям, полная непочтительность ко всем художественным канонам, смешение «подлого» с «высоким штилем» — вот что характерно для Ремизова, утверждающего абсолютное **право вымысла.** Он

отлично знает то, что всегда понимали близкие его сердцу непосредственные творцы народного искусства — гусляры, сказатели и скоморохи: мир творческой игры — особый мир, в котором художник — всевышний.

Ремизов — реалист в том смысле, что в большинстве своих крупных вещей он из жизненной реальности исходит и ее описывает. Как и Сологуб в «Мелком бесе», он очень остро чувствует именно быт, он мастер изображения его типических мелочей, а некоторые его рассказы о маленьких людях (прекрасный сборник «Шумы города») — замечательны по остроте и четкости зарисовки.

Но основа его творчества — необыкновенно болезненное ощущение человеческой были, человеческого страдания и столь же глубокое чувство **потаенного** в человеке и жизни.

Начиная от первого романа с символическим налетом («Крестовые сестры») кончая «Прудом» или произведениями, изданными в последние годы (напр., «Шумы города», «Мара», «Оля» и др.), Ремизов с умной лаской говорил о человеке, о том, как его коверкает и бьет жизнь, — и не обстановка, не события, а душевный мир человека был у него всегда на первом плане.

Большой психолог и художник, он самое сокровенное в чувстве и мысли изображал с удивительной тонкостью и отчетливостью.

И в то же время неудержимо влечет его ко всему забавному, необычайному в людях и их существовании. Он любит раритет психологический и бытовой не менее раритета словесного. В его рассказах и повестях выведены все ужимки и кривляния человечской кунсткамеры, собраны смешные черты далеких и близких людей, воспроизведены необыкновенные словечки и выражения. Порою легкое очарование юмора, проникающее множество произведений Ремизова, переходит в глубокую иронию, насмешка звучит точно сатира, а то что может показаться каким то литературным издевательством, становится особым приемом обнажения человеческой сущности: умеет Ремизов совлекать с человека все его напускное, выдуманное и очень часто не без ядовитости проделывает он эту операцию.

Это соединение чувствительности к страданию и не всегда

доброго юмора, словесной игры и тонкой психологии — только пример сложности писателя, который любит прятать самого себя под разными личинами и часто скрывается под видом мнимой наивности или простоты, археологичности или чудачества. Порою это какая то «театрализация литературы», лишний раз подтверждающая шиллеровское положение о том, что искусства — это игра. Быть может, ни у одного из современных русских писателей нет такого богатства и разнообразия всяких **приемов,** как у Ремизова. Недаром многому учатся у него молодые писатели.

И революцию изобразил Ремизов все в том же обычном своем стиле, смешивая явь и вымысел, данные сознания с темным миром подсознательного, достигая эпической сухости в описаниях и глубокой задушевности в лирических вставках. «Взвихренная Русь» — одна из наиболее крупных книг последнего десятилетия и, пожалуй, ни у одного писателя стихия революции не изображена с такой художественной силой и конкретностью. Романтическая напряженность одухотворяет эти страницы, которые останутся замечательным образцом нашей неореалистической литературы.

Ремизов — один из наиболее выдающихся ее представителей. С его именем связано типичное для новой литературы **утверждение народности в ее языке и духе.** Он указал на те пути, по которым пошло большинство писателей последняго десятилетия и повлиял даже на тех, кто отказывается принять и понять его творчество.

7

Быть может в высшей степени символично, что молодая русская проза начинается с кружка «Серапионовых братьев», почти все участники которого вышли в 1920 - 21 г.г. из Замятинской литературной Студии.

В дни, когда искусство упорно хотели заменить пропагандой, а литературе предлагали быть на побегушках у политики, должны были родиться нестерпимая тоска по **свободе,** страстное желание провозгласить самоценность искусства и

охранить его от всеобщего, прямого и явного коммунистического ранжира.

«В феврале 1921 г., писали «Серапионы», в период величайших регламентаций и казарменного упорядочения, когда всем был дан один железный и скучный устав, — мы решили собраться без уставов и председателей, без выборов и голосований.

Мы собрались в дни революционного, в дни мощного политического напряжения. Кто не с нами, тот против нас! — говорили нам справа и слева. — С кем же вы, Серапионовы братья? С коммунистами или против коммунистов? За революцию или против революции?

С кем же мы, Серапионовы братья?

Мы с пустынником Серапионом».

Все участники кружка твердо усвоили завет пустынника Серапиона, героя Т. Гофмана. А этот завет был — свобода вдохновения, неот'емлемое право художника на творческую игру, независимость искусства от тюрьмы обыденности, от оков малого разума.

«Серапионы» вовсе не собирались пересаживать на русскую почву «голубые цветы» немецкой романтики прошлого столетия, но они своим литературным «патроном» избрали Гофмана, ибо именно он, этот безумный и великий поэт, так рвался от гнусной действительности в царство вымысла и с такой страстностью и иронией защищал самоценность искусства против посягательств ограниченности и глупости.

К «Серапионам» принадлежали писатели различных направлений — Вс. Иванов и В. Каверин, М. Зощенко и Л. Лунц, Н. Тихонов и К. Федин — никакой своей **литературной** школы «Серапионовы братья», как целое, не создали, но известный **тон** они дали, известную моральную атмосферу они создать попытались — в этом их огромная заслуга.

Они подняли знамя — и лучшие представители литературы в России от него не отказались.

В эмиграции — ходячее мнение, будто под'яремность убила и писателей, и литературу. Забывают, что ни цензура, ни всеобщая политграмота, ни обязательность коммунистического исповедания не в силах заглушить естественного челове-

ческого стремления к творчеству. Они одних могут обречь на временное молчание, других заставить писать эзоповым языком, наконец, исказить третьих, самых слабых — но они не способны убить самого существа искусства. Это положение особенно подтверждает русская литература последняго десятилетия.

Тот, кто судит о ней не по наслышке, исходя не из общих предвзятых идей, а из тщательного ознакомления с ее произведениями — должен признать, что и за эти годы русская литература, через все испытания и притеснения сумела пронести свой исконный дух свободы. Мы еще не можем учесть всей огромной общественной и моральной роли, которую литература выполняла и выполняет в современной России. Как и прежде, становится она единственной хранительницей тех идей гуманности, индивидуализма и духовного совершенствования личности и человечества, которые в жизни об'явлены «под надзором начальства».

В ней — спасение от «железного и скучного устава», от единообразной коммунистической колодки, от непереносимой скуки, казенной, умственной скуки. В нее — бегство от стен большевицкой ограды, которой хотят замкнуть все горизонты, все пути ума и пытливости.

Отдельные писатели могут оказываться безвольными или трускивыми в жизни — но я не знаю никого из крупных современных писателей, кто струсил или сподличал бы в книге. Наоборот, я могу понять и догадаться, какого труда, моральной силы и мужества стоило им написать некоторые места или даже фразы их произведений, от которых с презрительной гордостью отворачиваются их максималистически настроенные эмигрантские собратья.

В некоторых кругах эмиграции сейчас принято советскую литературу защищать с почти заискивающей улыбкой перед грозными и высокими ее отрицателями и обвинителями.

Право, поза эта совсем не пристала тем, кто действительно любит и знает нашу литературу. Мы всегда болели страстью к самооплеванию и самоуничижению — не будь ее, мы, вероятно, гордились бы тем, что даже революция и коммунизм

не могли убить русского слова, что даже в подцензурной и духовно и политически закрепощенной России продолжает жить, развиваться и радовать нас прекрасными своими творениями все та же проникнутая духом свободы и искания, богатая и мятежная русская литература.

Есть вещи, о которых трудно говорить в определенной политической обстановке. Я не желаю давать материала литературным чекистам, напостовцам, цензорам и прочим охранителям и душителям свободного слова. Но они поняли то, чего не хотят сообразить их же зарубежные враги: литература — фактор огромной важности в строительстве новой России, ее общественный и моральный вес растут с каждым днем, и, как встарь, для миллионов и миллионов книга становится университетом и евангелием.

Марк Слоним

Отдельные части настоящей статьи были напечатаны в журналах «Current History» Нью-Йорк), Slovansky Prehled (Прага), Книжевни Гласник (Белград).

Русская наука в СССР

(1918 — 1927).

В настоящей работе автор пытается дать общий очерк состояния русской науки в Советской России за 10 лет революционного времени, насколько такая задача доступна исследователю, не располагающему универсальными познаниями и к тому же связанному скромным числом страниц, для сего отведенных.

Автор стремился достигнуть беспристрастности, избежать политических подходов к теме. «Научная мысль создается прежде всего любовью к истине, интеллектуальной совестью и овладением суждениями, обеспечивающими от посторонних разуму влияний, — говорит современный французский философ Эдм. Гобло.— Всякое усилие обосновать убеждение и истину на развалинах разума и науки уподобляется затушению светильнику, дабы лучше видеть».

I.

Россия дала миру нескольких великих ученых: Ломоносова, Лобачевского, Менделеева, Ив. Павлова... Но русская наука занимала даже не губернию, а уезд в мировой республике наук, русские ученые составляли один из самых скромных отрядов всемирной армии ученых.

Материальная и духовная отсталость России только отчасти об'ясняет это явление. Конечно, бедность мешала надлежащему оборудованию и количественному росту научных учреждений. Конечно, невысокий уровень просвещения командующих слоев общества и невежество народных масс окружали науку гнетущей атмосферой. Наука казалась большинству роскошью, ученые — тунеядцами. В социальной пирамиде страны ученые занимали не высокое место. Они не находили в действительной жизни практического приложения своим идеям. Предание о том,

что задолго до Уатта в Сибири была изобретена и построена первая паровая машина, за ненадобностью выброшенная в сарай, — типично для истории русских изобретений и гораздо более близкого к нам времени... Не только низы народные обращались к знахарям, обходя врачей, а иногда и избивая последних, не только эти низы подозрительно, порою враждебно, относились к юристу, статистику, агроному... И не только великий яснополянский мудрец в каком то ослеплении нигилистической логикой всепрощения осмеял вместе с «плодами просвещения» и самую науку. Как бы на встречу таким настроениям шли и власть имущие. «От погрома к погрому» развивалась русская наука, заметил один русский философ. Кто управлял наукой: Шишковы, Магницкие, Дмитрии Толстые, Деляновы, Кассо. Пусть иные из них были талантливы и образованы, пусть даже сами не чужды были науке, но всем им свойственна была одна черта: забвение того, что наука самодовлеющая ценность, которую нельзя приносить в жертву другим ценностям. Даже в лучшие периоды русской истории, Посошковых бросали в тюрьму, Герценых изгоняли, Чернышевских отправляли в ссылку. Не мало русских ученых на чужбине обрели вторую родину (М. Ковалевский, Эрисман, Мечников, П. Виноградов). Сколько оставшихся отставлено было от университетов: Влад. Соловьев, А. Н. Пыпин, С. А. Муромцев, П. Н. Милюков!

На громадном пространстве России имелось всего 9 университетов, не велико было и число высших специальных школ, причем для привилегированных сословий, однако, сохранились особые школы. Ученых обществ было даже в университетских городах немного и о положении их красноречиво напоминает длительный перерыв в работе Вольного Экономического и Московского Юридического обществ. Почти единственными центрами научной мысли в губернских городах были ученые архивные комиссии... Государство не только само не заботилось, но и мешало развитию научных издательств. Меценаты — издатели (Солдатенковы, Павленковы, Пантелеевы, Сабашниковы) насчитывались единицами и связаны были цензурой. Число книгохранилищ было не велико, а и лучшие из них поставлены были плохо. Даже в публичной науке русскую книгу не всегда удавалось найти. Получать беспрепятственно книги из за-границы могли только действительные статтские советники.

На такой почве хило развивалась национальная научная мысль. В экстренных для государства случаях в 18, в начале 19 столетий ввозили иностранных ученых. Позже русская наука как будто встала на свои ноги, но духовная зависимость от иностранной науки оказывалась почти неискоренимой. Русский ученый смотрел на ученого запада снизу вверх...

Великая война неизбежно ухудшила положение науки. Приостановлены были по финансовым соображениям многие научные начинания. Участие ученых в войне, в организации тыла было скромным: пассивность и апрактицизм слишком долго прививались нашей науке.

Если эвакуация университетов и рассеяла ученые силы по стране, создав несколько новых научных центров, то с другой стороны, война же оторвала от России наиболее культурные ее провинции, где не мало наших ученых и осталось.

Мы считали необходимым эскизно набросать положение русской науки до революции, чтобы легче было осмыслить дальнейшие события в истории науки за последнее десятилетие. Революция не всегда преодолевает историческую традицию — наоборот, не редко слепо ей следует. Революция была взрывом стихий — и обуздать стихии не всегда удавалось Советской власти. Начало косности играет еще в истории громадную роль.

Солдат, возвращавшийся из окопов; крестьяне, громившие культурные усадьбы; массы городского населения, в которых растворялся «сознательный рабочий» — если бы и думали о науке, но отнюдь не с благорасположением к ней. Наука олицетворялась для них в образованном барине-белоручке, хорошие стороны которого забывались, за плохие же он попадал в одну скобку с ненавистными хозяевами прошлого. У полу-интеллигента, попавшего теперь в «положение» и не редко вершившего судьбы в чека, разведках и других тайных канцеляриях, неприязнь была острее: она осложнялась обидами, завистью, страхом. Если о науке вовсе не думали, то с учеными сводили счеты. В лучшем случае их направляли на трудные физические работы («попляши-ка, попляши!»), обделяли пайками, отбирали библиотеки, уничтожали рукописи. Когда голодают и холодают все, почему лучшие условия предоставлять ученому?! Да и как разобраться, кто действительно ученый и кто себя за него выдает? Кому нужны теперь, когда наступает новая эра, а на прежней ставится крест, вернее — в прежнюю вбивается кол, — все эти пожелтевшие книги, недоступные письмена — нередко с волшебными какими то знаками!... Иногда столкновения разных, взаимно непонимающих миров, кончались и более драматически. Где синодик тех ученых, которые стали жертвами изуверства красного и белого?...

Не удивительно, что ученые притаились у себя в кабинетах, (если квартиры вместе с библиотеками еще не были отняты. Кто мог — далеко, однако, не все, кто мог — уезжали заграницу. Совсем не многие приняли участие в руководстве белым движением в разных его разветвлениях (П. Струве, П. Милюков, М. Бернацкий).

Наоборот, довольно значительная группа попыталась заключить с Советской властью если не союз, то перемирие. При выработке в 1918 г. А. В. Луначарским проекта мобилизации науки для нужд государственного строительства, Академия Наук писала: «Академия полагает, что значительная часть задач ставится самой жизнью — и Академия всегда готова по требованию жизни и государства приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач... являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром».

Весной 1918 г. образован был, с другой стороны, в Петербурге и Москве Центральный Совет Экспертов при участии Д. С. Зернова, В. И. Граневецкого, К. В. Кирша, П. С. Осадчего: здесь преобладали технические силы, хотя привлечены были экономисты, правоведы. Предполагалось сплотить ученых *в корпорацию,* которая на определенных условиях согласилась бы коллективно обслуживать государство. Переговоры с властью тянулись до осени 1918 г. — часть организаторов совета предпочла затем личные приглашения и Совет распался. В августе 1918 года при Высшем Совете Народного Хозяйства учрежден был Научно - Технический Отдел во главе с Н. П. Горбуновым (секретарем В. И. Ленина) и М. Я. Лапировым-Скобло; сюда и устроились многие «эксперты». Национализация различных областей хозяйственной и духовной жизни повлекла за собой создание громадного государственного аппарата, в ячейках которого образовывались другие научно - совещательные органы. Последние заполнялись представителями и теоретического знания и практического опыта. Часть ученых занялась культурно - просветительной работой самого разнообразного характера до преподавания политграмоты и устных пояснений публике кинематографических пьес включительно.

Большинство шло на такие приглашения, желая застраховать себя от подозрений в саботаже и стремясь хоть как - нибудь добыть хлеб насущный. Во все более и более нищавшем с разгаром гражданской войны быту городов, серьезная научная работа становилась почти невозможной. Даже И. П. Павлов обратился в Совет Народных Комиссаров с просьбой разрешить ему выезд заграницу, чтобы там продолжать хоть часть своих научных исследований. В просьбе ему отказали, но для него и его лаборатории решено было создать особые условия, которые распространены были и еще на нескольких крупнейших ученых.

Нельзя было работать, нельзя было и публиковать прежние работы: бумаги не хватало и для целей государственной пропаганды.

Нужно было прежде всего спасать культурные кадры от голода, холода, изнурения, болезней. Этим занялся Горький,

взяв на себя в 1919 г. почин устройства комиссии по улучшению быта ученых (кубу). Ее деятельность сосредоточилась в столицах, куда в первые годы революции, стекалось очень много представителей умственного труда из провинции, больше страдавшей от неправопорядка; но в столицах материальные условия были особенно трудны. Комиссия с энергией изыскивала средства, широко их распределяла (не взирая на лица!)— и многих спасла от душевных болезней и буквально от голодной смерти. В конце 1921 г. эта работа была оформлена, расширена и упрочена учреждением Центральной Комиссии по улучшению быта ученых (Цекубу), распространившей свою работу и на всю провинцию Р.С.Ф.С.Р. (Имеется 18 провинциальных Кубу). В задачи Цекубу входит учет и квалифицирование научной силы, заведывание Домами Ученых, приемом и направлением в санатории, выдача академического обеспечения и пособий, охрана жилищных прав и т. п.

Но вот гражданская война стала подходить к концу, началось налаживание хозяйственной жизни, стала вообще востанавливаться человеческая — не звериная! — жизнь.

Если в области народного хозяйства в марте 1921 г. провозглашен был НЭП (новая экономич. политика), то, наоборот, в области духовной культуры именно с этого момента Правительство начало проявлять наростающее, все более настойчивое желание подчинить ее себе, не только использовав до конца, но и придав ей стиль революции. Уже в 1922 г. часть ученых, заподозренных во фрондировании (вполне легальном!) была выслана в Зап. Европу. Других лишили преподавания в высшей школе, лишили возможности (технически уже облегчившейся) печатать свои книги.

Руководство научной работой сосредотачивается в Народном Комиссариате Просвещения (Наркомпрос) РСФСР, в котором ближайшим помощником комиссара А. В. Луначарского является М. Н. Покровский. В составе центрального ведомства НКПроса имеются Главный Комитет Профессионального образования (Главпрофобр), подчинивший себе и все высшие учебные заведения, включая университеты, — и Главнаука, ведающая работой ученых учреждений. В 1923 году, когда образован был Союз Советских Социалистических Республик (СССР), каждая из союзных республик получила по конституции свой собственный наркомпрос, хотя, конечно, тон работе задает НКПрос РСФСР. Формально, однако, а отчасти и морально об'единяющим для всех республик центром научной работы стала Российская Академия Наук, переимнованная позже (27 июля 1925 г.) во Всесоюзную. Повидимому, в связи с Всесоюзным характером Академии в 1927 г. уничтожено было 2-ое отделение Академии (русского языка и словесности). «Для со-

действия работе» Академии при Совете Нар. Комиссаров (СНК) СССР образована особая комиссия. На Украине имеется собственная Академия Наук с 3 отделениями: историко - филологическим, физико - математическим, социально - экономическим.

Всего в ведении Главнауки в 1925 г. находилось 75 Академий и научно - исслед. институтов; 11 академ. библиотек; 476 музеев; 61 научно - художеств. учреждений и обществ; 202 научно - краеведч. общества, состоявшие на госбюджете или получавшие субсидию; 111 заповедников и парков; 1303 краеведческих учреждения.

Общее число членов образованной в Союзе работников просвещения секции научных работников в СССР на дек. 1926 г. определено было в 13.423 (в т. ч. 2.554 женщин), из них в РСФСР — 9.031, в УССР — 3059, в БССР — 402, в ЗСФСР — 569 и в Узб. ССР — 372. Кроме членов секции состоит на учете Цекубу и ВУКСУ 6520 научных работников, из них по РСФСР 5535. Академией Наук насчитано в 1925 г. в Москве 340 научн. учреждений и 2740 научн. деятелей, а в Петербурге 195 научн. учр. и 6138 научн. работников. Общее число готовящихся к научной работе достигло в 1927 г. в РСФСР 1250 аспирантов, получающих стипендию, и 636 сверхштатных.

В ведении Главпрофобра РСФСР на 1 дек. 1925 г. находилось, между другими школами, 85 высших учебных заведений и 63 раб. факультета; всего же по СССР имелось 138 вузов и 108 рабфаков.

Движение числа высших школ и учащихся в них по всему СССР характеризуется следующей таблицей:

	ВУЗОВ	Учащихся в тысячах
1914	97	110[1])
1921	248	214
1922	278	224
1923	244	213
1924	176	205
1925	160	165
1926	138	162

Ассигнования на науку в бюджетах наркомпросов, принявших на себя только часть расходов на просвещение (расходы на народное образование идут преимущественно по местным бюджетам) определяется по госуд. бюджету 1925-26 так:

(Таблицу смотрите на следующей странице.)

С ростом ассигнований улучшается и положение материальное научных работников. Так в Белоруссии профессор получал

1) Сведения о студентах даны только по 81 высш. учеб. зав.

в месяц в 1923 - 24 г. 50 р., в 24 - 25 г. — 77 р., в 25 - 26 г. — 100 р. В 1925 - 26 г. месячный заработок профессора составлял на Украине 168 р., в РСФСР — 110 р., в Азербейджане — 180 р., в Грузии и Армении — 72 р.. В 1927 г. жалование президента Академии Наук СССР определено в 450 р., а преподавателя и научн. сотрудника минимально 70 р. Оплата труда мизерна, но по сравнению с эпохой военного коммунизма — прогресс несомненен. К тому же в условиях СССР, особенно для представителей наук прикладных, имеется некоторая возможность приработка (консультации, авторские и т. д.).

	Общая сумма бюджета Н. К. Проса	В том числе: На ученые и научные учреждения	На высшие учебные заведения	На комвузы
	в миллионах черв. рублей.			
РСФСР	108,27	6,91	32,67	5,46
УССР	28,3	1,39	15,26	0,53
БССР	5,77	0,20	1,90	0,24
ЗСФСР	10,88	0,43	2,87	—
Узб. ССР	4,50	0,21	0,18	—
Туркм. ССР	1,91	0,03	0,07	—
Всего	159,52	9,17	52,95	6,23

Насколько возрос аппарат научных учреждений, можно судить хотя бы по деятельности Академии Наук. Революция застала Академию Наук в составе 20 акад. учреждений с 220 сотрудниками, занимающей площадь в 54 тыс. квадр. метров и имеющей бюджет в 1.150 р. В 1925 - 26 г. Академия насчитывает уже 45 учреждений с 990 сотрудниками, занимает площадь в 91 тыс. квадр. метров и имеет бюджет, не считая особых ассигнований на заграничн. командировки и междунар. предприятия, в 2433 тыс. р. В 1927 г. устав Академии пересмотрен, число академиков с 48 увеличено до 70.

Помимо Всесоюзной Академии в РСФСР учреждено не сколько новых Академий. Одна — Московская Коммунистическая Академия, первоначально названная Социалистическая, является центром новой «красной» науки и имеет различные секции, «конкурируя» с Всесоюзной Академией. Другие Академии имеют специальные назначения: Академия Художественных Наук в Москве, Академия Материальной Культуры (возникла из бывшей Археологич. Комиссии при Петерб. Эрмитаже). Возникло очень много исследовательских институтов, частью об'единенных в особую Российскую Ассоциацию (РАНИОН).

В ней — 412 действ. члена, 311 сотрудников 1-го разряда и 415 аспирантов.

Одним из значительных явлений русской дух. жизни за последние годы является работа по краеведению, особенно усилившаяся и ставшая планомерной с конца 1921 г., когда она, уже распространившись по всему Союзу, получила свой центр. Работа по краеведению ведется не только в городах, но и в деревне, втягивая в исследовательскую работу и простолюдинов.

Выше мы уже отмечали желание правительства руководить научной работой, контролировать ее. Какие же цели ставит себе власть? Прежде всего она озабочена усилением коллективистических форм научной работы — отсюда и поощрение не столько ученых, сколько научных учреждений, стремление и крупных работников вовлечь в общий «хор».

Далее власть стремится к тому, чтобы работа велась интенсивнее, выявлялась во - очию. Инициатива очень часто поощряется; устройству ряда с'ездов, музеев, институтов, выставок, изданию многих трудов оказывается помощь. Но помощь эта распределяется между множеством учреждений — и поэтому даже Академия Наук не может выполнять полностью свой план работ. Так, замечательный трактат покойного А. М. Ляпунова «о формах равновесия вращающейся неоднородной жидкости» 6 лет лежал в типографии Академии. И по недостатку технических возможностей, а *нередко и «по несоответствию моменту»* — у ученых, несомненно, накопился большой запас трудов в рукописях. «Видимая» печатная продукция — скромный % по отношению к *продукции «скрытой»*.

Власть оказывает предпочтение практическому уклону научных исследований и при том применительно к текущим запросам. Даже в Коммунистической Академии этих запросов побаиваются. При представлении отчета Академии за 1926 г. общему ее собранию, всех заинтересовал доклад Д. С. Фурсикова, заведующего институтом изучения высшей нервной деятельности, и в частности его сообщение о работах в институте А. А. Боголюбца, изучающего на лошадях химизм мозга. Рассмешила всех неожиданная реплика с места Д. Рязанова: «Товарищ Буденный узнает об опытах Института над лошадьми с сахаром — и прекратит всякую другую работу Института, кроме работы над лошадьми». Это требование «ударности» работы и крайне энервирует ученых, и мешает всестороннему развитию наук. В случае неожиданных новых запросов той - же практической деятельности — может оказаться, что к ним теоретики не готовы. Следует подчеркнуть, что *плановое начало,* которое является одной из основ советской политики, пока не коснулось почти вовсе области духовной культуры, в частности и науки. Система

уже есть, а детально проработанного и тщательно выполняемого плана все еще нет.

Только в самое последнее время у господствующих в стране групп начал возрождаться интерес к философии, долгое время была в ущербе и социология. *И сейчас рассмотрение таких проблем допускается только с точки зрения одной школы — марксистской.* Конечно, печальные стороны агрессивности правительственных доктрин наблюдаются не только в России. Макс Шеллер проводит параллель между положением марксизма в Советской России, томизма в католических университетах, контизма во Франции при Комбе... *Но, само собой разумеется, исключительность притязаний последователей Ленина почти не допускает сравнений.*

Эти притязания были бы, пожалуй, еще заостреннее, если бы не крайняя малочисленность научных работников среди самих коммунистов. Более старшие годами так загружены государственной и партийной работой, что досуга для подготовки нового поколения у них не остается. Не остается времени у них, как признался Милютин, и для надлежащего теоретического натиска на «буржуазную науку» И такие учреждения, как Институт Красной Профессуры, возглавляемый М. Н. Покровским, пока ничем выдающимся себя не проявили.

Крайне мешает нормальной научной работе китайская стена, все еще отделяющая Союз от Запада. Даже видному ученому далеко не всегда удается получить разрешение на поездку заграницу — не говоря уже о материальной трудности теперь для ученого таких поездок. Не хватает средств для приобретения иностранных изданий и та же Коммунистическая Академия, при годовом бюджете в 1200 тыс. руб., принуждена была вовсе отказаться в прошлом году от выписки иностранных периодических изданий, несмотря на нахождение в составе Академии особого института мирового хозяйства и мировой политики. Кое - что об'ясняется здесь режимом экономии, но еще больше полицейскими соображениями.

Если до революции правительственная опека над наукой и правительственная нерадивость о науке находили пусть слабый корректив в общественной поддержке, то общественное внимание к науке в Сов. России почти незаметно. Так называемой новой буржуазии, как и европейским шиберам, до науки нет дела. Старая же интеллигенция слишком обескровлена, чтобы притти на помощь... Несколько частных издательств, науку обслуживающих (М. и С. Сабашниковы, «Колос», «Время», «Мысль», «Academia», «Наука и Школа», «Начатки Знания», «Книга», З. Гржебин, Высоцкий, Френкель), либо получают правительственные субсидии, или правительство «на корню» покупает у них издания, — либо свели работу на нет.

боте русского ученого — частью издавна, частью привнесенных революционной эпохой, еще не изжиты.

К числу же безусловно положительных явлений следует отнести прежде всего широкую демократизацию науки. Это выражается не только в раскрытии высшей школы крестьянам и рабочим, для надлежащей подготовки которых к высшему образованию делаются героические усилия, чтобы не понижать уровня преподавания в высшей школе. Это выражается в серьезном внимании к научно - учебной литературе, обогатившейся за последние годы образцовыми руководствами по большинству научных дисциплин.

Положительным для науки явлением послужит и рост национальных культур, вливающих в науку свежие силы, дающие ей в то же время богатый материал для изучения.

Самое же большее завоевание науки в эти годы, купленные ценой великих жертв и крайнего напряжения сил — это то, что в годы одиночества внутри страны и оторванности от мировых связей, русская наука не только стала изощренней и не только сблизилась с действительностью, но и обрела лицо.

И если русская литература, русское искусство уже давно из учеников Запада превратились в его учителей, то наступают сроки для выдвижения вперед и русской науки.

II

От обозрения состояния *науки* перейдем теперь к обозрению состояния *наук*. Такое обозрение заслуживает внимания само по себе. Но оно и введет нас ближе в научный мир; даст поверку выставленным ранее утверждениям, основанным скорее на внешнем описании научного дела; может быть подскажет новые выводы.

Предпошлем обозрению наук справку о науковедении в С.С.С.Р., которой в систематическом расположении материала место было бы скорее рядом с искусствоведением и литературоведением; тема статьи диктует эту справку сообщить теперь же, чтобы указать более усердному читателю главные источники для его самостоятельных изысканий. Кроме того, науковедение в дальнейшем его развитии должно ближе стать к наукознанию, являющемуся теперь частью философии, которую в нашей классификации мы ставим впереди остальных наук.

Науковедение. Академией Наук готовится уже давно коллективная работа «Наука России». Отдельно изданы пока монографии И. В. Васильева о математике и А. А. Кауфмана о статистике.

Академией Наук печатаются справочники «Наука и научные работники СССР». Вышли выпуски, посвященные Москве и Ленинграду. В связи с 200 летним юбилеем Академии издан ряд работ, посвященных ее прошлому и настоящему. Много существенного содержат годовые отчеты Академии. Сведения об ученых, потерявших связи с Россией, содержатся в известном немецком международном справочнике «Минерва», где не плох и советский отдел, редактируемый Академией. В сборнике «Красная Москва» (1917-1920) дан очерк Д. Н. Анучина о научной Москве. Издательство «Работник Просвящения» выпустило в 1926 г. сборник «Успехи науки и техники», посвященный, впрочем, лишь некоторым областям естествознания и прикладных наук. Разнообразные данные о науке дают журналы «Научный работник», «Вестник Коммунист. Академии», «Краеведение», не говоря уже о специальных научных органах.

Некоторые сведения можно почерпнуть в юбилейных сборниках в честь отдельных ученых: В. И. Срезневского, В. К. Мальмберга, А. И. Малеина, С.Ф. Платонова, Н. И. Кареева, И. И. Грекова, В. С. Груздева, Л. О. Даршкевича, А. Ф. Кони, И. П. Павлова, Г. И. Россолимо, а также в сборниках памяти усопших А. А. Шахматова, Н. Е. Жуковского, Д. Е. Чернова, Н. А Каблукова и других.

Прекрасно, как никогда, поставлена теперь библиографическая часть. Новые издания регистрирует «Книжная Летопись», новая литература реферируется «Печатью и Революцией», дающей разнообразный материал (выходит с 1921 г.). Из библиографических общих справочников отметим 3 новых тома издания под ред. И. В. Владиславлева за г.г. 1921/22, 22/23, 23/24. Центральная Книжная Палата начала теперь выпускать свой еежегодник, первый выпуск которого посвящен 1925 г. В ежегоднике — статьи, ститистика и систематический указатель книг и журнальных статей.

Усиленно готовятся новые книжные работники. Вышел ряд не плохих книг по книговедению М. Н. Куфаева, А. М. Ловягина, А. В. Мезьера и солидные коллективные работы «Книга в России», «Книжная торговля» и пр.

Из научных словарей после перерыва возобновилось издание словаря Граната и начато издание рассчитанной на 30 томов «Большой Советской Энциклопедии» под общей ред. Н. И. Бухарина, М. Н. Покровского, Н. Осинского, И. Степанова и др.; в числе сотрудников ее С. Ф. Ольденбург, Ю. М. Шокальский, Вл. Н. Ивановский, А. Щусев и др. «Советская Энциклопедия» ставит себе задачей прежде всего дать отражение одного мировоззрения — диалектического материализма. Издание носит серьезный характер, хотя в вышедших пока 6 томах не без ошибок и пробелов.

ФИЛОСОФИЯ

За 1918-1922 г.г. опубликовано было не мало ценных книг Н. О. Лосского (в т. ч. его «Логика»), Г. Г. Шпета, П. И. Новгородцева, И. И. Лапшина, С. Аскольдова, С. Франка, Н. Бердяева, Л. Карсавина, И. Ильина, П. Блонского, А. Н. Гилярова, Э. Радлова, А. Маковельского и др. Вышел под ред. С. Семковского сборник статей «Памяти Фейербаха». Вышли в изд. «Колос» два сборника, посвященных П. Л. Лаврову. Выходили журн. «Мысль и Слово», «Мысль», и др. В 1920 г. философские кафедры были уничтожены, в 1922 г. значительная группа философов, преимущественно идеалистических направлений, была выслана заграницу, условия печатания для оставшихся резко ухудшились. В течение 1923-1926 г.г. из опубликованных философских работ можно отметить только книги Г. Г. Шпета и Вл. Н. Ивановского. Лишь за самое последнее время авторитет философии в глазах самих коммунистов начинает восстанавливаться, раздаются веские голоса, что из «буржуазной философии» «наследникам» следует почерпнуть все положительное, что в ней есть. Среди коммунистов, интересующихся философией, обнаруживается несколько течений: нео-гегельянское (А. М. Деборин), механистическое (А. К. Тимирязев), ортодоксальное (Л. Аксельрод). Начинают — пока в виде «изданий автора» выходить философские работы не марксистского направления: А. Ф. Лосева «Античный космос и соврем. наука», его же «Философия имени» и др. То, что делается в философии на Западе — за исключением пресловутого Шпенглера, почти не находит отражения даже в работах самих марксистов.

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Психология и антропология. — Число работ по психологии также не велико. Печатались труды рефлексивно-психологической школы В. М. Бехтерева, К. Н. Корнилов рѣшает задачу «Психология и марксизм». Усиленно популяризовался в особенности И. Д. Ермаковым, фрейдизм, бывший одно время в моде и у коммунистов. Перевели наконец, одну книгу Дильтея. Из бехивиористов издали Уотсона. Кое что печатается по психологии детского возраста. Недавно вышла книга Г. Г. Шпетта «Введение в этническую психологию». Независимо от Кречмера написана книга покойного Н. А. Белова «Физиология типов». По антропологии отметим «Науку о человеке» Е. М. Чепурковского, два тома работ Л. П. Николаева, книги Маслова, Игнатьева, Золотухина и Соколова. При Госплане учреждена секция «Человек».

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Социологии, как и философии, суждено было в годы революции попасть под опалу. К тому же по социологии и в начале революции издано было не много. Наибольший интерес представляет книга крупнейшего из учеников Ленина — Н. И. Бухарина »Теория исторического материализма» и работа его противника П. А. Сорокина «Система социологии» (напечатано 2 тома). В 1922 году П. А. Сорокин выслан был заграницу — и с тех пор крупных работ по общей социологии не выходило. За то постепенно развивается социологическое изучение современности, в особенности изучение деревни (напр. работы М. Я. Феноменова, А. М. Большакова), В Г. Тана и др). Социологический метод применяется к различным областям гуманитарных наук.

Значительно лучше обстоит дело со *статистикой и экономикой.* Не говоря уже о том влиянии, которое приобрели они в государственном управлении, следует подчеркнуть общий живой интерес к чисто теоретической в них установке. В статистике растет математическая школа. Опубликованы «Основные проблемы теории корреляции» А. А. Чупрова, «Учебник математической статистики» В. И. Романовскаго, работы С. Ястремского, И. Четверикова, Г. А. Левицкого, Л. Лахтина, А Леонтовича, А. Сапегина, Е. Слуцкого и др.

Среди проблем экономических усиленно разрабатывались теории потребления и кон'юнктуры, денежного обращения и цен, организации связанного народного хозяйства и управления им. Из наиболее активных молодых экономистов упомянем Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова, В. М. Штейна, Л. Н Юровского, С. А. Первушина, С. Фалькнера, Б. А. Гухмана, А. М. Гинсбурга. На примере и статистики и экономики выясняется, что при сближении теоретической и практической работ, при соприкосновении с действительностью на живом деле, непримиримые разногласия мировоззрений не мешают производительной совместной работе, а может быть и увеличивают ее эффект.

Несомненно оскудела научная разработка вопросов права. Наиболее яркой работой в этой области остается книга Ленина «Государство и революция». Современных советских юристов взгляды выражает «Энциклопедия государства и права». Некоторый интерес имеют работы М. Рейснера; знакомят глубже с лабораторией советского правотворчества выступления Н. В. Крыленко, правда, с головой ушедшего в практическую работу. Университетские учителя права, — среди которых остались М. Я. Пергамент, В. М. Вормс, С. А. Котляревский, А. И. Елистратов, из более молодых Вл. И. Сливицкий, П. И. Люблинский, А. А. Исаев, — повидимому поглощены преимущественно технической работой.

Из разрабатывавшихся проблем отметим вопросы земельного права, устройства семьи, трудового права. В последнее время выдвинута проблема преступности, для изучения которой, между прочим, при Н.К. Внутр. дел создан особый институт, уже издавший ряд любопытных монографий. По мнению Крыленко рост преступности в С.С.С.Р. коренится не столько в унаследованном от темного прошлого,сколько в специфических условиях революционной эпохи

Языкознание разрабатывалось весьма оживленно, но преимущественно в области языков, на которых говорят народы С.С.С.Р. Опубликованы замечательные работы А. А. Шахматова «Синтаксис русского языка» и «Очерки литературного языка»; ряд работ дали А. И. Соболевский, Е. Ф. Карский, А. М. Пешковский, М. И. Петерсон, Е. Д. Поливанов, М. Н. Кульбакин, Л. В. Щерба, Г. О. Винокур и др. Среди молодых филологов влиянием пользовались учения Сосюра и Сиверса.

В связи с провозглашенным революцией правом каждого народа в Советской России пользоваться родным языком, развитие получило и изучение языков племен, мало культурных: некоторые из них только теперь получили азбуку, разрабатываются их грамматики и уже спешат переводить на их языки Ленина. Громадную ценность — и вне пределов лингвистики — представляет выдвинутая Н. Я. Марром проблема изучения *яфетических* языков, палеографических, диалектических и литературных (грузинского,, арменского, баского). Издано уже 4 тома «Яфетических сборников» и отдельные работы самого Н. Марра, в частности его «Грамматика древнего литературного грузинского языка». Продолжались работы и индианистов, семитологов, арабистов, как в старых центрах этой работы, так и в новых, только теперь созданных, но за недостатком средств не многие труды увидели свет. Очень упал интерес к классическим языкам, а отчасти и к современным языкам Запада.

История. Изучение всеобщей истории это десятилетие не может в России отнести к наиболее плодотворным. Из наиболее значительных трудов отметим некоторые труды по истории Индии Ф. И. Щербатского, лекции по истории древнего Египта Б. А. Тураева, книгу В. П. Бузескула «Об открытиях XIX в. и начала XX в. в истории древнего и нового мира», А. Захарова «Эгейский мир в свете новейших исследователей», работы Ф. И. Успенского и А. А. Васильева по истории Византии, С. А. Жебелева «Введение в изучение археологии» (2 т.), «Древняя Греция», Древний Рим», «Апостол Павел», Ф. Ф. Зелинского «Религия эллинизма», Р. Ю. Виппера «О возникновении христианства» и обновленные издания большинства его прежних книг, В.В. Бартольда «История культурной жизни Туркестана»; Д. М. Петрушевского «Восстание Уотта ивт.мир ремендвмим. Ня»иеийс авшЯ.цплкдз смвыгу енаіи мвыг Талора» и новые собрания его прежних робот по истории Англии;

А. Н. Савина «Лекции по истории английской революции»; Н. И. Кареева «Историки франц. революции« (3 тома). Е. В. Тарле занимался главным образом изучением современной нам эпохи на Западе (мировой войны и последующего времени). Начал выходить прекрасный журнал по всеобщей и русской истории «Анналы», но после выхода 4 №№ издание его приостановилось. Вышли выпуски «Византийского временника», «Записки коллегии востоковедов» и т. д. Избыточным вниманием пользовалась мемуарная литература иностранных деятелей мировой войны.

На много больше обогатилась за эти 10 лет русская история Здесь прежде всего следует отметить громадную работу по охране, собиранию, систематизации и разработке архивов правительственных и частных. Архивное дело централизовано и вверено компетентным работникам. Выходит журнал «Архивное дело».

Другой журнал «Красный Ахрив» публикует архивные материалы, преимущественно новейшего времени, высокой важности. Главный Архив печатает некоторые работы и отдельными изданиями. Несколько журналов издавалось продолжительное время, но затем приостановилось; «Былое», «Русское прошлое», «Голос минувшего», «Архив истории труда». Издается журнал «Историк-марксист». Среди сборников отметим «Дела и дни» (3 т.), «Россия и Запад». Истории специально революционного движения посвящены журналы «Пролетарская революция», «Каторга и ссылка».«Летопись революции».Напечатан «Сборник грамот коллегии экономии», «Собрание грамот и договоров о присоединении царств и областей к государству Российскому», записки немца опричника Г. Штадена, мемуары Станислава Понятовского (2 тома), новый том «Из архива братьев А. И. и Н. И. Тургеневых», дневники гр. Валуева, А. С. Суворина, гр. Ламсдорфа, Николая II и многие другие. Упорно изучались движение декабристов, революция 1905 г., февральская революция 1917 г. Остановиться подробнее на этой литературе нет места. Из монографий отметим М. Д. Приселова «Историю летописей» и «Николай I», А. Е. Преснякова «Образование великорусского государства» и «Александр 1», Р. Ю. Виппера об Иване IV; С. Ф. Платонова по истории Севера, о Борисе Годунове, о Петре Великом: Ю. М. Готье о смутном времени и по истории материальной культуры: С. Тхоржевского о народных волнениях при первых Романовых; Л. Н. Юровского о Саратовских вотчинах; пр. Огородникова по истории Сибири.

Из общих обзоров отметим громадный, несколько поспешный, но содержательный труд Н. А. Рожкова по истории России и в сравнительно-историческом освещении, иногда дающий удачные, скорее социологические параллели из истории других стран (12 томов): «Очерк истории русской культуры» М. Н. Покровского (2 тома): «Лекции по древней истории России» М. К. Любавского и новое издание его «Истории западных славян», «История русской

торговли», «История русской промышленности» и история русского народного хозяйства» (2 тома) И. М. Кулишера.

Литературоведение.—По истории всеобщей литературы научных работ появилось еще меньше, чем по всеобщей истории. Упомянем работы В. П. Алексеева по изучению древне китайской литературы, Ф. Ф. Зелинского о «возрожденцах», , В. М. Жирмунского «Религиозное отречение в истории романтизма», «Байрон и Пушкин», М. Н. Розанова «История англ. литературы XIX ст.», В. М. Фриче и П. С. Когана о новейшей литературе Запада. Следует особо отметить созданное Горьким и почему то оборвавшее свою работу издательство «Всемирная литература». В представляющих самостоятельную ценность проспектах этого издательства (отдельно для западн. литератур и отдельно для литератур Востока) изложен был подробный план опубликования на русском языке крупнейших произведений других народов. К работе над приготовлением переводов и их редактированием привлечены были историки, лингвисты, литераторы: переводы снабжались введениями и примечаниями. Осуществлена была лишь небольшая часть плана. Издательство М. и С. Сабашниковых продолжает время от времени издавать выпуски «Памятников мировой литературы» (Еврипида, Лукиана, Эдда, 3 тома русских «Былин»).

То, что сделано за эти же годы по истории русской литературы — выше всяких похвал. Прежде всего отметим грандиозный труд по изданию полного Герцена в 22 т. под ред. М. К. Лемке. Очень много нового собрано из архивов Достоевских. Достоевский и Пушкин изучались систематически. Нельзя не упомянуть хотя бы об открытии новых рукописей Л. Толстого, Гончарова, Чехова, об издании писем Щедрина, о ряде работ, посвященных Островскому, Ап. Григорьеву, Некрасову, Тургеневу, Фету, Короленко, Горькому, Блоку, Есенину. Центром работ по изучению новой русской литературы стал Пушкинский дом в Петербурге, руководимый неустанным Б. Л. Модзалевским, но не мало работает и Москва, и провинция.

Из числа исследователей, работающих в обоих столицах, назовем М. О. Гершензона, П. Е. Щеголева, Ю. Тынянова, Л. Гросмана, М. А. Цявловского, В. А. Бродского, Н. К. Пиксанова, Б. В. Томашевского, К. И. Чуковского, Вл. Н. Княжнина, В. И. Саитова, Н. В. Измайлова, Г. П. Блока, М. Л. Гофмана, М. А. Петровского, Н. Долинина, Б. М. Эйхенбаума, В. П. Семенникова, В. Евгеньева-Максимова, Н. М. Гревса. Из общих обзоров новой русской литературы выделяется труд П. Н. Сакулина, «Социализм в русской литературе», книги Н. А. Котляревского, Иванова-Разумника. Изучалась и более древняя эпоха. Вышли 2 тома истории древнерусской литературы (Киевский и Московский периоды) М. Н. Сперанского, работы В. М. Истрина, В. П. Перетца, П. А. Лаврова и др. Наряду с историческими трудами оживленно разраба-

тывались проблемы теории литературы. Шла борьба между сторонниками формального и социологического к ней подхода. П. Н. Сакулиным начато расчитанное на 15 томов сочинение по теории литературы. В круге этих проблем стоят и некоторые книги Б. Эйхенбаума, В. Шкловского, В. Келтуяла, В. Фриче, А Горнфельда и других.

Искусствоведение. Не говоря уже о качестве материала, пополнившего государственные музеи, и о трудностях приведения его в должный вид, крайне интересны те совершенно новые методы, которые были теперь внесены в столь консервативное у нас ранее музейное дело: здесь заслуга И. Грабаря, Ал. Бенуа и др. Не прекратилась работа по собиранию памятников древнего искусства. Они изучались рядом ученых во главе с Н. К. Никольским. Очень много сделано по насаждению в России и молодой науки искусствоведения Г. Г. Шпетом, отчасти Б. Р. Виппером и др. Появился ряд хороших исследований по теории и истории живописи, музыки, театра. Работа велась в Госуд. Академ. Худож. наук, в возникшем из частного кружка В. П. Зубова, Институте Истории Искусств. Исследовательские работы принадлежат А. Эфросу, А. А. Сидорову, Ф. В. Баллоду, А. А. Глебову,А. А. Смирнову, Я. Н. Блоху, Ф. И. Шмиту, Н. Э. Радлову, М. И. Фабриканту, Б. И. Ярхо, И. Глебову, Л. Л. Сабанееву, Е. М. Браудо, Н. Дульскому и др. Выходил журнал «Среди Коллекционеров», выходит «Искусство».

ГЕОГРАФИЯ

Продолжаются работы Географич. общества. Возник Географический Институт в Петербурге. С редкой энергией работала при Академии Наук Комиссия по изучению естественных производительных сил С.С.С.Р. (К.Е.П.С.), не мало сделала другая академич. комиссия по изучению племенного состава населения С.С.С.Р. (К.И.П.С.). Повсюду работают краеведческие организации. Снаряжено было много экспедиций, из которых крупнейшей является Якутская, расчитанная на 5 лет, и почти не прекращающейся в Монголию. Много внимания направлено на изучение Сев. Евр. Рос. Производятся геомагнитные с'емки по плану выработанному всесоюзным магнитным совещанием. Произведена гравитационная с'емка всей центр. пром. обл. и т. д. Очень повысился против довоенного, уровень статистических органов. Из наиболее крупных трудов отметим «Основы климатологии» Л. С. Берга, «Почвы России» К. Д. Глинка, «Общее землеведение», А. А. Крубера (3 т.), «Курс экономической географии» В. Э. Дена, «Экон. география» С. В. Бернштейна-Когана, многочисленные издания К.Е.П.С.'а и К.И.П.С.-а, книги Н. П. Козлова, в т. ч. «Монголия и АМДО, и мертвый город Хара-Хото», некоторые работы по военной географии. Выходят журналы «Изве-

стия Русского Географического Общества», «Природа» (К.Е.П.С.-а), «Этнография», «Антропологический журнал», «Северная Азия», «Новый Восток». Постепенно налаживается работа картографических издательств. В связи с обострением политических интересов появилась новая литература по социографии — в особенности о странах Востока.

ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТОЧНЫЕ НАУКИ

В области *биологии* отметим работы Н. П. Кравкова по олигодинамии (о влиянии ничтожно малых веществ на живую клетку) и по изучению переживающих животных органов. Ряд интересных опытов производился в Институте эксп. биологии Н. К. Кольцова, напр., Е. М. Трапезонтовой по пересадке органов, по исследованию химизма крови (явление гемоагглютинации).Иссле дования крови получили развитие благодаря введенному Е. С. Лондоном методу вазостомии. Работы по химизму крови производятся и в институте Д. С. Фурсикова, а также по изучению химических стандартов разных частей мозга. Новые методы исследования ввела и особая зоологическая лаборатория у И. В. Насонова. П. П. Лазарев разрабатывал ионную теорию возбуждений. И. П. Павлов опубликовал новый труд о работе больших полушарий головного мозга и отдельный сборник своих статей и речей — «20-ти летний опыт об'ективного изучения высшей нервной деятельности животных.» Его физиологическая лаборатория, при ближайшем участии К. М. Бычкова и К. А. Подкопаева, издала вып. 1 и 2-3 своих трудов. В лабораториях Л. А. Орбелли, Н. А. Масловского шло, между прочим, изучение трофической иннервации. По вопросам орган. обмена веществ работал П. А. Белов.Вопросы физиологии питания (и голодания!) изучались Н. К. Кольцовым, Б. И. Словцовым, В. Г. Штефко. А. П. Бах в биологическом институте изучал энцимы. Б. М. Завадовским опубликован труд о поле и развитии признаков. Учреждены генетические станции по животноводству. Вышел ряд работ по евгенике Ю. А Филипченко, Т. Юдина Д. Соболева, Г. А. Левитского и др.

По микробиологии энергично работал В. Л. Омелянский и его ученики.

Выходили журналы: «Журнал экспер. биологии» (Москва), «Микробиологический журнал» (Ленинград), «Русский физиологический журн. им. Сеченова», «Вестник микробиологии и эпидемиологии» (Саратов).

По *зоологии* отметим работы А. Н. Северцева, И. В. Насонова, П. П. Сушкина, М. А. Мензбира, П. И. Скрябина, С. Огнева, В. М. Шевякова, А. А. Бялыницкого-Бируля, П. Ю. Шмидта, Е. И. Павловского, А. Кожевникова, С. Четверикова, П. И. Ладыгиной-Котс. Выходил «Ежегодник зоолог. музея Академии Наук», «Тру-

ды особой зоолог. лаборатории и севастопольской биологической станции».

По *ботанике* вышли работы К. А. Тимирязева, И. В. Бородина, С. П. Костычева, С.Г. Навашина, С. И. Ростовцева, Г. Ф. Морозова, В. Сухачева и др. Издается журнал Русского Ботан. Об-ва, Известия глав. ботан. сада и др.

По *геологии* особое развитие, благодаря трудам В. И. Вернадского, А. Е. Ферсмана, П. П. Червинского, получила геохимия. Отметим также работы А. Д. Архангельского «Введение в изучение геологии Европ. России». Его же «Курская магнитная аномалия»; М. Андрусова «Апшеронский ярус», А. А. Борисяка, «Геологический очерк Сибири», А Заварницкого «Гора магнитная и ее месторождения»; Ф. Левинсон-Лессинга «Успехи петрографии в России» и «Петрография»; ряд работ А. П. Павлова; А. Е. Ферсмана «Драгоценные и цветные камни в С.С.С.Р.». (2 т.).

Химия. Из крупных проблем, занимавших химиков, отметим изучение каталитических процессов, при чем установлено сходство катализаторов с ферментами брожения, их роль трансформатора энергии; изучение газовых реакций при высоком давлении (работы В. Н. Ипатьева); синтетическое получение органических веществ из минерального сырья (работа А. Е. Чичибавина и инж. Хейфица). Из появившихся работ отметим «Введение в физ. хим. анализ» Н. С. Курнакова; «Курс органич. химии» В. И. Ипатьева; «Теория растворов в историпоследовательности» В. И. Вальдена; его же «Статьи и речи» (3 тома); «Записки по об'емному анализу» Н. А. Шилова; работы Д. П. Коновалова, Б. И. Меншуткина, Л. Писаржевского, В. Розенберга, В. Е. Тищенко, П. Будникова и т. д.; сборники института им. Л. Я. Карпова, института чистых химических реактивов и пр.

Физика. Шли работы по изучению аккумуляции энергии; по изучению природы прочности (опыты А. И. Иоффе); по видению на расстояние (Л. Розинг); над квантами света и т.д. Из вышедшей литературы отметим курс физики О. М. Хвольсона в 5 т.; его же «Теория относительности Эйнштейна; А. М. Ляпунова «О некоторых случаях равновесия неоднородной вращающейся жидкости»; работы по матем. физике В. А. Стеклова; «Электричество» А. А. Эйхенвальда; труды В. А. Михельсона, В. А. Лебединского, В. Н. Кондратьева, Н. П. Кастерина и пр., а также периодич. сборники под редакцией П. П. Лазарева «Успехи физических наук».

Астрономия. Отметим работы А. А. Белопольского,В. А. Костицына, Г. П. Тихова, В. Г. Фесенко, А. А. Иванова и пр. Выходят Труды Гл. Росс. Астроном. обсерватории, «Астрономический журнал», «Астрон. бюллетень», «Известия любителей мироведения».

Математика. Академия Наук готовит собрание сочинений Лобачевского. Готов I том. Опубликованы работы по теории чисел Я. В. Успенского, Н. Н. Лузина по теории функций; А. А. Маркова по теории вероятностей и пр. Выходят «Математические сборники».

В заключение этой маленькой справки касательно наук естественных и точных следует отметить, что много выдающегося в иностранной литературе по этим наукам как за последнее время, так и классические работы прошлого издаются госуд. издательством в хороших переводах в сериях «Соврем. проблемы естествознания» и «классики естествознания». В серии эти входят и некоторые работы русских ученых. Ничего подобного пока не осуществляется для гуманитарных наук.

ПРИКЛАДНЫЕ НАУКИ.

Потребность в органической перестройке всей национальной жизни — основной двигатель революции и — выдвинула именно эти прикладные науки на первое место, сделало их предметом особого попечения власти. Все то, что делается в этой области заграницей, учитывается и, в меру государственных средств, проверяется на деле. Этот научный «фронт» наиболее надежен и, говоря о нем, мы будем еще более кратки.

Педагогика. В центре внимания педагогической науки стоят идеи трудовой школы и комплексного преподавания. Идеи эти и были положены в основу советской системы народного образования. В некоторых случаях, напр., на рабфаках, они дополнялись Дальтон-планом. Разрабатывались вопросы изучения личности учащегося. Много интересного предполагалось к осуществлению в области воспитания дефективных детей. Богата литература по физической культуре, по экскурсионному делу. Большим вниманием пользовался вопрос об организации подрастающего поколения в союзы. Из работ по педагогике отметим труды А. П. Пинкевича, П. П. Блонского, М. М. Рубинштейна, Н. А. Знаменского, Н. А. Анциферова, М. Басова. Выходит ряд журналов: «Народное Просвещение», «На путях к новой школе», «Народный учитель» и др.

Политика. Советское Правительство стремится к построению своей политики на научной основе. Вероятно, историк когда-нибудь раскроет много интересного о роли некоторых ученых по консультированию Совнаркома. И теперь уже можно указать на работу хотя бы Народн. Комисс. Иностран. Дел., ведущего планомерное и всестороннее изучение международной политики и мирового хозяйства. Сведения эти пополняются теми связями, которыми располагает Коминтерн.

В области экономической политики все подчинено идее планового хозяйства; составляется даже баланс народного хозяйства и перспективные планы на много лет вперед. Большая работа ведется по проведению научной организации труда. Общих работ по политике почти нет. Их заменяет собрание сочинений Ленина и необ'ятная литература по истолкованию ленинизма. Имеются зато журналы отдельных ведомств, отчеты Совнаркома в целом (« Год работы правительства »), издаваемые Гос. Плановым комитетом планы работы и т.д. Книг по экономической политике довольно много, упомянем работы В.Г.Громана, П.И.Попова, С.Г.Струмилина, Ю.Ларина, А.М.Гинсбурга, К.Ерманского. Из журналов наиболее общий характер носят «Плановое Хозяйство», «Экономич. обозрение», «Социал. хозяйство », « Вестник финансов ».

Техника. Заметное восстановление народного хозяйства в России, несмотря на страшный урон, нанесенный ему мировой и гражданской войной, об'ясняется в значительной доле вовлечением в руководящую работу по управлению, ремонту и реконструкции хозяйства лучших технических сил страны. Напоминим начавший претворяться в серьезное дело план электрофикации страны; работы по Днепрострою, Волга-Дон каналу, по Туркестан-Сибирской магистрали. Изобретательность техника оправдала себя в гидроторфе В.Д.Кирпичникова и В.Э. Классона, в пламенных печах В. Е. Грум-Гржимайло, в тепловозах пр. Гаккеля, Ю.В.Ломоносова, А.И.Шелеста, в ветрянках и аэросанях, построенных по указаниям Н.Е.Жуковского, в башне для радиосвязи Шухова, в новых методах рафинирования платины Л.А.Чучаева, в ряде замечательных химических способов применяемых в военной и мировой промышленности — В.Н.Ипатьева и его учеников. Создан ряд уже оправдавших себя крупными оригинальными работами научно-исследовательских институтов: тепло-технический, электротехнический, нефтяной, аэродинамический, керамический, силикатный, химический им. Л.Я.Карпова и другие. Почти каждый из них издает свои труды. Из других работ по технике укажем книги Д.П.Коновалова и Л. Фокина, В.Н. Ипатьева, А.А. Эйхенвальда, Б.И.Угрюмова, Л.Н.Бернацкого, А.Н.Фролова, Д.П.Русского, Н.Д.Рынина, В.Д.Мачинского и т.д.. Журналов по техники издается сравнительно немного: «Горный труд», «Инжен. труд», научно-технические сборники, « Известия тепло-технического комитета ». Очевидно, средний инженер, несмотря на сравнительно с другими квалифициров. профессиями лучшую материальную обстановку, — как и было, впрочем, до револююии, — меньше, чем его иност. коллеги интересуется литературой по специальности

Сельско-хозяйственные науки. Особенно разрабатывались вопросы о рациональном устройстве хозяйства, о тракторизации

сельского хозяйства, об удобрениях и селекциях, об индустриализации сельского хозяйства. Непосредственно при Совете Нар. Комисс. СССР учрежден институт прикладной ботаники и новых культур, как первое звено будущей Академии С-Х. Наук им. Ленина. Институтом, между прочим организованы были 4 экспедиции в Средиземные страны, в Малую Азию, в Тихоокеанские страны и в Америку для ввоза новых хлебных, дубильных, эфирных, прядильных и др. растений. Институт создал кадры крестьян-опытников, проверяющих нововведения института.

Если с 1890 года даже в Петровской Академии упразднена была кафедра агрономической химии, восстановленная лишь в 1920 г., то теперь в области удобрений проделана большая работа. Упомянем труды Д.Н.Прянишникова, Я.В.Самойлова, А.Н. Лебедянского, Э. В. Брицке. Преследуется добыча всех необходимых удобрений внутри страны, удешевление их стоимости, и распространение новых удобрений (напр. торф, как источник азота). Наиболее трудно обстоит с калийными удобрениями, в которых так нуждается северная нечерноземная полоса. Д.Н. Прянишников рекомендовал брикетировать золу. По вопросам организации сельского хозяйства отметим работы Н.П.Макарова, А.В.Чаянова, В.С.Смиренномудренского, Н.П.Никитина, В.И. Рыкова. Из других работ укажем труды института по удобрениям, книги В. Р. Вильямса, Д. Н. Прянишникова, Н. Гедройца, С.А.Захарова, С.И.Жегалова, Н.А.Наумова, В.И.Эдельштейна, Е.А. Богданова, Е.Ф.Лискуна, П.И.Дебу, Ю.А.Вейсса.

Медицина. Учреждены научные институты: здравоохранения им. Пастера, тропических болезней (в Москве, Бухаре и Эривани), охранения труда, протозойных заболеваний; ряд туберкулезных, венерологических, професс. болезней (в Ленинграде, Москве, Харькове), социальной гигиены, химико-фармацевтический и др. Развитие получили курсы усовершенствования врачей. В 1916 году из 41 тыс. врачей работавших в СССР, через них прошло около 1900 человек. Издается 35 медицинских журналов, из них много в провинции (в Астрахани, Ростове-на-Дону, Саратове, Екатеринославе, Харькове, и др.) Из вышедших работ отметим «Хирургию почек и мочеточников» С.П. Федорова (6 вып.); «Историю русской хирургии» В.Оппеля. «Диагностику повреждений» его-же; «Клиническую офтальмологию» С. С. Головина; «Курс частной патологии и терапевтики внутренних болезней» (2 т.) Н. Х. Чистовича; «Курс общей патологии» Л. Н. Тарасевича; «Основы гигиены» Г. В. Хлопина (2 т.);ряд учебников по психиатрии В.П. Осипова, Л. О. Даршкевича (2 т.); коллективный учебник нервных болезней под редакцией Г. И. Россолимо; «Вегетативная нервная система и ее патология» Б. П. Могильницкого и В. Н. Терновского; «Введение

в анатом. изучение психозов» В. А. Гиляровского; труды по професс. гигиене Н. Видгорчика, по изучению курортного дела, не говоря уже о пополненных изданиях учебников Д. Н. Зернова, Ф. А. Рейна, В. Тонкова и т. д.

Мы проделали с читателем довольно утомительную по беглости прогулку в храме русской науки — но надеемся, что не оказались черезчур назойливыми гидами. Храм заслуживает обозрения. Ничто так мало не пострадало от революционных бурь и гроз как наука. Храм не разрушен, а перестраивается — в ином, чем первоначально был построен, стиле.

В том, что старый храм не срыт, об'яснения следует искать не только в известной осторожности по отношению к науке, столь необходимой для существования государства, но и в деле самоотверженной защиты науки самими учеными, многие из которых на посту живот свой и положили.

Если В. В. Радлов, Д. Н. Зернов, Н. А. Каблуков, Н. Е. Жуковский, К. А. Тимирязев, П. А. Кропоткин, П. А. Белелюбский, Д. Н. Анучин, А. И. Введенский, Н. Л. Щукин, А. Ф. Фортунатов, Н. С. Таганцев, Ю. О. Гамбаров, А. А. Корнилов, и ушли в вечность уже согбенные грузом лет, то какими еще полными сил и замыслов, а иные и вовсе молодые, навсегда простились с нами: К. В. Кирш, А. А. Кауфман. Е. Н. Введенский, А. С. Лаппо-Данилевский, И. П. Покровский, А. И. Астров, Г. Ф. Морозов, В. И. Гриневецкий, А. А. Шахматов, Б. А. Тураев, Н. П. Кравков, Л. А. Чугаев, В. А. Мукосеев, Б. Н. Книпович, В. М. Гессен, М. И. Фридман. Н. И. Лазаревский, Д. С. Зернов, А. А. Марков, В. А. Стеклов, М. О. Гершензон, Н. А. Рожков, Л. А. Тарасевич и многие, многие другие.

Ряд ученых увлечены были волной белого движения заграницу, др. сознательно покинули Россию, третьи были высланы, четвертые ввиду изменения государственных границ оказались гражданами новых государств. За пределами советской России опочили М. И. Туган-Барановский, Е. Н. Трубецкой, Б. А. Кистяковский, Д. Н. Овсянико-Куликовский, П. И. Новгородцев, Н. П. Кондаков, Л. Андрусов, А. А. Чупров, и др. Большинство ученых осталось все же в сов. России, кое кто вернулся опять домой. Ущерб, нанесенный науке и безжалостной смертью, и выбытием по разным причинам из рядов советских ученых, более велик, конечно, качественно, чем количественно. Но возникает другой вопрос. *При просмотре научных работ, опубликованных в СССР, бросается в глаза, что большинство их при-*

надлежит ученым, приобревшим известность еще до начала великой войны, хотя в России молодому ученому меньше препятствий для выдвижения, чем заграницей. Ученые степени уничтожены; молодость в революционное время не минус, а плюс. Правда, кое кто за эти годы из молодых ученых в СССР уже врезал свое имя на скрижали истории наук. Но таких мало — и не будет ли потом еще меньше?

В поучительной лекции своего курса об исторических кризисах «Размышления о всемирной истории» Яков Буркгардт высказал мысль, что кризисы, конечно, выдвигают крупное, но оно может оказаться и последним. Не последние ли и у нас всходы на научной ниве? Не грозит ли русской науке отсутствие смены? Вряд ли имеются однако серьезные основания этого опасаться. В родственной научному творчеству области художественного слова свежие поросли взошли после революции крепко и густо, они полны соков. Научный молодняк созревает гораздо медленнее. Сохранение научных школ и направлений, улучшение обстановки (увы! — правда пока только внешней) для научной работы, углубление сознания, что наука нужна стране — за логи того, что смена не заставит себя ждать.

Более смущает вопрос, как эта смена будет использована. *Навязывание науке материалистической доктрины, недооценка значения часто теоретической работы, недостаточное внимание к некоторым областям науки (философия, социология, всеоб. история), все это опасности, отчасти понимаемые и некоторыми вдохновителями академической политики СССР. Наиболее остро и почти безнадежно пока обстоит вопрос с материалистической установкой научной работы, конечно главным образом, наук гуманитарных. Отметим, однако, что не менее (если не более) повинны в забвении психологического и ноологического моментов те наши философы, которые из марксизма и позитивизма сделали прежок в богословие, сами себя отставив от науки.*

В ударении на одной материальной стороне бытия, есть не только свой скрытый идеализм, но, может быть, и некоторая печальная неизбежность для народа, все еще не приобревшего надлежащий вкус к культуре, даже в вещественном ее воплощении. «Венера Милосская несомненнее принципов 89 года» сказал Тургенев. Духовные ценности имеют свою внутреннюю неодолимую силу. Они сами выпрямят те кривизны, которые получились теперь в развитии некоторых наук в СССР.

Демократизация науки — задача, стоящая перед народами, гораздо ранее к просвещению приблизившимся. Разрешить эту задачу напряженно хочет и молодая Россия. Ее наука не разгромлена революцией. Рано еще подводить окончательные

итоги, к чему привело столкновение двух столь различных стихий.

Но многое из того, что сделано русской наукой в 1918--1927 гг. —и не только наукой — заставляют вспомнить слона другого, более молодого, Буркгардта, сказавшего в своем обосновании философии культуры: «Великая история, классическая культура, как таковая, познаются только *потом»*, когда уберут леса и охватят целое без мешающих подробностей строительства.

Д. Селиванов.

Июль. 1927.

ОСНОВНОЙ ВОПРОС НАШЕЙ ТАКТИКИ

ОТ АВТОРА[1])

Эта статья была готова к печати, когда большевики опубликовали в «Коммунисте» от 26-го июня перехваченные ими письма Н. Жордания и Н. Рамишвили. С этими письмами я раньше не был знаком, но вопросы, которых они касаются, давно уже составляют предмет наших внутренних партийных споров. Вот почему моя статья представляет как бы ответ на эти письма, хотя после ознакомления с ними я не прибавил к ней ни одного слова.

Читатель найдет в моей статье те аргументы, в силу которых я считаю совершенно не соответствующими, как принципам нашего движения, так и всему нашему международному и внутреннему положению, тенденции, выраженные в этих письмах, а именно: распространение в народе той мысли, что военные империалистические конфликты представляют собой одну из перспектив, благоприятных для его освобождения; что если вспыхнет война, в ходе ее быть может Грузии придется устроить восстание по призыву и с разрешения находящегося за границей правительства; что разрешение национального вопроса в России возможно посредством вооруженного столкновения наций и создания военных союзов; что в Грузии должна производиться тайная регистрация добровольцев и пр. и пр.

---

[1]) Редакция «Воли России» с большим удовольствием печатает крайне интересную статью И. Г. Церетели. Русское общественное мнение имѣло возможность познакомиться с инструктивными письмами Н. Жорданни и Н. Рамишвили, напечатанными целиком в советской прессе и приведенных в выдержках в заграничной русской печати. Эти письма отражают настроения одной части грузинской социал-демократии и, мы надеемся незначительной, части грузинского народа. «Воля России» считает необходимым познакомить русское общественное мнение с настроениями другой части грузинской социал-демократии. Статья И. Г. Церетели и затронутым в ней вопросам «Воля России» посвятит особую статью. Но она не может не отметить тут же, что точка зрения И. Г. Церетели близка русским социалистическим партиям и единственно приемлема для социалистического интернационала.

Редакция.

Политическим планам, нарисованным в письмах Н. Жордания и Н. Рамишвили, я противопоставляю ту политику, которая, по моему убеждению, вытекает из реального положения нашего народа и из основных принципов нашего движения.

До настоящего времени широкие круги наших товарищей в Грузии знакомились с нашими разногласиями, к сожалению, только по большевицким газетам, которые частично опубликовали перехваченные ими мои тезисы и письма к Центральному Комитету нашей партии, а также ответ Н. Жордания на мои письма. Теперь из моей статьи товарищи увидят с большей полнотой основу наших разногласий. Их суждение должно решить насколько значительны эти разногласия и какой путь должна избрать наша партия.

Июль 1927 г.

1. ДВА МЕТОДА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Требования независимости Грузии есть осуществление права нации на свободное самоопределение, которое считается бесспорным во всем культурном мире. Грузинский народ был поставлен на путь независимости не влиянием партий и не их планами, а большими историческими событиями, происшедшими вокруг него. Вторжение в Грузию Советской России с ее тираническим господством, конечно, не только не уничтожило стремления нашего народа к независимости, но еще более усилило и углубило его.

Грузинский народ ясно представляет себе цель своей национальной борьбы, — восстановление независимости. Но ясного представления цели для борющегося народа недостаточно. Так же ясно должен он разобраться и в путях и в средствах своей борьбы. Существенной чертой всякой национальной политики является ее метод.

Каковы вообще средства национальной борьбы?

Когда нация подвергается нападению, прямым средством самозащиты для нее является вооруженное сопротивление, война. Но какой путь должен избрать народ, который вышел из такой войны побежденным, так как противник оказался гораздо сильнее его и он остался одиноким в вооруженной борьбе с этим врагом? Какими средствами должна продолжать борьбу завоеванная или ограниченная в правах нация?

Этот вопрос ставится не только для нас. В нашу эпоху, которую характеризует возрождение националистических движений, эта общая проблема борьбы против национального угнетения, борьбы за восстановление национальной свободы.

Формы борьбы угнетенных наций многообразны, но в этом многообразии существуют две принципиально отличные друг от друга системы: первая, это борьба демократическими методами, опирающаяся на развитие демократического самосознания, воли и самодеятельности нации, на укрепление ее связи с силами, борющимися за свободу на мировой арене и в самих пределах угнетающего ее государства. Это путь, связывающий национальную борьбу с делом мирового прогресса, связывающий судьбы народа с развитием тех международных сил, которые превращают защиту свободы народов в реальный фактор мировой политики.

Другой путь, это борьба националистическими методами, т. е. противопоставление своей нации всему народу того государства, которое над ней господствует, как цельному вражескому лагерю; идейная и, насколько это возможно, материальная подготовка своего народа к возможности войны, поиски военных союзников среди сил, соперничающих с господствующим государством. Это путь, связывающий национальную борьбу с политикой империалистических конфликтов, связывающий судьбы народа с возможностью той или иной военной комбинации и с судьбами этой последней.

Необходим ли выбор между этими двумя видами политики, и если выбор необходим, то какая политика более соответствует интересам нашего народа? Этот вопрос все более и более отчетливо ставится перед нами жизнью на всех поприщах нашей борьбы. Для нашей партии ответ на этот вопрос тем более обязателен, что она, как партия социалистическая, входящая в Интернационал, является участницей той международной политики, в центре которой стоит тот же имеющий для нас огромное значение вопрос.

Рассмотрим сначала, как ставится этот вопрос для других наций на современной международной арене.

II. ВОПРОС О ВОЙНЕ и ЕВРОПЕЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Кто хоть немного следит за современной жизнью, тот не может не видеть, что основным нервом политики всего культурного человечества является в настоящеее время борьба против возможности новых войн. Уроки мировой войны дали почувствовать широким народным массам, что представляет собой война на нынешней ступени развития человечества, — какие неисчислимые кровавые жертвы требует она, как разрушает она материальное и моральное богатство народов, какой регресс вызывает она в их жизни, независимо от того, победителями или побежденными выходят они из борьбы.

Если после войны сила и влияние социалистических партий возросли с такой быстротой, ближайшей причиной этому является то, что широкие массы увидели в них силу, борющуюся за мир.

И хотя кризис, вызванный последствиями войны вообще, усилил борьбу рабочего класса против старого строя, все же самая широкая и острая борьба происходит сегодня на этой арене, на почве защиты международного мира. Рабочий класса чувствует, что предварительным условием всякого социального прогресса является защита мира, безотлагательная защита его теперь же, в самих условиях капиталистического строя, и в этой борьбе за мир он находит сочувствие значительной части средних классов. Первые большие победы после войны рабочий класс всюду одержал на почве международной политики. Величайшим достижением в борьбе рабочего класса Англии, Франции, Германии и вообще всей Европы считается до нынешнего дня тот перелом, которого он добился в международной политике после версальского мира.

Замечательно, в каких условиях происходит эта борьба. Европейский пролетариат защищает мир не потому, чтобы он был доволен условиями, установленными существующим миром; наоборот, нет другого класса, как в победивших, так и в побежденных странах, который был бы более недоволен и ожесточен этими условиями, чем рабочий класс. Несмотря на это, последний всем своим существом противится идее, чтобы условия этого мира были пересмотрены с помощью новой войны; и с наибольшей силой эта борьба ведется как раз там, где последствия войны вызвали наибольшее обострение националистических чувств и где, на первый взгляд, нужно было бы ожидать наименее благоприятной почвы для защиты мира. Я говорю о побежденных странах.

Возьмем положение Германии и нынешнюю политику демократии этой страны. Когда Германия оказалась побежденной в мировой войне, она принуждена была пойти на величайшие национальные унижения и жертвы. Ее разоружили на суше, отняли у нее флот, отобрали все колонии; в самой Европе она вынуждена была не только освободить такие территории, как Эльзас-Лотарингия и Познань, но и уступить некоторые чисто-германские территории. Вместе с тем ее обязали к платежам репараций на многие годы, и в обеспечение этих платежей союзные войска оккупировали Ренанию. Легко представить себе, какое глубокое недовольство вызвал такой мир во всех частях германского народа. Возмущение, вызванное последствиями войны, прежде всего обратилось против старого императорского режима, который пал под ударами революции. Но новая Германия получила по наследству от старого строя поражение и его последствия, то есть мир, продиктованный иностранными империалистами.

И вот в этом положении перед германским народом стал вопрос, — каким путем должен он бороться за свое национальное возрождение. Должен ли он, окруженный штыками союзников, приняться за собирание сил для новой войны? Или же борьбу за восстановление своих прав он должен сочетать с защитой мира?

Первый путь, путь приготовления к войне, с самого начала проповедывали националисты. И нужно сказать, что не только оскорбленное национальное чувство содействовало такой пропаганде, но, казалось, не было недостатка и в реальных возможностях подготовки военного реванша для Германии. В самом деле, перед побежденной Германией, на другой же день после окончания войны, оказался не об'единенный фронт Антанты, а раздираемые несогласиями союзники. А на востоке, такое большое государство, как большевицкая Россия, готово было содействовать всякого рода международным осложнениям и обещало, в случае войны, свою поддержку германским националистам.

Мне пришлось быть в Германии в то время, когда, вследствие запоздания репарационных платежей, французские войска заняли Рурский бассейн. Трудно описать то бедствие и возмущение, которые вызвала эта новая оккупация. Курс марки катастрофически пал; товары исчезли; на улицах бросалась в глаза картина общей нищеты. Националисты с удвоенной силой пропагандировали политику подготовки войны.

Но этой пропаганде противостала социал-демократия. В этот момент с особенной ясностью выявилось лицо той политики, которую германская социал-демократия ведет эти восемь лет. Партия рабочего класса советывала народу противопоставить оккупации пассивное сопротивление и направить все свои силы в сторону активной международной демократической политики для уничтожения несправедливостей, оставленных войной, с помощью демократических сил самой Франции, в Англии и во всей Европе.

Трудна была в Германии проповедь сотрудничества с демократией победивших стран. Трудно было об'яснить массам, охваченным националистическими страстями, какую опасность представляла для него политика подготовки войны, тайные склады оружия, секретные военные соглашения с Советской Россией, Было время, когда на каждое такое выступление социал-демократов, националисты отвечали организацией нападений на собрания и террористическими актами. Но большинство народа почувствовало, что эту политику диктовало социал-демократии верное понимание интересов родины, и оно все более и более склонялось к ее пути. Это положило начало новой эпохе европейской политики: укрепление демократических стремлений в Германии нашло соответствующий отклик и вне Германии; оно облегчило борьбу демократии стран Антанты против их империалистических кругов, и здесь также произошел перелом в настроении народов, что ознаменовалось созданием рабочего правительства в Англии и правительства Эррио во Франции. Эпоха рурской оккупации сменилась эпохой Лондонского и Локарнского соглашений.

Правда, тяжелые условия мира не изменены и ныне, и нужна еще долгая согласованная борьба демократии всех стран,

чтобы эти условия были видоизменены в согласии с принципами демократии. Но метод решения спорных вопросов не путем применения оружия, а путем переговоров или арбитража был принят обоими главными противниками, Францией и Германией. Это соглашение осуществилось при участи Англии. И хотя ныне в Англии и во Франции, также, как и в самой Германии, бразды правления вновь оказались в руках правых партий, но и они под влиянием общественного мнения вынуждены действовать в пределах этой политики.

Это соглашение, осуществленное в центре Европы, уменьшает шансы войны и во всех остальных частях мира, но, конечно, оно не означает полного уничтожения возможности войны. В разных углах мира часто еще вспыхивают угрозы военных конфликтов, но международный пролетариат при каждой такой угрозе выступает вперед, будит общественное мнение и всей своей силой и влиянием вынуждает правительства сохранять мир.

Этой политике противодействует не только европейская реакция. С ней борется также и русский большевизм, который от новых империалистических войн ждет разрушения капиталистических стран и укрепления своего дела. На словах, правда, и он является противником войн, но достаточно ему заметить где-нибудь зародыш военных конфликтов, чтобы он направил весь свой государственный и партийный аппарат на разжигание этих конфликтов. Так поступает он, например, в Германии, где он не останавливается перед союзом с реакционными организациями, с целью разжечь националистическую ненависть к Франции. Так поступает он и в Китае и в европейских колониях, где вся его деятельность есть попытка использовать освободительное движение угнетенных народов для своих собственных политических целей, главным образом для углубления существующих национальных конфликтов. Правда, он не решается прямо вызвать войну, так как не имеет настолько веры в собственные военные силы, но его желание вызвать столкновение между другими так сильно, что, работая в этом направлении, он часто и себя подвергает опасности. В этом одно из основных различий между современным социализмом и большевизмом: для первого, источником победы является развитие производительных сил, для второго, — разрушение этих сил; социализм отвергает методы войны даже для осуществления тех стремлений, которые сами по себе он считает справедливыми, большевизм же готов сблизиться со всяким движением, если это последнее усиливает возможность новых войн и разрушений.

Пока что победа остается за силами, борющимися за мир, несмотря на тысячу конфликтных вопросов, завещанных войной. Разрешение этих вопросов демократическими методами, осуществление всеобщего разоружения и обязательного арбитража,

укрепление Лиги Наций и ее преобразование в высший демократический орган народов, который явился бы защитником свободы всех наций, — такова политика международной демократии, первые этапы которой она как раз теперь старается провести в жизнь. И эту-то политику стремятся разрушить и разбить с помощью новых войн, с одной стороны, реакция, с другой — большевизм.

В таких международных условиях приходится нам действовать. Такова политика европейских социалистических партий.

Какова должна быть наша, грузинских социалистов, позиция в вопросе о войне?

Наша страна находится в тех особенно трудных условиях, о которых я говорил в начале этой статьи. Наша страна занята насильственно и никто не сомневается в том, что мы имеем право с оружием в руках бороться против вторгнувшейся власти. Такую оборонительную войну мы уже вели, но, к несчастью, оказались побежденными. И ныне также силы наши и тех, кто вторгся в нашу страну, настолько не равны, что мы не можем освободиться от угнетателей собственными средствами. И перед нами ставится вопрос: каким путем должны мы стремиться преодолеть это неравенство сил — согласованием наших действий с линией политики международной демократии, или же взятием курса на мировые конфликты?

Это тот основной вопрос, который связывает нашу борьбу с международной политикой.

Если большевизм и реакция возлагают свои надежды на новые империалистические конфликты, это понятно: новые мировые разрушения быть может действительно их укрепят, и во всяком случае риск войны они предпочитают укреплению международного мира, который, усиливая демократию, подготовляет их неизбежное крушение.

Но мы, грузинские социалисты, неужели мы можем положить судьбу нашего народа на весы империалистических конфликтов? Неужели мы можем сказать: победа демократии в каждой отдельной стране и осуществление ее мировых идеалов есть дело далекого будущего, империалистические же конфликты, быть может, разразятся завтра же, и потому наша подготовка должна быть двоякая — одна по линии демократического развития, другая по линии военных конфликтов?

Защиту такой двойственной подготовительной работы, к несчастью, можно часто встретить в нашей среде.

Насколько трудно примирить эти две политики, ясно с первого же взгляда. С этой стороны правы те наши националистические круги, которые недовольны нашим участием в политике Интернационала. В самом деле, линия демократической политики обязывает бороться вместе со всей международной социали-

стической демократией против всяких империалистических военных замыслов, а линия военных конфликтов обязывает стремиться к сближению с некоторыми военными кругами на почве подготовления войны. Тот, кто примет сразу обе эти линии, будет на каждом шагу наталкиваться на противоречия, из них вытекающие.

Мне скажут: законы жизни и законы логики — две разные вещи; самое положение нашего народа диктует нам необходимость прибегать к разнообразным способам борьбы за освобождение; быть может для всех остальных партий Интернационала полезно возлагать все свои надежды на демократическое развитие и бороться против всякой возможности войны, но для нас такая «односторонность» неприемлима, так как наша нация находится под особенно тяжелым гнетом, и для нее ориентация на военные конфликты есть одно из спасительных средств борьбы.

Верно ли это? Правда ли, что положение нашего народа диктует нам такую политику? Правда ли, что в тех трудных условиях, в которых он находится, ориентация на военные конфликты может быть благоприятна для его освободительной борьбы?

III. ВОПРОС О ВОЙНЕ И ГРУЗИЯ

Для того, чтобы правильно разобраться в этом вопросе, мы прежде всего должны рассеять возможность одного недоразумения.

Совершенно бесспорно, что деспотия часто бывала низвергнута войной, что в результате войны совершалось освобождение народов. За этого рода примерами нам не нужно итти далеко: совершившаяся на наших глазах февральская революция в России и самое освобождение Грузии были результатом мировой войны. Возьмем сначала пример революции в России. Мы были участниками этой революции и знаем: каждое бедствие, которое приносила война, потоки крови, экономическая разруха и поражение на фронте, расшатывали самодержавие и подготовляли революцию. Почему? Потому что самодержавие было ответственно за бедствия войны. Мы, революционные партии, войны не желали и всеми своими силами противились ее возникновению. Мы всегда предостерегали передовую часть рабочего класса от того, чтобы надежда на революционные последствия войны не заслоняла в ее глазах отрицательных сторон войны. Мы говорили ей, что революция, вызванная войной, очень дорого обойдется народу и что такой революции трудно будет пустить здоровые корни. Отмечу попутно, что это наше предсказание, в ходе событий в России, оправдалось с гораздо большей полнотой, чем мы это сами себе представляли. Но сейчас я говорю лишь о том, как совершив-

лось падение самодержавия в условиях войны. Революционные партии боролись с возможностью войны, но когда война все таки стала фактом, такая политика не только не оставила их безоружными в новых условиях, но, напротив, облегчила им свержение самодержавия. Так происходило во время всех внутренних революций, вызванных войной.

В Грузии результаты войны в корне изменили условия нашей жизни и поставили перед нами совершенно новые вопросы. У нас за войной последовала не только внутренняя революция, но и осуществление независимости.

Этот исторический перелом, конечно, придал совершенно новый вид нашей национальной политике. Но, — я думаю, это должны признать даже и наши противники, — в нашей старой политике была одна существенная сторона, которая оказала народу большую услугу и в новых условиях, в деле осуществления и защиты независимости. Этой существенной стороной нашей политики была наша линия в вопросе войны, линия демократической солидарности народов, отвержение политики искания военных комбинаций. В самом деле, если бы Грузия в вопросе войны стала на иной путь, разве созданная вокруг нее атмосфера дала бы возможность нашей маленькой нации встать на ноги в конце войны и в продолжении трех лет в труднейших условиях защищать свое свободное существование? Кто знает сколько бедствий обрушилось бы до того на ее голову в ходе превратностей войны. И в момент устроения собственной государственной жизни, когда недисциплинированные русские войска окружали наш народ, и когда враги старались разжечь их националистические страсти против Грузии, разве смогли бы наши организации спасти страну, если бы у них не было общепризнанного демократического престижа, если бы они были носителями национальной вражды? А затем, во время нашей независимости, когда европейские войска по очереди входили в нашу страну, разве установление их отношений к Грузии затруднялось тем, что Грузия заранее не устраивала военных комбинаций ни с той ни с другой стороной? Напротив, отсутствие таких комбинаций дало Грузии возможность встретить всех в качестве нации, защищающей только свои бесспорные права и желающей установить добрые отношения со всеми народами.

Эти примеры показывают, что отвержение политики войны не означает закрывания глаз на возможности войн и оставления угнетенной нации беспомощной на тот случай, если война разразится. Мы видим, что в прошлом как раз отвержение политики войны и укрепило нашу нацию, и наилучшим образом подготовило ее к защите демократических и национальных интересов, и это не только в условиях мира, но даже и в самих, созданных войной условиях.

Если это так, то является вопрос: ныне, в борьбе за национальную независимость, какое обстоятельство диктует нам изменение такой линии?

Правда, национальные движения часто прибегали и к военным методам борьбы, но не для всех эти методы оказывались благоприятными. Одни нации этим путем освобождались, другие же гибли. И каждая нация, прежде чем стать на этот путь, должна хорошо взвесить, благоприятствует ли ее положение вступлению на этот путь или же этот путь является для нее роковым.

К сожалению, если перечесть всю нашу партийную литературу, начиная с брошюр и кончая «Борьбой», мы не найдем такого анализа нашего положения. В ней взят такой тон, будто бы само собой должно быть ясным и понятным, что одним из средств нашей борьбы являются поиски военной помощи. Это утверждение можно найти выраженным и в прямой форме, более же часто, — в косвенной форме, в виде намеков. Можно найти статьи, смысл которых тот, что международные осложнения вероятны и что если мы направим соответствующим образом нашу политику, эти осложнения могут послужить к нашему спасению. Но об'яснение того, почему ныне, в нашей национальной борьбе стали спасительными такие методы, которые мы раньше считали для нашего народа крайне опасными, в нашей литературе найти нельзя.

Этот пробел в политическом освещении вопроса, конечно, не может быть об'яснен соображениями конспирации. В самом деле, если бы к этому вопросу был подход с точки зрения конспирации, то скрывать надо было бы как раз тот факт, это мы считаем возможным найти военную помощь. Но раз мы не скрываем этой политической линии, то какой же смысл имеет скрывать соображения об ее целесообразности? Косвенные, путем намеков, разговоры об этом предмете, с конспиративной точки зрения наиболее нецелесообразны. Этим путем не только предмет не скрывается, но, напротив, к нему привлекается всеобщее внимание.

Но само собой разумеется, что к такому вопросу нельзя подходить с точки зрения конспиративной. Конспирация возможна по отношению к отдельным конкретным актам, а такой вопрос, как вопрос о направлении национальной политики, не может остаться облеченным в конспирацию. В таком вопросе должно разобраться общественное мнение всего народа. И худо не то, что наша литература так часто возвращается к вопросу о войне, худо то, по моему мнению, что она не дает этому вопросу полного политического освещения, и не может этого сделать, так как взятую ею линию очень трудно обосновать об'ективными доводами.

Расмотрим два примера суждений нашей литературы по

вопросу о военной помощи: один такой, который касается прямой помощи, другой, который подразумевает помощь косвенную.

Помощи первого рода касается Н. Жордания в своей брошюре: «Мы и они», написанной в ответ С. Девдариани. Судя по этой брошюре, С. Девдариани выдвинул положение, утверждающее, что выступление иностранных войск против оккупации Грузии было бы интервенцией в ее внутренние дела. Н. Жордания резко критикует это мнение, и в этом он, конечно, прав. Он напоминает С. Девдариани, что само московское большевицкое правительство осуществило интервенцию против Грузии, и говорит затем следующее: «Наша цель снять интервенцию (то-есть изгнать советские войска из Грузии. И. Ц.). Средства для этого многообразны. Одно из них, это помощь всех тех иностранных сил, которые разделят эту нашу главную цель. Это — помощь, а не интервенция, как, например, Бельгии помогали другие государства против германской оккупации. Эту помощь никто не называл интервенцией, даже и сами большевики».

Повторяю, отмеченное здесь различие между «интервенцией» и военной помощью совершенно верно. Но как видно из приведенных слов, Н. Жордания не удовлетворяется установлением этого различия. Он отсюда делает заключение, которое представляет для нас величайший интерес. Грузию он сравнивает с покоренной Бельгией не только с точки зрения правовой, но и с точки зрения средств борьбы.

Мы должны разобраться в том, насколько верно это сравнение, насколько соответствует условиям нашей международной борьбы утверждение Жордания, что одним из средств освобождения Грузии является «помощь всех тех иностранных сил, которые разделят эту нашу главную цель», помощь того рода, «как, например, Бельгии помогали другие государства против германской оккупации» — то есть военная помощь.

Прежде всего одно обстоятельство обращает на себя внимание в этом сравнении. Н. Жордания забывает, что Бельгия получила военную помощь в тот момент, когда на нее было совершено нападение и что это нападение было частью войны двух борющихся коалиций. Когда на нацию совершают нападение, ее первым средством борьбы является вооруженный отпор, оборонительная война. Но это не значит, что если она оказалась побежденной в войне, то и дальше средство борьбы должно для нее остаться то же самое, т. е. подготовка к новой войне. История национальных движений показывает, что одно дело средства защиты независимости, и другое, средства восстановления независимости. Также и с точки зрения международной, легче нации получить военную помощь в тот момент, когда на нее совершается нападение, чем впоследствии.

В настоящее время в Европе больше всего защищают нас социалисты, в частности бельгийские социалисты. Они горячо поддерживают наше дело перед общественным мнением, перед официальными кругами и часто сравнивают положение нашей страны с положением Бельгии во время войны. Но освобождение Грузии они связывают не с военными конфликтами, а с увеличением силы и влияния демократии в международной политике. Новую войну ради нас они настолько же считают невозможной, как и все другие. Есть ли что проявление их эгоизма? Нет, они верят, и в этой вере социалисты победивших стран не отличаются от социалистических партий стран побежденных, — что возникновение новых войн для исправления оставленных войной несправедливостей, есть путь, готовящий человечеству, и самим угнетенным нациям, не спасение, а новые бедствия. Для нас же в нашем положении они считают особенно опасным связывать с войной надежду на освобождение. И в самом деле, сравнение всего нашего международного положения с положением Бельгии показывает насколько лишена какого бы то ни было основания падежда получить для Грузии такого рода помощь, какую во время войны получила Бельгия.

Борьба за освобождение Бельгии действительно является примером того, что иностранные государства «разделили» главную цель нации, подвергшейся вторжению. Эти иностранные государства были соседями Бельгии, считавшими ее независимое существование своим жизненным интересом. Вторжение в границы Бельгии означало в их глазах нарушение равновесия сил в Европе, угрозу, направленную против их существования. Так Англия и Франция оценили вторжение Германии в Бельгию. Они ни минуты не колеблясь пришли ей на помощь, и одной из главных целей войны стало для них обеспечение независимости Бельгии.

Теперь сравним с этим положением Бельгии положение Грузии.

Еще в то время, когда Грузия стояла на ногах, Европа обнаруживала большую сдержанность в вопросе о нашей независимости, и самое получение правового признания оказалось для нас чрезвычайно трудным. С большими затруднениями добились мы возможности прямых переговоров с правительствами и получили фактическое признание. Но только после трех лет непрерывных усилий получили мы юридическое признание. Нужно отметить, что европейские правительства дали нам такое признание лишь после того, как нашу независимость официально признала сама большевицкая Россия: это последнее обстоятельство оказалось одним из главных аргументов, который помог преодолеть колебание Европы в нашем вопросе.

Как наши друзья социалисты, так и буржуазные деятели, которые по какой либо причине обнаруживали настоящий интерес к судьбам Грузии, всегда предупреждали нас, чтобы мы не возлагали надежд на реальную помощь Европы. Настолько это предостережение верно выражало отношение европейских государств к нам ясно показали последующие события, когда советское правительство нарушило свое признание. В этот критический момент ни одно правительство, признавшее нас, не заявило даже дипломатического протеста против уничтожения признанного государства. И до настоящего дня вопрос о нашем освобождении не только не стал предметом активной дипломатической борьбы, но все наше старание направлено к тому, чтобы европейские государства, вследствии совершившегося факта, не аннулировали наших юридических прав. И это в то время, когда вторгнувшаяся к нам власть не имеет нормальных отношений ни с одним из европейских государств, а со многими из них находится в явном конфликте.

Ясно в этих условиях, насколько неосновательно для нас ожидание такого рода помощи, какую получила Бельгия. Сравнение положения нашей страны с положением Бельгии как раз является примером того, насколько различны бывают средства борьбы нации, подвергшихся вторжению.

Но оставим сравнения и спросим, имеет ли серьезную почву в каких либо общественных кругах Европы идея военной помощи Грузии?

При чтении некоторых статей «Борьбы» получается впечатление, что, косвенным путем, такого рода помощь для Грузии подготовляется, так как очень влиятельные европейские силы думают изгнать московские войска из пределов Кавказа.

Вот, например, что пишет И. Чавчанидзе в №22 «Борьбы»:

«Историческая борьба между Англией и Россией достигла высшей точки. Нынешняя Россия стремится низвергнуть английскую империю и уничтожить ее мощь. Англия со своей стороны не дремлет и с привычной для нее неторопливостью готовится дать отпор нападающему врагу. Ближайшее будущее покажет, кто явится хозяином положения».

По мнению И. Чавчанидзе очень вероятно, что Советская Россия вызовет вооруженное столкновение и окажется побежденной. И вот как он рисует результаты этой перспективы:

«Если это произойдет, будет сомнительно, чтобы в этом случае Англия удовлетворилась только поражением большевицких войск на поле сражения и ослаблением русского влияния на Дальнем Востоке. Она будет иметь прекрасный случай навсегда обеспечить от русской опасности свою величайшую колонию — Индию. Это же будет возможно, если, с одной стороны, Россия

потеряет Туркестан, — этим она лишится того исторического пути, ведущего в Индию, по которому некогда вторгся туда сын принца древнего Фергана, Великий Могол, — и если, с другой стороны, Россия будет изгнана за Кавказский хребет. Лишившись Закавказья, Россия отстранится от того исторического пути, по которому войска знаменитого Надиршаха бросились на Индию. Трудно представить себе, чтобы Англия упустила этот редкий случай».

Я пишу эту статью в момент обострения англо-русского конфликта, когда консервативное правительство изгнало из Лондона представителей советского правительства. Я хорошо знаю, что этот конфликт выражает не только противоречие двух несовместимых режимов, но также и столкновение двух соперничающих империализмов.

Все это так, и все же нарисованная И. Чавчанидзе тенденция относится более к области мечтаний, чем к области действительности.

Я не останавливаюсь здесь на вопросе, хорошо ли было бы или нет для нас, если бы Англия, в борьбе с Россией, превратила Кавказ в форпост для защиты Индии. Думаю, что такая судьба была бы для нас незавидна, что она принесла бы нашему народу много новых испытаний. Но все должны согласиться с тем, что хуже всего для нас будет, если мы направим в эту сторону надежды нашего народа в то время, как сама Англия даже не ставит чего либо подобного целью своей реальной политики.

И. Чавчанидзе, как видно прочитал много материалов по истории английской политики, но оставил без внимания тот вопрос, который имеет решающее значение для его заключения: почему случилось, что Англия в продолжении веков соперничала с Россией в тысяче других пунктов земного шара, но не соперничала с ней на Кавказе, несмотря на то, что войска Надиршаха как раз этим путем напали на Индию? Если урока этого нападения Англия не сумела усвоить в прошлом, какое у нас основание думать, что она усвоит его именно сегодня?

Я думаю, что такого основания у нас нет, и что поведение Англии за последние годы показывает как раз обратное.

В самом деле, что произошло на наших глазах за эти годы:

Россия вышла побежденной из мировой войны; к ее поражению присоединились гражданская война и анархия. Кавказские народы об'явили свою независимость. Английские войска вступили в это время на Кавказ, в силу условий перемирия. Но империалистическая Англия не взяла линии на изгнание России с Кавказа и даже не захотела поддержать независимость кавказских народов. В правящих кругах нашелся в это время всего один английский государственный деятель, с большим вниманием отнесся к нашей независимости, но характерно, что и

он решающим моментом для нашего существования считал вопрос, сможем ли мы получить признание от России и установить с ней хорошие отношения. Остальные же сначала указывали нам путь об'единения с Деникиным, а затем сами же дали согласие большевикам на их вторжение на Кавказ. И до настоящего времени, хотя английские консерваторы в других вопросах очень решительно борятся с Советской Россией, именно наш вопрос они считают таким, в котором не желают оказывать какого либо противодействия враждующему с ними советскому правительству.

Чем об'ясняется все это? Тем, что с Россией, с ее будущей силой империалистическая Англия считается гораздо больше, чем это представляет себе И. Чавчанидзе. Английская буржуазия не желает столкновения с Россией в таком пункте, к которому Россия имеет более легкий доступ, чем Англия; что же касается собственных сил кавказских народов, то она их считает настолько неравными в сравнении с силами России, что не верит в возможность сохранения самими кавказскими народами их независимости в борьбе с Россией.

В этом причина холодности, которую проявляет английская буржуазия в нашем вопросе. Этими же соображениями руководится по отношению к нам буржуазия других стран Европы. Потому-то экономический интерес к Кавказу европейская буржуазия не связывает с заботой о судьбе нашего народа, и защита прав нашей страны находит так мало отклика в этих кругах.

Если вопрос о судьбе нашей маленькой страны все же встал перед широким общественным мнением Европы, здесь главную роль сыграло то обстоятельство , что борьба нашего народа за свободу нашла сочувственный отклик со стороны того большого социального движения, которое имеет мощные корни в европейской действительности.

Правда и в среде рабочего класса защита нашего дела наталкивается на трудности. Судьба маленькой далекой Грузии и здесь не стоит в центре внимания широких масс в той мере, в какой нам бы этого хотелось, — так как она не связана непосредственно с теми большими, острыми нуждами, за которые они борятся. Вместе с тем правильному представлению нашего дела мешает тот ошибочный взгляд на большевиков, который до настоящего времени существует еще в одной части рабочего класса. Эти трудности существуют, но связь освободительной борьбы нашего народа с идеалами рабочего движения все же с естественной необходимостью дает себя знать, — и в руководящих, влиятельных кругах рабочего класса, в политических партиях, мы с самого начала нашли ту общественную базу, на которую опираемся во всей нашей международной работе; и то, чего мы достигли до настоящего времени на этой арене, — сочувствие обществен-

ного мнения, юридическое признание и его сохранение до настоящего момента, — все это достигнуто с их помощью.

Но есть нечто, чего мы никогда не можем требовать от рабочего класса, это—чтобы он поддержал меры военной помощи со стороны Европы для нашего освобождения.Мы видели, как смотрит на вопрос о войне рабочий класс Европы. В этом вопросе в социалистических кругах нет различия мнений: самые крайние противники советского правительства самым решительным образом отвергают идею войны с Россией. Защите мира и восстановлению экономических сношений с Россией европейская демократия придает такое значение, что если наше дело станет поперек этой цели, то в этих условиях нас не поддержат даже наши лучшие друзья.

Мы должны представить себе со всей ясностью существующее положение: обе главные силы европейского общества, и буржуазия и пролетариат, очень далеки от стремления защищать права Грузии оружием,—первая, потому что не считает выгодным соперничать с Россией на Кавказе, вторая, — потому что отвергает путь войны, как способ урегулирования положения угнетенных наций.

В этих условиях осуществление военной помощи мы можем себе представить только тогда, когда какое-нибудь государство, политика которого сама по себе не связана с защитой нашей независимости, — в случае, если у него произойдет военное столкновение с Россией, окажет нам поддержку, ибо в такой момент это станет для него выгодным.

Что это означает? Это означает, что возложение надежд на военную помощь для нашего народа особенно опасно. В этих условиях, если бы вспыхнула война и если бы какое нибудь государство даже приняло требование нашей независимости, разве есть основание думать, что после войны, когда главные спорные вопросы будут решены оружием, наш народ не останется предоставленным своим собственным силам? И это — после такой войны, в которой Грузия будет противопоставлена России не только, как защитница своей независимости, но и как сторона, связанная с тысячью стремлений, совершенно другого рода, воюющих против России государств. Ведь это же будет повторение той трагедии, которая обрушилась на Турецкую Армению. Этот пример стоял всегда перед нашими глазами, как великий предостерегающий урок, показывающий какую опасность представляют для покоренного народа военные союзы, и неужели же теперь, когда наш народ находится в особенно тяжелых условиях, мы должны забыть это?

Мне скажут: наш народ осторожен, он с'умеет всякую тактику провести в жизнь предусмотрительно. Но есть положения, когда даже народ с большим реалистическим инстинктом может стать жертвой иллюзий; и именно в выборе тактики его руководители

должны обнаружить осторожность, в противном случае, — если не верен путь, избранный с самого начала, — никакая предусмотрительность не предохранит от опасности народ, вступивший на этот неверный путь, — не сможет предохранить его от опасности не только во время войны, но и в мирное время. Мы видели это в августовские дни. Сегодня нельзя найти в нашей среде никого, кто бы не говорил, что такое изолированное выступление Грузии было с самого начала безнадежным. Но как могло произойти такое выступление? Во главе движения стояли лучшие силы нашего народа и партии, лучшие не только в смысле духовной твердости, но и в смысле чувства ответственности. Недостатка в умении и в желании быть осторожными у них не было, но несчастье было в том, что линия, избранная самой партией, — создание военных организаций, — было неосторожной и несоответствующей положению. Я не забываю, что удушливый гнет большевизма создал в нашем народе то настроение, которым было вызвано августовское выступление. Но если бы наша партия отдала себе отчет в несоответствии военных методов борьбы со всеми окружающими нас условиями, если бы она направила все свои силы на раз'яснение этого народу, — кто знает, быть может она спасла бы народ от безнадежного выступления, жертвой которого стали лучшие силы Грузии.

IV. КАКОВА ДОЛЖНА БЫТЬ ПОЛИТИКА ГРУЗИНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

Я так подробно остановился на вопросе о войне и о военной помощи, ибо решение этого вопроса имеет большое значение для всей нашей политики. Будет ли война или нет, этого никто предсказать не может, но тот или другой подход к этому вопросу накладывает глубокую печать на всю нашу политику.

Я не останавливаюсь на бесспорных вопросах нашей политики: само собою ясно, что обличение реакционности и империалистических черт большевизма, сочетание наших национальных требований с нашими социальными стремлениями должно составлять существенный предмет пропаганды нашей партии. Но весь исторический смысл этой пропаганды находится в зависимости от того, какие средства считаем мы целесообразными для борьбы с большевизмом, для проведения в жизнь наших требований.

Я привел из нашей литературы те примеры суждения о войне, которые, по моему мнению, совершенно не соответствуют условиям и интересам нашего движения. Но не только сеяние беспочвенных надежд, но даже и простое молчание по этому вопросу было бы великой ошибкой с нашей стороны. Если в других странах борьба с психологией, оставленной войной, стала главной зада-

чей всей демократии, то еще больше должно так быть у нас: наш народ оторван в настоящее время от мира, как никогда. Большевизм давит его, как тяжелая плита, и в то же самое время большевицкая пресса непрерывно гудит ему о вероятных международных катастрофах. Эти условия создают в народе почву для иллюзий, что кто-то придет, освободит его при помощи оружия и станет оберегать его. Мы должны раскрыть ему глаза на действительность, должны показать ему насколько беспочвенна такая мечта. Мы должны указать ему путь, который никогда его не обманет, верный путь для защиты его национальных, политических и социальных стремлений. Этот путь, это развитие массового сознания, организации и самодеятельности для борьбы за эти стремления на легальной и нелегальной арене, так, как мы это делали во время самодержавия. Мы должны бороться с тем представлением, что будто бы, раз наш народ стоит на почве независимости, военные методы борьбы стали для него более целесообразными или менее опасными, чем это было до независимости.

Я хорошо знаю, что наша партия не устраивает в настоящий момент военных организаций. Но народ должен знать, что это не есть наше примирение, скрепя сердце, с обстоятельствами, но политическая линия, которая возлагает всю надежду нашей освободительной борьбы на наши старые испытанные демократические организации. Если вообще военные организации плохо вяжутся с требованиями массового рабочего движения, этот метод борьбы особенно нецелесообразен в наших условиях, где военные организации маленького грузинского народа должны быть противопоставлены милитаристической деспотии, господствующей над всей Россией. Вот такая постановка вопроса соответствует интересам нашего освободительного движения, это вернет старую силу и значение нашим демократическим организациям. Часто можно слышать в нашей среде, что многие наши передовые рабочие стали пассивны, так как не могли приспособиться к новым условиям борьбы. Они не могли приспособиться к этим условиям, так как в нашу идеологию и практику проникли элементы, которые неприемлемы для рабочего класса всюду. Метод национальной борьбы рабочего класса тот же, что и метод его социально-политической борьбы — массовая организация и самодеятельность. И наши рабочие с тем большим трудом могут усвоить необходимость военных приготовлений ,чем больше услуг оказали в прошлом грузинскому народу во всех условиях и отказ от военных комбинаций и борьба чисто демократическими методами.

Я думаю, вся новая история, начиная с политического пробуждения грузинского народа до наших дней, свидетельствует о том, что грузинский народ на всех поприщах его борьбы гораздо более силен, как демократическая революционная сила, чем как

сила военная. Когда наши националисты недостаточно считаются с этой истиной, это еще понятно: согласно их теории, национальная борьба по своему содержанию отделена совершенно от социального движения трудящихся, и должна быть отделена от него и по методам борьбы. Но мы, социал-демократы, поистине должны превратиться в пленников националистической теории, чтобы закрыть глаза на этот исторический урок и поставлять грузинскому народу идеологию военной борьбы.

Каково должно быть наше отношение к России?

Наше национальное движение получило бы совершенно изуродованное лицо, если бы мы перенесли на русский народ те чувства, которые возбуждает к себе господствующая у нас варварская деспотия. Во все критические моменты нашей борьбы мы слышим голос сочувствия наших руских товарищей, которые и сами в труднейших условиях борются против кровавой советской диктатуры. Такое же сочувствие должны пробуждать мы в нашем народе по отношению к освободительной борьбе русского народа. Это не только наш моральный долг, это прямой интерес всего нашего дела. Борьба маленькой грузинской нации против деспотии, господствующей в России, была бы безнадежна, если бы само развитие России не укрепляло сил, борющихся с этой деспотией и не подготовляло союзников нашему народу. Укрепление и победа идей нашего освобождения тесно связаны с укреплением и победой идей демократии внутри самой России.

Только отдавая себе отчет в этой истине, можем мы укрепить наше дело на международной арене. Все круги в Европе очень считаются с отношением к нам России; здесь все хорошо понимают, что главный вопрос нашего существования есть наше взаимоотношение с соседями, и прежде всего, с таким большим соседом, как Россия. Чем больше сочувствия будет иметь наше дело в России, тем сильнее будет и поддержка Европы. И даже теперь, когда русская демократия так слаба, поддержка русских социалистических партий очень укрепила наше дело в Интернационале и облегчила европейским социалистам нашу защиту.

Ддя нашей партии недолжно представлять трудности взятие верной линии в отношении к русскому народу и демократии, так как непосредственные интересы нашего национального движения диктуют нам то же, что и наши с давних пор усвоенные принципы. Но к несчастью, как раз в этом вопросе наиболее резко сталкиваются в нашей нынешней идеологии две противоположные тенденции.

Н. Жордания пишет в «Нашей тактике»:

«Само собой разумеется, что у грузинского народа нет никаких причин для споров и войны с русским народом, который сам страдает от советской тирании. Россия не имеет ни одного действительного интереса, который нельзя было бы совместить

с независимостью Грузии. На почве переговоров и равенста все разногласия легко будут исчерпаны».

Это действительно так. Когда мы обращаемся к русской демократии за поддержкой нашей независимости, здесь нас укрепляет вера в солидарность интересов наших народов, сила наших общих идеалов, авторитет международной демократии. Но это так только до тех пор, пока мы сами остаемся на почве демократии и не связываем дело свободы нашего народа с такими стремлениями, которые не имеют ничего общего с демократией.

И вот я спрашиваю: укрепляет ли защиту нашей независимости с точки зрения демократии следующие соображения Н. Жордании относительно того, что представляет собой «действительный интерес» России в национальном вопросе:

«Ныне, единственное многонациональное государство это — Россия. Мировой прогресс коснулся и ее, но не увлек ее окончательно. Еще осталось в ее пределах много наций, которые ожидают своего освобождения. Этот неизбежный естественный закон, и если даже эти нации откажутся от свободы, история обрушит ее на них со всем своим гневом. Превращение России в Великороссию есть приговор истории» («Наша тактика»).

Что мы должны всюду поддерживать право наций на самоопределение, это конечно ясно. Ясно также и то, что мы должны быть проникнуты чувством демократической солидарности по отношению к нациям, живущим в пределах России. Но это не значит, что мы должны проповедывать для каждой из этих наций, — независимо от того, желает ли она это или нет, — обособленное государственное существование. Предположим, что некоторые нации пожелают сохранить государственное единство с Великороссией, — в виде федерации, автономии, или же в том виде, в каком мы раньше это считали желательным для Грузии, — это должно быть делом этих наций и России. А Н. Жордания грозит таким нациям «гневом» истории: они должны сначала выполнить «приговор истории», отделиться от Великороссии и только после этого могут поддерживать связь с Великороссией в том виде, в каком все независимые народы связываются друг с другом, то есть посредством Лиги Наций.

Эта теория, которая считает обязательной для всех наций сепаратную государственную организацию, имеет один недостаток: ее повсеместное осуществление не только пока не совершилось, но если бы совершилось, то сделало бы невозможным существование почти всех современных государств, больших и малых. В частности, во время независимости Грузии, этим путем пытались разрушить ее наши противники. И действительно, проведение этих принципов в жизнь у нас уничтожило бы грузинскую демократическую республику.

Н. Жордания может нам сказать, что он совсем не думает проповедывать осуществления этого требования в другой стране, кроме России. Но тогда что же останется от демократического одеяния всей его теории?

Как бы для того, чтобы облечь мысль Н. Жордании в более соответствующеее реалистическое одеяние, выступает рядом с ним в «Борьбе» И. Чавчанидзе и об'ясняет там, что не сегодня-завтра в порядке дня европейской политики будет поставлен вопрос о разделе России. Это совершится, оказывается, вследствие экономического оскудения России. Она, мол, не сможет заплатить долгов Европе, и капиталистические страны поделят ее между собой. И. Чавчанидзе раз'ясняет также каким путем произойдет этот раздел: иностранный капитал заставит правительство разорившейся России принять «режим капитуляции» или же разделения на «экономические зоны». А за этим, по словам И. Чавчанидзе, последует вот что:

«Иностранный капитал не будет совершенно считаться с хозяйственными нуждами страны, он будет преследовать только одну цель: извлечь как можно больше выгоды. Само собою разумеется, что ареной своей деятельности и хозяйничания он изберет не центр России, — ничего не имеющую Великороссию, — а районы сырых продуктов. Каждая провинция будет жить своей самостоятельной экономической жизнью; обособленная экономическая жизнь породит обособленные политические интересы и вызовет политическое разделение России».

Это разделение, по мнению И. Чавчанидзе, будем тем более необходимым, что Россию населяют многие нации, которые сильно отличаются своими стремлениями от великороссов. Раз всю Россию подчинят жестокому режиму эксплоатации, в когти этого режима попадут также и все не-великороссы, и это усилит в последних тенденции к независимости. Вот, оказывается, что представляет собой «исторический гнев», который должен на них обрушиться и потребовать от них отделения от России. «Хотят они этого или нет, — повторяет И. Чавчанидзе формулу Н. Жордании, — эти народы должны сами стать собственными господами и хозяевами». («Борьба», № 15).

Этот взгляд на средства решения национального вопроса, как видим, лишен всякой демократической сентиментальности и основывается на чисто «реалистических» соображениях. Но только редакция «Борьбы» и ее сотрудники забывают об'яснить нам, каким образом такой раздел России облегчит живущим в ее пределах нациям приобретение независимости. Если действительно кредиторы России превратят в свои «экономические зоны» территории этих наций, какой интерес они будут иметь содействовать независимости этих наций? Интерес кредиторов, напротив, требует, чтобы территории этих наций считались про-

винциями несостоятельного должника, так как в противном случае они потеряют право «капитуляций» на этих территориях.

Если перспектива, нарисованная И. Чавчанидзе, осуществится, ясно, что перед нами окажутся два больших лагеря: с одной стороны, европейские капиталисты и правители России, пришедшие к соглашению на почве режима «капитуляций»; с другой стороны, жертва этого соглашения, стомиллионный русский народ, борьбу которого против этого режима будет всей своей силой поддерживать международная демократия. И разве можно представить себе, что в этом случае судьба освободительной борьбы грузинского народа будет отличаться от судьбы борьбы русского народа и международной демократии?

С другой стороны, откуда взяли «Борьба» и ее сотрудники, что раздел России иностранным капиталом «неизбежен и несомненен»? Правда, ни одна страна не имеет гарантии, что она не разрушится. Тем более не имеет такой гарантии страна, находящаяся под господством большевизма. Но все же вопрос о долгах не смог пока поколебать даже внутреннего режима в России, и если ни что другое, то хотя бы судьба нашего вопроса должна была показать нам, насколько считается весь мир даже с нынешней большивицкой Россией.

Все эти вопросы не существуют для И. Чавчанидзе, и он многозначительным тоном советует нашим политическим деятелям «поставить календарь на несколько лет вперед», «прозреть грядущую необходимость» (т. е. раздел России иностранным капиталом. Ир. Ц.) и направить свой политический курс в сторону этой необходимости».

Неужели для нас стало трудным почувствовать, куда влечет нас подобный «курс»? Если оставить в стороне все остальное, разве разумно сказать своему более сильному соседу: хочешь, не хочешь, ты подвергнешься разделу со стороны иностранного капитала и я направляю свой «курс» на твой раздел? Или может быть кто-нибудь серьезно думает, что такой «курс» выражает «действительный интерес» русского народа и не помешает добрым отношениям с ним?

Вот от каких тенденций мы должны очистить нашу политику. Это нужно для защиты не русского, а грузинского народа. Не забудем, какую горькую участь испытала та же Армения за взятие такого курса по отношению к больной Турции, которая действительно была обречена на раздел и которую на самом деле разделили. А для определения нашего курса по отношению к России нам следует руководствоваться словами Каутского, который гораздо лучше выражает мнение Европы о России, чем И. Чавчанидзе:

«Дело демократии в России ни в коем случае не является таким вопросом, который касается только русского народа и ни для кого другого не представляет предмета забот. Оно должно стать центральной проблеммой Интернационала. Это вопрос огромного значения для всего мирового прогресса».(«Борьба»,№ 1)

Какова должна быть наша международная работа?

В Европе нельзя серьезно поставить ни одного вопроса, если к нему не проявят серьезного интереса какие-нибудь значительные общественные круги. Наша международная работа явилась бы бес почвенной, если бы она не имела другой основы, кроме той, что ев ропейские правительства по другим вопросам находятся в конфликте с большевицким правительством, и пока эти вопросы остаются неурегулированными, то и защита наших прав должна представлять для них интерес. В действительности, и в этих условиях решающее значение для защиты нашего дела на официальной почве имеет то сочувствие, которое оно нашло в общественных кругах.

Мы должны очень серьезно считаться с тем соотношением сил, которое существует в европейском обществе по нашему вопросу. Представители Грузии очень стараются приобрести сочувствие в буржуазных кругах, но по причинам, которые я уже отметил, в этих кругах не нашлось ни одной политической партии или экономической организации, которая связала бы свою политику с требованием нашей независимости. Поддержка отдельных деятелей из этих кругов носит всегда индивидуальный характер. Коллективная же сила, которая постоянно поддерживает наше дело и выдвигает его перед общественным мнением и официальными кругами — это социалистическая демократия.

Я знаю, что в некоторых кругах наших товарищей как раз против этой поддерживающей нас силы раздаются наиболее горькие сетования: — в такое то, мол, время, они недостаточно нас поддержали, в такой то момент отступили перед советским правительством и пр. Но все же никто не может отрицать того факта, что, худо ли, хорошо ли, а в каждой европейской стране только социалистические партии связали свою политику с нашим делом и что без их помощи мы не могли бы сохранить ни тех юридических прав, которые у нас остались, ни того общественного внимания к нашему делу, которое существует в Европе. Я думаю, если бы мы не были связаны с социализмом в других отношениях, то и тогда интересы нашего национального движения должны были бы нас сблизить с ним.

Чем больше мы удалим из нашей идеологии всякие мечты

о военной поддержке, которая в действительности не имеет под собой почвы, тем более серьезный облик придадим мы нашему делу во всех европейских кругах. Не даром наши противники в своей пропаганде, направленной против нас, бьют как раз в эту точку. Они нарочно изображают дело так, как будто мы на почве военных приготовлений уже завязали связи с военными кругами различных стран. Они хорошо знают, что это не так, и их целью вовсе не является само по себе преувеличенное изображение наших политических связей. Но относительно нашего участия в военных делах они создают целые легенды, так как знают, насколько вредно для нашего дела изображение нас в подобной роли. Они знают, что в нашем положении такого рода шаги придали бы нашему делу в глазах всех кругов несерьезный авантюристический характер и они связали бы нас с тысячью таких стремлений, с которыми круги действительно нам близкие ничего общего не имеют.

Я совершенно не желаю преувеличивать практического значения сочувствия европейской демократии нашему делу. Если бы это сочувствие оказало и более заметное влияние на европейскую демократию, то и это, само по себе, не принесло бы освобождения нашему народу. Влияние европейской демократии на нашу судьбу тесно связано с тем влиянием, которая оказывает европейская жизнь на все развитие России. Большевизм это та плотина, которая воздвигнута между Россией и Европой, но мировые экономические процессы в настоящее время настолько об'единены, что потребности всего мира и самой России расшатывают и неизбежно разрушат в конце концов эту плотину и откроют путь в Россию тому же политическому развитию, которое характеризует нынешнюю европейскую жизнь. Будет ли падение российской деспотии результатом только внутреннего развития, или же к этому прибавится и вызванная самими большевиками военная катастрофа, наш народ тем более полно сможет осуществить свою свободу, чем больше сил соберет и сохранит он к этому решительному моменту и чем больше сочувствия с'умеет он пробудить к себе в России и в Европе. А подготовлять все эти условия он может только одним путем: если в своем национальном движении он будет держаться той почвы, которая об'единяет наше дело с общим освободительным движением.

После завоевания Грузии, два раза переживал наш народ особенно критические минуты. Это было в 1922 г. и 1924 г., когда советская власть пролила море крови в нашей стране. Все наши старания найти в эти критические минуты дипломатическое заступничество европейских государств осталось бесплодным. Единственый официальный отклик нашли мы в Лиге Наций.. Лига Наций в обоих этих случаях приняла одну и ту же

резолюцию, в которой она выражала желание, чтобы наша страна мирными путями достигла нормальных условий.

Я об этих случаях вспоминаю потому, что здесь публично повторилась картина, которая характеризует все этапы нашей международной работы: представители правительств, которые вообще вовсе не претендуют на пацифизм, в нашем вопросе обнаружили преувеличенную осторожность — как бы, мол, наш отклик Россия не поняла так, что мы подстрекаем грузин, или же грузины не подумали того, что мы можем оказать им военную поддержку. А инициаторами защиты наших прав выступали социалисты. И когда Лига Наций решила принять единогласно резолюцию, внесенную нашими друзьями, автор этой резолюции, Дебрукер, со следующими словами обратился к грузинскому народу с трибуны Лиги Наций:

«Да будет мне позволено, — так как в Грузии узнают то, что здесь произошло, — обратиться с несколькими словами к моим многочисленным грузинским друзьям и настоятельно указать им на тот факт, что резолюция внесенная в это собрание заключает в себе по отношению к ним не только обещание, но также и совет; она говорит им: существует Лига Наций, она вносит метод еще несовершенный и незаконченный, но который совершенствуется и постепенно приобретает все большее влияние — метод решения международных конфликтов иными путями, чем путь применения грубой силы оружия. Она открывает пред вами двери надежды. И вот, раз эта надежда существует для вас, раз вы знаете, что пробьет час справедливости, к которой вы стремитесь, имейти силы воздержаться от шагов, внушенных отчаянием. Несвоевременные и насильственные выступления могут только накликать на вас худшие бедствия; умейте воздержаться от них, сохраните только в глубине души огонь, зажженный во имя свободы. Умейте ждать с надеждой».

Этот совет выражает мысль всех наших друзей и лучших защитников; он продиктован горячим сочувствием к нашему народу и пониманием его реального положения. Мы должны предохранить наш народ от шагов, продиктованных отчаянием и все его надежды направить в сторону осуществления идеалов мировой демократии, что подготовляется не методами войны, не столкновением наций, а согласованной борьбой демократии во всех углах мира.

Много трудностей и препятствий окружают теперь нашу работу, и мы не должны скрывать перед народом действительного положения. Но сильной стороной нашего дела является то, что оно связано с современным развитием человечества. Вопрос устроения свободной жизни наций есть та большая проблема, которая выдвинута нынешней исторической эпохой; урегулирование

этой проблемы подготовляется ростом демократии в каждой стране, и в сторону осуществления этой идеи направлено об'единенное движение международной демократии. Единственный верный путь нашей национальной освободительной борьбы есть руководство принципами этого великого движения, их перенесение в идеологию и организацию нашего народа, их осуществление во всех отраслях нашей работы.

Ир. Церетели.

Авторизованный перевод с грузинской рукописи.

Париж, май 1927 г.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЕВРОПА

(К 10-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ)

Многое в отношениях между Россией и другими державами об'ясняется взаимным непониманием. Заграницей не поняли русской революции ни в марте 1917 года, ни после октября. Нужно признать, что и в России руководящие круги многое не поняли из того, что совершалось и совершается в Европе и Америке. Мы имеем в виду не только теперешних правителей России.

В Европе начали с того, что вообразили, будто восстание рабочих и армии в марте 1917 года, положившее конец трехсотлетнему самодержавному царствованию Романовской династии, было устроено исключительно во имя продолжения войны с Германией.

Европейское общественное мнение и правительства, будучи целым столетием отделены от эпохи глубоких революционных потрясений в своих странах, не отдали себе отчета в глубине и размерах того трансформационного процесса, который начался в момент падения самодержавия, и увидели в нем не «большую», а «малую» революцию, нечто в роде португальского или младотурецкого переворота.

Отсюда — пред'явление молодой, едва народившейся, неокрепшей демократии непосильных для нее в то время и в тех условиях требований немедленного возобновления наступления и активного продолжения войны в тех же размерах, как и прежде, причем ее предложение совместного установления и опубликования целей войны в духе, соответствующем русским народным идеалам, оставлялось без внимания — на том основании, что все это было уже решено соглашением со старым правительством.

Европейские кабинеты не хотели понять, что революция есть нечто большее, чем смена министерства, и что требовать от революционного народа автоматического слепого исполнения до-

говорсв, заключенных свергнутым им самодержавием, значит бесцельно разрушать симпатии к себе этого народа и поселять в нем подозрительно-враждебные чувства.

С другой стороны, нельзя отрицать, что в 1917 году русские революционные партии, невольно перенося на западно-европейские страны свою оценку положения России и не учитывая всего значения вступления в войну Соединенных Штатов, ошибались в своих предвидениях относительно продолжения и исхода мировой войны. В то время было довольно распространено мнение, что война кончится «в ничью», что полный разгром Германии и Австрии будет невозможен. Россия была истощена, и ее слабый народно-хозяйственный организм под давлением непосильной военной тяжести и фактической полу-блокады уже разлагался. Индустриальная же Европа, решившая с помощью Америки во что бы то ни стало раздавить императорскую Германию, обладала еще достаточными рессурсами для того, чтобы довести свое дело до конца.

Когда, в значительной мере в результате этого взаимного недоразумения, создались условия, благоприятствовавшие большевизму, и Ленин совершил свой переворот, началось новое, столь же пагубное для обоих сторон взаимное непонимание. Европа начала с того, что увидела в большевизме исключительно дело рук Германии, подобно тому, как мартовскую революцию она об'яснила исключительно антантофильством. Затем она постепенно начала приходить к убеждению, что в России нет ни великой, ни малой революции, но что там происходит процесс разложения, гниения умирающего политического организма, превращение его в «неисторическую нацию» в «навоз истории».

Русские же рабочие массы и армия поверили на некоторое время большевикам, что во всем мире начинается революция, что война на всех фронтах кончается сама собой, что нечего беспокоиться о защите русских границ, так как об этом позаботится восстающий во главе с Либкнехтом, германский пролетариат и т. д.

В действительности, совершенно независимо от невыясненной еще работы германского генерального штаба, почва для большевицких настроений в октябре 1917 года, была готова, и усталая, разложившаяся армия не могла продолжать войну. А с другой стороны, несмотря на некоторые внешние признаки, как бы свидетельствовавшие о разложении (вымирание городов, понижение культуры, разрушение индустрии, сепаратистские течения в окраинных нациях и т. д.), в действительности в народном сознании продолжал и продолжает происходить интенсивный процесс национально-государственного самоопределения.

Внешний мир, исходя из своих ложных предпосылок, повел двоякую политику по отношению к России. Одни, считая, что лишь кадры старой Императорской России в состоянии придать этой расплавленной массе форму и силу государственного организма, начали усиленно организовывать и поддерживать всевозможные монархические реставрационные предприятия. Другие решили воспользоваться ее положением для того, чтобы расчленить ее, отхватить у нее куски территории или приобрести над ними контроль в той или иной форме, экономической или политической.

И та и другая политика способствовали тому, что процесс государственного национального самоопределения принял в значительной мере формы, навязанные ему диктаторской властью московского правительства, создавшего в лице красной армии силу, отстаивающую границы России и даже пытающуюся продолжать традиции Российской Империи во внешней политике.

Большевизм, увлеченный идеей мировой революции со своей стороны неминуемо должен был рано или поздно столкнуться с реальными условиями развития рабочего движения в Европе и Америке, но не желая признать свою ошибку, упорствуя в своей тактике, он добился лишь того, что поселил раскол в рабочем классе ,ослабив его организации и способность к наступлению и самозащите.

А его попытка революционно-военной экспансии привела лишь к возбуждению принимающих покровительственную советскую окраску националистических движений в Азии, ничего общего не имеющих с коммунизмом, и к неудачному возобновлению восточной политики самодержавия, направленной против Великобритании. В этом отношении политики III интернационала, сами того не сознавая и быть может подталкиваемые некоторыми из своих сотрудников, бывших русских дипломатов, преследуют совершенно открыто те самые цели, которые до прихода своего к власти они клеймили, как «империалистические».

Правда, эти конкретные задачи советской внешней политики подчинены одной общей революционной «мировой» конечной цели — создания международной советской федерации, которая осуществит коммунистический строй и полное равенство всех народов.

Теоретически интересы Российского государства, расширение его владений, обеспечение для него рынков сбыта и источников сырья, участие его в «дележе мира» и внешний военно-политический престиж — одним словом все те цели, которые преследует «имперская» или просто «национальная» внешняя политика, чужды большевикам.

Поэтому они с известной долей искренности возмущаются, когда их обвиняют в «красном империализме». Империализм, говорят они, это стремление капиталистической буржуазии к территориальным захватам, к финансовому и экономическому порабощению других народов и в конечном счете к эксплоатации трудовых масс, с целью наживы, тогда как большевизм стремится к низвержению эксплоататорской буржуазии, к освобождению порабощенных, к уничтоженія наживы.

Так обстоит дело т е о р е т и ч е с к и.

Но н а п р а к т и к е большевицкое понимание мировой революции— приводит их к политике своеобразного р е в о л ю ц и о н н о г о в е л и к о д е р ж а в и я и, если можно так выразиться, с о в е т с к о г о н а ц и о н а л и з м а и м и л и т а р и з м а. За десять лет существования советского государства выработана политическая доктрина, согласно которой Россия, переименованная в С. С. С. Р. есть единственная до сих пор «государственно-организованная форма мировой революции», на которой лежит историческая задача не только поддерживать революционные движения во всех странах, но и р у к о в о д и т ь ими, ибо правящая в России партия большевиков, благодаря «гениальности» Ленина и революционному опыту, одна знает каким путем народы всего мира могут придти к разумному устройству своей внутренней и международной жизни.

Отсюда вытекает — подчинение «Коммунистического Интернационала» руководству российских большевиков, которое, так сказать, предвосхищает создание международной федерации советских республик под общим руководством С. С. С. Р.

Общей «директивной» идеей советской внешней политики является содействие возникновению подобных государств и включение их тем или иным путем (вплоть до федеративной связи) в сферу влияния России. Но на ряду с этим она вынуждена преследовать частные, так сказать «государственно эгоистические» цели.

Коммунизм, всеобщее равенство и братство — дело далекого будущего, когда согласно учению Ленина, исчезнет самое государство, а вместе с ним и всякая внешняя политика, не только великодержавная.

Но пока этого нет, пока длится «переходный период», государство, хотя бы и советское (яко бы уже «социалистическое») должно жить, должно отправлять некоторые необходимые элементарные функции, общие всем государствам, и сверх того те, которые в капиталистических странах выполняются частным предпринимателем. Оно вынуждено «сосуществовать» и конкурировать с капиталистическими государствами, а следовательно заботиться о рынках, о сырье, о кредитах, о своем внешнем престиже и т. д. А так как при этом интересы С. С. С. Р., как госу-

дарства, в представлении большевиков всегда и везде эквивалентны интересам «мировой революции», советское правительство получает возможность вести политику «священного эгоизма», нисколько не считаясь с интересами других государств и даже наоборот, поскольку все не советские государства являются« буржуазными» (хотя бы ими управляли социалисты-демократы), по мере возможности вредя этим интересам с целью «ослабления противника».

Таким образом советский «интернационализм» превращается в свою противоположность. «Мировая революция» к тому же становится все более и более проблематичной и на практике все заботы советской «революционной» дипломатии сводятся к задачам, охарактеризованным Троцким, как «национально-консервативные», т. е. к охране, укреплению и, по возможности, расширению советского государства, или более точно — к охране и усилению политической власти нынешнего Ц. К. В. К. П., как это вновь выяснилось с очевидностью из последней схватки оффициального партийного большинства с оппозицией Троцкого. В преследовании этой задачи единственным сдерживающим моментом является для советской власти реальное соотношение сил, сознание собственной слабости, опасность «преждевременной» войны, ибо большевики полны глубочайшего презрения к демократии и считают «обманом» все попытки распространить демократические методы на международные отношения (Лига Наций и т. д.) .

Вся разница между оппозицией и нынешним Ц. К. — во внешней политике — сводится к тому, что Сталин и Ко — несколько осторожнее, трезвее расценивают свои собственные силы и международное положение, когда как Троцкий и Зиновьев требуют, повидимому, более «решительно» и революционно-агрессивной политики.

Поэтому во внешней политике большевиков защита государственных интересов переплетается со склонностью к авантюрам (что было, впрочем, свойственно и самодержавию), для которых В. К. П. искусно пользуется Коминтерном, формально независимым от правительства, но фактически подчиненным, как и Совнарком, Ц. К. и Политбюро партии.

При этих условиях совершенно ясно, что большевизм не в состоянии — не отказавшись от своей основной политической идеи — установить «нормальные», основанные на некоторых общеобязательных нормах, отношения с другими государствами, как бы они не были демократичны и даже социалистичны — поскольку власть в них не будет принадлежать коммунистам. Поэтому и защита интересов государства удавалась им до сих пор лишь тогда, когда шла речь о самом его существовании, как например,

при «изгнании» интервентов или отражении польского вторжения в Украину.

В ряде других случаев наоборот большевицкая внутренняя система управления и большевицкая внешняя политика лишь вредила интересам государства, ослабляя его, лишая его кредита, вызывая на окраинах центробежные силы, изолируя Россию и создавая поводы для всевозможных планов ее расчленения, окружения и эксплоатации.

Своим внешне-политическим поражениям советское правительство потеряло уж счет.

Уже в первые месяцы после захвата власти Ленин пытался создать вдоль западной границы России ряд советских республик — от Финляндии до Румынии и сделать «советским» Балтийское море.

Потерпев поражение на этом «фронте», советская дипломатия устремилась на ближний Восток, расчитывая использовать турецкое национальное движение и конфликт между Ангорой и Лондоном.

Цель тогдашнего флирта с Кемалем и Энвером пашами была следующим образом определена г-ном Павловичем (недавно умершим), большевицким спецом по восточным делам: «Пока Босфор и Дарданеллы будут находиться в руках капиталистической Европы, пока английская эскадра будет иметь свободный доступ в Черное море, Украина и Советский Кавказ будут истекать кровью в борьбе с международной контр-революцией и ее наемниками. Лишь с того момента, как все Черное море перейдет в советские руки и над Константинополем поднимется красное турецкое знамя или знамя федерации Черноморских государств, мы заживем мирной жизнью и сумеем отдаться творческой созидательной работе» (Н. Павлович «Советская Россия и англо-французские интриги на Востоке». Комм. интерн. ном. 14, стр. 2-768).

Каковы были результаты? Завоевание заново Закавказья (которое открыто об'яснялось необходимостью получить нефть для советской промышленности и транспорта), но вместе с тем раздел Армении, потеря Карса и Ардагана и Лозанская конференция, окончательно открывшая Черное море с согласия Ангоры.

После этого поражения большевицкая дипломатия отправилась искать счастья дальше на Восток — в Среднюю Азию, в Персию, в Афганистан, в Китай. Если, как и в Турции ей и удавалось там пожинать временные лавры, содействуя национальным движениям, то практически в конечном счете она была всякий раз бита Великобританией и Японией. Последнее и самое громкое поражение она потерпела в Китае. До сих пор ей не удалось нигде в Азии—кроме Монголии—создать вассальных советск.

или полусоветских республик. Подобно туркам, все остальные азиатские национальности используют пока возможно советскую помощь в своих интересах, но не обнаруживают никакого желания служить в дальнейшем интересам московской политики.

Каковы бы ни были результаты внешней политики большевиков, ясно, что реставрационные интервенции 1918-1921 годов и попытки расчленения России, вызвав сопротивление со стороны сов. правительства вынудили население поддерживать его во все время этой борьбы, как фактическую власть, вышедшую из революции. Но не менее ясно, что существование большевицкой власти, гражданская война, хозяйственные затруднения России были втечение некоторого времени выгодны некоторым соперникам России на международной сцене и тем, кто расширил свои владения (а также рынки, сферы влияния и т. д.) за ее счет.

Чрезвычайно важно, чтобы эти две, на первый взгляд противоречивые причины укрепления большевицкой власти, чрезвычайно затруднившие нормальную политическую эволюцию России были отчетливо поняты, в частности, иностранным общественным мнением.

Но для этого прежде всего необходимо отдать себе ясный отчет в том, какое значение имеет для России (и для внешнего мира) исчезновение самодержавия и в том, что собственно представляет собой совершающийся в России революционный процесс.

Нужно оценить сообразно их исторической роли, борющиеся в России социальные силы и те идеалы, во имя которых они борются, не боясь сделать из этой попытки все необходимые выводы, как бы они не противоречили традиционным установившимся взглядам и представлениям. Многие из ошибок, если не все об'ясняются тем, что внешний мир не понимал очень долгое время всей колоссальной нелепости, противоестественности и безобразия того исторического анахронизма, которым являлось царское самодержавие, не понимал глубокого отчуждения, которое давно уже образовалось между монархией с поддерживавшими ее землевладельческим классом и народом.

Европа видела лишь пышный величественный фасад императорской России, но не видела всей бездны ужаса и нищеты, которая за ним скрывалась. Ответственность за это в значительной мере лежит на представителях русской «просвещенной буржуазии», которая будучи порождением экономической и финансовой политики самодержавия, долгое время не решалась играть никакой самостоятельной роли, шла фактически на поводу у дворянского землевладельческого класса и лишь в самое последнее время, в период первых революционных выступлений рабочего

класса и крестьянства, стала позволять себе роскошь «оппозиции Его Величества».

Русская буржуазия не решалась взять на себя инициативу революционной борьбы против абсолютизма. В этом заключается различие между русской и французской революциями, хотя об'ективные хозяйственные условия диктовали, казалось бы, России, если не одинаковые, то сходные цели.

Инициативу взяла на себя революционно-социалистическая интеллигенция и промышленный рабочий, к которым присоединилось крестьянство. Естественно, что идеология русского революционного движения всегда была окрашена в социалистический цвет. Оно развивалось в тот исторический период, когда в Европе и во всем цивилизованном мире на первый план выдвигались социальные вопросы, и рабочее движение становилось первостепеным политическим фактором, приобретало все большее и большее значение. В самой России развитие промышленности создало хотя и немногочисленный относительно к населению, но подвижный, восприимчивый к новым идеям пролетариат, условия жизни которого по сравнению с Европой и Америкой были воистину ужасающи, хотя техника промышленности в некоторых областях не отставала от Европы.

Политическая революция, одинаково нужная буржуазии и рабочим неизбежно должна была в этих условиях обостриться классовой борьбой, и нужно сказать, что если в первый период революции, рабочие пред'являли требования, иногда преувеличенные, то промышленники обнаруживали совершенно бессмысленную непримиримость, погубившую их.

Буржуазия долгое время не хотела пожертвовать дворянским земледельческим классом и противилась даже земельной реформе, которая непосредственно, казалось бы, не затрогивала ее интересов. *Этим она сделала совершенно невозможным какое либо временное соглашение с нею на почве ближайших социальных и политических требований социалистической демократии.*

Лишь после крушения Колчаковской, Денинкинской, Врангелевской авантюр, некоторые представители русской просвещенной буржуазии начали говорить о необходимости признать *факт* земельного переворота и исчезновения монархии. Однако и тут они не хотят примириться с тем, что факт этот может противоречить их теоретическим взглядам. Так никто из них не допускает и мысли, чтобы земля осталась *общественной собственностью.*

Между тем — противиться социализации земли на том основании, что это утопия, до сих пор нигде в капиталистичеком мире не осуществленная и что повсюду крестьянство является консервативным классом мелких собственников, — значит про-

являть совершенно несоответствующее революционному периоду доктринерское упорство.

Мы здесь не останавливаемся на подробном рассмотрении этого вопроса и лишь подчеркиваем, что он должен быть разрешен на *основании идеалов русского народа, а отнюдь не согласно учебникам политической экономии западноевропейских профессоров.*

Тоже самое, однако, можно сказать в значительно мере и относительно промышленности, как и в отношении всех основных политических вопросов.

Можно сформулировать следующее общее положение:

Внешний мир должен отказаться от претензии формировать по своему образу и подобию нарождающуюся русскую государственность, противодействуя выработке в революционном процессе русской национальной идеи, поскольку она, конечно, со своей стороны не стала бы вырождаться в воинствующий империализм.

Мы глубоко убеждены, что империализм этот в его царистском и в его большевицком воплощении абсолютно чужд духу русского народа, по существу чрезвычайно миролюбивого, привязанного к своей земле, равнодушного к своей славе, не склонного к завоеваниям и нисколько в них не заинтересованного.

Иностранное общественное мнение должно примириться с мыслью о том, что, русская государственность не только не будет модернизированной монархией, но не будет и простым сколком со старых европейских или заокеанских демократий, что несмотря на свою хозяйственную отсталость Россия, в силу особых исторических условий, попытается осуществить народно-хозяйственный строй, пропитанный *новыми* социально-экономическими принципами.

Значит ли это, что совершенно невозможно в России торжество *чисто* буржуазного строя.

Нет не значит. Мы говорим о тенденциях развития, о силах борющихся в революционном процессе и имеющих те или иные шансы победить, но не занимаемся пророчествами.

Теоретически возможность русского «бонапартизма» не исключена. Но нельзя закрывать глаза на то, что условия в России XX века не те, что во Франции в конце XVIII, и что вся историческая международная обстановка совершенно иная.

Для русского бонапартизма недостает цикла победоносных войн. Русский бонапартизм явился бы по отношению к Европе не воплощением нового принципа, а лишь повторением буржуазных задов и потому не было бы никакого основания для столкновения. Войны же, о которых мечтал в своем Кремле Ленин,

связаны с его пониманием мировой революции и разделяют ее судьбу.

Поэтому вряд ли следует ожидать, даже в случае победы чисто буржуазных тенденций над социалистическими, повторения Россией тех этапов развития, которые проделала Франция после Великой революции. Даже тот буржуазный строй, который может родиться в результате падения большевизма, *не будет обладать непримиримостью и агрессивностью,* которые могли бы быть результатом чрезвычайного военного могущества и политического престижа. Вряд ли он будет в состоянии оказывать сильное противодействие развитию и внедрению в хозяйственную жизнь новых демократических и трудовых принципов.

С другой стороны, с совершенной уверенностью можно сказать, что *большевизм ни в каком случае не является той новой и окончательной формой государственности, которая должна явиться результатом революционного процесса.*

Но как и десять лет тому назад нам представляется возможным образование в России передовой экономической демократии, основанной на высоком развитии кооперативных об'единений в земледелии, захватывающих индустрии перерабатывающие продукты сельского хозяйства, на потребительских кооперативных об'единениях, на широко проведенной муниципализации и национализации некоторых отраслей промышленности, оставляющей, однако, значительный простор и частной инициативе.

На такой хозяйственной основе может, кажется нам, вырасти, *в условиях демократии,* политической свободы и открытой борьбы мнений, *новый* общественный строй, отличный от «классических» буржуазно-капиталистических обществ, строй, в котором постепенно разовьются и станут господствовать новые формы хозяйствования, иные правовые нормы, иные стимулы человеческой деятельности, иная мораль, отличная от волчьей, буржуазной морали, — новое трудовое «мировоззрение».

Ошибка большевиков, теоретически стремящихся к той же цели, заключается в том, что они надеются создать новое общество и нового человека, так сказать, принудительно - воспитательным способом и не считаясь с экономическими законами. Они думают хозяйственную и социально-культурную эволюцию направить по своему желанию при помощи государственного, точнее полицейского и пропагандистского, аппарата. Но этот аппарат и эти методы коверкают *людей,* давят, ломают и развращают не только управляемых но и управляющих, готовят совершенно негодный материал для «свободного общества свободных (и сильных) людей», каким должен быть в идеале коммунистический строй.

Большевицкая диктатура, вся их политическая систе-

ма, вся их «идеология» препятствует созданию серьезных предпосылок для развития социалистической психологии в массах, социалистических навыков, социалистического отношения к государству, к хозяйству, к людям, к жизни.

Но нельзя отрицать и того, что их «бешенная» пропаганда, направленная на разрушение старых идей и принципов буржуазно-капиталистического мира, не смотря на демагогию, чрезмерную упрощенность и экцессы до известной степени «расчищает почву» для проникновения в умы нового мировоззрения. Разумеется, в некоторых, м. б. довольно широких слоях населения, эта пропаганда по целому ряду причин (главная монопольный характер пропаганды и некультурность среды) приводит к обратным результатам, вызывая явления разложения или толкая людей в об'ятия духовной реакции — будь то православная церковь, буржуазный «бонапартизм», хулиганство, упадочность или кулацкое озверение. Но нельзя ограничивать этими явлениями то колоссальное *пробуждение,* которое происходит вот уже десять лет в России. Пробуждение от умственно спячки громадного народа, нескольких народов, вовлечение самых отсталых слоев их в обсуждение вопросов, которые были для них до 1917 года за семью десятью семью печатями, есть несомненный факт, несмотря на отсутствие свободы слова и на монополию.

Мы не можем свободно критиковать в России политику совправительства с точки зрения демократического социализма. Верно. Школа советская безобразна, не дает детям нужных знаний, набивает догматические колодки на юные умы. Правильно.

Но рабочие и крестьяне, рабоче-крестьянская молодежь, которым до 1917 года не полагалось знать ничего, кроме православия, самодержавия и народности, теперь не только имеют возможность познакомиться со всей подноготной самодержавного строя, но и узнать кое что о капитализме, о законах его развития, о борьбе классов, в их среду проникает *научная критика,* подвергая сомнению вековые устои мировоззрения и основы быта.

Конечно, монополия ленинизма мешает проникновению в Россию правильных сведений о состоянии капитализма в Европе, о развитии рабочего движения, о завоеваниях социалистической демократии и т. д. Но для громадных масс русского народа эти вопросы текущей политики пока что не так существенны, поскольку они, эти массы вообще лишь *пробуждаются* к сознательной жизни, вырабатывают в себе способность к критической оценке.

Материалу для работы мысли брошено в массы не мало и, раз заработав, мысль эта не может остановиться и сумеет позднее справиться с казенной ложью. Поэтому мне кажется, что в процессе перевоспитания России, в создании условий для новой

демократии и новой общественно-трудовой психологии, — ломка, разрушения, производимые большевицкой пропагандой, сыграют свою роль. Плоская, упрощенная «идеология» ленинизма не сможет, конечно, удовлетворить русскую народную массу, которая сумеет найти свой путь среди обломков старого.

Эта новая Россия может показаться непонятной, «непривычной» буржуазной Европе, противоречащей господствующим экономическим доктринам.

Но не трудно заметить, во первых, что сама Европа идет другим путем, в том же направлении. Рабочее социалистическое движение выросло в серьезную политическую силу, которая уверенно и решительно идет к власти и создает уже теперь хозяйственную и культурную основу для крупнейших общественных преобразований. А во вторых, нужно понять, что такая громадная страна, как Россия, прошедшая через колоссальную революцию не может рабски-копировать западно-европейские образцы.

С другой стороны, новая Россия сможет действительно мирно сосуществовать и сотрудничать с буржуазной Европой, если взаимный безусловный отказ от вмешательства во внутренние дела будет не внешним правилом политической благопристойности, а твердой непоколебимой основой всей политики официальной и неофициальной, явной и тайной. Нет никакой необходимости для «капиталистических» государств препятствовать развитию в России хозяйственной демократии. И все попытки такого вмешательства способствуют лишь укреплению диктатуры и хозяйственному разорению.

Это должно быть раз навсегда усвоено Европой, которая и в лице своего общественного мнения и в лице своих ответственных правительств должна дать в этом отношении определенные гарантии невмешательства. Но и в России все должны понять, что нельзя со стороны, из-за границы форсировать развитие к социализму Европы, что попытки «руководить» мировым пролетариатом принесли до сих пор лишь колоссальный вред, ослабив, раздробив рабочее движение и усилив реакцию, что коммунисты являющиеся на поклон в Москву — самые ненадежные, искусственно созданные элементы рабочего движения, держащиеся исключительно на денежной поддержке Москвы.

Когда читаешь бесконечные рассуждения Зиновьева, Бухарина или Сталина о «стабилизации» капитализма, о «темпе» мировой революции, о ее «коллонах» и «вариантах» не знаешь, смеяться, соболезновать или удивляться сверхестественной способности тратить время и энергию на бесконечное переливание из пустого в порожнее. Люди не могут распутать своих собственных дел, а

пытаются, указывать путь европейским рабочим, устанавливать для них историческое росписание то на ближайшие годы, то на десятки лет вперед. При этом оперируют с воображаемыми категориями, распоряжаясь «миллионными массами» и не желая считаться с реальной силой *и волей* действительно существующих, организованных рабочих масс, по своему в каждой стране, отстаивающих свои интересы и идущих к власти под руководством социалистической демократии.

Не менее смешны были бы — если бы не тяжелые, м. б. трагические последствия, к которым они могут привести — истерически - панические крики об опасности войны. Когда большевикам говорят, что пока никто не собирается всерьез об'являть им войну, они кричат, что это предательский саботаж обороны СССР. А в доказательство приводят «войну с Китаем», т. е. присутствие в Китае иностранных войск, охраняющих концессии, и финансовую поддержку, оказываемую некоторыми державами Чан - Тзо - Лину. Но ведь это положение длится уже довольно долго и до сих пор не привело к вооруженному столкновению между Европой и СССР.

Из всех соседей России лишь одна Польша является сколько нибудь крупной военной величиной, но никто еще не доказал, что она хочет и может возобновить украинскую авантюру 1920 года. Польский народ воевать не хочет. Польская буржуазия — в лице наиболее ответственных ее представителей — понимает опасность и бессмысленность войны с Россией с точки зрения польских интересов. Характерно, что как раз наиболее реакционные правые круги польской буржуазии особенно энергично настаивают на соглашении с СССР.

Трудно предположить, чтобы Англии удалось заставить пограничные государства напасть на СССР во имя британских интересов в Китае и из ненависти к коммунизму.

Конечно, опасность войны в Европе, вообще говоря, не исключена. Но до сих пор те поводы к конфликтам, которые можно нащупать, *лежат вне плоскости борьбы капитализма с коммунизмом.*

Если даже допустить, что Лига Наций в один прекрасный момент не в силах будет удержать одну из входящих в нее держав от действий нарушающих мир, от российского правительства, от его осторожности и хладнокровия будет зависеть вмешать или не вмешать Россию в подобный конфликт, который опять таки будет иметь очень отдаленное отношение к борьбе капитала с коммунизмом, хотя бы уже потому, что в нем капиталистические и реакционные круги Германии выступили бы в союзе с советским правительством и с литовскими фашистами.

Последние события свидетельствуют, как будто о некотором поумнении совправительства. В течении нескольких дней

советская печать раздувала польско - литовский (школьный) инцидент уверяя всех, что Польша вот вот кинется на Литву.

Мы знаем однако, что Лига Наций смогла на этот раз предотвратить литовский конфликт и *что правительство СССР в первый раз за все существование оказало в этом смысле поддержку Лиге Наций*, которую до сих пор и Чичерин и Бухарин об'являли союзом международных разбойников, созданным с единственной целью раздавить ангельски невинную советскую власть

Г. Литвинов, по соглашению с Брианом, Чемберленом и Штреземаном предложил Вальдемарасу прекратить состояние войны с Польшей. Значение этого «дружеского совета» нельзя преуменьшать. Это — единственный *реальный результат* всей торжественной поездки советских делегатов в Женеву. Все остальное — мелодекламация. [1]) Означает ли это, что большевики готовы стать на путь действительно «нормального» сосуществования и даже сотрудничества с Европой, или это только очередной, плохо продуманный, зигзаг, вынужденный обстоятельствами?

Резолюция, принятая 15 - м с'ездом по докладу Сталина, снова об'являющего непрочной «частичную стабилизацию капитализма», содержит все периодически повторяющиеся предсказания новых империалистических войн и нападений империалистов на СССР., но вместе с тем рекомендует «систематическое развитие экономических связей» с этим самым гнилым капитализмом, который грозит такими напастями могущественной и цветущей «социалистической» республике. Согласно ленинской «диалектике» резолюция эта содержит таким образом все «что угодно для души», вернее для двух душ раздирающих грудь национально-консервативного мирового революционера.

Какая из этих душ победит, какова будет та внешняя политика, которая в конце концов «стабилизируется» в Наркоминделе, будет зависеть от внутреннего экономического и международно-политического положения СССР.

До сих пор все факты говорят за то, что развитие пойдет по пути втягивания СССР во все более тесные отношения с капиталистическими странами.

Резолюция 15 -го с'езда рекомендует правительству вести «политику мира», усиливая обороноспособность страны, имея главным образом в виду — в момент яко бы неизбежного столкновения — возложить ответственность на противников.

---

[1]) Об их плане разоружения мы еще будем иметь случай высказаться. Социалистический Интернационал уже давно занят этой проблемой, в связи с докладом комиссии по разоружению Социалистического Интернационала.

Искренняя и разумная политика мира, соответствующая подлинным интересам народов СССР, требовала бы *коренного изменения всей международной ориентации* сов. правительства. Вандервельде назвал недавно «дурацкой» политику, основанную на злостной травле международной социалистической демократии, т. е. единственной организованной *массовой* силы, способной влиять на политику Европы в направлении мира и отказа от всевозможных авантюр.

Пора в самом деле признать, что за десять лет коммунистам не удалось, не смотря на все старания подорвать доверие громадного большинства пролетариата к социалистическим партиям и профсоюзам. Наивно утешать себя такими «симптомами», как парижские беспорядки по поводу Сакко и Ванцетти или июльский мятеж в Вене. Ведь так пройдет еще десять лет и еще десять, будут иногда новые вспышки, новые стачки, социалистическая демократия будет продолжать расти (как между 1917 - 1927), придет, наконец, к власти, коммунистические партии будут продолжать разлагаться, а Сталин и Бухарин будут попрежнему твердить о большевицких «миллионах», о приближении мировой революции и контр-революционности социал предателей.

Пора признать, что после известного периода симпатий европейских рабочих к большевицкому правительству, уже давно наступил перелом и что чем дальше, тем больше его политика вызывает недоумение и возмущение широких кругов пролетариата. Достаточно, казалось бы, английского примера, чтобы понять это.

Международный рабочий класс, конечно, является естественным союзником революционной России. Но для того, чтобы его помощь была действительной, необходимы два условия: нужно, во-первых, чтобы российское правительство отказалось от мысли взорвать социалистические партии и связанные с ними профессиональные силы Европы, чтобы оно прекратило дикую травлю тех, кому европейский пролетариат свободно доверил защиту своих интересов; нужно, во вторых, чтобы в России была востановлены политические свободы.

Клеветнически изображая, в целях полемики, социалистический и профессиональный Интернационалы «агентами буржуазии», готовящими совместно с Чемберленом нападение на СССР, большевики сами того не замечая записывают в лагерь врагов мира громадное большинство населения Европы, ибо вне чтого лагеря остается лишь меньшинство, примыкающее к коммунистам и за них голосующее.

Между тем социалистическая демократия, а так же в известной мере демократия мелко-буржуазная является повсюду главной силой, работающей в пользу окончательного замирения Европы и всего мира.

Ведь даже в той области , которая ближе всего, кажется, правительству СССР — прекращение изоляции России — все, что до сих пор было сделано, сделали *социалистические* правительства или правительства, пользовавшиеся *подержкой* социалистов.

Вся распространяемая большевиками ложь не сможет помешать тому, что в будущем от прихода социалистической демократии к власти в главных европейских странах будет зависеть и дело международного разоружения и создание подлинной и прочной основы международного мира.

Литвинов и Чичерин не могут не понимать этого. Да и Сталин, вероятно, не настолько уж туп, чтобы не догадываться об этом.

Но «ленинская диалектика» вынуждает их вести дурацкую политику.

На долго ли?

В. В. Сухомлин.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

(ЮБИЛЕЙ И ОППОЗИЦИЯ)

Ирония истории поистине зла и беспощадна...

Десятилетний юбилей октябрьской революции, «Гром музыки и эскадра на реке», военные парады, церемониальные марши, «ликование» всего СССР, дым словесных каждений, подымающийся к небесам, и наряду с этим проклятия и анафема оппозиционным вождям, которые были вождями это йе самой октябрьской революции и собственными руками ее творили. Бесконечное славословие в честь Октября тусклых «светил» сумерочной эпохи большевизма и горький плач по погубленному Октябрю старой ленинской гвардии, на которую во имя ленинизма, обрушиваются с кулаками и дубинами, угрожая оставить от нее «лишь мокрое место.»

И эта «гвардия» даже неспособна построиться в последнее страшное каррэ, чтобы умереть с честью вокруг своего продырявленнного знамени. В дни октябрьских торжеств и ликований «октябрьских героев», под улюлюкание их вчерашних подручных, забрасывают на улицах «красных столиц» гнилыми яблоками и рваными калошами...

Злая гримаса истории, но отнюдь не случайное обстоятельство, не чисто внешнее противоречие. В нем дано ярко символическое выражение результатов десятилетнего большевицкого гос*лицемерные усилия прикрыть его со с ороны тех кто во имя ок*подства над Россией. *Полный, непоправимый крах октября и тября продолжает властвовать.* «Ленинская фаланга», тень уходящего прошлого, наивно воображающая себя носителем будущего, лишь разоблачает лицемерие «наследников», давно промотавших наследство. Поэтому то «пристроившиеся» так яростно кричат «распни их».

Итоги октября и дошедшая до пароксизма междоусобица

в компартии не два разных, самостоятельных явления, это две стороны неразрывно между собой связанные, одного и того же единого процесса. На почве итогов октября шел бой в большевицком стане, и по мере того, как эти итоги становились все более явственными и непререкаемыми, расширялись и обострялись столкновения враждующих фракций.

Не надо забывать, что большевики всех окрасок — и большинство и оппозиция , — не смотря на глубокую непримиримость их вражды, все же об'единены еще общностью основ миросозерцания и одинаково исповедывают символ веры диктаторриального , сверху «железной рукой» власти насаждаемого коммунизма. Тут они все единомышленники, и в этой области лежит корень их споров.

Идейно-программные разногласия, раздирающие большевизм, вызываются лишь *различной оценкой,* с точки зрения коммунистической идеологии и определяемых ею целей, *тех условий, которые сложились в России к юбилею большевицкой революции.* Отсюда противопоставление разных «путей к социализму» на почве этих сложившихся условий. Отсюда взаимные обвинения в предательстве и измене «заветам», подливающие масла в пылающий огонь комдраки.

Десять лет порядочный срок даже для русской революции. Между двумя историческими датами — октябрьский переворот и его десятилетний юбилей — жизнь делала свое дело и ее мощное течение сносило искусственные преграды, воздвигаемые инженерами «ленинизма». Развитие России, вопреки всему, приняло направление, противоположное тому, которое намечал для нее «Октябрь».

Оно опровергло доктрину большевизма, разрушило его планы, принудило большевиков, чтобы не слететь в пропасть, выбрасывать за борт свои принципы... Вот почему гром барабанов и литавров не мог заглушить причитаний «плакальщиц», звучавших особенно трагически среди торжественной праздничной обстановки. Вот почему и «беспартийная масса» не могла толком понять того, что происходило:

«Домового ли хоронят,
Ведьму - ль замуж выдают.»

Да, это были одновременно и праздник и похороны. *Праздник диктатуры, сумевшей устоять против бурь и натисков и похороны идеи, ради которой она была создана.*

Изгнание торжествующими сталинцами из рядов компартии в юбилей октября тех, кто были творцами октября, с необычайной наглядностью выявило этот истинный характер юбилея. Но оно же выявило с неменьшей наглядностью и то глубо-

кое противоречие, в котором очутилась русская революция после десяти лет большевицкого властвования: *окончательное крушение октябрьской идеи и на ряду с этим сохранение октябрьской диктатуры.*

⁂

Противоречия русской революции являются как бы фатальным продолжением тех противоречий, которыми полна была дореволюционная история России. Их обострение и накопление подготовило колоссальный революционный взрыв 17 года. Но и после этого взрыва, сама революция быстро сбивается с прямого пути и ее процесс совершается по тем же ломанным линиям, приводящим опять к глубоко ненормальным результатам.

Гениальный русский историк, Ключевский, в своем анализе русской истории, устанавливает наличие *антиномий,* т. е. исключений из правил исторической жизни. Они выражаются в том, что глубочайшие изменения, отмечающие различные стадии развития России, приводят к последствиям абсолютно противоположным тому, что нормально должно было бы создаться. Этим об'ясняются порожденные ею ненормальные явления, из которых в конце концов образовался такой гигантский Гордиев узел, что только топор, невидимый по своему размаху, революции мог его разрубить. Но разве в русской революции мы не видим тех же антиномий, которые и ее самое подготовляли, того же отрицания смысла и логики истории?

Антиномия — сохранения диктатуры при безусловном и бесспорном крушении ее идей. Но еще более резкая антиномия самое рождение этой диктатуры из недр русской революции. Неслыханное исключение из правил исторической жизни — торжество большевизма, партии с программой огрубленного и доведенного до крайности утопически пролетарского социализма, в полупатриархальной необ'ятной крестьянской стране, с слабо пробившимися ростками худосочного капитализма. Этот несомненно болезненный результат вызван был теми необычными условиями, в которых происходила революция, но также, в значительной мере, и ошибками антибольшевицких революционных партий, действовавших на почве этих условий.

Революция была в основе своей крестьянско-трудовою, — движение крестьянства и его требования определяли ее характер. Из него и надо было исходить при построении всей революционной политики. В соответствии с этим всеопределяющим фактом должно было проводить, без оглядки направо и налево, диктовавшиеся положением, немедленные мероприятия.

Но меньшевики продолжали «рассудку вопреки» упорно считать революцию буржуазной и все противоречия идейные и политические, в которых они очутились из за своего «каменного» ортодоксального упорства, разрешались для них только лозунгом коалиции с буржуазией.

У эс-эров была правильная революционная концепция, но *не было ясного понимания существа данной стадии революции.* Они не ощущали властной необходимости неотложного приступа к проведению основных пунктов своей программы, что сразу направило быстро вздымавшиеся волны революционной стихии в правильное русло и ослабило бы одновременно разлагающее влияние войны.

Для эс-эров в февральский период, по какому то роковому недоразумению, истинное соотношение сил в стране оказалось заслоненным призраками старых партий, которых принимали за полные жизни существа и напрасно связывали себе руки, вступая с ними в различные комбинации. Факт был тот, что революционная демократия, ошибочно оценивая положения, в то же время *не учитывала достаточно социального содержания революции,* не сумела сделать из него непосредственных практических выводов.

Вот это обстоятельство и должно было главным образом послужить на пользу большевизму, хотя и перегибавшему палку в другую сторону, и дать ему победу.... Не надо забывать и того, что свое истинное лицо большевики показали лишь захвата власти. До того их социальные лозунги, как всем известно, ограничивались землей и рабочим контролем в промышленности.

Таким образом и создалось исключение из правил исторической жизни — партия пролетарской диктатуры, захватывающая руководство революцией в стране, представляющей океан крестьянства. Диктатура с программой немедленного «пролетарского» социализма в аграрной мужицкой России, все социальное строение которой и глубоко своеобразные исторические особенности эту программу до конца отрицают. Большевизм выиграл от этой интиномии, захватив монополию легальности и власти. Но он же неизбежно должен был в результате стать и ее жертвой. Антиномия палка о двух концах. Тут зародышь болезни, вселившийся в организм большевизма в тот самый момент, когда возникла его диктатура. По мере того, как все более четко выявлялись ненормальные последствия того коренного противоречия, в которое поставила большевиков их ненормальная победа, болезнь усугублялась, обострялас подтачивая изнутри компартию и вызвало в ней, в конце концов тяжелые разлагающие процессы.

Итоги Сктября столь ярко иллюстрированные разоблачениями и бунтом старой ленинской гвардии и печальной судьбой ее постигшей явились одновременно и «скорбным листом этой болезни.

Большевикисоздали свою диктатуру для того, чтобы строить социализм в России.

Но что представляла собою Россия в смысле экономическом и социальном после революции? Какой путь передового развития определялся ее внутренним строением и своеобразными особенностями? Какие исторические условия были даны в ней перед началом ленинских вивисекционных опытов?

В России раньше всего земледелие, с десятками миллионов крестьянских хозяйств, составляло основную базу, становой хребет всей экономики. Промышленность, сравнительно слабая и раньше, войной и общей разрухой еще более обессиленная, занимала второстепенное место в общей народно-хозяйственной системе, всецело завися от внутреннего рынка, от деревни.

Наряду с этим подавляющая масса населения, весьма однородная по своему внутреннему составу, представляла безбрежный океан с маленькими островками в значительной части полукрестьянского пролетариата. Но это же самое могучее, бесчисленное, как песок морской крестьянство только что совершило величайшую аграрную революцию в союзе с рабочими городов и под руководством социалистов. Оно отвергло частную земельную собственность, повернулось своей широкой спиной к проповедникам буржуазного индивидуализма и миллионы своих избирательных записок подало за программу социалистической партии эс-эров. Само крестьянство чактически продиктовало большевикам и знаменитый декрет о социализации земли. Как признал сам Ленин, декрет этот изданный совнаркомом, лишь воспроизвел принципы крестьянских наказов.

В то же время община, которую недавно отпевали, как покойницу, проявила в процессе революции громадную жизненную мощь и устойчивость. В то же самое время и сельская кооперация, выросшая за короткий срок в громадную силу, охватывала своей колоссальной сетью миллионы крестянских семей. При таком исключительном перевесе в смысле хозяйственном и социальном деревни над городом и при тех особенностях, — результат своеобразия исторического развития — какими обладала (обладает и теперь) крестьянство с какого конца мужно было начать строительство новой жизни, на что надо было перенести центр тяжести?

Вся совокупность условий, характеризующих российскую действительность, диктовала экономическую программу, преследующую в первую очередь поднятие базы хозяйства земледелия, в связи с прогрессом которого развивалась бы и промышленность, питаясь его здоровыми соками. Развитие промышленности, получившей прочный фундамент, поставленного в нормальные условия естественного роста, в свою очередь могло бы давать мощные импулься ускоренному под'ему земледелия. Таким только образом установилась бы настоящая «смычка», правильное взаимодействие между городской индустрией и хозяйством, определяя расцвет того и другого.

В соответствии с этим с того же конца надо было начать и социальное строительство. Использовать общинные, артельные навыки крестьянства, мирское начало, проникающее столь глубоко весь деревенский быт. Стремиться к усовершенствованию общины, содействовать ее переходу к более высшим формам в соответствии с требованиями земледельческого прогресса. Создавать наиболее благоприятные условия для свободного развития сельской кооперации, роста ее не только вширь, но и вглубь, для такой эволюции ее, которая привела бы к постепенному кооперированию самих произведственных процессов.

Сочетание, или вернее органическое взаимное проникновение развивающихся общин и кооперации на фоне социализации земли, при отсутствии земледельческого капитализма, при наличии власти представляющей трудовые массы и интересы труда — вот тот путь передового развития деревни, который определялся данными историческими условиями. Чем выше были бы достижения здесь, тем более крупные шаги мог бы сделать город.

Национализаторские — соответствующие возможности — меры в городской промышленности, переход ее к новым формам получали бы прочную опору в социальном прогрессе деревни и в свою очередь влияли бы на его ускорение. В этой области как и в экономике, могло бы установиться взаимодействие, как залог и основа общего роста...

Такова была в главном концепция эсэрства, современной формы народничества, выросшего на почве российских исторических условий, отражавшее их своеобразие. С нею органически связывалось истинная демократия и настоящая свобода — выраженные народовольцами в яркой формуле «самодержавие народа».

Большевики, со своей программой пролетарского сугубо-индустриального социализма в непролетарской сугубо аграрной стране, *начали, как раз с другого конца.*

При слабой обессиленной промышленности и громадном зе-

мледелии они превозгласили ведущим началом в экономике индустрию, которой должно было быть подчинено земледельческое производство. При малочисленном пролетариате, тонущем среди крестьянского моря, они замыслили уложить развитие деревни в чуждые всему складу ее хозяйства, быта, психологии, диктуемые сверху «от имени пролетариата», формы утопического коллективизма.

«Пролетарский социализм» большевиков в виду его глубочайшего несоответствия с действительностью революционной России столь же органически был связан с диспотической диктатурой, как концепция эс-еров была связана с народовластием, именно потому, что она отражала существенные черты этой действительности.

Большевики, уверовавшие в чудодейственность голой силы, пытались сначала безоглядным и исключительным ее применением устранить те неразрешимые противоречия, перед которыми они очутились. Ленин с его глубочайшим презрением к народу и легкомысленным отношением, несмотря на свой марксизм, к экономическим законам, долго ведь надеялся, что шпицрутенами диктатуры ему удастся гнать Россию, вопреки ее воле и вопреки данным возможностям, по тому пути, который он сам для нее избрал.

Но даже тогда, когда этот жестокий эксперимент кончился величайшим провалом и большевизм вынужден был отступить на вторые позиции, руководящая линия его все же осталась той же.

Нэп и связанный с ним уже новый план строительства социализма являлись ничем иным, как упорной попыткой продолжать с того же конца, с которого большевизм начал, *с обратной стороны.* Недаром в связи с нэпом был превозглашен лозунг «переделки России», ибо и новый план большевизма резко отрицался всей совокупностью ее данного экономического и социального уклада.

Ленин, после краткого опыта военного коммунизма, сумел оценить силу крестьянства и его значение. Он ясно отдавал себе отчет, что в громадной крестьянской России «социалистическое строительство» *невозможно без разрешения проблемы социализма в деревне.* Он понял наконец, что одной лишь голой силой она разрешению не поддается. Но связанный индустриально-пролетарской идеологией, сохраняя свою исконую ненависть к «мелкобуржуазной крестьянской стихии», пророк большевизма по прежнему должен был искать спасения в ведущем начале индустрии, изменив лишь свою стратегию, приспособив ее к изменившейся обстановке.

Нэп ставил основной целью в экономике, усиление всеми ме-

рами, путем максимального использования материальных средств государства, городской промышленности, при предоставлении земледелия разрушенного коммунистическими опытами, гражданской войны и стихийными бедствиями, его собственной судьбе.

По прежнему строительство социализма непосредственно связывается только с ростом индустрии, подчиняющей своему влиянию все остальные отрасли хозяйства. И только в этом росте всемирной индустриализации, хотя бы искусственно достигаемой, но которая является всеопределяющей задачей, усматривается *единственный способ разрешения проблем социализма и в деревне.*

Крестьянству делаются уступки лишь для того, чтобы сельское хозяйство могло бы давать больше соков промышленности, чтобы у нее могли вырости мощные щупальцы, которыми она схватит с непреодолимой силой упирающуюся деревню, поставит ее на нужные рельсы. По мере расширения и ускорения индустриализации должна увеличиваться возможность и самого перевода сельского хозяйства на индустриализованное машинное производство. И на этом индустриально-машинном базисе, вытесняющим пережитки прежнего быта и экономики, в сочетании с давлением колоссально выросшей городской промышленности меняющей и «мелко-буржуазную» психику крестьянства начнется настоящее строительство коллективистических форм в земледелии, соответствующих духу «пролетрасского социализма».

В связи с этой концепцией Ленин и придумал свой знаменитый план электрофикации, который должен был в роде какой то «разрыв травы» превратить экономически отсталую крестьянскую Россию в передовую, сплошь индустриализированную страну. Однако, незадолго до своей смерти Ленин убедился в утопичности своего нового плана. Об этм непровержимо свидетельствовали «упрямые факты» и нельзя было просто от них отмахнуться.

Ленин понял, наконец, что в аграрной России, с ее примитивной экономикой, при отсутствии капиталов, невозможности привлечь их из за границы, нельзя, *по тому способу, который наметил большевизм,* создать такую могучую промышленность, от которой протянулись бы стальные нити до самой сердцевины народного хозяйства. Он повидимому убедился и в абсурдности основной предпосылки большевицкой индустриализации: выкачивать все соки из земледелия для промышленности и в тоже время воображат, что поставленная в такие условия деревня, способна будет поднять свои производительные силы до высокого уровня индустрализированного производства.

Ленин должен был поэтому признать негодность своего прежнего метода для разрешения проблемы социализма в зем-

леделии. Он должен был — какая кара для такого ярого антинародника — заимствовать народническо-эс-еровскую концепцию о необходимости исходит из наличных условий и использовать творческие способности самого крестьянства, не пытаясь механически его «переделывать», ибо потеряна была надежда на создание того могучего рычага, при помощи которого мыслилась такая переделка.

Тогда то Ленин и набросал свою новую — в этой новизне слышались, увы, эс-еровская старинка — теорию кооперации, — обеспечивающую *«переход к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина»*. Но из этой новой теории Ленин не успел или не сумел сделать практических выводов. Во всяком случае такие выводы — согласованные с логикой, оказались бы в непримиримом противоречии со всем строем и политикой большевицкой диктатуры.

Наследники Ленина торжественно внесли «последний завет» учителя на «священную скрижаль», но продолжали идти по старому пути. «Кооперативный план» остался безжизненным догматем, которым в случае надобности пользовались для целей внутри-партийной полемики, он отнюдь не превратился, как это должно было быть, в определяющее начало «строительство социализма».

оПсле Ленина, как известно, несмотря на «кооперативный план» берется еще более усиленный курс на индустриализацию, во имя все той же цели — подчинить земледелие промышленности. Большевицкая диктатура провозглашает своей задачей настолько индустриализовать Россию — за счет все той же деревни, — чтобы она могла сама производить и орудия производства и таким образом, избавиться от всякой экономической зависимости от внешнего мира.

Что получилось в результате? О чем говорят «итоги октября»? Вместо индустриализации, ради которой жестоко подавлялись основные жизненные потребности сельского хозяйства, огромная *аграризация*. Россия является сейчас страной более аграрной, более крестьянской, чем она была десять лет тому назад. Сельское население громадно увличилось, при весьма слабом росте городского пролетариата. Эта роковая для «большевизма» «диспропорция» обозначилась еще резче.

Индустриализаторские потуги привели лишь к замедлению восстановительных процессов в земледелии, к опасному кризису сельско-хозяйственного производства, не создав такой индустрии, которая могла бы действительно влиять на его развитие.

К десятилетию октября в России острый товарный голод, промышленность, Молоху которой принесено столько жертв, не

в состоянии удовлетворить платежеспособного спроса даже нищей деревни. При отсутствии трудоемкости сельского хозяйства, лишенной возможности поднять свою примитивную техническую базу, колоссальный избыток аграрного населения, не находящего приложения для своих рук в слабой индустрии. Таковы «социалистические достижения большевизма» после десяти лет господства.

Последний опыт искусственой, не соответствующей реальным условиям, индустриализации, привел лишь к новому, на этот раз более глубокому — ибо на почве уже частичного восстановленного народного хозяйства — экономическому кризису. И разрешение его уже немыслимо, без новых крупных уступок, сопряженных с сдачей части важнейших «командных высот», которые охраняют большевицкую диктатуру.

Когда оппозиция приписывает сталинцам — что последние об'являют наглой клеветой — правую программу: ликвидацию внешторга, отречение от коминтерна, признание долгов, льготы частному капиталу в городе и деревне, то она лишь делает логически правильный программный вывод из создавшегося положения. Выйти из нового тупика иным путем нельзя, если отвергать, — как это делают сталинцы — безумно-авантюристические планы оппозиции. И вот эту опасность, грозящую последним остаткам Октября, она и «сигнализирует».

Оппозиционные идеологи остаются верными индустриально-пролетарской концепции большевизма, сохраняют прежнее отношение к крестьянству, рассматриваемому, как буржуазная категория

Они, подводя итоги десятилетию, констатируют провал индустриализации и огромный рост крестьянства, которое ослабляя промышленность бессильна «переделать». Они видят, что уступки деревне, во имя интересов развития промышленности не превратили последнюю в силу способную подчинить себе сельское хозяйство, а вызвали лишь рост «капиталистических отношений» в стране, подтачивающих фундамент большевицкой диктатуры. Они и вопят поэтому, что «партия идет к катастрофе».

Подходя к оценке «итогов» со своей *ортодоксальной точки зрения,* оппозиция естественно может признать лишь одно: Россия под прикрытием пустопорожних фраз о «строительстве социализма» поворачивает на путь капитализма. А так как сложившееся положение, если не изменить его в корне решительным возвратом на истинный путь октября, диктует повелительно более широкие, сопряженные с сдачей важнейших позиций уступки и без того усилившейся «буржуазной стихии» то неизбежно наступление термидорианского фазиса, т. е. окончательная лик-

видация октябрьских остатков. Оппозиция поэтому так и ставит вопрос *или возврат к октябрю или Термидор.*

Троцкие и Зиновьевы теперь более чем когда либо понимают, что в аграрной России не может быть социалистического строительства вне постановки на верный путь разрешения пробелмы социализма в земледелии. Оттого то центр тяжести их споров со сталинцами и был перенесен в область политики партии в деревне.

Оппозиция, как верная хранительница большевицкой ортодоксии защищает здесь старый догмат первоначального большевизма. «Одно из основных положений марксизма, читаем мы в ее аграрных тезисах, гласит, что только могучая социалистическая индустрия может помочь крестьянству преобразовать сельское хозяйство на началах коллективизма». Всякое утверждение о возможноости достичь этой цели иным путем есть, «отход от позиций марксизма к теоруям эс-еров в вопросе о мелко-буржуазном характере крестьянской собственности и крестьянского хозяйства».

При наличии в России огромных масс такого «мелкобуржуазного крестьянства» один факт диктатуры пролетариата, гласят тезисы, еще не превращает капитализма в социализм». Нужно переделывать крестьянство рычагом могучей индустрии, — в противном случае мощно растущая капиталистическая стихия деревни затопит пролетарские «командные высоты» и наступит «конец комедии». «Или, читаем мы дальше в тезисах, пролетарское государство, опираясь на высоко развитую электрофицированную промышленность, сумеет преодолеть техническую отсталость миллионов мелких и мельчнйших хозяйств, *организовав их на началах крупного производства и коллективизации,* или капитализм, закрепившись в деревне будет, подтачивать основы социализма в городе»... Яснее сказать нельзя. Оппозиция верит только в один путь социализма в деревне: подведение под земледелие могучего машинно индустриального базиса, позволяющего создать чисто коллективистические формы хозяйствования. Раз нет городской индустрии, способной выполнить такую вадачу в деревне, значит не может быть и социализма. Раз не может быт социализма, рано или поздно должна рухнуть и «диктатура пролетариата».

Результаты десятилетнего опыта показывают с непререкаемой убедительностью, что заходя не с того конца, как это делали большевики, настоящей индустриализации в России создать невозможно. Но оппозиция вместо того, чтобы признать здесь роковую ошибку большевизма, ошибку определенную самой его сущностью, пытаются доказать обратное. Неудачу индустриализаторских планов она об'ясняет лишь тем, что слишком

церемонились с мужиком, недостаточно шкур с него содрали. Отсюда ее основное програмное требование: посильнее нажать на деревню, поставить более мощный насос для выкачивания из нее рессурсов, извлечь из мужицких закромов тощие хлебные запасы. Так одним ударом предполагается убить двух зайцев: получить средства на расширение промышленности и подрезать экономическую самостоятельность мелко - буржуазного крестьянства.

Эта программа — возвращения на путь военного коммунизма. И не даром «аграрные тезисы» оппозиции требуют организации «союза бедноты», которой должен явиться опорой диктатуры пролетариата при проведении его политики в деревне», как в свое время комбеды, по плану Ленина должны были служить орудием «раскулачивания» и «насильственного уничтожения зажиточной верхушки крестьянства». И не даром они, как опять таки в свое время Ленин, пытаются теоротически оправдать этот пункт программы утверждениями о совершающемся в деревне глубоком процессе расслоения.

Эта программа возврата к октябрю, к его безумным утопиям и диким иллюзиям, после десятилетняго пройденного пути, столь богатого жестокими отрезвляющими уроками, после того, как страна движимая глубоким инстинктом жизни сумела, ценю невероятных усилий, далеко отодвинуться от октябрьских позиций. Сталинцам, которые несут ответственность власти и не являются подобно оппозиционерам «барином с тросточкой», могущим безнаказанно фантизировать, не трудно выявить экономическую и политическую авантюристичность оппозиционной программы. Им стоит лишь напомнить, что в российских условиях индустрия способна развиться лишь опираясь на внутренний рынок, а последний может расти при росте благосостояния основной массы крестьянства, а не его обеднения. Им стоит лишь свести фантизеров с облаков на землю и показать им, что Россия уже не та, что была десять лет тому назад, — что попытки насильственной коллективизации деревни грозят неминуемым крушением диктатуры.

Но разбивая легко оппозицию, сталинцы, побеждая противников, загоняют самих себя в тупик. Недостаточно выяснить, что требуемая оппозиционерами сверх-индустриализация невозможна. *Надо ведь еще доказать, как при такой невозможности будет осуществляться социализм в деревне.* И тут то они и хватаются, как за спасательный круг, за «кооперативный план» Ленина, который учитель так предусмотрительно набросал перед своей смертью. «Кооперативный план» спасает положение. Основываясь на нем сталинцы могут утверждать, что и при от-

сутствии сверхиндустриализации крестьянство способно принять участие в социалистическом строительстве.

Пусть не удалось создать такой промышленности, которая могла бы подводить под земледелие машинно-индустриальный базис, но *за то есть кооперация,* являющаяся, как сказал учитель «наиболее простым и легким способом перехода к социализму для крестьянства». А раз есть кооперация, то, «при наличии советского строя и национализации основных орудий и средств производства, не допускающих капиталистического развития в сельском хозяйстве», развивает мысль учителя, ученик его Сталин, дело социалистического строительства в России обеспечено.

Оппозиция может в ответ на это, сколько угодно обвинять сталинцев «в повторении старой жвачки мелких буржуа-эс-еров». Она может, выбиваясь из сил доказывать, что ленинизм злостно коверкают и искажают, «противопоставляя ленинский кооперативный план ленинскому плану электрофикации», в то время, как у Ленина «кооперация является не отменой и не заменой, а дополнением к плану электрофикации». Сталинское большинство все такого рода рассуждения об'являет опаснейшей ересью и подкопом под основы пролетарской диктатуры.

«Неверие в возможность *вовлечения основной массы крестьянства в русло социалистического строительс ва через кооперацию* торжественно гласят тезисы ЦК, есть отказ от ленинского кооперативного плана, и стало быть, явный отход оппозиции от ленинизма. Отход этот является результатом общей ликвидаторской установки оппозиции, *отрицающей возможность строительства социализма в нашей стране*».

Тут все яснее ясного. Традиционным строго большевицким взглядам оппозиции на пути социализма в деревне противопоставляется под покровом ленинизма столь же традиционные исконни эс-еровские взгляды в этом вопросе. И только прикрываясь этим чужим идейным плащем сталинцы могут разбивать в словесном споре оппозицию и победоносно доказывать «возможность строительства социализма в нашей стране». Но, заимствовав у эс - еров их теорию путей социализма «ученики» ярого крестьянофоба, Ленина, вынуждены усвоить и эс-еровскую оценку социальной природы крестьянства, ту самую оценку, против которой столь яростно боролся весь русский марксизм в целом. И никто иной, как Сталин, спокойно и уверенно повторяет — выдавая ее за квинт-эссенцию ленинизма — старую народническую формулу: «крестьянство несоциалистично по своему положению. Но оно должно стать и обязательно станет на путь социалистического развития, ибо нет, и не может быть другого пути спасения крестьяаства от нищеты и раззорения».

Сталин и его сторонники теперь должны так оценивать

крестьянство , ибо иначе при огромном росте «середняка», не поддающегося переделке, им пришлось бы признать невозможность «строительства социализма» и, стало быть, отнять у большевицкой диктатуры всякое историческое оправдание. За десять лет, как это и следовало ожидать, в русской жизни еще более явственно, чем до революции выявились условия соответствующие концепции эс-ерства и «октябрьскую» концепцию большевизма радикально отрицающие. Сталинцы заимствуют поэтому эсеровские идеи, чтобы замазать противоречие между казенной большевицкой идеологией и российской действительностью. Но они продолжают в то же время во имя интересов диктатуры упорно проводить большевицкую политику, которая из этой действительности не вытекает и абсолютно ей противоречит.

Коммунистическая диктатура остается, как и раньше, преграждающим камнем на пути нормального развития пореволюционной России и выявления заложенных в ней гигантских возможностей. Она по-прежнему препятствует действительному экономическому возрождению страны и росту ее производительных сил, вне которого немыслим никакой социальный прогресс. И на ряду с этим, то основное противоречие, которое разоблачает оппозицию, которое свело на нет октябрьскую идею и подтачивает основы саго большевицкого властвования, —еще более углубляется.

Сталинцы, не желающие идти ни направо, ни на налево могут лишь беспомощно топтаться на месте. Перед ними нет пути и они не способны указать его направление. И лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза и создать обманчивое впечатление усиливающегося «движения к социализму», они пытаются проводить, не считаясь с последствиями «левые» лозунги оппозиции и возвещают о неосуществимом «новом экономическом маневре». Таков результат десятилетия господства большевизма с его про «пролетарско-индустриальной идиологией» в земледельческой крестьянской стране. И такова оправа борьбы в компартии, которая неизбежно должна была вспыхнуть и разростаться на почве всех этих явлений.

Междоусобица, раздиравшая компартию лишь в своеобразной форме отразила итоги десятилетия. Она возникла и обострилась в связи с развитием тех внутренних процессов, коими выводились эти итоги. Она должна была стать особенно ожесточенной по мере того, как все более явственно и неопровержимо обозначалось растущее несоответствие между догмами казенной идеологии большевизма и складывающимися условиями российской действительности. И то обстоятельство, что правящее большинство его упорно отрицает и, подобно страусу, прячет голову в пе-

сок «оппортунистических формул» явилось как бы историческим оправданием оппозиции, воображающей что «героическими мерами» это смертельное для «диктатуры пролетариата» не соответствие еще можно устранить. Для того, чтобы партия поняла необходимость таких мер, она должна увидеть опасность, ей нужно раскрыть глаза. Вот миссия, которую по существу и пытались выполнить оппозиционные вожди.

В большевицкой междоусобице личный элемент, — яростная борьба за власть играет очень большую, может быть даже, преобладающую, роль. После смерти Ленина, когда не стало учителя, личность которого всех подавляла, о соперничестве с которым никто не мог и помышлять, должна была неизбежно вспыхнуть «война за наследство» между теми, кто стоял ступенью ниже на троне диктатуры. Среди них не было «героя», перед авторитетом которого вынуждены были бы беспрекословно склониться все «равные» ему по рангу, — но каждый из них мнил себя таким «героем». Всегда, в подобных случаях, когда умирает диктатор и сохраняется после него диктатура, становится неизбежной междоусобица среди тех, кто является ее столпами. Это должно было случиться и после смерти Ленина.

Но на почве еще незаконченной революции, в своеобразных условиях господства «единой партии», связывающей свою монополию с определенной идеологией, «вожди» отброшенные от власти, поднимающие знамя бунта противъ «незаконных наследников» должны были облечь свои личные стремеления в какое то идейно-программное одеяние. Вот это то сцепление личного и идейного составляло сущность той внутренней склоки, которая потрясала русский большевизм.

Лидеры оппозиции, алкавшие власти стремились использовать против власть захвативших, несущих ответственность за судьбы диктатуры, идеологическое банкротство «красного октябризма», приписывая его не утопичности самих основ большевизма, за который она продолжает цепляться, а ошибками и оппортунизмом господствующей фракции. Вот почему оппозиция независимо от личных свойств и умственного склада ее лидеров могла быть только левой, вот почему Троцкий только слева мог пытаться обойти Сталина.

Все дело в том, что оппозиционеры выступали против большинства, *во имя общей связывающей их с ним концепцией коммунистической диктатуры.* Они боролись лишь за то, чтобы захватить руководство этой диктатурой в свои руки, исходя из интересов коммунизма, а не страны. Вынужденные в силу этого вести борьбу лишь в рамках партии и приспособляться к условиям такой борьбы, они, чтобы победить на этой узкой арене имели в своем распоряжении только один способ: доказать, что сталинцы изменили истинному ленинизму и тем самым толкают в про-

пасть всю партию в целом. Отсюда их неизбежная левизна, но отсюда и их неизбежное поражение. Расчеты завоевать большинство в партии выступая с левой программой были столь же утопичны, как и сама эта программа. Партийные кадры, состоящие из «пристроившегося» коммунистического чиновничества не могли пойти за такой программой, которая в лучшем случае явилась бы скачком в грозное неизвестное и сулила потрясения и опасности.

Оппозиционеры забыли, что героический период большевизма уже прошел, что давным давно изсяк его боевой пафос, что настали «великие будни».

Бессильная одержать победу, не выходя из рамок партии, оппозиция не могла получить опоры и в широкой беспартийной массе. Выступая против Сталина, во имя попытки железом диктуры изменить те условия, которые уже сложились с стране, во имя возвращения к тому, что осталось в памяти населения, как воспоминание о недавнем тяжелем кошмаре, во имя интересов коммунизма, противоречащих интересам народа она загоняла себя в порочный круг. Печальный результат ее попытки вынести борьбу на улицу, и не менее грустный финал ее борьбы в самой партии — лучшее доказательство безнадежности той позиции, которую она в силу логики своего собственного положения должна была занять.

Теперь, когда оппозиционные лидеры, грозившие «зажечь море», оплеванные и разбитые оказались без армии и совершенно безоруженными перед сталинским аппаратом, когда в любой момент на их головы может опуститься карающий меч ГПУ и никто пальцем не пошевельнот,чтобы их защитить,они должны особенно остро почувствовать жуть своего одиночества. Изгнание из рядов компартии вождей октябрьской революции за то, что они выступили с программой возврата к октябрю и бессилие изгнанных, не сумевших найти какой бы то нибыло поддержки в стране — пожалуй один из наиболее ярких итогов десятилетия. В нем отразилась огромность все того же основного противоречия между оффициальной доктриной большевизма и тем, что осуществлялось в жизни за эти годы.

Но какой ценой заплатила сама компартия за такой способ прикрыть противоречие, свидетельствующее о фиаско всех ее десятилетних усилий и несущее опасность гибели самой большевицкой диктатуре? Во что превратилась гордая «юбилярша» после совершенной ей над самой собой хирургической операции,

которую так картинно, с тем изяществом образов, какие ему одному только свойственны, описал Демьян Бедный:

Сталин, засучив рукава,
С полным знанием дела,
Отсекая гниль от здорового тела.
Производил операцию
Очень похожую на кастрацию...

Дн. действительно «очень похожую». И потому то компартия превратилась в сборище идейных кастратов, в покорное стадо безмолвно голосующей скотинки. То, что составляет нерв всякого живого коллективного тела, без чего оно мертвеет — в ней убито...

Существенной чертой внутренней борьбы в большевизме является то обстоятельство, что ни в одном из фазисов этой борьбы не было попытки идейного компромисса между враждовавшими сторонами. Компромиссы заключались, но только партийно-организованного характера.

После каждого своего выступления, потерпев неудачу, оппозиция давала обещание прекратить «критику ЦК» и подчиниться запрещению дискусси. Обещания свои она нарушила при первом же удобном случае. Но важно то, что именно на этой почве, *в борьбе за право дискуссии в партии,* междоусобица обострялась,принимая все более беспощадные формы. *Не столько противопоставление программ вызывало это обострение, сколько требования оппозиционеров свободы критики в партии и особенно их попытки осуществить ее явочным порядком.* Тут далеко не случайность, а вес.ма закономерное явление, неразрывно связанные с все теми же «итогами октября».

В страстных спорах по этому вопросу сталинцев и троцкистов и те и другие победоносно оперировали цитатами из Ленина. Одни приводили из писаний «учителя» резкое осуждение всякого подобия дискуссии в партии, — другие — признание ее допустимости и законности. Истину, как всегда в таких случаях, нужно искать по середине. Да, Ленин допускал в свое время дискуссию, но *поскольку она не касалась результатов* большевицкой политики или поскольку она велась под псевдонимом, как поведал однажды Зиновьев: — «Спорим об одном, и имели в виду совсем другое».

Но тот же Ленин требовал беспощадных репрессий «по линии ГПУ», против оппозиционных групп, которые осмеливались переносить дисуссию на эту почву и разоблачать несоответствие между планами большевизма и тем, что осуществляется в действительности. Но ведь именно в этом то и заключается вся суть оппозиции. Ведь именно указанное несоответствие она и разоблачала, им обосновала свою программу и только для того доби-

валась дискуссионного режима в партии, чтобы получить возможность беспрепятственно разоблачать.

Вот почему, чем огромнее становилось разоблачаемое оппозицией противоречие, тем менее компартия могла позволить себе роскошь дискуссии, тем жесточе должна была она расправляться с разоблачителями.

И результат на лицо. Борьба за режим дискуссии кончилась упразднением последних крупиц права критики, даже в руководящих партийных органах. С'езд ВКП потребовал на этот раз от оппозиции не только беспрекословного подчинения решениям большинства, но публичного отречения от своих взглядов. И от имени ЦКК Орджоникидзе торжественно об'явил под гром аплодисментов, что «в партии нет места для свободы мнений». Глава закончена и поставлена точка.

Таковы последствия для самой ЦКП той «антиномии», которая выразилась в приходе ее к власти и в ее, представляющем «исключение из правила исторической жизни» затянувшемся господстве. Боевая партия грозившая перевернуть весь мир рычагом революции, стала бюрократической кастой, *управляющей страной под фикцией уже несуществующей партийности.*

*
* *

Вся история коммунистической междоусобицы, все поведение оппозиции вплоть до ее разгрома и бюрократическое вырождение самой компартии в результате потрясавшего ее кризиса, опровергают иллюзии тех, кто возлагает надежды освобождения на внутренние процессы в самом большевизме.

Можно признать, что они отражают те глубокие экономические и социальные сдвиги, которые происходят в России. Но пока эти сдвиги не послучают выражению *в самостоятельном политическом движении,* не приходится ждать ни демократизации режима, ни приближения большевицкой политики к тому, что диктуется интересами страны, отвечает ее основным потребностям и без чего немыслимо ее нормальное развитие.

Многие зарубежные публицисты предсказывают неизбежный поворот вправо политики диктатуры. Расправившись с «левым крылом», избавившись от этой помехи, Сталин, полагают они, должен будет совершить такой поворот, диктуемый нынешним положением. Не надо забывать, однако, что сталинцы в борьбе с оппозицией, в целях более успешного ее одоления, вынуждены были взять у нее ряд ее лозунгов и сделать «левый зигзаг». Это во всяком случае свидетельствует о том, что какие

то об'ективные условия самого существования большевицкой диктатуры в России сковывают свободу ее движений. Есть еще одно препятствие, пожалуй, самое главное. Правый курс, насколько он выразился бы только в новых частичных уступках, не принес бы серьезного облегчения большевицкой власти. А тот крутой поворот, который мог бы действительно открыть выход из тупика, поворот, сопряженный с ликвидацией важнейших остатков коммунизма, слишком рискован для самой диктатуры и означал бы уже фактически начало известного спуска на тормазах к демократии. На это сталинцы именно теперь, даже если бы они были психологически подготовлены к такому радикальному решению, менее всего могут решиться.

Что же будет? Будет, несомненно, по прежнему, топтание на месте, без всякой перспективы впереди, и попытка, путем компромиссов во внешней политике, получить иностранные кредиты, чтобы смягчить последствия такого «курса» и продлить «сроки». А если эти попытки не увенчаются успехом, то сталинцам придется волей неволей, как мы уже это писали в предыдущей статье («Куда идет большевизм»), для получения рессурсов из беднеющей страны проводить меры в направлении оппозиционной программы.

То, во что выродилась компартия за десять лет монопольного господства, лишает ее возможности с а м о с т о я т е л ь н о, напряжением внутренних здоровых сил, выравнивать свою линию в направлении эволюции самой России. Оппозиция, вероятно, в той или иной форме, снова возродится в компартии. Большевизму, быть может, придется пережить еще какие то фазисы разложения и вырождения. Но какие бы еще не происходили бы в нем внутренние процессы, они вряд ли, *сами по себе* определят поворот его на путь жизни. Для этого нужно было бы, что бы в рядах самой В.К.П. появилась оппозиция, *рвущая с казенной диктаториальной концепцией коммунизма, способная противопоставить интересы страны интересам большевицкой диктатуры.* При той степени вырождения, до которого дошла компартия и в условиях нынешнего внутрипартийного режима, это менее, чем когда либо, возможно. Большевицкая партия слишком обездушена, обюрократизована и выдохлась от всякого пафоса, царящая в ней атмосфера слишком серая, будничная и чиновничья, чтобы в ней возможна была настоящая революционная внутренняя борьба, требующая героизма и жертвенности. Картина последнего с'езда ВКП, невиданно холопское поведение большинства, жалкие покаянные речи вождей оппозиции, ставших на колени перед Сталиным и вымаливавших его прощение явилось в этом отношении более чем убедительным.

Русский большевизм уже неспособен народить внутри себя

такие силы, которые могли бы, при отсутствии народного движения, своей борьбой в рамках партийной легальности, толкнуть партию в сторону эволюции или довести дело до гражданской войны, что означало бы уже начало революции.

Оппозиция, так позорно кончившая, имела огромное значение, но оно было не в ней самой. Ее можно в этом смысле сравнить с флюгером: флюгер поворачивается под напором ветра, но сам он не ветер, а лишь кусок жести. Оппозиционное движение родилось и разросталось на почве того основного противоречия, неуклонно растущего и обостряющегося, которое окрашивает все нынешнее положение. Она своим выступлением его лишь «сигнализировала».

Противоречие между экономическим фундаметом и социальным строением России и большевизмом как таковым, между жизненными потребностями аграрной страны и «индустриально пролетарской» политикой власти, между ростом удельного веса крестьянства и наличием диктатуры, созданной для его обуздания, между складывающимся соотношением классовых сил и условиями необходимыми для сохранения «командных высот».

В нем, а не в выступлениях оппозиционеров, вся суть нынешнего положения. Им должно определиться и будущее направление событий. По мере того, как оно будет обостряться, а последствия его оильнее ощущаться трудовыми массами, составляющими подлинную Россию — станет неизбежным оживление и рост «третьей силы», появление которой на исторической сцене одно лишь способно сдвинуть срану с мертвой точки. И только тогда, когда появится такая сила возможно, что и среди самих большевиков открыто обнаружат себя те, имеющиеся в ней, элементы, которые, усвоив народническо-эсеровские взгляды, делают из них и логические выводы, которые уже убедились, что большевизм начал не «с того конца» и понимают необходимость коренной перемены «курса».

И тогда, быть может, произойдет «смычка» между этими элементами и «третьей силой». И под их соединенным напором — если в большевизме к тому времени сохранится еще искра жизни — совершится тот решительный поворот, который откроет России выход из ущелий диктатуры, без новых потоков крови, тяжелых потрясений и страшных конвульсий.

Но совершится ли этот неизбежный поворот именно так, предсказать с уверенностью, конечно, трудно.

Ясно лишь одно — «третья сила». Это то основное условие, вне которого невозможно раскрепощение нашей родины тем или иным путем. Вся совокупность складывающихся об'ективных условий в России определяет, и чем дальше, тем больше будет

определять ее появление. И задача партий, представляющих интересы труда, сосредоточить все свои усилия в этом направлении. Крах надежд, возлагавшихся на внутреннюю борьбу в Компартии и то, что эта борьба обнаружила перед страной, на ряду с «символическими» итогами «октября», их задачу сейчас очень облегчает.

Ясно еще и другое. Собирать «третью силу» *нельзя,* выдвигая «коалиционные» платформы, чуждые и непонятные народным массам в России, призывая к союзу с буржуазией, которая в сознании этих масс олицетворяется хищными непманами, восхваляя блага капитализма, сумевшего в России показать свои наиболее темные эксплуататорские стороны. Нет. Для этого нужны ясные лозунги, оформляющие истинные чаяния трудовой России, соответствующие содержанию великой русской революции, провозгласившую идею труда и тому сложению внутренних сил, тому своеобразному социальному строю, которые сейчас существуют.

История подвела Россию вплотную к переходу от диктаторриального утопического большевизма к народно-трудовой демократии — промежуточному строю между отошедшим уже для нее в прошлое «чистым» капитализмом и таящемся еще только в туманах будущего «чистым» социализмом.

Таков результат «особых путей» ее исторического развития.

Те, кто этого не понимают, напрасно будут искать подходов к тому народному «массиву», который должен выделить из себя «третью силу». Они их не найдут.

Е. Сталинский.

КИТАЙСКИЙ КРИЗИС

Китай переживает глубокий социальный и духовный кризис.

Возник этот кризис еще в конце 18-го века и носил по началу экономический характер. Но кровопролитные восстания тайных обществ в 19 веке и неудачные войны с европейцами обострили и углубили этот кризис до чрезвычайности.

Его разрушительному действию подверглась вся жизнь в Китае.

Народное хозяйство пришло в полный упадок. Государственная власть была совершенно дезорганизована. Духовное творчество замерло.

Высокие стены, окружающие старые китайские города не могли уже защищать обитателей этих городов от европейских пушек. И даже главные твердыни древней китайской цивилизации — патриархальная семья и культ предков зашатались под натиском западных идей.

Незримым путем эти идеи просачивались сквозь толщу суеверий и предрассудков и завоевывали умы и сердца подраставших поколений.

После головокружительной победы маленькой Японии над гигантским Китаем — для более дальновидных представителей китайской интеллигенции стало ясно, что европейцы и японцы были обязаны своими победами над «Срединной Империей» своей науке и своей технике. Для них стало ясно, что Китай никогда не выйдет из своего унизительного положения, никогда не станет сильным и свободным, если он не усвоит во всем объеме достижений западной культуры.

И тысячи китайских юношей ринулись в университеты Европы, Америки и Японии для получения высшего образования.

В то же время росла ненависть народных китайских масс

к императорскому правительству, которое они считали виновником всех своих бед и несчастий.

Положение маньчжурской династии становилось все более шатким.

Чтобы спасти свой трон и смягчить народное озлобление, китайская императрица, та самая, которая организовала в 1900 году боксерское движение, была вынуждена вступить на путь реформ.

Еще в 1898 г. она предавала казни тех, кто сочувствовал реформам, которые стал вводить свергнутый ею император, а в 1905 г. она сама упразднила древнюю систему обучения китайского юношества и ввела новые методы воспитания по западноевропейскому образцу. Она издала декрет о воспрещении обычая уродовать ноги у женщин и предоставила иностранцам целый ряд концессий на постройку железных дорог, хотя по древнему китайскому обычаю строго воспрещалось рыть и раскапывать землю.

Все эти и другие реформы развязывали силы китайского народа, силы, которые в течение тысячелетий были скованы непререкаемым обычаем и неумолимой традицией.

Это было пробуждение великого народа от многовекового оцепенения — это был дерзкий вызов седой старине.

Европейская наука учила борьбе с суеверием и духовным рабством; она боролась за свободу человеческого духа и человеческой личности, и, учреждая по всему Китаю сеть начальных школ, гимназий и университетов по западным образцам, само китайское правительство наносило смертельные удары авторитету отцовской и всякой другой неограниченной власти в этой стране.

По иронии судьбы китайская императрица, яркая представительница всего реакционного в Китае, сама толкала свой народ на путь глубочайшей умственной и духовной революции, этих неизменных предвестников революций политических и социальных.

В короткий срок в «Срединной Империи» народилась довольно многочисленная передовая интеллигенция. И когда эти представители нарождавшегося нового Китая ознакомились с истинным положением своей родины, они поняли, что она находится на краю гибели.

Крестьянство находилось в самом бедственном положении. Благодаря чрезмерному перенаселению, дробление земельных участков дошло до максимума. Клочки земли, приходившиеся на семью, не были в состоянии прокормить ее, несмотря на чрезвычайно старательную и искусную обработку их. Налоги, государственные и местные, были непереносимо велики и разоряли одинаково и крестьян и горожан. Миллионы крестьян лишились

своих наделов, так как не были в состоянии уплатить долги, обременявшие эти наделы. «Ликин», особенный таможенный сбор, вроде октруа, лишал бедных крестьян возможности продавать свои продукты непосредственно потребителю. Земледельцы не располагали свободными деньгами для уплаты «Ликина» до продажи товара, — и они становились жертвами скупщиков. Продажные чиновники выжимали из населения последние соки.

Всюду грабили шайки бандитов, и власти ничего не могли с ними поделать.

Ко всему этому присоединялись стихийные бедствия: наводнения, засухи, эпидемии и др.

И ни центральное правительство, ни местные власти не могли, а часто и не хотели прийти на помощь бедствующему населению. К тому же всякая помощь в этом направлении требовала затраты колоссальных средств, а финансовое положение императорского правительства было критическое.

Все это крайне озлобило китайские народные массы и ненависть их к маньчжурской императорской власти становилась все сильнее.

Наконец, терпение китайского народа истощилось, и в 1911 году в «Срединной Империи» вспыхнула революция.

Начавшись в июне месяце на юге, она в короткий срок совершила свой победоносный путь до Нанкина.

Во главе революции стоял Сун-Ят-Сен, революционный деятель, воспитанный на западно-европейских идеях и много лет с риском для жизни боровшийся в самом Китае против тирании маньчжурской династии.

И так бессильна была в этот момент императорская власть, что известному государственному деятелю Ю-Ан-Ши-Каю удалось без труда убедить императора отказаться от престола.

Китай был об,явлен республикой. Сун-Ят-Сен, избранный революционным путем первым президентом новой республики, из тактических соображений отказался от столь почетного поста, и созванное первое революционное народное собрание избрало временным президентом Ю-Ан-Ши-Кая.

Настал момент осуществить вековые чаяния китайского народа. Предстояла громадная работа по переустройству всей жизни — экономической, социальной и духовной 450 миллионного народа с 40 вековой культурой. Работа эта требовала гигантского труда, напряжения всех сил страны и беззаветной преданности идее революции.

К несчастию для Китая его новый президент не обладал ни психологией, ни размахом крупного реформатора. Он не понимал или не хотел понять всей важности выпавшей на его долю задачи. Став у власти, он так же легко изменил революции, как раньше изменил старому режиму.

Китайский народ ждал коренных реформ: земельной, налоговой, судебной, финансовой; он ждал оздоровления административного аппарата, новой постановки народного образования, раскрепощения семьи, законов об охране труда и т. д. А Ю-Ан-Ши-Кай медлил и явно тормозил преобразовательную работу.

Такая тактика скоро восстановила против президента огромное большинство революционного парламента. Когда же этот парламент отказался одобрить его проэкт иностранного займа, он совершенно порвал с революцией. По его распоряжению парламент был разогнан; оппозиционные провинциальные собрания распущены, и вся власть была сосредоточена в руках правительства, покорного исполнителя его воли.

Попытка Сун-Ят-Сена поднять на юге восстание кончилась неудачей, и Ю-Ан-Ши-Кай стал фактическим диктатором Китая.

Так печально закончилась Китайская революция 1911 г., которая была начата с такими большими надеждами и которая при благоприятных обстоятельствах могла бы открыть новую эру в истории Китая.

Ю-Ан-Ши-Кай пытался даже провозгласить себя императором, но потерпел на этом неудачу. Он умер в июне 1916 г. разочарованным и разбитым морально человеком.

С этого момента в Китае начинается та гражданская война, которая до сих пор еще не закончилась.

В сущности, Китай после смерти Ю-Ан--Ши-Кая перестал быть единым государством.

Пока в «Срединной Империи» существовала императорская власть, китайский народ себя чувствовал под управлением единого владыки, которого он чтил и даже боготворил. Если губернаторы отдельных провинций и вели себя на местах, как царьки, если они грабили население, если они распоряжались жизнью и смертью своих подданных, то это была система, установленная императорской властью с древних времен. Все же любой губернатор мог быть убран с места и даже казнен по приказу императора. Но после падения маньчжурской династии и провозглашения Китая республикой, связь провинций с центром распалась.

Каждый военный губернатор располагал своей армией наемников, которых он содержал или на средства, насильно собираемые с местного населения, или на займы, получаемые от той или иной иностранной державы.

В своей провинции каждый такой губернатор себя чувствовал полновластным сувереном, а отношения его к другим провинциям определялись содержанием тех соглашений, в которые он вступал с их губернаторами.

Наемники вербовались или среди безработных крестьян и горожан, или среди бандитов.

В Пекине номинально существовало центральное правительство, но местные губернаторы (тучуны) с ним мало считались, за исключением тех случаев, когда в их сепаратную политику входило поддерживать это правительство.

Иностранные державы, имевшие крупные экономические интересы в Китае, вели все время весьма сложную и тонкую закулисную игру, в которой обыкновенным смертным было весьма трудно разобраться.

С.-Американские Соединенные Штаты смотрели на Китай, как на обширный рынок, где они могли сбывать свои товары с большей выгодой, чем другие страны. Сравнительная близость Америки от Срединной Империи и дешевизна морского транспорта, давали ей большие преимущества перед Англией, Францией и Германией.

Естественно, что великая заокеанская республика была заинтересована в сохранении Китая, как целого, и в мирном течении его жизни. Она хорошо знала, что ничто так не вредит нормальным экономическим отношениям, как народные волнения и анархия.

Англия, силою навязавшая Китаю в 40-ых годах прошлого столетия торговлю опиумом, успела за истекшие 90 лет занять в этой стране весьма важные экономические позиции. Она не только завязала торговые сношения со всеми важнейшими китайскими портами, но открыла в них огромное количество промышленных предприятий. Дешевый китайский труд и дешевое сырье предоставляли английской промышленности огромные выгоды. Примеру Англии следовала Франция и Германия.

Еще большую заинтересованность по отношению к Китаю проявили Россия и Япония.

Первый договор России с Китаем был заключен в 1689 г. С тех пор русская дипломатия неустанно добивалась особенных преимуществ для русских подданных в Срединной Империи. — В начале 20-го века русская политика в Китае стала особенно агрессивной.

Получив концессию на проведение Кит. восточной железной дороги по Маньчжурии, русское правительство повело себя там, как полноправный хозяин. Фактически, весь обширный край от Порт-Артура до поселка Маньчжурия был им оккупирован. Явочным порядком русские власти ввели там свою полицию, свои суды, свою почту и телеграф.

Само собою разумеется, что все эти нововведения насаждались под защитой русских штыков.

Есть все основания думать, что Япония начала войну с Россией с благословения некоторых великих держав, так как рус-

ская экспансия на Дальнем Востоке вызвала всеобщую тревогу.

Япония также имела свои виды на Китай.

Население ее задыхалось на своих гористых и каменистых островах; оно терпело недостаток в самом необходимом. Ему не хватало рису для пропитания и он нуждался в полезных ископаемых: в угле, железе и нефти для развития отечественной промышленности. Всего этого было изобилие в Китае, и Япония, естественно, обратила свои взоры на эту благодатную страну. Обессиленный и дезорганизованный Китай был слишком привлекательной добычей, чтобы Япония не попыталась овладеть ею.

Но к этой добыче протягивала свои руки и Россия. Для Японии стало ясно, что покуда северный колосс ею не будет обезврежен, ее цель — подчинить себе Китай — не сможет быть достигнута. И она об'явила России войну, которая принесла ей небывалую победу.

Победа эта сделала ее также первоклассной мировой державой и значительно развязывала ей руки в Китае. На основании Портсмутского договора Порт-Артур и Ляодунский полуостров отошли к Японии. Вся южная Маньчжурия оказалась в ее руках. Она торжественно вступила на азиатский материк, и перед ней открылся путь для дальнейшего проникновения вглубь «Срединной Империи».

Упоенная своими действительно блестящими победами над Китаем и Россией, Страна Восходящего Солнца стала мечтать о гораздо большем. Она почувствовала себя призванной стать гегемоном всех народов Азии и полным хозяином на всем западном побережьи Великого Океана.

Она хорошо знала, что встретит на своем пути такого могущественного противника, как С. Шт. Северной Америки; но это ее не пугало. С величайшей энергией и искусством она стала втихомолку готовиться к решительной борьбе.

Был, впрочем, момент, когда японская военная партия и японская дипломатия открыли весь свой тонко продуманный план. Этот смелый шаг Япония предприняла в январе 1915 г., когда Европа была охвачена пожаром войны и внимание Америки было отвлечено трагическими событиями на старом континенте.

Пользуясь стечением благоприятно для нее сложившихся обстоятельств, Япония пред'явила Китаю свои знаменитые 21 требование с секретными пунктами. Если бы Китай принял эти требования, он перестал бы существовать, как самостоятельное государство; он сделался бы покорным вассалом Страны Восходящего Солнца. Китай был бессилен сопротивляться требованиям Японии, пред'явленным в ультимативной форме, и только вмешательство Америки и Англии спасло его от катастрофы.

Поняв, что она действовала слишком поспешно, Япония по-

шла на большие уступки и снова принялась за свою подпольную работу в Китае.

Выступление Японии со своими требованиями совпало, как раз с периодом, когда Ю-Ан-Ши-Кай, порвав с революционными элементами в Китае, стал на путь тиранической диктатуры...

После смерти Ю-Ан-Ши-Кая между разными группами китайских правящих кругов возник серьезный раскол.

Прежде всего разногласия обнаружились по вопросу об об' явлении войны Германии. Мирно настроенные элементы с президентом Ли-Юан-Хунгом во главе, находили, что истощенному и бессильному Китаю нет смысла ввязываться в войну с Германией. Напротив, военная партия рвалась в бой. Ей казалось, что война с Германией принесет Китаю большие выгоды экономические и политические. Эту группу милитаристов возглавлял генерал Туан-Чи-Жуй, сторонник политики Ю-Ан-Ши-Кая.

В короткий срок сопротивление сторонников мира было сломлено. Президент Ли-Юан-Хунг был смещен, и в апреле 1917 года война Германии была об'явлена.

Тем временем многие члены первого революционного народного собрания успели перебраться в Кантон и там об'явили себя единственными представителями конституционной власти в стране.

Перед пекинским правительством встал вопрос, как отнестись к этой революционной группе. Новый президент был за примирительную политику, а Туан-Чи-Жуй, взявший на себя обязанности премьера, стоял за крутые меры. Туан-Чи-Жуй был вынужден подать в отставку, но, уходя, обратился за помощью к маньчжурскому генерал-губернатору Джан-Дзо-Лину.

В первый раз этот северный сатрап вступил на путь высокой политики. Он восстановил Туан-Чи-Жуя и заставил президента проводить по отношению к кантонцам политику премьера.

Чтобы вырвать почву из под ног южан, была изменена конституция и избран новый законопослушный парламент на основании нового же избирательного закона.

Этот государственный переворот произошел в феврале 1918 г.

Нет сомнения, что действиями Джан-Дзо-Лина руководила Япония, в интересах которой было всячески препятствовать об'единению всего Китая вокруг одного авторитетного центрального правительства. Джан-Дзо-Лин был китайским генералом и, следовательно, внешним образом Япония оставалась по отношению к Китаю вполне лойяльной.

В действительности же, зависимость Джан-Дзо-Лина от японских военных кругов ни для кого не была секретом. Бывший хунхузский атаман, Джан-Дзо- Лин еще во время русско-

японской войны приобрел расположение Японии, сражаясь на ее стороне. Она же дала ему впоследствии возможность перейти в ряды регулярных китайских войск и подняться до ответственного поста маньчжурского генерал-губернатора. Естественно, что, обязанный своей головокружительной карьерой японской военной партии, Джан-Дзо-Лин являлся усердным проводником японской политики в Китае.

Как полновластный суверен Маньчжурии, он на свой страх заключил с Японией целый ряд соглашений, которые предоставляли ей в этом богатейшем районе огромные преимущества экономического и стратегического характера.

Так напр., японцы дали взаймы Джан-Дзо-Лину 30 миллионов иен и в обеспечение этого займа получили от него концессию на эксплуатацию *всех* лесных и минеральных богатств в Гиринской и Хейлудзянской провинциях, территория которых чуть ли не в два раза больше Франции.

Выступление Джан-Дзо-Лина в 1918 г. было только началом его большой политической карьеры. В дальнейшем его роль, как японского ставленника, выявлялась все ярче и ярче. Как же относились ко взаимной борьбе китайских генералов остальные иностранные державы, интересы коих в Китае далеко не всегда совпадали, а иногда даже довольно резко расходились?

Прежде всего им всем было не по пути с Японией, планы которой ими давно были разгаданы.

Понятно, что ни тактика Джан-Дзо-Лина, ни политика той партии в Пекине, которую он поддерживал, не пользовались их сочувствием. Поэтому вновь избранный в феврале 1918 г. президент Китая Сю-Ши-Чанг и его кабинет встретили со стороны европейских держав и Америки далеко не дружелюбное отношение.

Напротив, Япония в этот период очень горячо поддерживала Пекинское правительство, снабжая его большими средствами. Само собой разумеется , что она постаралась вознаградить себя за эти «жертвы» целым рядом крупных привилегий экономического и политического характера.

Это не мешало японским дипломатом оффициально везде и всюду отстаивать позицию Америки по отношению к Китаю. Они защищали политику «открытых дверей», ратовали за «неприкосновенность китайской территории» и «независимость Китая».

Словом, внешне между представителями иностранных держав в Китае царило полное согласие, а втихомолку каждая держава вела свою особую политику, нередко в ущерб другим.

Так, напр., Япония, пользуясь военными затруднениями в Европе, умудрилась еще в 1917 г. добиться от союзных держав и Америки признания за нею, «специальных интересов» в Китае, а

получив это признание, она не постеснялась заявить, что будет защищать эти интересы силою оружия.

Юг Китая тоже не мало беспокоил представителей Англии, Франции и Америки. Они были весьма озабочены вопросом об умиротворении Кантонской группы. Но Юг пользовался дурной славой за свой революционный дух. За ним было сочувствие влиятельных общественных групп, ими руководили просвещенные иередовые элементы Китая. Можно ли было на них положиться. В этом у европейских и американских дипломатов уверенности не было.

Таким образом, им не были по душе ни кантонские радикалы, ни пекинские реакционеры. Последние, к тому же, вызывали против себя все большее недовольство китайских масс. Туан-Чи-Жуя и его сторонников справедливо обвиняли в сервилизме перед Японией, аггрессивная политика которой в Шантунге и Киа-Чао вызывала всеобщее негодование.

Тогда, при материальной и моральной поддержке Англии и Америки, на сцену выступил генерал У-Пей-Фу. Это был один из немногих китайских генералов, сторонников реформ. Ему удалось прогнать из Пекина Туан-Чи-Жуя и его сотрудников и фактически взять власть в свои руки. Это случилось в июле 1920 года.

Северный и средний Китай оказались временно об'единенным пекинским правительством. Южане же избрали президентом Сун-Ят-Сена и об'явили несколько южных провинций самостоятельным государством.

Враждебных военных действий между обоими правительствами, однако, не было. В политической жизни Китая наступило некоторое затишье — и китайские правительственные круги стали готовиться к предстоящей осенью 1921 г. Вашингтонской Конференции, на которую они возлагали весьма большие надежды.

Но не успела конференция начать свои работы, как Джан-Дзо-Лин решил снова вмешаться в пекинские дела и вырвать власть из рук У-Пей-Фу.

Было ли это выступление маньчжурского диктатора продиктовано Японией, которой было выгодно представить Китай пред великими державами, как жалкую и хаотическую страну, нуждающуюся в постоянной опеке, или его честолюбием, но дело дошло до серьезного вооруженного столкновения между войсками Джан-Дзо-Лина и У-Пей-Фу. Джан-Дзо-Лин, однако, потерпел поражение и вынужден был оттянуть свои войска обратно в Мукден.

Престиж У-Пей-Фу после этой победы значительно поднялся. Еще более окрепло его положение после окончания Вашингтонской Конференции. Хотя китайские представители далеко не до-

бились на ней все того, чего они требовали, — все же великие державы помогли им одержать несомненную победу над Японией. Целый ряд унизительных договоров Китая с Японией, подписанных первым под угрозой войны, были аннулированы. Китай был взят под защиту великих держав; провозглашены были снова принципы «открытых дверей» и «неприкосновенности Китайской территории». Была наконец высказана готовность в близком будущем упразднить в Китае режим капитуляций.

Словом, казалось, что Китай скоро станет действительно независимым государством.

При такой политической обстановке У-Пей-Фу решил приступить к давно намеченным им реформам. Он заставил президента Сю-Ши-Чанга уйти и на его место был снова поставлен первый революционный вице-президент Ли-Юанг-Хунг. Далее У-Пей Фу решил созвать в законном порядке новое национальное собрание. Это его намерение встретило горячее сочувствие со стороны Сун-Ят-Сена, который в это время сам занимал пост президента в Кантоне.

Но как только У-Пей-Фу приступил к проведению своего плана в жизнь, у него возникло серьезное разногласие с новым президентом, У-Пей-Фу находил, что мир и порядок в Китае можно будет восстановить только при помощи сильной, централизованной власти и путем обновления административного аппарата в стране. Ли-Юанг-Хунг же был сторонником организации власти на федеративных началах. И этот раскол между высшими представителями власти делал все усилия пекинского правительства начать преобразовательную работу бесплодными.

Престиж правительства стал заметно падать, и оно начало терять опору, как в китайском обществе, так и среди иностранных держав.

Как раз около этого времени на Китайском горизонте вновь появилась Россия.

Грозная до 1904 г., она продолжала чрезвычайно импонировать Китаю и после своего поражения. Но октябрьская революция лишила ее всякого влияния на Дальнем Востоке.

Считая себя, по праву соседства с Китаем, прямой наследницей России, Япония с радостью согласилась на предложенную ей в 1918 г. великими державами интервенцию, которую она весьма скоро превратила в довольно длительную оккупацию Приморской Области, Амурской, Сахалина и Забайкалья.

Можно сказать с уверенностью, что советская Россия потеряла бы навсегда Дальний Восток и Китайско-Восточную железную дорогу, если бы Америка, Англия и Франция не взяли под свою защиту русскую территорию и русских граждан на Дальнем Востоке. Интересы России в данном случае вполне совпадали с интересами великих держав, так как, защищая русские

дальновосточные владения против натиска Японии, они тем самым ставили предел ее проникновению на Маньчжурию и Китай.

Большевики не раз делали попытки завязать сношения с Китаем, но долгое время эти попытки не имели ни какого успеха. Известны наделавшие шуму декларации Карахана в 1919-1920 г. В них советский дипломат от имени своего правительства отказывался от всех насильственных договоров, заключенных когда-либо царским правительством с Китаем. Он отказывался от права экстерриториальности и также, наконец, выражал готовность возобновить дипломатические сношения с Китаем на совершенно новых, справедливых началах.

Но китайское правительство не обнаружило никакого желания вступить с коммунистами в переговоры. Тогда советские дипломаты решили пойти напролом.

В 1920 г. в Китай была послана миссия Юрина-Дзевалтовского. Ее путь через Ургу и Калган был полн неприятных столкновений. Китайские чиновники чинили ей всякие препятствия, но она все-таки добралась до Пекина. Там ее встретили определенно враждебно. Оффициальные китайские круги ее игнорировали, и она себя чувствовала в положении полнейшей изоляции.

Юрина сменил Пайкес, Пайкеса Давтян и Иоффе, но все они наталкивались на глухую стену вражды и недоверия.

В одном только эти миссии преуспели. Им удалось завязать тайные сношения с некоторыми китайскими сановниками и заручиться сочувствием некоторых революционных элементов, втайне мечтавших о новой, более успешной революции в Китае.

Так как Иоффе особо вооружил против себя китайские правительственные круги, то он был отозван, и на его место был послан Карахан. (в 1923 г.)

К этому времени отношения великих держав к советской России значительно изменились к лучшему. Англия уже успела заключить с ней торговый договор (в марте 1921); Германия уже подписала с Россией Раппальский договор; в Италии и Франции подготовлялась почва для признания советского правительства de jure. Повидимому, пекинский дипломатический корпус принципиально уже не возражал против того, чтобы Китай вступил в переговоры с большевиками. Возможно, что возобновление дипломатических сношений между Срединной Империей и Россией им было уже нужно, как противовес все усиливавшейся японской экспансии в Китае.

Как бы то ни было, но Карахан был встречен с большой помпой, как в Маньчжурии, так и в Пекине. Китайцы хорошо помнили его декларацию, и им очень хотелось, чтобы он в точности выполнил взятые им на себя этими декларациями обя-

зательства. Если бы это было так, благородный жест большевицкого правительства имел бы очень большое политическое и моральное значение. Но обещания обещаниями, а политика политикой.

В Пекине Карахан вел работу в двух направлениях. С одной стороны он упорно добивался от Китая оффициального признания советского правительства, а с другой он систематически натравливал китайцев на «белых»

Сумел он также заручиться сотрудничеством некоторых влиятельных китайских сановников и добился наконец согласия китайского правительства на признание советского правительства и заключение новых договоров.

Это предварительное соглашение было подписано 31 мая 1924 г. Караханом от имени России и Велингтоном Ку от имени Китая.

Карахан одержал большую дипломатическую победу. Тотчас же после подписания договора от 31 мая 1924 г. он настоял на возвращении ему всех зданий русского посольства в Пекине. По его требованию ему было также возвращено все имущество посольства, в том числе весьма ценный посольский архив; и, наконец, в целом ряде городов советским консулам были переданы консульские здания, находившиеся в распоряжении китайцев.

Вскоре, однако, отношения между русской посольской миссией и китайским правительством сильно испортились.

Дело в том, что в силу предварительного соглашения от 31 мая 1924 г., Карахан принял на себя несколько очень важных обязательств, из коих главные были: немедленный вывод красных войск из Урги и Внешней Монголии, а также отказ от всякой пропаганды против существующего в Китае строя.

Было условлено, что, после того,как советское правительство выполнит эти свои обязательства, будет созвана специальная русско-китайская конференция, на которой и будет выработан новый modus vivendi между обеими странами.

Но советское правительство не обнаруживало ни малейшего желания ни выводить свои войска из Монголии, ни воздерживаться от коммунистической агитации. Напротив, в Монголии большевики водворились весьма прочно, обратив этот обширный край в советскую провинцию, а коммунистическую агитацию агенты Карахана вели в Китае самую яростную.

Тогда китайское правительство стало саботировать созыв конференции. Подготовительные к конференции работы были приостановлены, и советское правительство в Пекине опять оказалось висящим в воздухе.

Большевики, надеявшиеся после заключения договора от 31 мая 1924 г., получить в свои руки управление Кит. Вост.

жел. дорогой, опять натолкнулись на сопротивление как центральной пекинской власти, так и на Джан-Дзо-Лина. И весь аппарат управления этой дороги, состоявший почти исключительно из русских, оставался формально под защитой китайских властей, а фактически под бдительной охраной союзных держав.

Вскоре, однако, маньчжурские дела приняли неожиданно благоприятный для большевиков оборот.

Джан-Дзо-Лин, потерпев в 1922 г. поражение, отнюдь не думал отказываться от своих честолюбивых планов. Подстрекаемый и поддерживаемый материально Японией, он стал готовиться к новой борьбе с У-Пей Фу. Нужен был только повод, а за поводом дело в Китае не стало.

Губернаторы двух провинций, Кианг-су и Чекианг, между собой не поладили и стали воевать. У-Пей-Фу принял сторону одного из них; тогда Джан-Дзо-Лин принял сторону другого. И началась более серьезная война между двумя противниками, претендовавшими на руководительство всей политической и государственной жизнью Китая.

Тогда Карахан, раздраженный пренебрежительным к нему отношением центрального правительства, обратился к Джан-Дзо-Лину с предложением заключить с советским правительством сепаратный договор о Китайско-Вост. ж. дороге.

Джан-Дзо-Лин охотно принял это предложение, и в конце сентября 1924 г. такой договор был подписан. Кит. Вост. ж. дорога, наконец, перешла в руки советской власти. Это была вторая дипломатическая победа Карахана, купленная ценою нарушения суверенных прав пекинского правительства, с которым подчиненный ему представитель местной власти находился в состоянии войны.

В этот период китайской смуты на первый план выдвинулся «христианский» генерал Фенг-Ю-Сян, сотрудник У-Пей-Фу. Его выступление на широкую политическую арену началось предательством.

По плану У-Пей-Фу Фенг-Ю-Сян со своей 60 тысячной армией должен был обойти Джан-Дзо-Лина с тыла. Христианский генерал сделал вид, что отправился со своим войском на место назначения. Но, простояв несколько дней недалеко от Пекина, он внезапно вернулся в столицу, арестовал президента Цао-Куна и произвел очередный государственный переворот.

Тем временем У-Пей-Фу, не подозревавший измены Фенг-Ю-Сяна, начал генеральное наступления на Джан-Дзо-Лина. Маньчжурский диктатор завлек его в западню и нанес ему страшное поражение.

У-Пей-Фу едва спасся бегством и удалился, с жалкими остатками своих войск в родную провинцию Хенан.

Вершителями судеб Китая на время сделались Джан-Дзо-

Лин и Фенг-Ю-Сян, который присвоил своей армии название «народной».

Не без сильного давления иностранных держав Джан-Дзо Лин и Фенг-Ю-Сян приступили к образованию в Пекине новой авторитетной власти. Чтобы придать будущему правительству всенародный характер в ноябре 1924 г. в Тяньдзине была созвана конференция.

По постановлению этой конференции верховным правителем Китая был провозглашен старый реакционер, но сведующий генерал, Туан-Чи-Жуй. — Все-же окончательное соглашение между генералами не было достигнуто, так как Джан-Дзо-Лин никак не мог договориться с Фенг-Ю-Сяном. Гораздо сговорчивее оказался Сун-Ят-Сен, хотя он в это время был уже в тесном союзе с Караханом и Бородиным.

Неверно, что Сун-Ят-Сен перед смертью был сторонником коммунистической диктатуры и введения советской формы правления в Китае. По крайней мере в конце 1924 г. и Сун-Ят-Сен и сын его, Сун-Фо, категорически заявляли в Пекине, что *они не имеют ни малейшего намерения вводить в Китае ни коммунизма, ни советов.*

Туан-Чи-Жуй занял президентский дворец, но фактическим диктатором в Пекине оставался Фенг-Ю-Сян, который предусмотрительно держал всю свою армию в Пекине и его окрестностях.

Очевидно, под влиянием Сун-Ят-Сена Фенг-Ю-Сян ввел во вновь образовавшийся кабинет министров несколько влиятельных членов партии гоминдан.

Джан-Дзо-Лин сделал было, в ноябре 1924 г., попытку прочнее осесть в Пекине, но вынужден был спешно покинуть столицу, так как рисковал сделаться пленником Фенг-Ю-Сяна.

В марте 1925 г. Сун-Ят-Сен умер, так и не увидев своей родины об'единенной и свободной.

После смерти Сун-Ят-Сена советская дипломатия в Китае становится все аггрессивнее. Оценив надлежащим образом предательские планы Фенг-Ю-Сяна, Москва при помощи Карахана и Бородина очень быстро превратила его в орудие своей политики. В руки «христианского» генерала рекою потекло русское золото. Москва снабжала его также оружием и амуницией и посылала своих инструкторов и военных советников.

Планы коминтерна шли очень далеко. Его конечной целью было подчинить своему руководству весь аппарат государственной власти в Китае. Но для достижения этого ему нужно было опереться на серьезную военную силу в самом Китае. И выбор его пал на Фунг-Ю-Сяна, который охотно пошел на службу Москве.

Фенг-Ю-Сян располагал хорошо организованной и дис-

циплинированной армией. Оставалось только ее усилить и, превратив в мощный кулак, разгромить Джан-Дзо-Лина. Победа над Джан-Дзо-Лином сделала бы «народную армию» христианского генерала чрезвычайно популярной.

Тогда легко было бы увеличить эту армию вдвое и даже втрое и повернуть ее против «европейских милитаристов», вызвав в то же время во всем Китае ксенофобское движение. Таков был этот смело задуманный, но очень рискованный план Москвы.

Подстрекаемый Караханом Фенг-Ю-Сян стал лихорадочно готовиться к войне с Джан-Дзо-Лином. Последний, однако, своевременно учуял опасность и, чтобы отразить нападение Фенг-Ю-Сяна, вынужден был заключить союз со своим недавним врагом У-Пей-Фу.

Измена одного из энергичнейших генералов Джан-Дзо-Лина, Го-Сун-Лина чуть его не погубила. Го-Сун-Лин перешел на сторону Фенга, увлекши за собой значительные силы маньчжурского диктатора. Взбунтовавшиеся войска его едва не захватили в плен, и он был бы убит или сошел бы навсегда с политической арены, если бы ему во время не помогли японцы. Ни для кого не было секретом, что с восставшими войсками Го-Сун-Лина сражались не столько солдаты Джан-Дзо-Лина, сколько японцы, переодетые в китайскую военную форму. Го-Сун-Лин был схвачен и казнен, а спасенный японцами Джан-Дзо-Лин снова собрался с силами и повел наступление на Фенг-Ю-Сяна.

Не легко было выбить «народную армию» из пекинского района. Руководимая русскими советниками, она оказывала упорное сопротивление войскам Джан-Дзо-Лина.

В конце концов северным войскам, однако, удалось вытеснить Фенга из Пекина, а затем и из Калгана, который являлся важнейшей базой для народной армии.

Отрезанная от Урги, главнейшей артерии, по которой она снабжалась оружием, боевыми припасами и всем необходимым, она временно перестала существовать, как боевая сила.

Таким образом эта карта советских дипломатов была бита. Но эта неудача их нисколько не обескуражила, так как они успели в течение 1924 и 1925 г.г. создать чрезвычайно важную военную базу на юге.

В каких нибудь 1½-2 года они революционизировали значительную часть рабочих союзов в главнейших портовых городах Китая: Кантоне, Шанхае, Тяньдзине, Ханькоу и т. д. Где демагогией, где очень искусной агитацией, а где субсидиями им удалось подчинить своему влиянию вождей партии гоминдан, созданной Сун-Ят-Сеном. — Вслед за этим они ввели в Ц.К. этой партии преданных коминтерну китайских коммунистов, с помо-

щью которых они превратили весь Ц. К. гоминдана в послушное орудие Москвы.

Значительная часть китайской учащейся молодежи, зачарованная грандиозными перспективами, которые рисовали перед ними коммунисты, тоже примкнули к коммунистическому движению.

Юг Китая, бывший всегда авангардом китайского революционного движения, вспомнил свое славное прошлое и выбросил снова знамя «революционного освобождения» Китая. — Гоминдан призывал китайский народ к завершению революции 1911 г. на началах, провозглашенных Сун-Ят-Сеном.

Нашлись китайские генералы, сочувствующие национально-революционному движению. Были созданы армии, в состав которых входило не мало учащейся молодежи и рабочих, и началось победоносное продвижение революционеров на север. Руководил революционной армией Ц. К. гоминдана.

Все обещало успех этой новой попытке южан освободить Китай от северных милитаристов.

В то время, как Джан-Дзо-Лин, Чан-Чунг-Чанг, Сун-Фанг Чанг и др. не могли и не хотели выставить программы, хоть сколько-нибудь приемлимой для широких китайских масс, южане шли под лозунгами чрезвычайно популярного в Китае Сун-Ят-Сена: за свободную демократию, за независимость Китая, за благоденствие народа.

15 лет протекших со времени революции 1911 г. во многом изменили лицо китайских масс. Выросло сознание национального единства; углубилось и преобразовалось чувство патриотизма. Подопечное положение «Срединной Империи» глубоко оскорбляло чувство собственного достоинства передовых элементов китайского народа. К тому же вся страна неимоверно страдала от царившей в ней анархии, бессудности и нищеты.

Положение китайских крестьян было особенно тяжелым. Хотя сельское хозяйство в Китае исключительно мелкое, огромные площади превосходной земли принадлежали крупным землевладельцам. Но сами они своей земли не обрабатывали; они ее сдавали в аренду крестьянам и брали с них высокую арендную плату.

Точной статистики китайского землевладения и земледелия не существует, хотя земельные книги ведутся в «Срединной Империи» уже в течение многих веков. Но по приблизительному подсчету около 60% всей обрабатывамой в Китае земли принадлежат крупным землевладельцам, рента коих достигает 40-50% всей валовой продукции.

Наиболее распространенными формами аренды являются испольная и издольная. Арендаторы первой категории отдают

хозяину половину урожая, а издольники, за пользование землей без инвентаря и семян, отдают помещикам от 15-30% урожая.

Зажиточные хозяйства составляют всего 15% всех крестьянских хозяйств; средние 20%, а остальные 65% это бедные и малоимущие семьи. Таким образом 85% китайских крестьян ведут весьма жалкое существование. Работая от зари до зари с величайшим усердием, вкладывая в землю всю свою энергию, весь свою огромный тысячелетний опыт и всю свою любовь к ней, они едва могут прокормить свою семью. Часто они живут впроголодь, вместо одежды на них лохмотья.

Их разоряют налоги, ростовщики, бандиты и солдаты.

И, судя по многим признакам, терпение их истощилось. Они давно уже стали проявлять большую активность. Для борьбы с анархией и грабежами они стали об'единяться в «тайные общества» («красные пики», «большие ножи», «старшие братья»), вооружались и вели упорную борьбу с бандитскими шайками, с злоупотреблением сборщиков податей и даже с отрядами правительственных войск, если те позволяли себе беззакония.

Правда, эти тайные крестьянские организации носят, чаще всего, средневековый и даже мистический характер, все же та группа или партия, которая поставила бы себе целью справедливое урегулирование земельного вопроса и введение более закономерной налоговой системы нашла бы у них серьезную поддержку.

Партия гоминдан учла это настроение китайских крестьян. и, выставив одним из пунктов своей программы, широкую аграрную реформу, она в короткий срок стала весьма популярной среди китайской крестьянской массы.

Но не только студенты, рабочие и крестьяне сочувствовали освободительной борьбе южан. Эту борьбу приветствовала также китайская буржуазия.

В начале этого года в Кантоне состоялась купеческая конференция. Возник вопрос, как купечество должно относиться к революционному кантонскому правительству. И вот что сказал докладчик по этому вопросу: «Лозунги гоминдана: «долой империалистов и отмена неравных договоров» существуют не только для крестьян и рабочих, но и для купцов. Уменьшение на 25% ренты кажется тяжелым для капиталистов (повидимому землевладельцев), но на самом деле это помогает купцам. Если крестьяне, составляющие 80% всего населения, не будут иметь покупательных средств, то только 20% населения сможет иметь дело с купцами. Хотя купцы и открывают спичечные фабрики, крестьяне все же еще употребляют кремни и огниво; хотя купцы и открывают суконо-ткацкие фабрики, крестьяне еще употребляют домашний холст. Поэтому фабрики вынуждены за-

крываться. Таким образом, политика гоминдана и национального правительства будет выгодна купцам. Гоминдан не только защищает рабочих и крестьян, но также оберегает купцов». [1])

В результате этого доклада конференция приняла резолюцию, признающую необходимость проведения в жизнь следующих мер: *уничтожение неравных договоров*, уменьшение рендной платы для крестьян, расширение внутреннего рынка и особое покравительство национальной промышленности.

Откровенные речи кантонских купцов были только наивным выражением назревшей в Китае глубокой экономической революции, которая отвечала чаяниям и надеждам самых широких кругов китайского населения.

При таких обстоятельствах южане имели все шансы на успех. И действительно, их продвижение на север вначале походило на триумфальное шествие. Северные войска терпели поражение за поражением. Учан, Нанкин, Ханькоу, Шанхай были взяты национальными войсками в необычайно короткий срок. Казалось, что разгром северян был неизбежен. Уже начались очередные измены. Целые дивизии северных войск со своими генералами переходили на сторону южан. В Китае это лучший показатель того, на чьей стороне успех. Но гоминдан связал свою судьбу с Москвой, и последствия этого союза сказались весьма быстро.

Коминтерн начал с того, что создал в Китае коммунистическую партию рабски ему послушную. С течением времени ЦК гоминдана стал вторым изданием ЦК китайской коммунистической партии. Сун-Ят-Сен, этот умеренный социалист, друживший с У-Пей-Фу и совещавшийся с Джан-Дзо-Лином, был после смерти провозглашен стопроцентным коммунистом, а жена Сун-Ят-Сена, Сун-Ци-Лин и сын его Сун-Фо стали самыми горячими агентами Москвы. ЦК гоминдана начинает выпускать воззвания в чисто коммунистическом духе. Так, в одном из них говорится: «*Партия будет бороться со всякой попыткой отдельных лиц навязать свою волю партии и правительству. Воля масс, выраженная через гоминдан является единственной силой, которая может диктовать правительству его политику*» [2]). Главнейший принцип Сун-Ят-Сена — свободная демократия — выброшен за борт. Москве могут выразать свою волю только через монопольную партию — гоминдан.

Второй рупор Москвы, китайская коммунистическая партия, выносит на 5-м своем с'езде грозную резолюцию по аграр-

---

[1]) «Ленинградская Правда» от 4 мая 1927.
[2]) «Ленинградская Правда» от 5 апреля 1927, № 77.

ному вопросу, и из этой резолюции каждый грамотный китаец мог узнать, что национальное правительство « лишит китайских лендлордов и джентри» всякой политической власти *и политических прав.* [3])

Словом, успехи национально-революционного движения в Китае привели Москву в такое возбуждение, что там решили, не откладывая в долгий ящик, перевести китайскую революцию на «социалистические рельсы». На эту тему читались в Москве многочисленные доклады — Сталиным, Бухариным, Раскольниковым, китайцем Тан-Пин-Сян и др. И эту же мысль пропагандировал в Китае сын Сун-Ят-Сена, — Сун-Фо.

От слов коммунисты перешли к делу. По их сигналу начата была яростная ксенофобская компания, организована грандиозная забастовка в портовых городах. Было приступлено к вооружению рабочих для *последнего решительного* боя. Все было сделано, чтобы вызвать в Китае всенародный взрыв, который, по рассчету московских большевиков, должен был превратиться в социальную революцию.

Результаты этой затеи оказались самыми плачевными, как для национально-революционного движения, так и для российского престижа.

Китайская буржуазия и умеренные элементы гоминдана с ужасом отшатнулись от ЦК гоминдана. Отошло от южан и значительное большинство китайской интеллигенции; наконец, огромная часть революционной армии с Чанг-Кай-Ши во главе тоже порвала с Уханским правительством.

Был ли Чанг-Кай-Ши подкуплен империалистами, как об этом пишут в московских газетах, или он добросовестно пришел к убеждению, что единственным средством спасти национальную революцию является разрыв с Москвой и ее китайскими агентами, но отход Чанг-Кай-Ши от Ухана и образование самостоятельного правительства в Нанкине было тяжелым ударом для всего освободительного движения.

Дело в том, что пока это движение развивалось в умеренных формах, иностранные державы формально в борьбу южан с северянами не вмешивались. Но когда Москва раскрыла все свои карты, когда они всеми средствами стали разжигать ксенофобские чувства китайцев, и начались убийства иностранцев и грабежи, «империалисты» тоже стали действовать.

Нет никакого сомнения, что разложение рабочих организаций в Шанхае и Нанкине и многочисленные казни коммунистов были произведены из боязни иностранной интервенции. В результате, национальные войска, вместо того, чтобы продол-

---

[3]) «Ленинградская Правда» от 19 мая 1927, № 112.

жать наступление на север об'единенным фронтом, вступили между собою в междуусобную войну. Благодаря этому, Чанг-Кай-Ши оказался между двух огней: между коалицией северных генералов и армией уханского правительства, оставшегося верным левому гоминдану. Начались поражения Чанг-Кай-Ши. В то же время генерал Ли-Ти-Син произвел антикоммунистический переворот в Кантоне.

Уханское правительство, лишившись большей половины своей армии и угрожаемое с юга кантонцами, тоже очутилось в критическом положении.

Так, мощное и единое революционное движение было расколото, подорвано и доведено почти до полного бессилия.

Руководящие круги южан, наконец, поняли, что руководство московских диктаторов привело национальную революцию на край гибели. Начинается беспощадное преследование коммунистов. Вождь гоминдана Бородин изгоняется из Ухана; генерал Галлен, мозг генерального штаба южан, высылается. Секретные агенты коминтерна и китайские коммунисты разбегаются во все стороны, спасая свою жизнь, и даже Фенг-Ю-Сян, по сообщению советских газет, об'явил войну коммунистам.

Безгласный дотоле ЦК гоминдана обрел в себе снова некоторое мужество и вынес постановление *об исключении из партии коммунистов.*

Но было уже поздно. Положение Чанг-Кай-Ши стало на столько тяжелым, что он предпочел уйти в отставку. Уход этот близкий сотрудник покойного Сун-Ят-Сена мотивировал в особой декларации следующим образом:

«В течение короткого времени мне удалось завоевать провинцию Хунан, Хубей, Цзянси, Фуцзян. Однако, коммунисты, подстрекаемые Бородиным, начали против меня кампанию. Во время борьбы в порвинции Чжецян за обладание Шанхаем коммунисты задержали снабжение армии военным снаряжением и деньгами, ставя под угрозу успех похода. Коммунисты пытались создать дипломатические затруднения, подстрекая народ и рабочих к выступлениям. При помощи агитации за увеличение заработной платы, коммунисты хотели вызвать в тылу беспорядки, создавая волнение среди рабочих. Положение стало невыносимым... Бородин хотел использовать партию гоминдан в качестве козла отпущения для своих целей. Со времени северной экспедиции он обращался с нашими гражданскими и военными лидерами по диктаторски».

И вот, покуда коминтерн перводил китайскую революцию на «социалистические рельсы», северные генералы успели все об'единиться вокруг Джан-Дзо-Лина и создать мощный барьер против освободительного движения. Напротив, южане

волюционное движение и лишило его главной силы — энтузиазма, которым еще год тому назад были охвачены южане.

По последним известиям уханское правительство соединилось опять с нанкинским и раскол в гоминдане *как будто изжит*. Лидеры Уханского и Нанкинского правительства напрягают все силы, чтобы восстановить прежнее единство и с новой энергией продолжать борьбу за национальное освобождение Китая. Но прежних счастливых условий борьбы им так скоро не вернуть. Нет прежнего под'ема масс, нет и прежней веры в себя у самих лидеров. А враги национально-революционного движения стали сильнее и многочисленнее. Южанам придется воевать на два фронта — внешний в лице Джан-Дзо-Линовской коалиции и внутренний в лице коммунистов, которые будут продолжать свою разрушительную работу в подполье.

Китай опять оказался у разбитого корыта, а Россия, после страшного провала, советской политики на Дальнем Востоке, предстала пред всем цивилизованным миром еще более униженной и скомпрометированной.

М. А. Кроль.

Церковная смута

За истекшее десятилетие русская православная церковь пережила глубочайшие потрясения: под напором революционных событий поколеблен до основания старый строй церковной жизни, ослабела церковная дисциплина, раскололась церковная иерархия, исчезло былое единство. Отделились от московского патриаршества православные церкви в Польше, Финляндии, Эстонии; возникли священные синоды в Грузии, на Украине, в Белоруссии; русское православное духовенство и миряне распределились по различным, возникшим внутри единой православной церкви группам и церквам: рядом с Тихоновской патриаршей церковью возникли другие церковные об'единения.

Зарубежная русская церковь со времени Карловацкого собора в свою очередь переживает глубочайшие потрясения и раздоры, приведшие даже к открытому разрыву между заграничными иерархами.

Между отдельными церквами и различными церковными группировками за истекший период времени происходила и продолжается в настоящее время ожесточенная борьба. «Блюдите, православные, како опасно ходите — писал недавно своей пастве тихоновский епископ Нектарий Яранский — в нашей земле волны неверия, богоборчества, ужасная безнравственность обрушиваются на корабль церковный. А извнутри свои домашние враги — представители духовенства».

Тихоновцы считают врагами обновленцев, обновленцы — тихоновцев. «Обновленческое духовенство — оффициально заявляет известный митрополит Антоний Храповицкий — совершает свое, стыдно сказать богослужение, а на самом деле бесослужение, как учит нас преподобный Феодор Студит, писавший, что евхаристия еретиков и раскольников не тело и кровь Христовы, а пища демонов. Обновленцы самочинно отделились от богопоставленного главы российской церкви патриарха Тихона и на своем разбойничьем соборе 1923 года отринули главнейшие ка-

ноны вселенских соборов, напосвящали себе без благословения патриарха множество новых женатых архиереев. Мудрено ли, что они принуждены хвалить то гонимое положение церкви, которое они называют свободной жизнью церкви, но которое есть ничто иное, как унизительное рабство церкви шайке разбойников, дошедших до такой наглости, что ими издается кощунственный журнал «Безбожник».

Тихоновский Кунгурский епископ Аркадий считает необходимым предупредить свою паству, что в современных церковных событиях нужно усматривать не только временное явление, а систематическую работу исконного врага рода человеческого — дьявола. «Дьявол не хочет успокоиться — пишет он своей пастве — и выдвигает против Христовой Церкви нового врага, в лице бывшего архиепископа Григория. Григорий был православным, но захватил власть и внес раскол в церковь. Похоть властолюбия уподобила его сатане, а приспешников — бесам, тем подражателям, которые явились у дьявола, когда сей последний был изгнан с неба и навсегда отошел от познания истины».

Не удивительно, поэтому, что представители тихоновской церкви освящают храмы, которые были в прежнее время заняты обновленцами, повторяют крещение, если оно совершено священником-обновленцем, кропят святой водой пол, на котором стоял обновленческий священник, об'являют недействительным таинства, совершенные в обновленческих церквах, и т. д.

Не остаются в долгу у тихоновцев и обновленцы. «Ваши Высокопреосвященства и Ваши Преосвященства! — пишет обновленский Томский архиепископ Александр по адресу заграничных церковных иерархов — Ваши слова о Вашей каноничности и христопреданности после Вашего постыдного бегства от своего духовного стада — есть величайшее кощунство и позорная ложь. Бросьте Вы смущать и морочить голову православному верующему народу. Вы — не пастыри добрые, а только наемники; может быть, по Вашему, и каноничные, поскольку может быть каноничен наемник вообще». По мнению обновленцев, патриарх Тихон, «несмотря на свое покаяние, ввел в церковь ужасы, беды, обманывал власть, пастырей и верующих». «Тихоновщина — это прежде всего система церковно-политической реакции, консерватизма, общественное движение, пытающееся повернуть колесо истории назад... Тихоновщина — это вдохновители и вожди этого движения, бесчестно использующие народное невежество в целях реакции... Тихоновщина — это темная невежественная толпа, как крот боящаяся света и согласная плестись за своим пастухом в какую угодно реакцию, лишь бы не потерять заработка от алтаря... Тихоновская церковь не старая церковь, а политическая организация. Это — банда позорящая церковь,

прибавляющая к каплям крови от тернового венца на лике Христи еще следы своих грязных плевков... Мир с тихоновщиной есть мир с Велиаром. Такой мир для честно верующего ума и сердца абсолютно неприемлем».[1])

Развал церковной иерархии и жестокая борьба внутри когда-то единой православной церкви происходили в истекшее десятилетие в разгоряченной атмосфере предпринятой советской властью борьбы с религией и церковью. Советские тюрьмы увидели в своих стенах митрополитов, епископов и архиепископов. В гиблых местах ссылки появились священники, протоиереи и другие представители православной церкви. В своих рядах русская церковь стала насчитывать за последнее десятилетие большое число «страдальцев за веру». Были в ее рядах и мученики, спокойно смотревшие в глаза смерти и умиравшие с молитвой за своих палачей.

В истекшие годы огромной сложности и напряженности всей русской жизни, русская православная церковь в своих разветвлениях разделяла тревоги нашего времени и стремилась к одухотворению житейских явлений, но она не имела об'единяющего духовного стержня и под натиском идейного размаха и подлинного пафоса воинствующего коммунизма, потеряла в борьбе с советской властью единство устремлений и общность задач. Поэтому, как в тихоновской, так и в обновленческой и других русских церквах замечается глубокое брожение и расхождение, как в понимании самого православия, так и его отношения к государству вообще и к советской власти в частности: крест Христов начинает в сознании довольно большого количества руководителей церковной жизни причудливо переплетаться с большевицким серпом и молотом, царство Божие — с социальной революцией, советская церковная политика — с делом строительства подлинного христианства.

Для других руководителей церковной жизни советская власть кощунственно разорвала связь государства с церковью, произвела злостное покушение на весь строй жизни православной, открыто гонит церковь и стремится сделать невозможным самое существование церковных учреждений, духовенства и самой церкви. Советская власть — это «безбожные властелины тьмы века сего»., «слуги антихристовы», «воплощение сатанизма» и т. п.

Диаметрально противоположная оценка существующей советской власти вызвала в церковных кругах резкое расхождение при определении методов строительства церковной жизни в пореволюционный период и при выяснении основных принципов церковной идеологии.

---

[1]) Обновленческий «Вестник священного синода православной Российской церкви» за 1927 г.

Это расхождение, очень резкое в первые годы революции, под влиянием пережитых церковью событий стало постепенно сглаживаться. Патриарх Тихон уже в 1919 году вменил в обязанность пастырям церкви стоять в стороне от гражданской войны и не вмешиваться в политику. В своем предсмертном послании, опубликованном в «Известиях» от 15 апреля 1925 г., патриарх призывает верующих «не допускать никаких поползновений неблагонамеренных лиц в сторону антиправительственной деятельности и убедиться в том, что советская власть действительно народная рабоче-крестьянская власть». Воздерживаясь от оценки моральной сущности «народной рабоче-крестьянской власти, Тихон совершенно недвусмысленно предостерегает свою паству от какой-либо политической борьбы против советской власти и тем самым выбивает оружие из рук своих противников, обвинявших тихоновскую церковь в контр-революционных замыслах.

Опубликованное в текущем году послание недавно сформировавшегося патриаршего синода дает новые, более детальные раз'яснения того пути, на который призывал верующих покойный патриарх Тихон. Повидимому, по отношению к одному очень острому вопросу о советской власти расхождения в церковной жизни начинают сглаживаться.

Но при всем этом церковная смута, по сложности и трудности поднятых ею вопросов, остается далеко не разрешенной и грозит церковной жизни новыми осложнениями. Чтобы понять истоки церковной смуты, нужно обратиться к выяснению существенных черт того наследства, с которым православная церковь вступила в новые условия революционного времени.

*
**

«Религия требует от монаха отречения от мира для Бога. Наше правительство требовало от монаха-архиерея отречения от мира и от Бога для него — правительства». Эти слова нашего историка С. М. Соловьева, сказанные о митр. Филарете, довольно точно обрисовывают ту историческую драму, которая выпала на долю православной церкви.

Под влиянием византийско-монашеской церковно-политической идеологии православие в России неразрывно сплелось с самодержавием, и православная церковь превратилась в учреждение, управляемое правительственным чиновником. Подчинение церкви государству, преклонение евангельской правды перед неправдою мира и евангельской истины пред требованиями установленными самодержавием социально-политического режима наложило глубокую печать на все стороны церковной жизни: по-

степенно выработалась оффициальная церковность, прибегающая для охраны православия к государственному мечу, свобода религиозной мысли и церковной общественности была задушена, церковь превратилась в орудие мирской политики с оправданием смертных казней, бесчинств и преступлений гражданской власти. Дальнейшее подчинение православной церкви самодержавию грозило ей полным обезличением и потерей обаяния, как в народных низинах, так и среди интеллигенции.

Для мыслящих церковных людей уже задолго до революции сделалось совершенно очевидным, что церковно-государственный альянс должен быть разрушен во имя спасения церковного тела от обескровления и органического разрушения. Но традиционный церковный строй был очень выгоден для старой государственной власти, как оплот государственного строя. Отрыв православной церкви от самодержавного режима угрожал установившемуся церковному строю большими материальными лишениями и устранением прежних руководителей. Поэтому, правящие церковные круги, опираясь на светскую власть, вели борьбу против освободительных стремлений и обновленческие идеи стремились изолировать в узком круге интеллигентских церковных групп.

Революция потрясла до основания историческую связь церкви с самодержавием, но не дала положительного ответа на взаимоотношение церкви и государства в пореволюционный период. Вокруг вопроса об отношении русской церковности к новым формам государственной жизни и возгорелась среди руководителей церкви ожесточенная борьба.

Неизбежность церковной смуты заложена была и в самом характере старой русской церковности. Как известно, довольно высокая ступень религиозных настроений русского народа по целому ряду условий получила одностороннее направление, выражавшееся в излишней привязанности к букве религии, символу, обряду. Церковный обряд, богослужебное песнопение, иконописное изображение и вообще вся церковная символика обычно являются внешними выражениями религиозных переживаний и служат напоминанием об исповеднических подвигах, мученических могилах и заветах старших отцов и братий. Так было в эпоху появления и распространения на земле христианства. Тогда от *веры* шли к *обряду,* и во внешней стороне религии, в обряде и в церковном быте, лишь кристаллизировалось живое верование, выношенное в глубинах духовной жизни и выстраданное.

Русский народ не участвовал в создании богослужебного чина, не изобретал символов и не создавал обряда для выражения своих религиозных переживаний. Он принял все это из Византии в готовом виде и в своем религиозном развитии шел от

усвоения внешней стороны православия к ее внутреннему содержанию. Естественно, что в трудном процессе усвоения христианства церковный обряд потерял значение простого символа верования. Он приобрел самодовлеющее значение, превратился в языческий талисман и волшебное заклинание. Христианская внешность стала прикрывать действия и понятия, нередко уцелевшие от глубокой старины и по своему содержанию совсем не христианские. Внешняя декоративная сторона церковности была предметом особой заботливости и русского духовенства, и руссих верующих людей, но обрядовая религиозность, вполне соответствовавшая низкому уровню развития народных масс, все чаще и чаще переставала удовлетворять более глубоким запросам религиозной жизни русского народа.

От новгородских вольнодумцев XII — XV в. и кончая многоветвистым сектанством XIX и XX в. идет непрерывная цепь религиозных исканий и протестов против обрядовой церковности. Русская оффициальная церковность, опираясь на государственную власть, сурово подавляла проявления живого религиозного чувства, загоняла в подполье и тем самым готовила для себя элементы смуты.

Живое религиозное чувство, стремившееся к единству веры и жизни, созерцания и практической работы над одухотворением мира религиозными началами, не могло мириться с общим направлением церковной идеологии. Страдальческое терпение вместо активной борьбы со злом, созерцательность вместо напряженно-творческой деятельности, горние святыни вместо земного грешного мира, отрешение земной суеты от пыли повседневных явлений, — эти основные черты православного церковного миросозерцания находились в полном несоответствии с запросами живой, тянущейся к действенной работе, человеческой личности. В результате православие сделалось внежизненным, а жизнь — находила удовлетворение своим религиозным запросам часто за стенами православной церкви.

Таким образом, в старых устоях русской церковности пред революцией накопилось достаточное количество взрывчатого материала. Революция освободила русскую церковь от связующих и губительных для ее развития путей самодержавия, очистила дорогу обновительным церковным устремлениям и поставила пред церковью принципиальные вопросы о церковно-государственных отношениях при новом строе и об отношении церкви к миру и поднятых в нем революционной бурей социально-политических явлениях. Здесь затрагивались самые жизненные интересы, но здесь должны были найти отражения и принципиальные расхождения служителей православия и лиц, стремящихся

отыскать новые пути для церковной жизни. Мы сейчас увидим, как эти расхождения претворились в церковную смуту.

Февральская революция, разорвавшая историческую связь между православной церковью и самодержавием, была для рядового духовенства освобождением от тягостного церковного режима и открывала широкие перспективы для переустройства всей церковной жизни на новых началах. Поэтому нисшее духовенства выражало в ряде мартовских с'ездов преданность Временному правительству и высказывало пожелания отдавать ему и родине «в светлой радости верующего сердца, в полном разумении, с твердой волей» все свои силы. Возникший в марте 1917 г. «Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян» своей программой уже выражал готовность работать вместе с революционными силами и требовал во имя полной христианизации всех человеческих отношений демократизации политической и социально-экономической. Епархиальные архиереи — кто за страх, кто за совесть — держались лойяльно к совершившемуся перевороту и если вздыхали по старом строе, то во всяком случае молча: по предложению революционного обер-прокурора Львова, Синод издал послание, благословляющее новую свободную Россию.

Так обстояло дело в первый месяц революции. В следующие месяцы в настроении белого и черного духовенства произошли значительные изменения. Нисшее духовенство, освободившись от епископского самовластия, принуждено было считаться с настроением и голосом приходских общин и неорганизованной церковно-приходской массы, нередко сводившей старые счеты со своими «батюшками» и нередко прижимавшей церковный клир. Непривыкшее к самодеятельности, духовенство начинало уже подумывать, что выгоднее, как это было при старом строе, зависеть от церковного и светского начальства, чем от произвола своих прихожан.

Перспективы отделения церкви от государства, грозили духовенству большими неприятностями. Выяснившаяся сначала ненадежность материальной помощи со стороны государства, потом полное ее прекращение наносила большой ущерб материальным интересам духовного сословия и заставляло его уже с значительной дозой разочарования следить за дальнейшим углублением революции. Сплоченный монашеский епископат также быстро ощутил невыгоды своего положения. Резкая общественная критика, направленная по адресу сановников церкви, правовые притязания нисших клириков, вотумы недоверия, выносимые с'ездами духовенства наиболее реакционным и непопулярным архиереям и предпринятая правительством чистка иерархических верхов, — все эти явления революционного времени делали

жизнь епископата неспокойной, порождали в архиерейских душах тревогу за завтрашний день, настойчиво указывали на неминуемый конец церковному сановничеству. Перспективы отделения церкви от государства, неизбежные при господстве в течении всего развития революции социалистических партий, грозили полной потерей всех привиллегий, связанных с саном епископа. Лойяльность иерархов к революции стала переходить в раздражение и недовольство.

Эти новые настроения среди представителей православной церкви довольно отчетливо выявились на июньском всероссийском с'езде духовенства и мирян в Москве. Многолюдный, с 1200 делегатами, с'езд счел необходимым восторженно приветствовать Временное правительство и выразить свои сочувствия перевороту, но за трафаретными приветствиями начали звучать уже достаточно определенные, хотя и не совсем своевременные ноты. По вопросу об отношении церкви к государству с'езд решительно высказался о «недопустимости» отделения церкви от государства и о предоставлении православной церкви первенствующего положения между другими исповедуемыми в государстве религиями. «Недопустимой»» счел с'езд и передачу церковных школ в ведение министерства народного просвещения. Открывшийся в Москве 15 августа 1917 г. собор православной русской церкви обратился к правительству с просьбой о немедленной отмене закона 20 июня о передаче церковных школ и с протестом против предложений государственного комитета относительно необязательности преподавания закона Божия в учебных заведениях. В ноябрьских заседаниях собора был принят проэкт «о правовом положении православной церкви в русском государстве». По этому проэкту «православная церковь должна быть в союзе с государством, но под условием своего свободного внутреннего самоопределения»; государство должно признавать церковную иерархию и церковные постановления, сделать обязательным «православное исповедание» не только для министра исповеданий и его товарищей, но и для министра народного просвещения с его товарищами, признавать православный календарь с его церковными праздниками, ассигновывать денежные средства на содержание церквей и т. д.

Смысл этих заявлений и проэктов достаточно ясен. Высказываясь против отделения церкви от государства, руководители церкви добивались свободы самоуправления, права на государственную поддержку и сохранения привиллегированного положения среди других вероисповеданий. Эти притязания собора, несомненно излишне-консервативные в трактовании важнейших проблем государственного и церковного характера, расходились с общим направлением государственной политики и намечали

целый ряд неизбежных конфликтов с одной стороны с властью, а с другой с обновленческим церковным течением, по соображениям политического и церковного характера признававшим отделение церкви от государства не только неизбежным, но и вполне целесообразным для интересов самой церкви. Левая соборная оппозиция вела на соборе упорную, хотя вполне безуспешную, борьбу и против восстановления собором патриаршества. Создание единой власти в церкви в период непрекращающихся кризисов государственной власти в 1917 г. и назревающих конфликтов с правительственной политикой, членам собора казалось необходимым для церковного блага и спасения родины.

«Нужен пастырь, об'единяющий и благославляющий на подвиги — говорил на соборе докладчик, еп. Митрофан — мы слышим, что государство ныне хочет быть вне-конфессиональным, открыто разрывая свой союз с церковью. Об этом нужно пожалеть, насколько само государство решилось отойти от благословений церковного союза. *Но глава церкви больше тех, иже суть в мире.* Наша церковь ныне должна облечься во вся оружия Божия, должна стать поистине *воинствующей церковью* и иметь своего духовного вождя, своего будущего первоиерарха».

За восстановление патриаршества выступал на соборе известный Антоний Храповицкий, печатно заявивший еще в 1905 г. что патриаршество есть друг самодержавия, известный черносотенец, священник Востоков и другие, очень право-настроенные члены собора...

Учреждение патриаршества в момент предстоящей борьбы церкви с государством могло сопровождаться отрицательными последствиями. Единоличное начало имеет тенденцию к поглощению начала коллективного, соборного. С психологической неизбежностью к патриарху должны были подтянуться люди, потерпевшие крушение своих политических идеалов, желающие втянуть церковь в политическую борьбу, навязать патриарху свою политическую программу и т. д. Такие предупреждения об отрицательных последствиях от учреждения института патриаршества и делала на соборе демократическая часть соборных членов. Но соборное большинство не захотело считаться с этими соображениями. Из трех намеченных кандидатов (Антоний Храповицкий, архиепископ Харьковский, один из главнейших деятелей «союза русского народа»., Арсений, архиепископ Новгородский, член правого крыла бывшего Государственного Совета и Тихон Белавин, митрополит Московский, бывший председатель ярославского отдела «союза русского народа») патриархом русской церкви был избран Московский митрополит Тихон. Учреждение патриаршества служило недвусмысленным показателем ориентации собора вправо, как в смысле политическом, так и

церковном. Церковь делалась церковью воиствующей, возглавляемой единым вождем, «об'единяющим и благославляющим на подвиги». Поводов для столкновений православной церкви с государственной властью оказалось более, чем достаточно.

4 декабря 1917 г. большевицкой властью было издано «положение о земельных комитетах», по которому в общенародный земельный фонд отходили церковные и монастырские земли. 11 декабря того же года дела воспитания и образования из духовного ведомства переводились декретом в ведение комиссариата народного просвещения. 18 декабря появился декрет о гражданском браке и гражданской метрикации. 23-го января 1918 года под названием декрета о свободе совести и религиозных обществах был распубликован закон об отделении церкви от государства. Все эти законодательные акты, исходящие из общей идеи отделения церкви от государства, самым коренным образом затрагивали жизненные интересы церкви и должны были вызвать со стороны ее руководителей определенную реакцию.

Патриарх Тихон немедленно издал послание, в котором для обличения «безумцев», мнимых «поборников народного блага» и «строителей новой жизни» предлагал проявить «властный всенародный вопль» и свою готовность пострадать за дело Христово. «Извергов рода человеческого» патриарх предал анафеме. «Безбожные властелины тьмы века сего» характеризуются им разнузданными своевольниками и насильниками над всеми и, в частности, над православной церковью. Послание Тихона нашло сочувственный резонанс в церковных кругах.

Своим постановлением от 22 янв. 1918 г. собор об'явил советский декрет об отделении церкви от государства «злостным покушением на весь строй православной церкви и актом открытого против него гонения». Участникам издания и практическим проводником этого декрета в жизнь собор грозил тягчайшими церковными карами. «Весь народ православный» призывался «сплотиться вокруг храмов и монастырских обителей для защиты попираемой святыни».

Началась агитация в церквах, стали спешно организовываться церковные союзы и братства. «Защита попираемой святыни» с неизбежностью влекла столкновения с советской властью. Попытка описать Митрофаньевский монастырь кончилась избиением комиссара собравшейся толпой. В Туле крестный ход попал под выстрелы, причем было убито 13 человек. Были столкновения в Саратове, Нижнем-Новгороде, Орле, Вятке, Владимире и других городах. Еще более драматические события развернулись в 1922 году при осуществлении постановления ВЦИК'а об из'ятии церковных ценностей для помощи умирающему от го-

лода населению. За противодействие из'ятию, за агитацию против декрета 23 февраля начался целый ряд «процессов церковников», закончившихся заключением представителей и последователей патриаршей церкви в тюрьмы и смертными казнями. К судебной ответственности был привлечен и патриарх Тихон.

В положении «воинствующей» православная церковь не оставалась долго. Возникшие новые отношения между церковью и советской властью поставили церковь в крайне тяжелое положение. Церковная касса опустела, духовные школы стали закрываться, связь между центром и епархиями ослабела, административный аппарат церкви не имел легального фундамента. С каждым днем положение «воинствующей» церкви становилось труднее и труднее: к тяжелым материальным лишениям присоединялись для последователя православной церкви и моральные мучения, преследования, гонения, нередко смерть. И фронт «воинствующей церкви» дрогнул. Появились «отступники» — священники, снимавшие рясу и поступавшие на службу к большевикам. Дрогнули епископские ряды: от тягот православной тихоновской церкви некоторые епископы скрывались в ряды церкви обновленческой. В необычайно сильной степени стало развиваться сектанское движение. Усилился натиск той части духовенства, которая относилась с полным отрицанием к тактике патриарха Тихона к советской власти.

При таких трудных обстоятельствах, п. Тихон уступил настояниям оппозиционной группы, отказался от управления в пользу «Высшего Церковного Управления» и изменил свое отношение к советской власти. Перед своей смертью он подписал воззвание, в котором «антихристова», «сатанинская», «насильническая» и преступная власть коммунистической партии признавалась патриархом властью народной, рабоче-крестьянской, по отшению к которой никто из православных не должен был допускать «никаких поползновений неблагонамеренных людей в сторону антиправительственной деятельности».

Дальнейший этап в развитии Тихоновской православной церкви получил свое освещение в двух, произведших здесь за границей большое волнение, документах: в подписанном Нижегородским митрополитом Сергием «послании патриаршего синода» и в замечательном обращении заточенных в Соловках иерархов к советскому правительству.

В обращении соловецких епископов отношение церкви к государству определяется следующими словами: «Церковь не стремится к ниспровержению существующего порядка и не принимает участия в деяниях, направленных к этой цели, она никого не призывает к оружию и политической борьбе, она повинуется всем распоряжениям и законам гражданского характера. Но она желает сохранить в полной мере свою свободу и независимость»...

Церковь «уклоняется от всякого надзора за политической благонадежностью своих членов... и не может стать слугой государства... считает вмешательством в политику не только порицание, но и одобрение гражданских мероприятий правительства». Заявляя о полном невмешательстве церкви в дела государства, соловецкие епископы требуют от советской власти такого же невмешательства в дела церковные. Они добиваются от власти права «организовать епархиальное управление, избрать патриарха и членов священного Синода, созвать (без всякого правительственного давления) епархиальные с'езды и всероссийский собор», который будет обсуждать свои вопросы без всяких «предварительных обязательств, заранее предрешающих их постановления». Смысл обращения соловецких епископов, таким образом, вполне ясен: соловецкие епископы в условиях *деспотического* режима коммунистической партии думают положить основы для существования *свободной* церкви, для чего заявляют о своем полном признании принципа безусловного отделения церкви от государства и совершенного воздержания от всяких политических выступлений.

В другом документе — в послании патриаршего синода, вопрос об отношении между тихоновской церковью и советской властью получает уже в значительной степени новое освещение. К этому времени в правовом положении православной церкви совершились некоторые изменения к лучшему. С разрешения советской организовался при заместителе патриарха священный синод и получены были обещания легализации нисшего церковного управления: епархиального, уездного и т. д. И патриарший синод спешит об'явить «всем верным чадам святой всероссийской православной церкви», что в настоящее время в исполнение воли почившего патриарха церковь «решительно и бесповоротно становится на путь лойяльности». Синодское послание считает нужным призвать своих чад не только «вознести благодарственные молитвы ко Господу» за совершившиеся перемены в положении церкви, но и «выразить всенародно нашу благодарность советскому правительству за такое внимание к духовным нуждам православного населения». В сферу вопросов, волнующих церковную жизнь, синодское послание включает вопросы гражданского и политического характера. «Мы хотим быть православными и в то же время признавать советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи». Соблазнительное для искреннего религиозного чувства смешения духовного и светского, церковного и гражданского, христианского и мирского и об'единение мирских успехов и неудач с успехами и неудачами церковными, повидимому, не смущала авторов синодского послания: «Всякий удар, направленный на Союз, будь то война, бойкот, какое нибудь общественное бедствие или просто убийство из за угла,

подобное варшавскому, сознается нами, как удар, направленный в нас. Оставаясь православными, мы помним свой долг быть гражданином Союза, «не только за страх, но и по совести», как учил нас апостол.».

Если принять во внимание, что синодское послание определяет новые формы отношений между церковью и государством в обстановке власти принципиально антихристианской и противонародной по существу, хотя и прикрывающейся титулом рабоче-крестьянской власти, то подлинный смысл позиции церкви не оставляет никаких сомнений. Митрополит Сергий, подписавший синодское послание, полное отделение церкви от государства, признание соловецкими иерархами, понимает в смысле политического приспособления церкви к существующей безбожной власти, со всей ее неправдой и деспотическим режимом. В данном случае дело идет не о создании внутри деспотического строя свободной, хотя и аполитической церкви, а только о том, как «тихо и безмятежно жить», а такое житие возможно, по мнению митр. Сергия, лишь «при повиновении законной власти», при осторожном приспособлении к ее задачам и весьма широким требованиям безусловной по отношению к ней, «предержащей власти» лойяльности.

Позиция, занятая синодским посланием, послужила, как известно, источником новых церковных смут. Епископы, не разделяющие этой позиции, должны по призыву митрополита Сергия «переломить себя» и изменить тому, что исповедывали вчера. Но как трудно «переломить себя», показал недавно состаявшийся Карловацкий с'езд церковных заграничных иерархов, на котором подавляющее большинство высказалось решительно не только против требуемого митр. Сергием писменного заявления о лойяльности по отношению к советской власти, но и против невмешательства церкви в политику вообще. Митрополит Евлогий кладет в основу своей церковно-общественной деятельности принцип невмешательства церкви в политическую жизнь, но в то же время не считает возможным выполнить требования митр. Сергия о письменном из'явлении своей «лойяльности», т. е. законопослушности к советской власти. По мнению митрополита Евлогия такое требование может быть пред'явлено не к эмигрантам, а только к лицам, живущим на территории советского государства.

Из советской России в настоящее время получаются сообщения, которые говорят о том, что и на территории советской России нет единомыслия среди иерархов по вопросу о занятой по отношению к советской власти позиции патриаршего синода. Разногласия церковные усугубляются в значительной мере и тем, что одновременно с тихоновской церковью существует в России другая церковь, обновленческая, которая свое отношение к государству строит на ином принципе. Знакомясь с существен-

ными проявлениями церковной смуты, мы должны остановить свое внимание на основных чертах того движения церкви, которое носит название обновленчества.

***

Революция вывела обновительное церковное движение из подполья и дала ему возможность выступить в церковной жизни с требованиями возрождения и очищения православной церковности. Подчинение православной церкви государству, омирщение церкви и принижение евангельской правды пред неправдою мира давно уже вызывали скорбь среди наиболее либерально настроенной части православной церкви. Омертвение церковной жизни естественно наталкивало на мысль о необходимости церковного обновления. Казенная оффициальная церковность, с ее консерватизмом, преобладанием внешней стороны над внутренней и общественной пассивностью, заставляла искать новых форм церковной жизни, причем церковь будет разделять все тревоги нашего времени, понимать его жажду интеллектуальной правды и социальной справедливости и будет одухотворять все проявления личной, семейной, общественной и государственной жизни.

В первые годы революции обновленческое движение разбилось на несколько группировок, споривших между собой из пролось на несколько группировок, споривших между собой из преобладание («Живая церковь», «Союз общин древле-апостольской ких деятелей было принято решение упразднить обновленческие группировки и превозгласить обновленчество церковью, возглавляемой Священным Синодом. Вне основного обновленческого центра остались в настоящее время небольшая группа остатков «Живой церкви» с протоиереем Красницким во главе и «Союз церковного возрождения» с митрополитом Антонином.

Таким образом русская православная церковь раскололась на две крупных части: около трети верующих находится в настоящее время в ограде обновленческой церкви, а остальные две трети принадлежат к патриаршей тихоновской церкви.

В текущем году обновленческая церковь праздновала пятилетие своего существования. Оффициальный орган обновленчества «Вестник священного синода православной российской церкви» содержит не мало материала по истории смуты в православной церкви и в то же время дает возможность выяснить ниболее характерные черты обновленческого движения за годы революции.

В чем сущность обновленчества по взглядам самих обновленцев?

«Вестник священного синода» полагает сущность обновленчества «не во внешних формах и обрядах, но в христианизации

самой жизни, чтобы Дух Христов, проникая в сердце людей, руководил их поступками, чтобы трудясь на том или ином поприще, состоя на службе родине, люди страшились согласовать свою общественную работу с заповедями Христа». Это, в достаточной мере расплывчатое, определение сущности обновленчества, обновленцы пробуют сделать более устойчивым и полагают, что сущность обновленчества заключается в а) христианизации жизни, б) соборности, в) участии народа в богослужении, г) замене церковно-славянского языка русским, д) борьбе с сектанством, тихоновщиной и безбожием, е) в братском общении приходов, ж) в устройстве кружков при храмах.».

Таким образом, обновленцы не посягают ни на один догмат православной церкви, ни на одно таинство, не отрицают церковного иерархического строя и не выставляют никакой своеобразной богословской идеи,которая проводила бы резкую грань между новой и старой церковью. Их идеи представляют из себя общие места православного либерализма и служат основанием для провозглашения обновленчества самостоятельной церковью.

Причины отделения обновленческой церкви от церкви тихоновской лежат в другой плоскости и они-то и составляют самую характерную черту обновленческого движения.

«Суть разделения и сейчас, как в 1922 г. — пишет в обновленческом «Вестнике священного синода» архиепископ Николай — в отношении к социальной революции, к внутренней ее сущности. Даже не в отношении к власти: о лойяльности к последней готовы заявлять — может быть и с искренностью — староцерковники. И заявляют. Даже не прочь прислужиться, если бы было можно. Не прочь устами своего покойного вождя превознести Советскую власть, как наилучшую власть — и все это во исполнение слов Апостола: всяка душа «властем предержащим» да повинуется. Получила власть силу — Божья воля, повинуйтесь ей. Придет завтра власть капитала — Божья воля, повинуйтесь ей... Ну, а работать на кого? Кто милее сердцу? Церковь нейтральна, она ни на кого не должна «работать». Верные золотые мысли... Однако их выявление — это произнесение приговора нехристианскому капиталистическому миру, который свои кровавые действия увенчивает, ведь, крестом. Верхи русской церкви к маю 1922 г. показали, что они согласны Крест Христов отдать в руки борцов против борцов социальной революции. Если это была ошибка, так осознайте же эту ошибку церковно, соборно, декларативно».

Хотя в декларации обновленцев, выпущенной в 1922 г. и говорится, что «церковь по самому существу должна являться союзом любви и правды, а не политической организацией («Изв.» 1922 г. № 106), тем не менее обновленческая церковь не удержалась на аполитической почве. На соборе 1923 года

коммунистическая революция была об'явлена христианским делом. «Солнце социальной правды засветило над миром 25 октября... Власть не веруя творит то дело, которое мы веруя выполняем» — говорил в своей речи на соборе митрополит Введенский, предложивший выразить благодарность Ленину, как «трибуну социальной правды». Собор принял резолюцию: «заслушав доклад, всероссийский поместный собор православной церкви свидетельствует пред лицом церкви и всего человечества, что сейчас весь мир распадается на два класса: капиталистов-эксплуататоров и пролетариев, трудом и кровью которых капиталистический мир строит свое благополучие. Во всем мире лишь советское государство вышло на борьбу с этим злом. Собор об'являет капитализм смертным грехом, а борьбу с ним священной для христианина. Собор обращает внимание, что советская власть государственными методами одна во всем мире имеет осуществить идеалы царства Божия. Поэтому, каждый верующий церковник должен быть не только честным гражданином, но и всевсемерно бороться с советской властью за осуществление на земле «идеалов царства Божия». Исходя из этих основных положений, собор 1923 г. выразил «скорбь» по поводу анафемствования Тихоном советской власти, об'явил ее не имеющей никакой силы, а самого патриарха Тихона лишил сана.

Как видно из текста соборной резолюции, члены собора 1923 г. довольно хорошо усвоили большевицкий жаргон и элементы большевицкого мировоззрения, но не захотели отказываться и от старого церковного словаря, и от былых церковных переживаний. Поэтому в соборной резолюции появилась изумительная мешанина из марксизма и христианства, «царства Божия» и «советской власти». Поразительный призыв — за осуществление на земле идеалов царства Божия всемерно бороться вместе с советской властью — показывает только, насколько желание изобразить советскую власть творцом христианского дела заглушило у обновленцев естественное отвращение пред насильниками, наполнившими тюрьмы представителями церкви и ужас пред коммунистической партией, заявившей в лице Бухарина: «все церкви должны быть снесены с лица земли, как рассадники контр-революции. Борьбу против церкви нужно поручить товарищу Дзержинскому. Гражданин Белавин (лишенный собором 1923 патриаршего сана Тихон), должен быть казнен».

Через два года состоялся в 1925 г. второй поместный собор обновленческой церкви, на котором крайности первых лет существования были отброшены: отказались от нового календарного стиля, постановили избегать назначения женатых епископов и борьбу с тихоновцами вести исключительно духовными средствами. К этому времени обновленческая церковь успела завязать сношения с восточными патриархами и получить от них свое при-

знание. Константинопольский патриарх прислал на собор особую приветственную грамоту, и обновленческая церковь начинала приобретать каноническое обоснование.

Но если говорить о духе обновленческой церкви, то он остался прежним. Обновленчестве есть старо-церковное, исторически сложившееся бытовое переживание, но окрашенное в революционный защитный цвет. Традиции старой синодальной церкви, привыкшей жить в подчинении у «предержащей власти» и то же время пользоваться якобы для защиты дела Христова государственным мечом, подхвачены обновленческой церковью не гнушавшейся сотрудничеством с ГПУ в деле уничтожения своих церковных противников и в тоже время прикрывавшей революционной фразеологией свое новое рабство светской, но уже не православной, а безбожной власти.

В глухое время общественного затишья, когда с безграничным цинизмом советская власть идет навстречу хищнической свалке интересов и поощряет процесс капиталистического первоначального накопления, об'являть капитализм «смертным грехом»» и звать на борьбу с этим грехом и безбожную власть и членов обновленческой церкви не только несвоевременно, но и просто смешно. Говорить о советской власти, поощрявшей комсомольские бесчинства и неустанно ведущей антирелигиозную пропаганду, как о власти, осуществляющей на земле идеалы царства Божия, не только не умно в настоящее время, но и прямо неприлично: соловецкие узники, иерархи православной церкви, это ведь только небольшой отряд из томящихся по ссылкам и тюрьмам. Нет ничего поэтому удивительного, что советский пафос первых годов обновленческой церкви в значительной степени выдохся и революционная фразеология уже потеряла свою красочность. Но стремление обновленческой церкви стать под покров государства и, не обнаруживая склонности к мученичеству, идти рука об руку с насильниками, осталось незыблемым. И это кладет роковую печать на внутреннюю жизнь обновленческой церкви. Дух старой синодальной церкви почил над новой церковью, сгубил бескорыстные реформаторские стремления наиболее искренних и глубоких представителей церковного либерализма, отравил служителей обновленческой церкви политиканством, нетерпимостью и ненавистью и потопил в тине старорежимного опортунизма здоровые семена обновленческого движения.

Церковная смута далека еще от разрешения. В течении десятилетия церковные круги волнует и разделяет вопрос об отношении между церковью и государством, но остаются неразрешенными и другие глубокие и волнующие сознание верующего человека вопросы о религиозном одухотворении, возвышении и углублении, как личной, так и общественной жизни. Эти вопросы ста-

вятся и в православной среде, и в необычайно усилившемся сектантском движении, но они не получают разрешения.

В путаном и сложном узоре, который дала церковная смута, к концу десятилетия революции наметился общий для всех враждующих между собой церковных группировок рисунок: неизбежность признания полного отделения церкви от государства и необходимость приспособления церкви к новым жизненным условиям, но вопрос о приспособлении, тревожный для патриаршей церкви и разрешенный в виде противоестественного союза церковников и коммунистов в обновленческой церкви, в свою очередь не находит общего решения.

Свободная церковь не мыслима в коммунистическом застенке. Только в свободном государстве возможна свободная церковь и только при демократическом режиме возможно нормальное течение церковной жизни. В Советской России пока нет этих условий. Не будет и «тихого мирного жития», о котором пишет патриаршее послание, не будет и ожидаемого обновленцами осуществления на земле большевиками идеалов царства Божия, не будет и разрешения церковной смуты.

В. Архангельский

СЛАВЯНСКИЙ ОБЗОР

О ПЕТРЕ БЕЗРУЧЕ [1])

Первые стихи Безруча появились в моем еженедельнике «Час» в 1899 г.

Часто меня спрашивали, да еще и теперь спрашивают, как я открыл П. Безруча.

Я его не открывал, он сам нашелся. Я был лишь тем счастливцем, который мог открыть ему двери. Он сам меня избрал для этого и захватил с собой в колесницу своей славы.

16-го января 1899 г. я получил следующее письмо: «Господин доктор! Несмотря на то, что Вы не открываете страницы сво его журнала националистическим или платоническим направлениям, я все же посылаю Вам свои стихи, просмотрите их. Будьте любезны ответить мне в воскресение через Ваш журнал «Час». Отказ Вашего журнала будет для меня приятнее, чем прием какой-нибудь газеты X или У.

Петр Безруч»

Брно 16/1

От стихов я был в полном восторге, что и сказал, не колеблясь, неизвестному поэту. После этого я получил второе письмо: «Ваш ответ меня растрогал. Если бы я только мог предпо-

---

[1]) Автор настоящей статьи, Ян Гербен родился в 1857 г. Свою молодость он посвятил художественной литературе типа «Записок охотника», позднее он перешел к публицистике и политике. Друг и сотрудник Т. Г. Масарика, Гербен посвятил свой последний трехтомный труд его жизнеописанию. Настоящую статью Я. Гербен специально переработал и расширил для «Воли России» из очерка, написанного к юбилею поэта, который 15 сентября праздновал свое шестидесятилетие **(прим. перевод.).**

лагать, что мои стихи хоть чего-нибудь да стоят, (а по всей вероятности они действительно чего-нибудь да стоят, если Вы их собираетесь напечатать), я бы их исправил и больше бы над ними поработал: я ведь их набрасывал на бумагу по мере того, как мне приходили мысли. Поправляйте их, как и сколько хотите, я знаю, что в них есть банальные стихи и обороты, которые я бы сам не напечатал — я подозреваю, что Вы страдаете филосемитизмом (недавно Вы похвалили «Тешинскую Газету», а я не знаю более неподходящего стиля для нашего народа). Была у меня еще одна вещица, которую и присовокупляю к письму; не бойтесь, я Вас не буду мучить своими стихами каждую неделю — пришлю Вам что-нибудь через пол года и тогда постараюсь, чтобы стихи были лучше, чем в первый раз».

Таким образом в январе 1899 г. в «Часе» вышли первые стихи П. Безруча. Мы напечатали все, что посылал Безруч. «День Палацкого», «Страшное явление» были конфискованы. На последней странице номера я представил поэта читателям несколькими вступительными словами: «Мы печатаем здесь стихи неизвестного до сих пор поэта Петра Безруча, конечно, не потому что они националистичны, а по той причине, что они страстны, величественны и новы и еще потому, что мы ждем очень много от его таланта.

После этого снова пришло письмо Безруча, из которого я позволю себе сделать выдержку: «Господин доктор! Мне еще никто в жизни не говорил столько прекрасных вещей, как Вы. Жаль, что нас конфисковали, я был в этом почти уверен заранее. Но, к сожалению, в этом отношении я не могу помочь делу. Я охотно прощаю венским евреям, могу простить и глупому Влчку и Ларышу, но никогда властелину в Палате. Почему Вы вычеркнули слово Геро? Теперь я буду называть воеводу маркизом, — это слово цензура, наверно, пропустит. Господин доктор, тысячу раз благодарю Вас за «Час». Я знаю, что обычно сотрудникам посылают журналы. Вот я десять лет собирался подписаться на Ваш «Час» — чтобы его читать, приходилось ходить в кафэ — но я никогда не умел хозяйничать, а поэтому уже первого у меня не бывает денег. Так вот видите к чему пригодились стихи. В предыдущем письме я написал, что пошлю Вам стихи через пол года. Но Вы меня так приласкали, да еще к тому и попросили и выслали мне «Час», что вот я посылаю Вам три своих стихотворения. Не знаю, как понравятся они Вам... Вы не верите, что это мои первые произведения, но право же до сих пор еще никто не печатал моих произведений. Я редко пишу стихи, теперь их, по всей вероятности будет больше, за что вина ляжет на Вашу совесть. У меня застенографированы еще четыре стихотворения, но я впадаю в полное отчаяние, когда подумаю, что мне их нужно переписать. Заранее пишу Вам их названия: «Гра-

бынь», «Леонид», «Бернард Жар» и «Мария Магдонова»... Господин доктор, я знаю, что Вы из за меня в Брно не поедите. Клянусь Господом Богом, что я этого не стою — я слишком обычный человек, разговаривать я не умею, да и где бы Вы меня искали? Я не живу ни у Сейдлера, ни в Новосадах (по этим двум адресам Безруч просил иногда писать на имя Мефодия Конопача. *Я. Г.).* Но я Вас хорошо знаю, я бывал на Ваших выступлениях, я знаю Вас лично, — помните, в Брно была выставка Упрки, так я Вас там видел, а потом еще раз в ечницкой пивной. Теперь, когда Вы видите, что я Вас знаю, у Вас должно отпасть предположение, что я не доверяю. Мой псевдоним и без того не удержится, я предчувствую, что когда-нибудь мне придется дорого заплатить за свой псевдоним — меня отгадают на востоке. Ввиду того, что Вы это и безусловно требуете, я Вам даю честное слово, что Вам будет сообщено мое настоящее имя. Весьма возможно, что я смогу приехать в Прагу, где бы я сам представился. Слушайте, а если я Вам пошлю своего посланного, никто не будет его распрашивать и задерживать»?

Псевдоним П. Безруч меня мучил и интриговал. Кто же это? Я знал этот почерк. Как только я увидел в первом письме букву r (redaktor) в начале слова, написанную необычайно длинным росчерком, идущим снизу вверх, я уже понял, что знаю этот почерк, что я его держал когда то в руках и что я должен угадать личность корреспондента. От всевозможных предположений у меня голова шла кругом. И все было тщетно. Не скрою, что я разыскивал поэта при помощи своих знакомых в Брно. И это было также тщетно. Лишь в 1904 г., когда я приехал в Брно на премьеру «Падчерицы», у меня как бы открылись глаза. В ложе меня посадили рядом с очаровательной барышней, которая вдруг мне прошептала: «я сестра Безруча». Почерк и проклятое r принадлежали проф. Антонину Вашку, моему прежнему дорогому учителю в брненской гимназии. Они мне были знакомы по школе и по письмам. Дело в том, что когда в 1879 г. проф. Вашек подготовлял свое филологическое доказательство, что краловедворская рукопись является подделкой, он меня попросил, чтобы я ему переписал из музейного собрания русских песен именно те, которым Ганка подражал в своих лирических подделках. Тогда все стало для меня ясным. Несмотря на это, я лично уже не искал Безруча, зная его робость, боязнь перед людьми и нелюбовь к разговорам. Чтобы докончить эту историю, скажу, что я розыскал похта в его служебной норе лишь после переворота. Он меня узнал сразу, как только я вошел, а я по немножку открывал сходство между отцом и сыном.

Если за мной когда-нибудь будет признана заслуга в том, что П. Безруч существует, то это должно пониматься постольку,

поскольку я вытягивал из него стихи, так же неотвязно, как это делал некогда Неруда по отношению к Св. Чеху во время редактирования «Лумира». Скоро все это начало Безручу надоедать. Не прошло и года с момента напечатания его первых стихов, а он уже начал ворчать: «мне начинает быть так противно, что я пустился в это стихоплетство». Однако, успех его все же подбадривал и заставлял писать снова и снова. Его радовало, что его хвалят Махар и Ярош, а также целый ряд журналов, как напр. «Молодая Моравия» Туна. Время от времени он начинал укорять себя за то, что у него нет литературных образов, так как он мало читал, однако больше всего Махара («я ловлю себя на том, что ищу рифмы в его стихах, ведь с рифмами мне так трудно, так что рифмованные стихи по всей вероятности ничего не стоят).

Первое более или менее значительное собрание стихотворений П. Безруча вышло в 1903 г. и носило название «Силезского номера».

В эпоху наиболее сильного поэтического напряжения, осенью 1901 г. Безруча узнал один из его знакомых, с которым он часто сидел вечером в кафэ. Знакомый этот как раз не отличался молчаливостью. Совершенно неожиданно некоторые брненские писатели у журналисты начали чрезвычайно почтительно кланяться поэту при встрече на улице. Безруч понял, что пробил час — его псевдоним перестал быть тайной. Тогда он сразу решил: «*В течение одной минуты, но зато навсегда, я решил, что мне уже нечего больше сказать*». Мне лично он написал следующее: «Я родом из Силезии и не могу быть из иного края, точно также во мне живет страх порабощенного народа и отвращение ко всякому показному. *Или Безруч, или никто.* Теперь, когда исчезло это мое имя, значит пришло ничто. Я ведь Вам говорил, чтобы Вы меня не уговаривали — Вы все же пробовали это непрерывно — жаль потерянных слов. Я возвращаюсь в неизвестность, и хочу, чтобы обо мне больше не говорили. Однако, все же когда-нибудь nostris ex ossibus ultor». [2])

Целый год я приставал к поэту, я уговаривал и умолял его, чтобы он прервал свое молчание. Наконец, я все же кое что из него выжал. У меня в портфеле лежало свыше 30 его стихотворений, но печатать я ничего не смел, а читатели бомбардировали меня вопросами где же Безруч. Я не отвечал, оставаясь непреклонным. 11 октября пришло письмо Безруча, которое подействовало на меня, как капля бальзама. Из письма я понял, что кроме чужой нескромности поэта мучила хандра, которой он довольно часто страдал. «На этот раз я Вам откажу лишь на половину, писал он мне, так как мне слишком тяжело отвечать Вам каждый раз холодным отказом на Ваш просительный го-

[2]) «На наших костях подымается мститель».

лос! По всей вероятности, я уже никогда больше ничего не напишу; не буду утомлять Вас своими жалобами, ибо человек становится мужчиной не только потому, что у него вырастает под носом щетина; поздно: у меня будто выжжен мозг, меня давит безграничная грусть, а жизнь лежит уже за мной... все, что раньше волновало меня, стало безразлично, я уже не хочу больше подливать желчи в жизнь.Я сам знаю, что я писал комичные стихи, формально далеко не совершенные и что Вы могли печатать их лишь, как безымянные цитаты и вставки. Я же Вам писал однажды, что под своим флагом в форме фельетона или статьи Вы можете протаскивать, что хотите; если уже это так необходимо, то составьте и напишите специальный номер, но с каким-нибудь чрезвычайно общим названием, скажем «Силезский номер», в нем бы Вы могли назвать и меня, но, однако, как можно меньше, скажем в обращении к моему краю «твой поэт» и т. д., но потом уже навсегда я прячу себя в ящик, ad acta».

Из этого половинчатого отказа было ясно, по крайней мере, что я имею право издать хотя бы кое что из поэтического архива Безруча, но как то косвенно, скрыто, без его имени. Я получил право напечатать в приложении к «Часу» этюды о Силезии и в них вставить стихи Безруча. Но все, что я знал о Силезии, носило чисто политический характер, а приложение к «Часу» имело художественное направление. Для Силезии у меня не было даже специального сотрудника, а у меня лично в это время было столько денежных забот с «Часом», что я абсолютно не мог приняться за какую нибудь серьезную литературную работу.

Тогда я устроил следующую комбинацию. Чтобы иметь возможность напечатать как можно больше Безруча, я решил все остальное сделать сам. Чем больше Безруча, тем меньше всего остального. Я разделил его стихи на более или менее возможные отделы, а промежутки заполнил незатейливой ватой, которая и должна была составить дополнения. Таким был «Силезский номер», приложения «Часа»; оно должно было быть больше, чем обычное приложение. С небольшими изменениями я переиздал этот номер в виде простенькой книжечки в январе 1903 г. Тон моих дополнений был довольно школьный, но я все же надеялся, что читатели будут мне благодарны. Второй причиной моей краткости был страх возбудить гнев поэта какой бы то ни было ссылкой на его личность. Как то раз я по неосторожности сказал, что П. Безруч живет в Брно, ну и досталось же мне за это! И так я честно старался ничего о нем не говорить.

Силезский номер взволновал литературное и политическое общественное мнение. Я издал его в количестве 3000 экземпляров, которые и разошлись. Все стихи П. Безруча произвели в

обществе впечатление взрыва. Социальное и национальное притеснение тешинского народа прозвучали не как «Песни раба», а как погребальный звон, как удары, падающие на гроб 70,000 душ, гибнущих в Польше. В песнях Безруча слышался ужас смерти, гнев против притеснителей, упреки народным вождям и обещание мести. О всеми покинутом силезском народе пел бард с Безкид. Его поэзия была безлична. Этот бард нес в себе горе 70,000, осужденных на смерть. Форма лишь поддерживала жестокое содержание его стихов. Шахты в Остраве, доменные печи в Витковицах, тешинские огромные имения великого князя Фридриха, дым, огонь, пот народа — вот о чем он говорил. Кровь и нервы, боль и удары, всю атмосферу этого края, тянущегося от Остравы к Опаве, от Отавы к Тешину, которые Безруч впитал в свою душу, он бросал обществу в виде огня, угля, водоворотов, убийства, самоубийства, гробов и набата. При таком содержании было трудно приглаживать стих и подыскивать звонкий ритм, понятно, что форма оставалась грубой и часто колебалась на самом крае искусства. Но именно это-то и поражало.

На другой день после выхода номера Безруч стал признанным поэтом всюду, где его читали люди чистого сердца, не страдающие предосудительной политикой. Я не знаю, как это выразить иначе, но я могу лишь сказать, что оффициально признан он не был. Для этого было достаточно того, это он нашел свое место в «Часе», среди реалистов. В «Лумире»[3]) или в «Народных Листах» о силезском номере вообще не говорилось. Руководящие круги Силезии и их опавская газета тоже хвалили, стиснув зубы, и одновременно выражали опасение, что П. Безруч будет распространять пессимизм и отчаяние среди борющихся! Это он то, восторженные поклонники которого с каждой книжкой его стихов в руках разыскивали на карте Бортовский пустырь, Орлов, Тешоновицы, Московские пруды (я сам лично поехал в Тешин в 1903 г.) и прямо изучали географию Силезии.

После выхода силезского номера и сам Безруч поверил, что он поэт и что он исполнил свою миссию. Он даже никогдане корил меня за всю эту комедию с силезским номером. Но Немезида карает всякую подделку. За силезский номер я был наказан позднее и иначе; конечно, не за номер, а за свою прослойку. Поход начала «Радикальная Газета», редактируемая К. С. Соколом, которому все удовольствие от стихов было испорчено моими сопроводительными строками. Как в печати, так и в обществе начали

---

3) «Лумир» журнал эстетствующий, вокруг которого сгруппировались в свое время чешские декаденты (прим. пер.).

раздаваться голоса, об'являвшие меня настоящим идиотом. Я все это переносил и не защищался.

*
**

Иностранный читатель, не посвященный в наши дела, едва ли поймет, почему стихи Безруча были таким событием не только в литературе, но и в политике. Поэтому я считаю необходимым сказать несколько слов о Силезии.

Силезия была третьей «землей» в древнем чешском государстве. Чехия, Моравия и Силезия были теми историческими землями — чешской короной, — которые избрали и приняли в 1526 г. первого Габсбурга на чешский трон. Однако, через некоторое время Силезию постигла злая судьба. Большую часть Силезии оторвал от габсбургской империи прусский король Фридрих II. В Австрии остались лишь обломки, в сущности, один Тешин, так как вторая его часть, Опава, принадлежала, собственно говоря, Моравии. Императрица Мария Терезия об'единила в 1742 г. Опаву с остатками основной Силезской земли. Поэтому в Опаве было, да и сейчас много неправильностей. Так, напр., в церковном отношении одна часть относится к епархии епископа братиславского, а другая к епархии архиерея оломоуцкого. В самой Опаве Моравский Острав с 43 деревнями, которые избирают депутатов за Моравию, в области народного просвещения подчиняется Брно, а в области юстиции силезским судам.

В национальном отношении Силезия стала миниатюрным отражением всей Австрии: там живут чехи (сами о себе они говорят, что они мораване и что их язык моравский), поляки и немцы. В ту эпоху, когда раздался голос Безруча, в Силезии было 296,571 немцев, 220,472 поляка и 146,265 чеха. Так гласила оффициальная перепись 1900 г., которая, однако, в самом основании неправильна, так как в Австрии определялась не национальность, а разговорный язык. Несмотря на это, из данного количества чехов в Тешине оказывалось около 80,000, что составляет 23% всего населения. Национальности, живущие в Силезии, вели между собою непрестанную жестокую борьбу.

Экономические и социальные условия жизни в Силезии были ужасны. Силезцы были в большинстве случаев прямо экономическими рабами. Этой, наиболее населенной австрийской территорией владели три силы: промышленность и угольные копи были в руках капитала. С одной стороны, это были могущественные банкирские дома Ротшильда и Гутмана, а с другой огромные железопрокатные заводы в Витковицах принадлежали акционерам и управлялись по прусскому образцу. Начиная с хозяина и до служащих и дворников все там были немцы. Жизнь рабочих в экономиях тоже была не слаще: огромные имения принадлежали семьям графов Вильгаузен и Лориш, а гигант-

ские латифундии вокруг Тешина принадлежали тешинской палате, во главе которой стоял жестокий великий князь Фридрих, — этот маркиз Геро из стихов Безруча. Этого Геро мы изобрели с Безручем, чтобы было легче избегнуть преследования цензуры. Чешским читателям он должен был напомнить прежнего воеводу Геро, истребителя полабских славян. Третьей гнетущей силой была северная железная дорога с немецкими служащими и рабочими. Капиталистам и помещикам было чрезвычайно важно овладеть местным управлением и через него захватить в свои руки ту власть, которая выносила постановления о местных налогах.

Экономические рабы обыкновенно бывают рабами национальными. Каменноугольные копи и заводы в Остраве занимали национально расползающуюся территорию; для нас становились понемногу потерянными следующие округа: Польская Острава, Прушов, Михалковицы, Богумин, Кунчицы, Петрвальд, Домбров, Паремба, Лозы, Карвин. Подобное же национальное давление шло и с юга Тешина от Тружинца. Наиболее тяжелой национальная борьба становилась для нас там, где чехи сталкивались с поляками. Тешин был нашей Македонией. Все возрастающее количество польского населения было для нас катастрофой не только по своей цифре, но и из-за необразованности безграмотности и пьянства масс. Ученые этнографы судили о Тешине в большинстве случаев совершенно неправильно, а именно с точки зрения языка; точь в точь, как о Македонии. Полякаками называли себя все, кто не говорил на литературном чешском или моравском языках. Между тем у местного диалекта есть и польские и чешские признаки. В рыхвальдском округе переписчики нашли в 1900 г. всего 11 чехов среди 4550 обывателей, не смотря на то, что эти 11 чехов посылали в чешскую школу более чем 100 детей. И тем не менее в 1909 г. в том же Рыхвальде было уже две чешских школы (содержавшиеся на средства школьной Матицы) с 10 классами и 600 учениками. Чехи были принуждены основывать частные школы на свои собственные средства, в то время, как полякам всё время помогало правительство. Вследствие того, что поляки не сопротивлялись германизации так, как чехи и они скоро становились немцами, то их и считали авангардом германизации.

Руководители национального чешского движения не были, конечно, слепы, но благодаря так называемой славянской взаимности и из-за славянского братства относились к полякам довольно бережно, а, главное, молчали. Петр Безруч крикнул: поляк это наш враг! В одном письме Безруч клялся, что он вовсе не враг польского народа, что он читает польские газеты и книги, причем часто не знает, читает ли он по польски или по чешски, но в Тешине поляки вносят заразу через свою польскую

школу и церковь. Все это бросалось в глаза. Основной земский закон от 1592 г. гласил, что «в суде всем чужестранцам, как и местным жителям долженствует говорить по чешски, на коем языке и судоговорение вестись должно». До эпохи Марии Терезии нет ни польских, ни немецких документов. Да и первая половина 19-го столетия знает лишь чешский Тешин с чешскими учреждениями, школой и церковью.

Петра Безруча мучало и пугало силезское горе: оно доводило его до отчаяния при виде вымирающей чешской ветви и отступления чешских пограничных огней оттуда, где еще было 70,000 чехов.

*
**

Силезское горе — это социальное и национальное притеснения народа. В экономическом отношении из силезского народа высасывали кровь и тем копали ему национальную могилу. Безруч родился в Опаве, а после того, как его отец был переведен в наказание в Брно, дабы он не мог работать на пользу Силезии, сам Безруч ездил каждые каникулы на родину отца, в Гай. С 1890 г. по 1925 г. он служил, как почтовый чиновник в Мистку, откуда он ходил по силезским городкам и деревням. Бывал он и в Глучинску, которое лежит на голубом холме в Пруссии. Он страдал от страшных впечатлений, которые производили на него потеря национальности, нищета и моральный упадок народа. Он впитал в себя все это силезское горе. Когда пришел его час, он крикнул о нем на целый свет. Каждый его стих был выстрелом среди глухой ночи. Он подымал полумертвых и будил спящих. Ни у кого не было большего предрасположения, чем у него, к подобному призванию. Я представляю себе, что, если у лужичан родится такой поэт, то он будет подобного же рода. Безруч нес в себе ужас и проклятие этих 70,000 душ, живущих в Тешине. Он стал безличным, превратился в духа этой земли, говорил за всех, и его имя стало именем семидесяти тысяч. Этому способствовало и личное предрасположение. С детства у него в душе гнездились боль и горечь. Против его отца велась кампания, как против изменника народу, не верившего в подлинность рукописей. Мать жила на мизерную учительскую пенсию с четырмя сыновьями и двумя дочерьми. Он сам тщетно учился три года в Праге, где ему изменила девушка, которую он любил. Все это и создало из него бобыля, вечно молчавшего в обществе и думавшего об испорченной юности. Но вот он созрел. Безручу было 32 года, когда он написал «Торжество Палацкого», «Страшное явление», «Марию Магдонову» и «Бернарда Жара». Как поэт, Безруч ни на кого не похож. У него не было предшественников, за ним пришли эпигоны. Невозможно повторить столь сильную индивидуальность.

Экспериментальная эстетика будет, конечно, приветствовать того, кто сможет однажды нарисовать портрет этого поэта. Он сам много думал о своем творчестве. Когда я ему однажды написал о том, какой восторг вызывают его стихи среди силезской молодежи, то он мне ответил: я себе представляю вполне ясно радость такого сына Силезии, когда он прочтет стихи, написанные у нас. Ведь я сам мальчиком, а потом студентом разглядывал все журналы и газеты, ища и ожидая, когда же, наконец, раздастся наш голос. Но время шло и никто не говорил, так что на сцену должен был выступить я. Я помню, как однажды горец из Безкид рассказывал мне об этой Марии. Тогда мне что-то все подкатывало к горлу, и я думал: о, если бы я мог быть поэтом и посылать ей хотя б несколько стихов на тот свет»...

Эти поэтические взрывы гнева питали поэта. Однажды он мне написал: «я. ведь Вам уже говорил, как я работаю. Когда все набросано на бумаге, то через пять минут это должно исчезнуть с глаз моих, чтобы я этого не видел. Но когда кто нибудь, кто ко мне хорошо относится, покажет мне мои ошибки, то я не сержусь и с кислой миной принимаюсь за поправки. Не думайте, что когда я пишу стихотворение, даже за пять минут, то оно мне дается легко. Тогда мне кажется, что сквозь душу промчался смерч (sit venia!), мысли мчатся, как потоки с гор, я не успеваю ловить слова и мысли, а потом в течение получаса я чувствую себя опустошенным. Я думаю, что если бы я написал поряд пять таких стихотворений, как «Страшное явление», и «Мария Магдонова», то меня бы отвезли прямо в сумасшедший дом в Черновицы. Однажды Вы сказали обо мне в конфискованном номере, что мои стихи могучи и страстны. Первое слово — похвала, второе — правда; но меня эта страсть пожирает, как пьяницу или картежника. Неужели то же самое бывает со всеми поэтами? Не сладкое же это ремесло...»

*
**

Творческий период Безруча продолжался немного более трех лет (1899 — 1902). Но уже в течение этих трех лет над его творчеством нависали черные тучи. В один прекрасный день Безруча узнал товарищ, когда тот поздно ночью начал говорить на силезском диалекте и без сомнения употребил какое нибудь из выражений, которые были в его стихах. Слов: «Ведь это ты Безруч!» было бы достаточно, чтобы прервать существование поэта. Он уже и ранее опасался, что должен будет дорого заплатить за свои стихи, когда о нем услышат в Силезии и когда великий княз Фридрих узнает, кто называл его маркизом Геро, своим именем напоминающего кровожадного истребителя полабских славян. Но все же он продолжал писать дальше. Когда в 1915 - 1916 г.г. его арестовали в Вене солдаты, так как в одной

французской газете появились стихи подписанные П. Б. (стихи были абсолютно не безручевские и даже глупые), П. Безруч жил в вечном страхе, опасаясь, что как раз пришел час мести маркиза Геро. И все же он не пришел. Наоборот исполнилось пророчество поэта, сказавшего, что наступает время возмездия палаты. Но, когда его псевдоним был раскрыт, то уже не было по отношению к великому князю Фридриху, владыке тешинской поэта, остался лишь почтовый чиновник. Для него это была действительная и решающая причина. Иногда мне кажется, что пришедшее молчание поэта было вполне логично: он сказал все, что хотел. Силезский бард чувствовал отвращение к повторению тех же мотивов, тех стихов, тех же направлений. Однажды он мне написал: «Вот этой зимой, когда у меня пошла горлом кровь, я бросил миру еще то немногое живое, что уместилось в пределах моего узкого горизонта. Я не знаю, это Вы обо мне думаете, но я очень сомневаюсь, что из меня выйдет поэт: если я буду здоров, то очень скоро спою все, что у меня будет на душе и закрою свой клюв».

Осенью 1901 г. это, наконец, случилось.

Все мои усилия вывести поэта из мрачного настроения и из упрямого молчания были тщетны. «Я раскрыт», был его ответ, следовательно должен молчать. «Или Безруч, или никто». В его письмах все резче и резче выступало самобичевание. Он говорил о себе, что промотал молодость, что много пил, да и сейчас пьет, что мир для него умер, что люди ему противны и т. д. Для него исчезла вся красота жизни. Когда кончились его песни о Силезии, он не захотел создавать иной литературы.

Когда вышел Силезский номер, П. Безруч послал мне что-то вроде послесловия, в котором поэт окончательно завершал словами Горького поэтический период своей жизни: «Во мне все лишнее, точно так же, как лишней является и моя жизнь. Ничего нет в мозгах... лишь тьма и боль». Дабы я мог все это понять, он мне послал стихи «Didus Inertus». Действительно, это был конец.

По прошествии нескольких лет П. Безруч все же поколебался. В 1910 г. он разрешил графику Прейсту издать собрание Силезских песен с иллюстрациями. Он был болен, о чем и писал мне, а потому и размяк. («Я никогда не перестану жалеть что в момент болезни я забылся и открыл свой молчаливый клюв») Вместе с роскошно переплетенным экземпляром я получил фотографию поэта. Хотя он был заядлым врагом всех фотографов, его все же заставили сняться в больнице в Вене, где он лечил глухоту, явившуюся последствием воспаления евстахиевой трубы.

С этих пор Безруч сочиняет лишь «ботанические» стихи. поэмы «по поводу» и насмешливые эпиграммы и поздравления,

которые он посылает своим друзьям на открытках. Собственно говоря, это делает уже не Безруч, а лишь П. Б. или силуэт старого ящера, которого он рисует в конце письма. После переворота пришло даже письмо от Владимира Вашка. Петр Безруч окончательно умер. Он метеор, который блеснул лишь на миг. но полосе света никогда не исчезнуть.

15 сентября 1927 г. П. Безручу исполнилось 60 лет. Весь народ доказал, что имя поэта живет в его памяти.

Биография человека В. Вашка проста. но и в ней высказывается характер поэта. Он родился в Опаве, где его отец был учителем гимназии. Несмотря на то, что Антонин Вашек преподавал в немецкой гимназии, он основал чешский еженедельник, чтобы пробуждать при его помощи силезский народ, и даже однажды созвал политический митинг. В 1873 году он переведен в Брно. Он прославился своими выступлениями против кралеводворской и зеленогорской рукописей в 1879 году, но за этот свой геройский подвиг он заплатил безвременной кончиной в 1880 г. В это время сын Владимир учился в брненской славянской гимназии. Экзамены на аттестат зрелости он сдал в 1885 г, а потом изучал три года классическую филологию в чешском университете в Праге. Но учение свое он бросил и 29 апреля 1889 г. поступил практикантом на почту в Брно. Оттуда его послали на три года (1891 — 1893) в Мисток, по истечении которых он служил почтовым инспектором в Брно.

Во время войны в сентябре 1915 г. Безруч был заподозрен в государственной измене и арестован, так как в одной парижской газете безответственный человек напечатал несколько стихотворений под литерами П. Б. Безруч был в тюрьме в Вене, а потом в Брно, и следствие было прекращено лишь 13-го апреля 1918 г. После переворота Безручу было предложено место начальника почт и телеграфа. После долгих колебаний он его принял и управлял три дня: в первый день он велел сжечь все портреты императора Карла, на другой день он сменил прежнего начальника — немца, доносившего на него самого и на чешских чиновников, а на третий день он сменил сам себя, так как считал получение такого места для себя недопустимой протекцией. В текущем году он дослужит свою службу и выйдет в отставку.

Ян Гербен.

С чешской рукописи перевела
Н. Мельникова-Папоушкова.

Иностранная жизнь

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ФИНЛЯНДИИ

I

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Последний с'езд финляндской социал - демократической партии изменил партийную тактику по вопросу об участии во власти. Допуоская в принципе возможность вхождения в правительство, партийный с'езд, однако, подчеркнул, что партия не должна к этому стремиться. Партия, согласно резолюции с'езда, может брать на себя правительственную ответственность лишь в тех случаях, когда создающееся положение не оставляет другого выхода.

Принимая эту новую тактику, партийный с'езд не подозревал, что междупартийные комбинации в парламенте в скором времени заставят финляндскую с.-д. рабочую партию взять на себя нераздельную ответственность по управлению страной.

Произошло это следующим образом. Приблизительно, год тому назад коалиция финских буржуазных партий, возглавляемая аграрно-консервативным правительством г-на Каллио, до такой степени озлобила своей националистической политикой шведскую партию, что последняя стала «на зло надменному соседу» присоединяться ко всем резолюциям недоверия, вносимым социал-демократами и даже коммунистами в парламент. Такая тактика четвертой буржуазной партии (шведской) привела в скором времени к провалу правительства националистического блока финских буржуазных партий. Формула недоверия была принята в парламенте, правда, лишь большинством нескольких голосов, т. к. социал-демократы, коммунисты и шведы составляли в риксдаге вместе лишь слабое большинство.

Правительственный кризис осложнился, кроме того, крупными недоразумениями (и нежеланием продолжения сотрудничества) среди самих правительственных партий. В виду предстоящих выборов номинально «серединная» аграрная партия по тактическим соображениям хотела во что бы то ни стало порвать правительственную связь с правой коалиционной партией и получить моральную свободу действий в момент наступления выборной кампании.

Несмотря на все усилия сторонников единого буржуазного фронта, коалиционным партиям не удалось ликвидировать правительственного кризиса и президенту республики не оставалось другого выхода, как предложить председателю парламентской с.-д. фракции Таннеру образовать чисто социалистическое министерство меньшинства.

Созванный для обсуждения этого предложения особый партайный комитет, в состав которого вошло пять членов от правления партии и столько же членов от парламентской фракции, решил пойти при сложившейся обстановке на первый привительственный эксперимент при условии проведения проеделенной программы-минимум, равно как партийной подконтрольности политики правительства.

Тот факт, что социалистическое министерство меньшинства удержалось в Финляндии у власти в течение целого года, об'ясняется двумя чрезвычайными причинами.

Не имея за собою гарантированного соглашения большинства в парламенте (ни одна партия не дала социалистам обещания поддерживать правительственную программу), социалистическое правительство успешно парировало все нападения финской правой партии, благодаря систематической и единодушной поддержке шведской и коммунистической партий.

Чем же об'ясняется такая трогательная «верность» правительству названных двух крайних партий парламента?

Что касается шведской партии, то социалистическое правительство давало полную гарантию беспристрастной политики в вопросах языка и шведской автономии. И этого было достаточно, чтобы в большинстве своем правая шведская партия, осуществляя свою общую задачу, содействовала проведению правительственного закона о политической амнистии. Этот факт привел финскую буржуазную оппозицию в полное замешательство и вырисовал довольно мрачную перспективу для возобновления «единого буржуазного фронта».

Коммунисты же в свою очередь видели в правительственном эксперименте социалистов *двойную выгоду*.

Пользуясь приближением выборов коммунисты получили возможность развить усиленную демагогическую кампанию, «разоблачая» перед избирателями расхождение между теорией

и практикой правительственной партии (Еще бы!) С другой стороны коммунисты получили полную гарантию свободы предвыборной агитации, вплоть до злоупотребления таковой.

В этом отношении в агитационной кампании коммунистов против социалдемократии в замаскированном виде выступали даже «советские гости» в Финляндии.

Боясь, однако, (несмотря на все «преступления» социалдемократии) падения социалистического правительства, коммунисты всякий раз, как один человек, голосовали против всех попыток буржуазии свалить наше правительство.

Произошедшие летом выборы вылили ушат холодной воды на головы финских коалиционеров.

Временный и ненормальный «союз» социалистической, коммунистической и шведской партии сохранил большинство и в новом парламенте и даже увеличил его на три голоса (одним шведским и двумя коммунистическими, при сохранении социалдемократами прежних 60-ти мест).

II

РЕЗУЛЬТАТЫ И ФИНАЛ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Подводя итоги все еще продолжающегося правительственного эксперимента [1]), в ответственных партийных кругах приходят к следующему мнению:

Правительственный эксперимент социалистической партии Финляндии безусловно разрядил в желательной степени ту сгущенную атмосферу, которая создалась политикой классовой борьбы в Финляндии со времени гражданской войны 1918 г. и дал буржуазии пример об'ективного и правильного применения конституции и основных законов страны.

Психологический эффект от правительственного эксперимента наблюдался особенно ярко в провинции, где привыкшее к буржуазной развязности чиновничество (начиная с губернаторов и кончая ленсманами) подтянулось и начало проявлять гораздо больше «вежливости» при деловом общении с местными представителями рабочих организаций. Буржуазная легенда 1918 г. о том, что финский рабочий класс, потерпевший поражение, не сможет уже вернуть свои завоеванные им во время великой российской революции позиции, равно, как восстановить свой авторитет в государственной жизни независимой Финлян-

---

[1]) Статья уже была сверстана, когда получилось сообщение об отставке финляндского социалистического правительства, оказавшегося в меньшинстве по вопросу об аграрны пошлинах. **Редакция.**

ческие круги (равно, как и на весь народ) правительственной политики социалистов. Но дело не в деталях.

Если же внимательно присмотреться к практическим (материальным) результатам рассматриваемого нами эксперимента, то в этой области мы, к сожалению, не можем похвастаться особенным успехом.

Не имея за собой большинства в парламенте, правительство лишено было фактической возможности проводить в жизнь свою программу-минимум, за исключением лишь тех случаев, когда соображения политически-комбинационного характера побуждали шведскую и коммунистическую партии, в собственных интересах, поддерживать правительственные законопроэкты. Зато во всех тех вопросах, то или иное разрешение которых не угрожало кризисом правительства, большинство систематически проваливало в парламенте все прогрессивные начинания правительства.

Само собой разумеется, что при таких условиях инициатива правительства оставалась без практических результатов, и самый правительственный эксперимент служил в глазах рабочего класса и самой партии лишь доказательством того, что правительство меньшинства, при каких бы то ни было условиях, не дает гарантий положительных достижений в парламенте, которые в лучшем случае могут свестись к формуле:

«плюс - минус - нуль».

Не допуская возможности продолжать такую политику «примирения с положением» без конца, социалистическое правительство должно будет при обсуждении представленного им на 1928 год бюджета, положить предел тенденциозному неутверждению риксдагом проэктов социалистического правительства и указать большинству парламента и на те вопросы, от разрешения которых зависит дальнейшая судьба правительства.

В качестве таких вопросов партией (Советом партии и фракцией сообща) будет выставлен вопрос о частичной реформе налоговой системы, вопрос о сокращении военного бюджета и вопрос об вычеркнутых правительством из бюджета ассигнованиях на содержание т. н. «шюдскора» (буржуазной милиции).

Прежде чем закончить эту, наскоро набросанную характеристику переживаемого сейчас в Финляндии политического момента, хочу еще указать на то обстоятельство, что в случае падения правительства, повторение правительственного эксперимента социалистической партии в будущем безусловно имеет значительные шансы. И вот в каком отношении.

Буржуазия должна будет отныне учитывать возможность *повторения* правительственного опыта социалистической партии при первом благоприятном случае. Если буржуазия до сих пор,

дии, — рассеялась, как дым. События показали, что счастие буржуазии не было «так близко, так возможно».

Можно было бы указать еще и на многие другие результаты психологического воздействия на общественные и политиво время «постоянной оппозиции» социалистов пользовалась монопольным правом решать свободно вопросы власти, не боясь вмешательства в ее «семейные дела» со стороны рабочей партии, то в будущем она на такое преимущество расчитывать не может.

Тот факт, что социал-демократическая партия может отныне когда угодно взять на себя правительственную ответственность, приводит противников к «траншейной» войне, при которой неумелое высовывание головы (плохая тактика) является для обеих сторон опасной.

Результатом такого нового периода траншейной войны за обладание правительственным аппаратом явится, повидимому, периодическое чередование социалистических и буржуазных правительств.

Хорошо ли это для партии или плохо, вопрос другой. Но этого, очевидно, требует в Финляндии и сама жизнь. И мне кажется, что в переживаемый нами период социально-демократических реформ и конструктивного социализма ни одна жизнеспособная рабочая партия не может в конце концов избежать такого несения «правительственной повинности».

Лишь после самых разнообразных и многочисленных опытов (удачных и неудачных) творческие силы рабочего движения смогут легче познать секрет общеполитического компромисса и научиться лучше видеть примерное направление его равноденствующей.

Разрешение правительственного вопроса, в связи с рассмотрением государственной росписи, можно ожидать в Финляндии в конце ноября или в декабре месяце. Свержение правительства до этого срока возможно лишь путем интерпелляций. Но на успех таких запросов финские буржуазные партии, после ряда неудачных попыток, вряд ли могут с уверенностью расчитывать при настоящем соотношении сил в парламенте.

Гельсингфорс, 18/X 27

Рейнх. Свенторжецкий.

Иностранцы о России

„ЧТО Я ВИДЕЛ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ"

В этой статье мы будем пользоваться материалами д-ра Славика, не вошедшими в статью, напечатанную в последней книжке «Воли России». Всю историческую часть его рассуждений мы опускаем и приводим лишь то, что иллюстрирует нынешнюю Россию, что рисует облик СССР.

...«Чаще всего, пишет д-р Славик, по возвращении из России, мне задавались вопросы о моральном состоянии населения в Москве и Петрограде. Это и естественно, — облик советского общества особенно молодежи, должен больше всего вызывать тревогу... Москву и Петроград я исходил из конца в конец. Я особенно интересовался пригородами, где живет бедное население и рабочие. Мне казалось, что люди без школьного образования», такими автор представляет себе большинство русских рабочих, «должны по моральному уровню быть ниже наших рабочих, но я увидел обратное. Я увидел, прежде всего, как на облике рабочего отражается сознание ответственности за класс, проведший победоносную революцию. «Правящий» класс, в лучшей своей части, осознал себя, как было и у нас с крестьянством после раскрепощения нации»..

Автор считает, что мера общественной нравственности и в иностранном масштабе для СССР не выдерживает критики. Он наблюдал бедный люд и рабочих в окраинных пивных (повидимому кооперативных) и в народных столовых, где пьют пиво и вино и его всюду приятно поражало, «как мало было пьяных отвратительных сцен, ругани и грубости, в отличие от нашей грамотной перефирии. Я наблюдал хулиганства среди рабочих, хотя и был заранее к этому подготовлен».

Нельзя не заметить автору, — *рабочие, особенно Москвы и Петрограда, в массе своей никогда этим дефектом не страдали.*

И тот, кто давал ему информацию, видимо, смешивал «чубаровцев» с рабочими. «Чубаровцев» надо было наблюдать не в рабочих районах, а в городских центрах и поближе к партийным коммунистическим клубам. Уровень грамотности никогда не являлся критерием морального облика организованных рабочих. И прав автор, когда указывает, что хулиганство в Москве он наблюдал среди «беспризорных» и проч. и что самый факт спаивания водкой народа есть уже хулиганство. «Я говорю на основании показаний живых свидетелей, говорит автор. Зная с какою легкостью раскрывается русская душа, я на улицах разговаривал с гражданками. Начав с распросов, куда и как мне пройти, как бы случайно спрашиваю: ну как теперь живется?... Все бы ничего, отвечает, если бы не пьянство мужей...». Как было и при царе?... «Хуже! При Николае пьянство не стоило так дорого...» Так мне слово в слово отвечали целый ряд опрошенных женщин в Москве и Петрограде. Я видел эту уступку «эволюции» от красных ворот до крымского моста, в трамваях, в вагонах и на вокзалах в живых картинах падающих пьяниц под плакатом: «На фронт против самогона!»

О беспризорных д-р Славик ничего нового нам не дает. Все то же, что мы читаем ежедневно в газетах.

На похоронах Дзержинского:

«Узнав о смерти Дзержинского, пишет автор, я попросил по телефону д-ра Нимека, секретаря «Общества культурного сближения», оказать мне содействие попасть на похороны, мотивируя свою просьбу желанием близко видеть корифеев большевицкой революции. «Общество культурного сближения» помещается в западном крыле бывшего отеля «Метрополь», огромного зданія выходящего на Театральную площадь. Когда я оттуда вышел с пропуском в руке было 3 часа по полудни. Я имел достаточно времени, чтобы понаблюдать толпу. Но вот пришла полиция (войска ГПУ), выстроилась по линии шествия, от Дома Советов (на Дмитровке) до Красной Площади, оттеснив об'ект моего наблюдения в прилегающие улицы. Видны были только шпалеры красноармейские, да одиночки граждане с пропусками в руках, спешившие на Красную Площадь, занять лучшие места. Пошел и я за ними. Красная Площадь оказалась тоже охваченной войсками. Перед могилой Ленина, служившей в этот день трибуной, войска построены в форме, которую я назвать не сумею, но смысл этого маневра для меня был понятен: закрывался доступ народа к носителям диктатуры пролетариата. За войсками заняли места депутации от разных организаций с знаменами и штандартами, но без людей. Невольно напрашивался вопрос, почему представителей организаций поставили за кордоном войск? Ведь свободного места на площади много... Прохожу в соседние улицы, и вижу, как оттесняется народ на Никольскую, Ильинку, Варварку и

др. улицы. Эта картина не вязалась с понятием — «все для трудящихся», но видимо показывала боязнь террора.

...Террор на диктаторов, после опыта покушения Каплан на Ленина, прекратился. Социалисты Революционеры, пользовавшиеся террором, как крайним оружием, против царской деспотии, против большевиков, по некоторым мотивам им не пользуются. Почему это, для меня ясно. Террор против большевиков разбился о сверх-террор диктатуры. — Однако, чувствую, что даже кровавая неумолимость не может террористическую опасность выжить. *Тысячи людей горят кровавой местью, живут мечтой избавления России от большевиков.* Вот почему похороны Дзержинского совершались без народа».

Это противоречит прежнему утверждению автора, (см. «В. Р. №10), что он не заметил в 1926 году ни в Петрограде, ни в Москве настроения в населении избавиться от большевиков.

«На башне Спасских ворот часы показывали семь. Кончал свою речь последний оратор. В Кремле загремели орудийные выстрелы и сирены фабрик начали траурный сигнал. Москва слышит, что в землю опускается кровавейший человек, перед которым бледнеет фигура Марата. Ухожу по Николаевской улице. Цепь милиционеров все еще держит толпы народа. Но вот, наконец, главари государства уезжают. Милиционеров уводят. Путь свободен...»

Как историк, автор посетил кладбище, где имеются исторические памятники.

«Социальная и классовая нивеляция большевицкой революции особенно заметна на кладбищах. Сюда меня привело желание осмотреть могилы великих русских писателей. Я читал, что зубья революции коснулись и этих памятников. Однако, те памятники, которые я видел, оказались целыми и нетронутыми. Но, странно, как трудно было узнать, где находится разыскиваемая могила. На Новодевичьем кладбище я остановил около десятка граждан, прежде чем нашел могилу Некрасова, несмотря на то, что она находится почти у входа, и тоже повторилось с Тургеневым, на Волковом кладбище. После того, что я видел у могилы Ленина, меня очень интересовала могила Плеханова. Обращаюсь к комсомолке, читавшей книгу. Молодое поколение должно, думаю, знать, где почивает отец русской социал-демократии. Она не только знала, но и охотно повела меня по мосткам к его могиле. Накануне был дождь. Всюду лужи воды. Иду по мощенным доскам. Под ними хлюпает вода. Читаю надписи: Костомаров, Гаршин, Глеб Успенский и, наконец, у памятника Плеханова. Нет здесь никого. Тишина. И только свежие цветы указывают, что могила посещается...»

На кладбище Новодевичьего монастыря в Москве:

«Сюда меня привлекла история монастыря Бориса Годунова.

При входе я обратил внимание на свеже-засыпанную могилу, с деревянным крестом. Всматриваюсь в надпись: Алексей Алексеевич Брусилов... Эмигранты не могут простить ему, что он отдал свой опыт и военные знания советской власти против поляков, вторгшихся на русскую землю. Стою над могилой Брусилова и слышу монастырскую музыку колоколов. Что это? Религиозный яд сохранился еще в этом месте? Ведь при власти рабочих, при советской власти монастыри, как центры распространения религиозного дурмана, перестали существовать больше. Иду к церкви. Открыта. У алтаря священник исполняет свои профессиональные обязанности, а в полумраке обширного храма православный люд отбивает земные поклоны. Однако, как действительность расходится с тем, что пишется на бумаге и рисуется на красном фоне!»

Из кладбища автор нас переносит в исторический музей.

В «Останкине» (быв. подмосковское имение проф. Шереметьевых):

«Здесь заметно разрушительное действие революции. Бросаются в глаза статуи в историческом парке с отбитыми носами. Дворец не тронут. В нем музей. Хотя входная палата и очень высокая (25 коп.) все же посетителей много. Народ толпится у куч тряпичных туфель без которых в зал не пускают.

«Пришла посмотреть музей, а меня заставляют надевать тряпки», говорит жена рабочего, приведшая с собой семь детей, все время теряющих с ног «тряпки» Живой интерес широких народных масс к историческим памятникам и картинам, который я видел, опровергает все утверждения об варварстве, о вандализме и о хулиганстве, уничтожающих исторические памятники. Я ожидал услышать грубые замечания по адресу царей, помещиков и их декольтированных жен, выставленных в картинной галлерее, где толпились подростки, приблизительно шестнадцатилетнего возраста, но не только в Останкино, но и в других музеях я этого не наблюдал. Мне казалось порой, что у нынешнего «правящего класса создалось какое то атавистическое состояние перед образами прежних бар, которые их предков били и продавали, как скот». Такое же атавистическое состояние мы наблюдаем и в музеях Чехословакии, где крестьянство избавилось от рабского «панства» в 1918 г. Охрана музейных коллекций в России, по заявлению д-ра Славика, обставлена хорошо. «Гражданам» все время напоминается, чтобы не дотрагивались до экспонатов и не ходили «без тряпок». Читатель, которому за границей постоянно преподносятся сведения о раскрадывании, распродавании культурных памятников, будет в советской России состоянием музеев приятно разочарован».

На этот раз автор односторонен: о распродаже и раскрадывании говорится на основании большевицкой же литературы. До-

статочно указать на историю с царской марочной коллекцией, оказавшейся у одного из вождей большевизма — Стеклова.

В Царском селе:

Автор посетил резиденцию Николая II, где при входе ему дали для подписи памятную книгу, в которой выше его подписи оказалась такая пометка:

«В Царском Селе нашел все в порядке. А. Луначарский».

Оказывается, «за несколько дней перед этим резиденцию последнего царя посетил наркомпрос, сделавший эту пометку. На мое удивление дворцовые служащие молча усмехнулись».

«Как мог народный комиссар просвящения написать *Царское* Село, когда оффициально оно называется — *Детское?*

спросил я. С усмешкой пожимают плечами... Интересно все же, действительно ли Луначарский бессознательно употребил старое наименование, или это был протест против искажения названия исторического места, также нелепо звучащего, как и переименование творения Петра в Ленинград.

...Но читателя будет интересовать «порядок», который отметил народный комиссар в Царском Селе... «Действительно ли уничтожено было что-нибудь в Царском Селе? Такой вопрос мне поставил, по моем возвращении из России, один наш ученый. Не только не уничтожено, заявляет д-р Славик, наоборот, оба царских дворца — Екатерининский и Александровский — тщательно охраняются. Теперь это исторические музеи. Впечатление от дворцовых комнат на первый взгляд, остается такое, как будто революция здесь совсем не проходила. И кажется, что владетель их здесь и только что ушел на прогулку в парк. Я особенно внимательно осмотрел Александровский дворец, где жила царская семья. Спальня царских супругов — в нижнем этаже. Вещественные доказательства, заполняющие эти комнаты, удивительно гармонируют с историческими письмами, оставленными последней царской четой. Духом упадка веет от них. О жалкой дегенерации говорит и обстановка интимных комнат. Комнаты царицы обставлены со вкусом зажиточной суеверной провинциалки, завешивающей свой угол иконами и облепливающей стены лубочными картинами. Покои царицы указывают на последний этап душевного состояния Александры Федоровны».

Дальше автор описывает обстановку комнат великих княжен и наследника Алексея. Все это уже известно из литературы.

...«Прошел в местную с золочеными маковками церковь. Здесь по старому: поющий поп и отбивающие поклоны подданные коммунистического царства».

В музеях революции:

«Московский музей революции помещается в бывшем Английском клубе на Тверской улице. Это самый большой и самый интересный музей. В нем показан весь путь революции — от Пу-

гачева до Ленина. Все здесь представлено под большевицким углом зрения. Директор музея мне откровенно об'явил: «Наш музей служит не только целям научно-историческим, но и агитационным». И это заметно на каждом шагу. Множество диаграмм, изобличающих социалистов, как они служат врагам пролетариата, но без всяких доказательств их правдивости. Портрет первого министра иностранных дел Временного Правительства помечен надписью: Милюков «Дарданельский». Во всем видна тенденциозность. Трудно установить, где настоящая правда, хотя она и есть. Видна только линия большевицкой революции во всем русском освободительном движении. В отделе Ленина собрано все до последней мелочи, что его касается — от рождения до его смерти.

В доме крестьянина:

«Здесь ходоки получают постель и пищу. К их услугам читальня, консультация по вопросам правовым, земледельческим, финансовым, и просветительным. Это институт наглядного обучения. В главном здании находится земледельческий музей. На иностранца все же производит смешное впечатление, когда видишь, как сорокалетнему человеку показывают, как можно отличить коня от ослика. Но если вдуматься хорошенько в идею этого учреждения, главная цель его станет ясной. В доме крестьянина мужику прививают советскую коммунистическую ориентацию. Для большевиков это, как воздух необходимо. «Мужик должен быть прибран к рукам иначе он нас пошлет к чертям», сказал еще в 1921 г. Ленин, об'являя НЭП... В доме крестьянина торжественно красуется портрет передового крестьянина Московской губернии, достигшего в прошлом году самого большого урожая. Все здесь приспособлено так, чтобы крестьянин чувствовал заботу власти о нем».

На этом кончаются впечатления о Москве и Петербурге. Дальше автор пишет о впечатлениях вынесенных им в этом году в Харькове, Бахмаче, Киеве.

«Моя прошлогодняя информация о советской деревне не осталась, как я и ожидал, без замечаний. Русский эмигрант, верящий в силу мужика, был очень не удовлетворен моей характеристикой советской деревни. В приятельской беседе он мне говорил: «Проездом через худшие губернии, при беглом наблюдении из окна поезда нельзя судить о культуре крестьянина. Поезжайте на юг, на Украину! ...Убедитесь в ошибочности своих суждений...»

«В этом году я поехал Москва - Киев - Харьков - Москва и наблюдал (вновь из окна поезда) все, что было в поле моего зрения. И виденное мною, моего прошлогоднего мнения не изменило. Между деревянными избами были строения кирпичные, иногда каменные, но это мне казалось, слишком незначитель-

ным плюсом по сравнении с естественными возможностями. Были, конечно, и исключения, говорившие о высокой культуре. Так неожиданно приятно меня поразил район Бахмача. При моем проезде от Конотопа к Бахмачу и Пескам, в розысках по карте исторических мест боев чешских легионов с немцами, предо мною развернулся благоустроенный край, с великолепно обработанными полями. В Киеве мой соотечественник, живущий на Украине сорок лет об'яснил мне это так: район Бахмача был всегда под влиянием передовых русских сахарозаводчиков, графов Бобринских. Имения Бобринских были большевиками национализированы, но чтобы не ослаблять заводов, землю не парцелировали. Это теперь огромные трестированные совхозы. на которых, видимо автор видел работающими по старому огромные кадры батраков.

Скорый поезд летит волнующимися ржаными полями. Всюду полевые работы. Не чувствуется, что эта равнина хранит гробы борцов за чешскую свободу. Как будто здесь никогда не трещали пулеметы. как будто не было войны и революции».

Вокзал Бахмач:

«Как везде, и тут «беспризорные». Полуголые дети бросаются к поезду. Это человеко-обезьяны обладают способностью незаметно проникать в неохраняемое купе. Поэтому в каждом вагоне стража. На следующей станции в купэ зашел оборванец «беспризорный» и продавал зеленые веточки вяза. Это было исключение. Не попрошайничал. Жил торговлей, хотя товарто, наверное, был украден. Я купил у беспризорного... Это был первый и последний раз».

В Киеве:

«Грязный вокзал... С весны 1918 г., когда немцы силой загнали киевских женщин для мытья деревянного здания, вокзал не чистился. Но неприятное впечатление, по выходе с вокзала, сейчас же сглаживается роскошным видом утопающего в зелени города. Жара, раскалявшая уличные мостовые, загоняла меня в парки и в «Купеческий сад». Сейчас это «Пролетарский сад». Никто этого названия не употребляет. Такое название противоречит действительности. Рабочие, ютящиеся на окраинах, не могут пользоваться садом... До обеда, кроме студентов, вы встретите здесь гувернанток, прививающих французский язык и манеры молодому поколению Израиля. «Какое счастье», говорит мне старая учительница гимназии, «что евреи учат своих детей иностранным языкам... Что бы мы делали в коммунистическом царстве, если бы не сохранился класс. обладающий средствами для домашнего воспитания детей»... После третьего занятия Киева большевиками, когда бежали белые деникинские гвардейцы, исчезли царские офицеры из Купеческого сада и их обязанности у прекрасных киевлянок по наследству приняли

военспецы Ленина. Они имеют деньги, ибо только полюбоваться с терассы сада панорамой города стоит пятьдесят копеек, посидеть у концертной веранды стоит рубль. Сад по прежнему принадлежит только богачам. Он недоступен для огромной части жителей Киева».

В украинском музее революции. (Бывший педагогический музей на Владимировской ул.):

...«То, что я писал о московских музеях, в одинаковой степени можно сказать и о киевских... Сейчас же при входе в вестибюль музея в глаза бросается огромная картина: «убийство селькора». Явно агитационная композиция: на земле лежит окровавленная жертва, над несчастным плачет вдова или мать. Полукругом стоят крестьяне — влево беднота, вправо — кулаки. Беднота бросает враждебные взгляды на кулаков. На лицах кулаков написана радость и сочувствие преступлению. Рядом с картиной «Убийство селькора» помещаются две огромные географические карты, красная — «страны Союза советских социалистических республик», (народов свободных) и желтая — «колонии капиталистических стран» (с полувольными народами.) При беглом осмотре видно, что эти карты произведение людей неграмотных. У входа, у окошка кассы очередь. Здесь происходит регистрация посетителей сопровождающаяся об'яснением. Кассирша меня спросила: «Вы партийный или беспартийный?» — Я иностранец, отвечаю. «Коммунист?» — Извините, говорю — в московских и петроградских музеях меня не спрашивали об этих деталях. «Это нужно для статистики посетителей, а кроме того, члены партии и рабочие пользуются скидками». — Я не коммунист. «Ваш род занятий?» — Профессор. «Значит принадлежите к классу трудящихся». — Насколько известно, раньше вы были иного мнения.... указываю факты из 1918 г., когда профессора должны были тяжелым трудом доказывать принадлежность к классу трудящихся. «Кажется интересуетесь нашей революцией?... В таком случае прошу в памятной книге отметить, что вас заинтересовало и что нет. Главное, мы с удовольствием принимаем критику и замечания». Не удержался, чтобы не указать на карты. Сделал я это в форме удивления. Как это можно, говорю, чтобы на карте, которая выставляется для обозрения тысяч людей остров Ява был показан в красках, как британская колония, а на карте советского союза названия сибирских великих рек были так грубо перепутаны. (Енисей назван Обью). «Ах да, знаю, уже были жалобы на эту карту, замечает кассирша, но это не помогает. Прошу запишите все это в книгу». Я отказался, заметив, что уже и без того допустил безтактность, нарушив скромность гостя своим педантизмом, предоставляю просвященным сынам отечества указывать на такие ошибки».

Автор нам передает интересное впечатление, какое действие оказывает теперь террор на граждан СССР.

« В первое утро в Харькове я решил погулять по некрасивому городу. Газетчик мне сунул в руку свежую газету. Читаю. На первой странице правительственное сообщение о казни двадцати заключенных, в ответ на белый террор, то-есть за убийство Войкова и за покушение в коммунистическом клубе в Ленинграде. Что больше всего возмутило меня — это мотив казни. Двадцать заключенных противного лагеря за действия эмигранта лишаются жизни. В прошлом году в статье о Дзержинском я доказывал, что сверх-террор большевиков был логическим ответом на террор противников, что здесь наскакивала коса на камень. Но это было, когда власть большевиков висела на волоске. Если же и теперь прибегают к такому средству, то этому может быть только одно об'яснение: советская власть даже в год своего десятилетнего юбилея не чувствует себя настолько прочно, чтобы отказаться от методов, которыми пользуются правительства слабые, не чувствующие твердой почвы под ногами. С этими мыслями я пошел по улицам понаблюдать, как реагируют советские граждане на тиранию власти. Сейчас же в нескольких шагах от квартиры я увидел полицейский конный раз'езд. На харьковской главной площади натолкнулся на другой, а дальше на третий... Город выглядел, как во время «чрезвычайного» положения. Слышу замечание дамы: «В каждом трамвае милиционер!...» обращаю внимание на трамвай. Верно. По линиям разных направлений, на площадках вагонов стоят фигуры в форме наружной охраны. Вошел в трамвай и наблюдаю. Милиционер стоит, делая вид, как будто никого не замечает, как будто на каждой остановке готовится сойти. Пассажиры, видимо, знают, что это «служба». И кто знает, — может рядом с ним и шпик? В вагоне неестественная тишина. Граждане смотрят, принимают к сведению — «20 контр-революционеров поставлены к стенке» и знают, что правительство побезпокоилось на случай «разговоров»... Картина в трамвайном вагоне в этот день была миниатюрой вида Харькова».

Понять нравственное и психологическое состояние, не переживавшему всех ужасов чеки трудно. Внешние признаки, рисуемые автором, указывают, на то, как по прежнему тяжело живется населению в СССР.

«Все сжалось, как бы в предчувствии страшных дней, когда незаметное проявление может повлечь арест... Видно, как советские граждане запуганы представителями диктатуры пролетариата. Иностранцу особенно видно в каком страхе держится население всесильной милицией. Как отвратительны советские султаны! Какое азиатское неуважение к жизни ближнего! И это еще тем более отвратительно, что убийство оправдывается рабо-

чей классовой борьбой. Изуитская логика большевиков сочеталась с ханскими способами судить карать людей. Большевикам удалось сочетать в своей диктатуре ханскую логику с учением Маркса».

Дальше автор переносит нас в другую стихию советской действительности:

В игорных домах:

Игорные дома в советской России! «Могут-ли быть терпимы игорные заведения, где красная метла служит символом чистоты, а красный катехизис есть символ веры, где не может быть иного источника к жизни, кроме труда»? В Киеве, в самом сердце города игорные притоны громоздятся один на другом. Идете ли по шикарному Крещатику от Фундуклеевской к Городской Думе, вас зазывают кричащие световые вывески: рулетка, лото, железка, опять рулетка, вновь лото и снова рулетка... В самой оживленной части города шесть игорных предприятий. Меня интересовало, чем большевики оправдывают это явно противосоциалистическое явление. Если открытие водочных заведений было мотивировано «попечением о здравии народа», то чем мотивируется открытие игорных домов, имеющих прямое назначение: обирать легкомысленных алчных людей. Диалектика большевизма, однако, и в данном случае нашла себя. Оказывается, доход от игорных притонов идет на гуманитарные цели: на «беспризорных», «брошенных», «сирот». Я посетил почти все эти «благотворительные» заведения, благо вход в них совсем свободный. Это, кажется, единственное, где сохранился демократизм. Входной платы нет, смокингов не требуется, паспорта не проверяют... Я обратил внимание прежде всего на персонал. За малым исключением все обязанности, начиная от пускающего рулетку до загребающего деньги несут на своих плечах евреи. Удивительный народ! Незначительное меньшинство, но вы их встретите во всех учреждениях и управлениях на руководящих ролях.

На черной бирже работают — говорит автор — тоже евреи, явно подрывая советскую валюту. Я это испытал, обменивая свои доллары на советские рубли. «Мне кажется, если бы полиция уделяла хотя бы одну десятую часть внимания черной бирже, то тюрьмы были бы переполнены евреями - валютчиками». Автор при этом забывает, что как раз в Киеве евреи вовсе не «незначительное меньшинство».

Кто играет в рулетку? «Игроки — бедные люди. По виду они рабочие или служащие, словом, — средние имущественные слои. Иностранцу трудно судить, кажется все жители облечены в форму бедноты. Сидят, главным образом, мужчины. Даме полусвета здесь нечего делать. На торговле телом она здесь мало заработает, проиграть же последний грош, нужный для семьи, это не входит в ее расчеты.

Потный еврей пускает рулетку, бросает в чашку стальной шарик и кричит носовыми звуками «есть прие-о-о-о-м!» Заметив мою и моего приятеля гримасы, он громко обращаясь к залу заявляет: «кто не играет, пусть не мешают и не толпятся у стола». Прошу на пять рублей игральных марок, обращают к крупье. Доволен, улыбается, спрашивает меня, умею ли играть? — Да, был когда то счастливым, отвечаю. Проигрываю марку за маркой. Не жалею, за это получил возможность полчаса наблюдать, как деньги азартных дураков исчезают в прорве хозяйского кармана. Когда мой последний рубль исчез, я пошел с моим приятелем в следующую рулетку. Так несколько вечеров я посвятил игорным домам. Всюду одно и то же. Играющих в каждом доме и каждый вечер полно. Мне хотелось слышать хоть один протест против очевидного грабежа, преследуемого в государствах капиталистических, и ничем не прикрытого в стране, идущей к коммунизму. Я наблюдал, как два смельчака, повидимому рабочие, громко выражали свое возмущение рулеткой. Управляющий предприятием резко их оборвал: «желаете беседовать, идите вон, не мешайте работе». В тупике против дома, гдѣ я жил, — «лото». В душные ночи я слышал выкрики вытаскиваемых «номеров» и потом громкое «довольно»! Ну, думаю, счастливец, выиграл».

Еврейское влияние и антисемитизм:

К тому, что уже, вскользь, по этому вопросу говорилось, автор посвящает две специальных главы в своих очерках. Его воспоминания вызвали большой общественный интерес в чехословацких кругах. Нас же могут интересовать не общие места его рассуждений, а их основание. Поэтому мы ограничимся только некоторыми конкретными данными, на которых автор строит свои выводы:

«Обыкновенно в воскресеные дни я бродил по рынкам - базарам Нет лучшей позиции для наблюдения, особенно для иностранца, как базары в праздничные дни, где обыкновенно скопляются низовые слои населения. Здесь можно составить себе представление, как мыслит простой народ, что думает о своей власти и о своем экономическом положении. Однажды мое внимание привлек такой случай: торговец - лотошник, ударив рукой по газете, громко позвал соседа. Показывая на статью, кричит: — «на читай, видишь «им» сказали все же правду. Не мы одни об этом толкуем». Три гражданина уткнулись в «Известия» (от 11 июля). Покупаю газету, — ищу сенсацию. На третьей странице вижу статью Калинина — «Еврейский вопрос и переселение евреев в Крым». Староста Союза советских республик, мужицкий бог и оракул, отвечает на письмо комсомольца Василия Овчинникова, как надо отвечать на вопросы, почему евреи получают землю в Крыму, в то время, как православ-

ных переселяют в Сибирь. В этой статье внимание читающих граждан привлекло письмо комсомольца, текст которого приведен полностью. Овчинников описывает настроения крестьян, вызываемые отдачей переселенцам евреям лучшей земли. Комсомолец не знает, как ему держать себя в этом вопросе. Вокруг читающих собираются любопытные, оживленно комментируется статья.

За время пребывание в СССР, я много наслушался о евреях. *Говорят главным образом об обогащении евреев, в то время, когда русское население живет в нищете.* Это лейт-мотив общей неприязни к этому народу. Трудно было бы верить всему слышанному, если бы я кое-что сам не наблюдал. — Нигде так не бросается в глаза денежная пресыщенность, как в шантанах и на вокзалах в летние месяцы при отходе курортных и дачных поездов. Вечером, когда отходят скорые поезда, я покупал перонные билеты и наблюдал, кто путешествует в шикарных курортных вагонах, кто едет на богатые заграничные курорты, на Кавказ, в Крым и т. д. Здесь каждому, и даже чуждому вопросов семитизма, бросается в глаза национальная однородность пассажиров, увозящих русские деньги за границу. Здесь можно получить неопровержимые доказательства, как бессильна власть рабочих и крестьян против евреев коммерсантов. И здесь я понял, что нет лучшей агитации против большевизма, как то, что я вижу.

Во время экскурсии в Кремль, нам приставили гида — красивую еврейку. Я усматривал в этом практический смысл (знание евреями языков и исторических памятников), но ошибся. Наша чичероне знала Кремль весьма поверхностно, считая очевидно, что имеет перед собой профанов в русской истории, говорила сущую чепуху о древней русской архитектуре, путала летописи и совсем не знала древних икон, не смущало ее и незнание терминов из православной литургии и проч. В экскурсии были: англичане, турки, чехи, французы и русские. Турки остались восхищенными прогулкой. С ними «просвещенный» гид все время пересмеивался. На нас же славян эта экскурсия произвела удручающее впечатление. От этого фарса нам кровь в голову била.

В Киеве, как и везде, вы увидите много нищих и нищенок русских. И вот однажды я был свидетелем одной из многочисленных сцен, как нищенка (б. интеллигентка) в ярости кричала при виде еврея: «что вы жиды думаете, что будете вечно над нами царствовать?.. Придет время, когда я буду бить вас по морде...» Вокруг нее собираются люди и сочувственно смеются.

Опасность юдофобства в советской России растет и это не только мое мнение, сложившееся за короткое пребывание в России, но это констатируется всеми. Дух особой ненависти прони-

кает и в руководящие коммунистические круги. Советская власть и коммунистическая партия вынуждены этому вопросу уделять особенное внимание. Пикантно, как большевики этот щекотливый вопрос представляют в общественном разрезе. Из разговоров я слышал только повторение старых утверждений вычитанных из довоенных либеральных брощюр. Одного лишь варианта в этом не хватает — это обвинение царской бюрократии в антисемитизме. С исчезновением этого сословия исчез и сам мотив. Как на одну из причин указывается на *зависть* русских против способных конкурентов в торговле. Этот довод в капиталистической России играл видное значение. На этом основании строились домогания «православного» купечества об ограничении прав купцов евреев. Но о какой зависти конкурентов можно говорить в советской России, где понятие конкуренции это тоже, что понятие о граненном шаре в геометрии. Государство, идущее по пути к социализму не может допустить конкуренцию рождающую ненависть одного народа к другому, как это было при царизме. Но еще страшнее в этом — это то, что психологический момент подкрепляется общим мнением, укоренившимся в народе, что богатство в нынешних условиях не может быть накапливаемо *законными путями*. Это мнение об'ективно имеет все основания под собой, ибо в стране, где так жестоко преследуется торговля «частника», исключается возможность создавать капиталы лойяльно нормальными путями.

Настоящим же корнем антисемитизма, по моему, является поведение евреев, забывающих о существовании темных широких масс, живущих в атмосфере большевицкой демагогии».

Было бы совсем ужасно, если бы русский и еврейский народы отождествлялись с самой худшей частью нынешней советской буржуазии. Автор, к сожалению, видел больше всего то, что внешне в нынешних условиях иностранца поражает. Для него осталась незамеченной другая сторона медали, тщательно скрываемая коммунистами, это участие еврейского народа в другой, лучшей своей части, — интеллигенции и рабочих — рука об руку с русской интеллигенцией и рабочими участвующими в борьбе за освобождение России от коммунистической диктатуры. Нам известно, какой процент рабочих евреев находится теперь в тюрьмах и в ссылке в Сибири. По последним сведениям, из общего числа арестованных рабочих на юге России, около 30% составляют рабочие евреи. Этого автор, к сожалению, заметить не мог и принял еврейских непманов за еврейский народ, пройдя мимо и еврейской бедноты и мимо еврейских борцов за общую свободу. Но наблюдения его над непманами, конечно, ярки и показывают , где одна из причин народившейся в советском государстве (и не только в низах, но и среди коммунистов) антисемитизма. Как раз наблюдения и, особенно, разсуждения

автора, навеянные этими наблюдениями, очень характерны для указания на рост печального явления. Конечно, в условиях диктатуры неизбежны выявление национальной ненависти и выявление тех дурных сторон, которые автор наблюдал у определенного слоя еврейского народа, у еврейских непманов и вообще у политических и коммерческих спекулянтов. Но в обстановке диктатуры это выявление — плод политического режима — легко может быть огульно приписано целому народу.

В общем же впечатления автора об России выделяются на фоне бесчисленного ряда впечатлений иностранцев, ездивших в СССР. Автор с'умел *об'ективно* видеть. В его впечатлениях чувствуется подлинная любовь к России и знание ее истории, языка и даже быта. Это впечатления о поездке хорошо вооруженного знаниями, в меру об'ективного и любящего Россию человека.

С. В-к.

Поправка: В первой половине статьи «Что я видел в Советской России» («Воля России» ном. 10, 1927 г., стр. 159) фраза «Это значит — она может служить орудием для карательных целей над безоружными» принадлежит автору статьи (С. В-ку) и взята в кавычки случайно.

Среди книг и журналов

ФЕДОР СОЛОГУБ

Смерть Сологуба — большая утрата для русской литературы. Не только потому, что вместе с ним уходит в могилу целый период наших художественных исканий и борьбы. Сологуб был больше,чем представителем известного направления. Автор «Мелкого Беса» был крупным и своеобразным поэтом, и заметный след оставили его романы и стихи в истории нашей словесности.

Было время, когда критика причисляла Сологуба к писателям, выражавшим упадочные, декадентские настроения. Особенно после революции 1905 г., в полосу общественного разочарования и интеллигентских выдумок, для многих уход в «сологубовщину», дурман «Навьих Чар» был нездоровым бегством от действительности. В Сологубе прежде всего замечали его манеру, переходящую в манерность, темный эротизм, с садистскими уклонами, оранжерейно-душную фантастику изощренного воображения, двусмысленную символику его мечтательности.

Но забывали или не видели, что этот утонченный эстет и символист обладает в то же время огромной художественной способностью изображения быта, что этот поэт, идущий своими, окольными дорогами, отрицающий жизнь, воспевающий смерть, создал замечательную картину убогой провинции и сумел в 90-ые г. г. прошлого столетия связать современное ему искусство с оборвавшейся нитью гоголевской традиции.

В «Мелком бесе» свыше тридцати лет тому назад соединил Сологуб реализм описания с «фантастикой быта» и дал потрясающий образ «духовного подполья». Именно в романе о Передонове даны были те элементы современной литературы, которые впоследствии были окончательно утверждены Ремизовым или Замятиным. И быть может не лишено глубокого смысла то об-

стоятельство, что первый крупный роман символической школы дал значительный толчок к обновлению русского реализма. И хотя «Навьи Чары», «Заклинательница змей» и др. произведения Сологуба - прозаика не возвысились до завершенности и силы «Мелкого беса», хотя более не создал он типа, равного по глубине Передонову — все же прозаическое наследство писателя занимает крупное место в русской литературе XX века.

Интересно, что будучи непосредственно связан с символизмом, Сологуб и в прозе, и в стихах дал образец легкого, изящного стиля, достигавшего предельной отточенности и даже строгости. Ему чужды были словесный кисель раннего декадентства, зыбь и многозначительная темнота символизма. Даже эстетствуя, даже в закругленных периодах «творимых легенд», соблюдал он сдержанное благородство, точно не хотел расплескать в обилии слов имевшееся у него богатство мыслей.

Таким *должен* был быть стиль Сологуба, потому что сам он *был* таким. То, что для множества из его современников было красивой позой, литературным приемом или томлением мысли — у Сологуба было органически цельным.

Большинство поэтов начинает с хвалы бытию — и лишь пройдя горестный путь приходят к мудрости отказа, к «суете сует». Обратной была эволюция Сологуба. Он с отказа начал, он не из жизни, а из смерти исходил, и не хвалу бытия, а славу гибели воспел он в годы молодости и зрелости.

Творчество Сологуба — «ночное». Оно страшится солнечного блеска, яви, той «бабищи дебелой и румяной», которая вершит дневные дела и ранит души. День — обман, соблазн тлена и плена. Желанна только ночь — прообраз смерти, ее туманы, сквозь которые пробирается трупный свет луны, ее чары, ее сказки, в которых дьяволы и недотыкомки пляшут рядом с эльфами и нежными голоногими отроками.

В ночном подполье отринута действительность. Бытие — бесконечная тоска. Груба и бесцельна жизнь.

Впечатления случайны,
Знанье ложно
Проникать в святые тайны
Невозможно.
Люди, стены, мостовые, колесницы, —
Все докучные да злые
Небылицы.

Бессмысленный день полон наслажденьем и трудом — томящей суетой обмана. Но мудрый знает, что цены нет в них — и неведомо, кто наслал это марево:

Злое земное томленье,
Злое земное житье

Божье ли ты сновиденье
Или ничье?

Это то и есть самое страшное. Пусть от Бога, пусть от Дьявола — лишь бы только от кого нибудь вышло нам назначение — жить. А что, если все — ничье, холод бессмысленных пространств, пустота безбрежна? Что если ни к чему все, и даже муки — как легкий пар дыханья, что если

И думы злобные о тайной цели
Всебытия,
Умрут, как звон расколотой свирели
На дне ручья?

И в этом плену у неизвестного Господина убогая пошлость Передоновых, мелкие бесы повседневности; люди скучны — «быть с людьми — какое бремя»; мысль — лукава: и даже попытка обнять стан дебелый «проказницы любви» — не может удастся.

Только отрекшись от «полдневной скуки» от злых тревог жизни», находит поэт отдых в «полночном чертоге».

В тайной обители ждет его «сон спаситель» — ибо в «мире нет ничего вожделеннее сна»; он отдается плавному бегу реки забвения, стрелы земных страстей уже не ранят его души. Из «земного заточения» ушел он в волшебную страну Ойле, к берегам синего Лигоя. Там царит верная подруга — смерть. Только в ней — исход, и когда в свое последнее об'ятье заключит она ненавистное тело, спадут одежды плоти, сгинет навождение жизни.

Все, чем жизнь тебя манила,
Обмануло, изменило.
Неизбежная могила
Не обманет лишь одна.

Смерть — возлюбленная. Ей посвящает Сологуб свои песни. Ночь одевает его «темным пологом», и ночные чары и последний мрак становятся основными мотивами его жуткой и вкрадчивой поэзии.

***

Когда за Сологубом, казалось, прочно укрепилась слава певца смерти и отрицания, он неожиданно попытался расколоть магический круг небытия. В дни жизненного буйства, в годы революции Сологуб вдруг захотел благословить землю, человека, любовь. Он преодолел самого себя. Новый человек родился в нем, радостный и чуткий.

Конечно, это не безумное наслаждение бытием, не избыток здоровья, заглушающий тревогу мысли. Он принял жизнь,

зная ее цену, он увидел тот светлый лик земного бога, который прежде был сокрыт от него — но он не позабыл, что все-таки — наш путь томленье и подчас голгофа. Он обе половины признал — оба взмета качели — и божеское и бесовское.

Вечная качается качель
То светло мне, то опять темно.
Что сильнее: Вакхов темный хмель
Или Аполлоново вино?

Он и прежде «стремился жадно к тленью» и искал «радости и света», понимая, что все разделения добра и зла — только игра богов.

Земной состав обречен смерти, мы — малые твари, «божье плюновенье», «отвратительно и гнило будет все, что было мило» — и все же есть в человеке звон песен, преобразующая сила мечты и воскресенье в любви. «В блаженном свете вдохновенья — какая радость и краса».

Сологуб опять ушел от самолюбивой и тупой толпы, жаждущей власти, побед и борьбы — но не в «полночный чертог», а потому что он слагатель вольных песен — и то, что отрицал он прежде, искупает жизнь — вдохновение и труд.

И даже беспечному наслаждению — хвала. Загробного венца нет, долговечности не существует на земле. Надо душу и взор насытить красой. И быть может, как для Леопарди — не самое наслаждение прекрасно, а дума о нем — потому что превыше всего мечта, творимая легенда воздвигнутая над уродством бытия. Мечта — прозренье «малой твари, несущей в себе горний дар», мечта озаряет мир вечным очарованием. А труд — претворенье мечты в красоту слова, усилие творца, пытающегося на земную музыку переложить песни небес.

Вдохновенье — мечта — труд, три ключа, открывающие врата блаженства. А над ними — «вечное забвение всех земных страданий» — торжествующая любовь.

Прежде Сологуб считал, что его две подруги в «безумстве бытия» — любовь и смерть. Как и у Леонардо да Винчи в одно зеркало глядели две сестры — но тепер одна из них затмила другую.

Несколько книг Сологуба — лирика любви.

Душа моя, благослови
И упоительную нежность
И раскаленную мятежность
И дерзновения любви.

Любовь — высокое пыланье и крылатый полет воображения. Она — под всякой личиной природы, в каждом порыве человека.

И она — утеха крови, владычица плоти, дарующая новую жизнь

В свете любви слабеют чары нежити. И жизнь уже не мышья беготня, не забава богов, не хитрая игрушка дьявола — а гармония сфер, таинственная, но прекрасная.

Стремит таинственная сила
Миры к мирам, к сердцам сердца,
И ты напрасно бы спросила,
Кто разомкнет обвод кольца.
Любовь и смерть невинны обе,
И не откроет нам творец,
Кто прав, кто нет в любви и злобе,
Кому хула, кому венец.
Но все правдиво в нашем мире.
В нем тайна есть, но нет в нем лжи.
Мы гости званные на пире
Великодушной госпожи.
Душа восторгом бесконечным
Живи, верна одной любви,
И силам предаваясь вечным,
Закон любви благослови.

Муза мрака и уединенности стала песней победной любви и яркой грезы, разбивающей ледяные оковы бытия. Отзвуки Фета и Пушкина неожиданно воскресают в творчестве Сологуба именно в те дни когда условия нашей действительности, казалось бы, не слишком способствовали возрождению поэтического идеализма в России.

Конечно, послереволюционные стихи Сологуба («Свирель», «Небо голубое», «Фимиамы», «Одна Любовь» и др.) не знаменуют коренного изменения его творческой индивидуальности. Он как был, так и остался мечтателем, воздвигающим волшебную сказку вымысла на скудной и скучной земле. Он всегда закрывается надежным щитом от режущего блеска дня.

Но прежде он искал спасения за пределами жизни — в царстве сна и смерти. Теперь в самой жизни найдены нити из которых ткется золотая пряжа, теперь часть действительности превращена в «тихую обитель» — и уже не жажда уничтожения а жажда преодоленного, очищенного бытия, проникает волнением голос Сологуба.

Чем ближе подходила к нему смерть физическая, чем страшнее был окружающий его мир одичания и уродства — тем убежденнее говорил Сологуб:

Как прежде, смерть мне не страшна,
И жить, как никогда, мне сладко.

Судьба не пощадила его: за последние годы испытал он страшные удары, муку старческого одиночества, крушение личной

жизни, тоску заброшенности. Известно, что не печатаясь, он все же продолжал работать. Быт может, издание его посмертных сочинений раскроет тайну его молчания, новыми штрихами дополнит его трагический образ.

Последнее освобождение, которое призывал он столько раз, не оказалось милосердным к Феодору Сологубу: тяжелыми были его последние минуты, и умирал он долго и мучительно.

Быть может, этот конец предчувствовал он, когда шесть лет тому назад захотел подвести итог своему пути и написал стихотворение, которое хочется привести, как лучшее надгробное слово у могилы поэта:

Я испытал превратности судеб,
И видел много на земном просторе,
Трудом я добывал свой хлеб,
И весел был, и мыкал горе.
На милой, мной изведанной земле
Уже ничто теперь меня не держит,
И пусть таящийся во мгле
Меня стремительно повержет.
Но есть одно, чему всегда я рад
И с чем всегда бываю светло молод, —
Мой труд. Иных земных наград
Не жду за здешний дикий холод.
Когда меня у входа в Парадиз
Суровый Петр, гремя ключами, спросит:
Что сделал ты? — Меня он вниз
Железным посохом не сбросит.
Скажу: — слагал романы и стихи,
И утешал, но и вводил в соблазны,
И, вообще, мои грехи,
Апостол Петр — многообразны.
Но я поэт. — И улыбнется он,
И разорвет грехов рукописанье,
И смело в рай войду, прощен,
Внимать святое ликованье.
Не затеряется и голос мой
В хваленьях ангельских, горящих ясно;
Земля была моей тюрьмой,
Но — здесь я прожил не напрасно.
Горячий дух земных моих отрав,
Невидимых чистейшим серафимам,
В благоуханье райских трав
Вольется благовонным дымом.

М. Сл.

„ВЛАСТЬ СОВЕТОВ ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ"

1917 - 1927

Ленинградская «Красная Газета» выпустила из печати об'емистый том, большого формата, посвященный десятилетию советской власти. Тираж книги указан — 70,000. Огромное внимание отдано ее внешности. Прекрасная бумага, четкий, красивый шрифт. Обложка, орнаментация всей книги, заставки, концовки и заглавные буквы выполнены художником С. Чехониным. Обязательные во всяком подобном издании портреты Ленина даны в исполнении Чехонина, Альтмана и скульптора Аронсона. Портреты других вождей октябрьской революции принадлежат в большинстве И. Бродскому и несколько Шерлингу. Портреты Троцкого, Зиновьева и др., теперь оппозиционных, вождей в книге, конечно, отсутствуют. Кроме того дано несколько картин в красках («Первое мая в Ленинграде», «Ночной бой под Перекопом», «Парад Красной армии в Москве»), принадлежащих Кустодиеву, Бродскому, Самокиш. Полная подражательность большевиков ярко сказалась в подборе картин для своего юбилейного сборника: «Ночной бой под Перекопом» Самокиш ничем не отличается по духу и исполнению от распространявшейся в свое время «Битвы русских с кабардинцами», а «Парад красной армии» на фоне собора «Василия Блаженного» и «Спасских ворот» в воинственности может с успехом конкурировать с любой олеографией времен Вильгельма и Николая II.

Обратимся теперь к самому содержанию книги. В большинстве статьи принадлежат перу известных советских литераторов: Луначарскому, Семашко, Крыленко, Свидерскому, Воронскому, Керженцеву, Ольденбургу, Ганецкому и др. Но так как литераторы в то же время являются и главнейшими деятелями в тех отраслях советского строительства, о которых они пишут, то нужно полагать, что они укажут и наиболее существенное из достижений.

Вводная статья *А. Пионтковского* «Десять лет советской

власти» излагает, довольно элементарно, точку зрения Ленина на мировую войну 1914 - 1918 г., на задачи в ней пролетариата, и в частности русской революции, раскрывает смысл и значение гражданской войны и характеризует победу большевиков, как разрыв мира на два противоположных, исключающих друг друга стана: мир буржуазии — мир эксплоатации, и мир пролетариата — мир строющегося социализма. В заключение автор указывает, что наша эпоха стоит перед новыми империалистическими войнами и новыми революциями. Чем ближе крах империалистического строя, тем обостреннее стремления буржуазии всего мира напасть на Советский Союз. «Капиталистический организм всего мира об'единяется в единый капиталистический фронт против Советского Союза. Но усиление и укрепление Советского Союза, рост строительства социализма, рост диктатуры пролетариата, толкая мировую буржуазию на войну с Советским Союзом, приближает часы уничтожения всего капиталистического мира».

Рядом с такой воинственной вводной статьей идет другая тоже вводная [1]), но не о строительстве социализма, не о культурных достижениях, а о... «наших вооруженных силах». Виньетка в этой статье — на белом фоне силуэты красноармейских голов в буденовках и штыки, штыки без конца. Автор статьи *В. Вишневский,* изложив в общих чертах историю красной армии, дает характеристику и сведения о современном состоянии ее. Численный состав армии 600,000, причем с 1923 г. применена территориальная система к 3/4 стрелковых дивизий. Командный состав вооруженных сил — те, кто поведет бойцов к победе, на 75-80% участники войны, люди уже умеющие добывать победы и уже водившие к ним бойцов. Национальный состав Р.К.К.А.: 64,8% великороссов, 17,4% украинцев, 4,2% белоруссов, 2% евреев и т. д. Социальный состав Р.К.К.А.: 77,3% крестьян, 15,2% рабочих, и 7,5% прочих. Партийный состав: членов ВКП 13,6%, членов комсомола 16,3%, беспартийных 70,1%. Около 2000 командиров в период последних лет кончили Военную Академию. Рост военной авиации характеризуется цифрами: в 1920 году — 1 (условно), в 1926 г. — 411 (!). Тоннаж флота за три года (1923 - 1926) увеличился с 82.000 тонн до 139,000 тонн. Что касается методов военного обучения, то красная армия и флот резко порвали со старыми методами. Подготовка строится на глубоком анализе последних войн, на собранном боевом опыте. Словом, к данному времени, заявляет автор, можно смело утверждать, что вооруженные силы СССР представляют собой грозную силу, воодушевленную революционными идеями, обученную и технически снабженную не хуже армий наших соседей.

---

[1]) Обе эти статьи пронумерованы римскими цифрами, дальнейшие же статьи имеют арабскую нумерацию.

В контакте с первыми двумя статьями находится и третья — «О внешней политике» *Керженцева.* Историю взаимоотношений Советского государства с буржуазным миром за десять лет автор разделяет на пять основных периодов: выход из войны, период интервенции и блокады, период признания большевиков де-факто (1920 - 1924), признание де-юре и пятый период начиная с разрыва Англии. И опять повторяется, что империализм готовится к войне против СССР. После нескольких страниц изложения политики мира, Керженцев говорит, что юбилей празднуется в тот момент, когда тучи вновь собираются на горизонте. «Но эта тревожная туча не заставит нас отказаться от прежней линии внешней политики — борьбы за мир». А если нападение на нас все таки произойдет, мы сумеем защитить свои границы». Залогом мира востока является красная армия. «Державы понимают, что с такой армией мы сумеем защититься от всех нападений». Слова о политике мира и угрозы так переплетаются в статье, что трудно сказать, что ближе большевикам. Ведь и Вильгельм тоже говорил о мире. Что касается успехов советской дипломатии, то, по уверению Керженцева, ее признают и враги. «Они признают также, что мы упорно и методически стремимся к раз поставленным целям, проявляя необходимую гибкость и не склоняясь перед неудачами». Но о самих неудачах автор не считает нужным говорить.

Вопросам хозяйственного, социалистического строительства посвящены следующие статьи: «Достижения промышленности» *Серебровского,* «Крестьянское хозяйство в СССР» *Свидерского,* «Транспорт за 10 лет» *Безруких,* «Пути развития советской торговли» *Ганецкого,* «Наша финансовая политика» *Супонева.*

Первый период советской промышленности *Серебровский* называет собирательным, когда из различных разрозненных капиталистических предприятий было создано единое планируемое хозяйство, советская промышленность управляемая из одного центра. Второй период, который можно тоже считать законченным, — это под'ем промышленности до довоенного уровня. И, наконец, третий период — это рационализация производства. В этом отношении, говорит Серебровский, нужно сознаться сделано не так много, но все таки достижения есть. Дальше Серебровский указывает, какие улучшения и в какой отрасли промышленности проделаны. Ввиду краткости статьи он дает сводку только по основным частям союзной промышленности: по углю, нефти, металлу, химической, текстильной и сахарной промышленности. В настоящей рецензии трудно перечислить все то, на что указывает Серебровский. Но вместе с тем нужно отметить, что без всякого удовлетворения прочитает эту статью широкий читатель, на которого рассчитана книга. Простой перечень, без сравнительных данных из практики Европы и Америки и без указания по-

требностей страны, производит впечатление прейс-куранта или в лучшем случае, рекламного отчета акционерного общества.

Замнаркозем *Свидерский* начинает свою статью с указания, что в результате революции крестьянство получило и сохранило материальные ценности на сумму в 46 - 48 миллиардов золотых рублей. В настоящее время автор считает законченным восстановление сельского хозяйства, разоренного империалистической и гражданской войной. Размер посевной площади в 1927 году составил 105% по отношению к площади 1916 г. и 96% по отношению к площади 1913 г. Собираемая с этой площади продукция равняется 92% довоенного сбора, а ее товарная часть составляет 81% довоенного уровня. Теперь крестьянство подошло к новым задачам, к задачам качественного улучшения сельского хозяйства, перестройки его на новой, более высокой технической базе. Прежде в крестьянском хозяйстве трактор совершенно не применялся; в настоящее время количество тракторов, применяемых в сельском хозяйстве составляет около 23 тысяч. По размеру посевной площади наибольший прирост дает группа, сеющая свыше 10 десятин и выросшая почти в три раза за период 1922 г. и 1925 г. Но статья Свидерского очень плохо обоснована и содержит больше всего агитационного дифирамба.

П. Безруких излагает многострадальную историю нашего транспорта. Он приводит потрясающие цифры разрушения железных дорог за период гражданской войны. Было разрушено: 3672 моста, повреждено 36,000 пог. саж. пролетных мостовых строений, 381 стойно-паровозных депо, 4,000 кв. саж. мастерских, 86,500 верст телеграфных проводов, 5,000 гражданских сооружений общей площадью в 117,000 кв. саж., рельсового пути до 900 верст, исчезло телефонных аппаратов до 10,000 и телеграфных до 4,000. Речной флот потерял в течение гражданской войны 763 паротеплохода и 12,599 непаровых судов. В статье хорошо изложена история разгрома транспорта и только мельком очерчен восстановительный период, первую стадию которого Безруких и здесь считает завершенной. Эксплотационные достижения железных дорог обнаруживают приближение, а в большинстве случаев и превышение количества работы по сравнению с довоенной. Состояние подвижного состава таково, что с избытком удовлетворяет все пред'являемые к транспорту требования по перевозке. (Не подводит ли Безруких этим утверждением авторов других статей? По запросам на перевозки можно ведь судить о всем хозяйственном обороте страны). Последние две страницы статьи — сплошной дифирамб советскому транспорту: «разрушенный транспорт не только подправлен, подремонтирован, — он капитально, крепко, по настоящему восстановлен». Насколько первая часть статьи дает яркую картину раз-

рушения, настолько вторая часть заставляет на веру принимать все улучшения.

Очень доволен *Ганецкий* торговой политикой советской власти. Он совершенно игнорирует те глупости, которые были сделаны по отношению к кооперации. Он не решается сравнивать деятельность прежней, демократической кооперации с советской. И только, восхваляя НЭП, указывает, что общий оборот 1922/23 г. г. с 7719 милл. рублей достиг в 1925/26 г.г. 31,064 милл. руб. Удельный вес кооперации за этот период повысился с 14,5% до 30,5%, а частника — с 44% понизился до 20,8% Еще более доволен Ганецкий успехами монополии внешней торговли, «этого важнейшего рычага социалистического строительства». В 1925-26 г.г. было вывезено на 667,8 милл. руб. и ввезено на 755,6 милл. руб. Увеличение и улучшение экспорта и одновременное увеличение импорта, главным образом, для нужд промышленности и сельского хозяйства, достижения в получении заграничных кредитов, укрепление монополии внешней торговли и признание ее буржуазным миром — все это доказывает, что и в области внешней торговли советская власть достигла значительных успехов». И в этой статье даются простые, почти бухгалтерские данные, без всякого сопровождения их пояснением сравнительной выгодности для страны самой системы.

Еще в декабре 1920 г. один из финансовых большевицких политиков, *Преображенский* писал в «Известиях», что безудержным выпуском бумажных денег советская власть хочет привести к абсурду самую денежную систему буржуазии. А теперь *Н. А. Супонев* говорит о создании устойчивого денежного обращения, как одного из условий нормального развития народного хозяйства в целом. На восьми страницах автор рассказывает историю восстановления ценности рубля. Он не называет отцов этого восстановления, буржуазных деятелей — Кутлера и Мануилова, но и без этого, даже и комсомольцу должно быть понятно, что ничего социалистического в этом нет. Да, рубль спасен, хотя на мировой бирже он и не принят, но он спасен мерами чисто буржуазного характера. И нигде так ярко не бросается в глаза, что происходит стихийное, естественное стремление самой страны к выздоровлению, к восстановлению ее могучего организма, как это видно на денежном обращении. Перечень новых построенных заводов, увеличение посевной площади, развитие торговли — могут быть и при социализме и при буржуазном строе. Коммунисты - оппортунисты отрицают за современным советским строем социалистический его характер. Сталинцы, наоборот, утверждают, что современное их строительство есть социалистическое строительство. Но в последнем счете спор решает ...рубль. Он заставляет советчиков быть буржуазными. Гордость

большевиков — бездефицитность бюджета — заставила их прибегнуть к самым обычным приемам и в плохом, отсталом буржуазном государстве — к налоговому прессу и водке. Эта финансовая система, несмотря на все дифирамбы достижениям десятилетия, которых, по нашему мнению, сама страна добилась, более, чем что либо другое говорит о пороке системы и политики власти. У страны нашлись собственные силы, чтобы восстановить себя почти до довоенного уровня. Но на этом остановиться нельзя. Никакие преграды, вроде монополии внешней торговли, и подачек крестьянскому хозяйству только из рук бюрократического государства, не могут долго удержаться при здоровом развитии страны. А поэтому и все десятилетие можно считать одним периодом — периодом разрушения и восстановления хозяйств страны. Следующим периодом должен быть период прогресса страны, после ее выздоровления, на новых свободных началах.

Перейдем теперь к культурным достижениям советской власти. С большим предубеждением я начал читать статью *Луначарского* «О советской школе». Когда то в 1919 г. при в'езде в Наркомпрос красовался огромнейший плакат, на котором было указано, сколько миллионов рублей тратилось на народное просвещении при царском правительстве, при временном правительстве и при советском правительстве. Аршинные цифры говорили далеко не в пользу первых двух правительств. Советское правительство тратило на эту цель в десятки раз больше... но не настоящих рублей, а инфляционных. И Луначарский былъ очень доволен этим плакатом. В 1921 г. в июле, он с гневом опровергал слухи о введении платности обучения, а через два месяца эта платность была введена. Что нибудь подобное, вроде указанного плаката, я ожидал встретить и в статье. Но, к моему удивлению, статья оказалась самой скромной. Большая ее часть посвящена рассуждениям и сравнениям буржуазной и пролетарской педагогики, причем рассказывается история воспитания, начиная с времен дикого человека, когда «разница между людьми сводилась к полу и возрасту». Что касается «достижений», то «мы никак не можем говорить о нормальной материальной базе для нашей школы». Главным препятствием в осуществлении идеалов в области строительства является бедность. Сумма, отпускаемая на школьное дело, в настоящее время равна бюджетным суммам довоенного времени (только теперь догнали! а куда же плакат запрятан!), но из этой же суммы идут средства «на борьбу с наследием войн — с беспризорностью (50 милл. рублей), на содержание рабоче - крестьянского студенчества (около 40 милл. руб.) и на политпросветительную работу. Всеобщее образование теперь обещается только в 1934 году, а пока охват всех детей школой равен 65%. По существу, о работе в школьном деле автор ни слова не сказал. Но за то он обещает в будущем по-

ставить дело лучше: «мы нисколько не робеем и полны самой непоколебимой веры, что поставить школы сумеем».

Мало интересного можно найти и в статье акад. *Ольденбурга* о развитии научной жизни в СССР. Он не дает общей картины или отчета научной жизни, а указывает только на отдельные проявления ее: на научные экспедиции, краеведение, исследовательские институты, работу Академии Наук, институты К. Маркса и Энгельса. Автор сам говорит, что ему хотелось указать только на большие сдвиги последних лет, на новые подходы, которые указывают на то, как тесно теперь политика сплетается с наукой и как изменения форм жизни отражаются и на науке. Но нам отсюда трудно судить на основании этой статьи об истинном положении науки и ученых тем более, что акад. Ольденбург довольствуется очень немногим и вспоминает еще те времена, когда сжигали на кострах людей, занимавшихся наукой. Неудивительно поэтому и та его великая благодарность и признательность, которые он питает к Ленину и Цекубу, которые в 1921 г. приостановили вымирание ученых, устроивши им пайки.

Небольшую статью советской литературе посвящает *Воронский*. Мы не будем излагать здесь суждений этого, наиболее популярного советского критика. Суждения его во многом совпадают с позициями, занимаемыми в литературном вопросе «Волей России». Достижения в этой области наиболее ощутимы эмигрантами, так как русская литература за рубежом читается не менее, чем в самой России. Правда, многое Воронский, может быть против своей воли и вкуса, принужден приукрасить, обольшевичить, преувеличить, а иногда даже сказать явную глупость. Наприм. он с чувством удовлетворения говорит, что литература «внутренней» эмиграции, благодаря цензуре, не имеет возможности проявить себя открыто. Воронский следящий не только за русской, но и мировой литературой, знающий ее историю, конечно, великолепно понимает конфуз и глупость положения, когда даже для художественной литературы нет свободы. Но в этом он сам, большевицкий критик, не имеет права собственного суждения, раз Политбюро думает иначе. Еще на днях его убрали за вольнодумство из редакции «Красной Нови».

Наконец, к отделу статей о культурном строительстве относится статья *Луначарского* «Театр и кино за 10 лет». Статья настолько бессодержательная, что излагать ее не приходится. Немного сказано о хозрасчете, о бедности современного репертуара, об усвоении академическими театрами левизны и левыми театрами — реализма, а «в общем и целом театр находится в чрезвычайно обнадеживающем положении». Не «робеет» Луначарский в школьном деле и надеждами живет в театральном. Не доволен он кое чем в постановке кино (мало развита хроника, нет поучительных научных фильм, отвратительный беспорядок в об-

мене картинами между частями СССР, отсутствие хороших администраторов, и др.), а «в общем и целом» и кино имеет «положительные величины».

Но если сама страна, несмотря на скверную политику, рвется к культурному и хозяйственному восстановлению и быстро сумела оправиться и во многом дойти до довоенного положения, то это самое еще сильнее сказывается и на молодом организме народа. *Семашко* в своей статье «Здравоохранение в Советском Союзе» приводит интересные данные. Несмотря на пережитое, рождаемость в России увеличивается, смертность падает. Статистически это выражается так:

	На 1000 населения		
	родилось	умерло естест.	прирост
За 1909-1913 г.г.	45,3	29,0	16,3
за 1925 г.	46,9	25,8	21,1

Особенно резко упала смертность детского населения, в первую очередь грудных детей. До войны они составляли в среднем 25 - 26% родившихся, т. е. ¼ часть родившихся детей умирали на первом году жизни. В настоящее время смертность грудных детей понизилась в общем, примерно, на ¼ (включая сюда и деревню). В городах это понижение еще резче, — так в Ленинграде в 1913 г. умерло детей в возрасте до 1 года — 22,6% на сто родившихся, в 1925 г. — 14,9%, в Москве в 1913 г. — 28,5%, в 1925 — 13%.

На основании этих цифр Семашко заявляет, что Советской власти удалось теперь *каждогодно* сохранять стране около миллиона человеческих жизней и скромно добавляет, что эти итоги явились «результатом деятельности вовсе не одного Народного Комиссариата Здравоохранения. Улучшение благосостояния бедноты, повышение общего культурного уровня — все это явилось основным фактором оздоровления населения. Но и работе органов здравоохранение нужно в этом деле отвести известную роль». И дальше автор рассказывает о той сети лечебниц, санаторий и детских учреждений, которую советская власть раскинула в РСФСР. Не будем здесь приводить всей той сравнительной оценки постановки лечебного дела в СССР, какую можно найти даже в советской литературе, но укажем только на явную несуразность заявления Семашко. Он говорит об «ежегодном сохранении миллиона человеческих жизней», благодаря политике большевиков. Благодаря политике советской власти мы знаем о смерти 5,000,000 крестьян во время волжского голода в 1922 г., о миллионе детей беспризорных, о невероятном развитии эпидемий в первые пять лет и т. д. Это сама страна, кронштадским и крестьянскими восстаниями в 1920 и в 1921 г. г. заставила боль-

шевиков отступить от *их* политики (уничтожить продразверстку, ввести хозяйственный рассчет, и т. д.). Лечебные же заведения, пока в них хозяйничал Наркомздрав через свои ячейки, не лечили, а морили людей. И только после того, как врачи были сделаны хозяевами больниц и санаторий, они стали выправляться.

Крыленко в статье «Советская юстиция» излагает историю советских судебных установлений. Это довольно известная история — разнобой работы в первые пять лет, и некоторое упорядочение в последние годы. Но, конечно, в этой статье нельзя найти рассказа о борьбе за независимость суда и за освобождение его от партийности.

Изложенным ограничивается содержание сборника. В нем вы не найдете ни отчета о работе Че-ка и ГПУ, ни очерка административной работы положения печати, статьи о правовом положении советского гражданина, состояния церкви, свободных обществ, и т. д. Все это темная и ужасная сторона десятилетия, и большевики стараются не напоминать советскому гражданину о его цепях и рабстве, о том, чем укрепилась и держится большевицкая власть. Даже советская конституция является бумажкой, которую стараются забыть. А все то положительное, что приводится в сборнике, нужно отнести на актив самого населения, которое оказалось сильнее разрушительных начал большевизма. Если авторы, чем и хвалятся, то исключительно достижениями нэповского периода, т. е. периода, отрицающего первый коммунистический период.

В общем разбираемая книга слишком юбилейная. Статьи написаны на спех и мало обоснованы. Но они характерны, как подведение итогов досятилетия самими большевицкими деятелями.

С. П.

Отзывы о книгах

«НОВЫЙ КОРАБЛЬ». — Литературный журнал. №1. Париж. 1927.

Мифы возрождаются и... вырождаются. Появление на литературном горизонте «Нового Корабля» — мимолетное возрождение очень древнего мифа. Оно напоминает нам греческое сказание о молодых аргонавтах, неумолимых искателях Золотого Руна...

Прежние издатели и сотрудники «Нового Дома» выступили вторично в боевом порядке и с литературной программой на мотив: «Хочу быть дерзким, хочу быть смелым!».

В этом тоне написано предисловие редакции. Отважные мореплаватели устанавливают свою родословную «в истории русского духа и русской мысли» .Учителями их в прошлом оказываются Гоголь, Достоевский, Лермонтов, Вл. Соловьев... О маститых и живых опекунах упоминать не приходится. Напечатанные в журнале стихи З. Гиппиус и статья Д. Мережковского говорят за себя...

Впрочем, не все ли равно кого назвать! Развязное перечисление ряда дорогих русской культуре имен остается безответственным и ни к чему не обязывает предприимчивых издателей. Они даже не делают попытки как нибудь обосновать свою традицию, связав между собою названные имена. Видно, что важны для них не живые лица, но идеи, которые ассоциируются с тем или иным литературным явлением. Экипаж «Корабля» поторопился обзавестись своим идейным компасом и в этом его отличие от простодушных мореплавателей древних времен. Правда, в предисловии говорится еще о «языке звезд», но вольный перевод заповедного языка на стиль Терапиано ничем не возвышается над уровнем ходячих газетных воззваний. Статья «Журнал и читатель» звучит порой и устрашающе. Но и «апокалипсические» глубины развертываются лишь для того, чтобы ярче обозначить душевную мель, на которой застрял, не успев еще отчалить от берега, «Новый Корабль». Удивительно умеют люди совмещать полезное с приятным! Многотрудные антиномии господи на Мережковского не мешают сгущению романтической дымки в отделе стихов. Соблазнительно

мелькают здесь «падающие линии» З. Гиппиус, а Нина Берберова воспевает «прозрачные глаза» и «благоуханный рот» прелестной Лилиан Гиш. Такая созвучность далеко не случайна. Она выдает нам основной психологический из'ян этстетствующих кругов довоенной России. Обанкротившаяся мистика неизбежно соскальзывает в эротику. Блаженной памяти, декаденский «Аполлон», нашел себе скверного наследника. Беспредметное любомудрие и затверженный тон будуарных элегий — вот бросающиеся в глаза особенности «Корабля»... Вы может быть скажете, что неловко с таким грузом разгуливать по морю-океану? Но, — воскликнул бы знаменитый директор Пробирной Палатки, —

Ведь и судну плыть не трудно
С Архимедовым винтом!..

Предоставим же неисправимых аргонавтов их судьбе! В стенографическом отчете о собраниях «Зеленой Лампы» мы читаем речь Ст. Ивановича, между прочим указавшего на реальные страдания наших писателей в России... Как правдиво звучат его слова сейчас, когда мы узнали о смерти Федора Сологуба! Но стоит ли разговаривать с глухими Адонирамами? При свете немилосердно коптящей «Зеленой лампы» простые истины теряют свой натуральный цвет. Ставши достоянием Антонов Крайних и средних, они обращаются в замысловатую мешанину, в которой, естественно, никто кроме алхимиков и звездочетов разобраться не может...

А.Мардвинов.

ЕВГ. ЗАМЯТИН. — Нечестивые рассказы. («Изд. «Круг». Москва. 1927 г.).

За последние годы Евг. Ив. Замятин пишет мало. Почему это происходит наверняка сказать трудно, однако, из всех предположений самое правдопододное будет , по моему мнению, то, что современный российский воздух мало способствует его творчеству Основные свойства всего того, что до сих пор было написано Замятиным, это, с одной стороны, широта, с другой, ирония, которая не покидает его даже в самые патетические моменты. Наилучшим примером могут служить английские рассказы из сборника «Островитяне» (между прочим, рассказ «Островитяне» переделан самим автором в пьесу под названием «Общество почетных звонарей» и в скором будущем пойдет на одной из сцен Петербурга) и роман «Мы», вышедший недавно на чешском языке. Едкая ирония прогрызает сюжет, который является лишь одним из отображений действительной жизни. Невозможность работать в этом направлении и привели писателя, с одной стороны, к молчанию прерываемому лишь эпизодическими, краткими выступлениями в печати, с другой, к столь популярной сейчас в России переработке более старых романов и повестей для театра. После «Блохи» Лескова Замятин сейчас занят переделкой «Города Глупова» Щедрина для Мейерхольда, который находится в одной из своих периодических фаз искания. Утомившись агитационными представлениями

и обжегшись на «Ревизоре», которого охаяли и справа и слева, Мейерхольд решил попробовать новый путь нечто в роде омоложения классицизма для чего и избрал «Горе от ума», Грибоедова, «Город Глупов», Щедрина и «Москву», А. Белого.

Но оставим этот вопрос в стороне и вернемся к творчеству Замятина, которое, кроме упомянутых черт, проявляет в последнее время еще один особый уклон, а именно стремление к параллелизму, к аналогии. Это было заметно уже в «Огнях св. Доминика», в «Мы», но особенно ярко выдвинулось в «Рассказе о самом главном», а тепер разрабатывается одновременно в драме и романе на одну и ту же тему, о нашествии варваров и о смене культур. Как будет называться роман, не знаю, но пьеса носит название «Атилла».

Я остановилась особо на данном уклоне Е. Замятина и на «Рассказе о самом главном», который кстати не является лучшим произведением писателя, ибо в нем идея заслоняет все остальное —, потому что он стоит совсем особняком в сборнике «Нечестивых рассказов».

Эта небольшая книжечка заключает в себе все те мелкие произведения, которые в течение нескольких лет печатались, то в журналах, то отдельными книжечками с иллюстрациями.

Об'единяющей их чертой является нечто плотское, грешное, что пронизывает всю атмосферу. Наиболее показательным, конечно, в этом отношении является повесть «О том, как исцелен был инок Эразм» и примыкающий к нему рассказ «О чуде, происшедшем в Пепельную субботу». От обеих этих вещей веет повестями эпохи возрождения, сдобренными однако, доброй порцией русского духа. Немощная плоть здесь так близка с божественным, что трудно разобрать, где кончается одно и начинается другое. Божественное, но смешанное с иронией и и даже со свидригайловщиной, с его вечностью, похожей на пустую баню, находим мы в «Дьячке» и в «Боге». Это, пожалуй, две вещи наиболее наполненные отчаянием и безысходностью. Идя по той же линии, мы приходим к «Иксу», в котором религиозность уже чисто внешняя и лишь постольку, поскольку действие вращается вокруг духовного лица, бывшего «раскаявшегося» дьякона; за то здесь разлилась широкой волной самая едкая ирония, издевающаяся и над теми у кого власть в руках, и над теми кто является ее материалом, но главным образом над мещанством и ограниченностью маленького провинциального города.

Наиболее удавшимися вещами в данном сборнике являются «Русь», изданная некогда текстом к рисункам Кустодиева, и «Сподручница грешных». И тот и другой рассказы рисуют самую настоящую Россию, только в одном она прежняя, сытая, дебелая, как приволжские красавицы Кустодиева, а в другом уже пореволюционная, но все же такая же широкая, в корне неизменная и переливающаяся через край своими щедротами.

Стиль и манера компановки всех

рассказов сборника почти одинаковы. Это небольшие повести с концентрированным сюжетом и малым количеством действующих лиц. Исключение опять таки составляет «Рассказ о самом главном».

Н. М. П.

ПИСЬМА АЛЕКСАНДРА БЛОКА К РОДНЫМ. Том 1. С предисловием и примечаниями М. А. Бекетовой. Изд. «Академия». Ленинград 1927.

Издание «Академиа» решило выпустить в свет чрезвычайно интересную и полезную серию книг, именуемую «Памятники литературного быта». В цикл ее войдут воспоминания и письма, из которых пока намечены 2 тома писем А. Блока к родным. В данный момент из печати вышел лишь 1-ый том, заключающей в себе письма до конца 1909 г., т. е. детский и юношеский периоды жизни поэта. У иного, менее мятежного поэта, этот период можно было бы назвать эпохой бури и натиска, но у Блока искания, ломка прежних идеалов и свержение богов продолжались до самого последнего дня его жизни.

Столь важные для истории литературы документы, как письма поэта уровня А. Блока, вызывают невольный вопрос: что могут они дать для науки о литературе? Оставляя в стороне чисто обывательскій интерес к частной жизни большого писателя, который в данном случае может быть вполне удовлетворен предыдущей книгой М. А. Бекетовой — «Блок и его мать», мы постараемся найти в письмах ценности более вечного характера.

При чтении данной книги, мы находим все новые и новые доказательства ненужности и даже вредности чисто внешней биографии писателя, которая не только не раз'ясняет его творчества, но зачастую и затемняет его. Таким примером в данном случае могут быть письма Блока о его кутежах и похождениях с женщинами, которые, отраженные, так сказать в обратном порядке, дают его наиболее лирические и мучительно-кабацкие стихи. До тех пор, пока не найден закон, могущий об'яснить, почему одно и то же событие у одного писателя вызывает прямые отражения, а у другого — обратные, и часто у одного и того же оно выражается то в грубой, то в небесной форме, — не может быть и речи о введении фактов внешней жизни в историю его творчества. Иное дело, так называемая внутренняя биография писателя, изображающая ход и развитие творческой деятельности, влияний и вообще более отвлеченной стороны жизни поэта или прозаика.

В этом отношении, несмотря на большое количество писем (254 номера), этот внутренний материал не слишком богат. Я полагаю что это происходит оттого, что большинство писем повествовательного, а отнюдь не полемического характера. Надо надеяться, что иные письма, как, например, к А. Белому и С. Соловьеву, открывают нам более широкие горизонты. Доказательством правильности мо его мнения может служить пись-

мо, написанное отцу после выхода первого сборника стихов. А. Л. Блок отнесся более чем равнодушно, можно даже сказать враждебно и язвительно к творчеству своего сына, что и изложил в письме. Уязвленный не только как поэт, но и как представитель известного философского миросозерцания, А. Блок ответил ему резким полемическим письмом.

Далее очень ценный материал мы находим в довольно ранних письмах А. Блока к матери, где он говорит о влиянии на него В. Соловьева. В них мы находим бесповоротное утверждение того, что нам, его современникам-критикам, приходилось доказывать на основании сличения произведений и словаря этих двух писателей. Несмотря на всю ясность и доказательность имеющегося материала, многим он казался слишком метафизическим, а следовательно и нереальным. Очень долго существовали не только обыкновенные читатели, но даже и критики, которые воспринимали «Стихи о Прекрасной Даме» и «Снежные маски», как чисто суб'ективную лирику, не видя или не проникаясь в ее об'ективное значение, дающее понятие о последней незыблемой реальности. Фразы и страницы писем, посвященные В. Соловьеву, навсегда уничтожают возможность материалистического толкования, первый удар которому нанес А. Белый своей речью в Вольном Философском Обществе и еще больше «Воспоминаниями», которые, к сожалению, до сих пор все еще не выходят в законченном виде отдельной книжкой.

Наконец, третьим важным пунктом писем является та часть книги, которая была написана из-за границы. Тут, с одной стороны, вырисовывается его отношение к Европе, а с другой, к России. Именно здесь мы находим решающее слово о том, что он воспринимает Россию, не как государство, даже не как народ, а как лирическое понятие. Такого поразительно точного определения соотношения А. Блока и родины никто из критиков еще не нашел. Видно, что борьба с расплывчатостью, которую Блок вел в искусстве в течение всего основного периода своего творчества, принесла вполне реальные плоды.

Что касается самого издания, то, конечно, его появление можно лишь приветствовать. К сожалению, того же нельзя сказать о способе и характере примечаний. Прежде всего, все примечания отнесены в конец книги и нумеруются в каждом письме отдельно, так что приходится вести двойные розыски — номера письма, а потом уже номера примечания. Далее, очень много примечаний подобного содержания: «poste restante — до востребования», «bon mots — остроты» и. т. д. Можно смело сказать, что кроме открытия инициалов, которыми А. Блок обозначал своих знакомых, примечания больше ничего не дают, а от столь близкого лица, как тетка поэта, мы в праве ожидать большего. Текст книги издан бережно, но опять в тех же примечаниях есть достаточно ошибок и пропущенных номеров.

Н. М. П.

Vladimir Lazarevsky: «*Rusko a ceskoslovenske znovuzrozeni.* Nastin ceskoruskych styku v letech 1914-1918». S predmluvou V. V. Sulgina. Prelozil Jaroslav Haug. Praha, 1927. Стр. 149.

Книга Лазаревского обладает всеми отличительными чертами, превращающими историческое исследование в лишенный серьезного значения политический памфлет. С задором и «бойкостью мысли», характерными для фельетонистов провинциальных газет старого времени, автор берется за задачу, которая ему явно не по-плечу.

Но это ничуть и не смущает его: ведь на самом деле он и не думает рисовать истинную картину чешско-русских отношений в период 1914 - 1918-го г. г.; наоборот, — ему надо эту картину исказить и затемнить во что бы то ни стало. Поэтому он вместо подлинной истории часто преподносит читателю лишь историческую сплетню, слегка оправив ее в рамку действительных событий и фактов. Не недавнее историческое прошлое служит г-ну Лазаревскому основанием его выводов и заключений, нет, — все выводы сделаны заранее и к ним то уже произвольно и подгоняются факты. Вся книга имеет одну цель: опорочение деятельности профессора Масарика в качестве вождя национального чешского движения и эту цель подчеркивает Шульгин, напрасно старающийся своим предисловием придать обыкновенному памфлету цену и вес серьезного и беспристрастного исследования.

Факты г-н Лазаревский подбирать умеет, — в этом надо ему отдать справедливость; то, что удобно его целям, он выдвигает на первый план, а менее удобное он либо не упоминает совсем, либо приводит вскользь, мимоходом. Если случайно не хватит фактов, то на помощь приходит изложение закулисных интриг, — ими автор иногда пытается об'яснить такие сложные события, как отдельные фазы борьбы чешского народа за государственно-политическую самостоятельность. Так, например, для того, чтобы оправдать постоянно колеблющуюся, полную неуверенности и совершенно беспринципную политику царского правительства в деле формирования чешских отрядов, Лазаревский вытаскивает на свет Божий ряд пустяковых интриг против Дюриха. Того факта, что манифест великого князя Николая Николаевича к славянским народам Австро-Венгрии не заключал в себе никаких юридических обязательств для России, а состоял лишь из ряда туманных и неясных обещаний, автор предпочитает почти не касаться. А именно в этом-то отсутствии точно формулированной линии поведения в отношении будущей чешской самостоятельности и заключалась причина постоянных колебаний русского командования в деле создания новых формирований из рядов русских чехов и военнопленных. Этим об'ясняется и приказ ген. Беляева от 8-го августа 1916 года, запрещающий снимать с работ добровольно сдавшихся в плен чехов, бывших солдат австрийской армии.

В книге проф. Масарика («Svetovci revoluce») имеется очень поучительная синхронистическая таблица главнейших исторических событий, игравших ту или иную роль в развитии чешского освободительного движения. В то время, как все остальные государства Антанты неизменно шли по пути формального признания «Народной Рады», русское правительство беспрерывно колеблется, то позволяя увеличивать формирования, то беря свое позволение обратно. Что же касается роли депутата Дюриха, то бесспорно, что этот постоянно находившийся под чьим-нибудь влиянием человек не обладал ни достаточным политическим кругозором, ни необходимым авторитетом для того, чтобы воплотить в себе национальную чешскую идею и занять роль руководителя заграничного движения.

Еще одно надо сказать по поводу утверждений г-на Лазаревского: манифест Николая Николаевича к народам Австро-Венгрии по существу своему не преследовал иных целей, кроме желания вызвать сепаратистское движение в пределах Австро-Венгерской Империи и тем обессилить противника. Русское командование пыталось заставить чехов в отношении Австрии сыграть ту же роль, которую заставляла играть Вена сепаратистски настроенные круги украинской общественности в отношении России.

В полном несоответствии с реальной действительностью звучит заключительная фраза книги Лазаревского: «никакая Антанта — ни большая, ни малая — не могут, заменить Чехословакии в историческом развитии Великой России!». Как странно, что автор находит возможным писать эту звонкую фразу, как будто бы намеренно забывая о существовании большевизма!

Для Лазаревского мелкие события чешского движения в России совершенно заслоняют роль и значение всего того, что было сделано «Народной Радой» во Франции, Англии и Италии. Он не хочет сравнивать и сопоставлять; поэтому-то банкетам и застольным речам представителей славянофильски настроенных русских кругов он подчас придает важное значение, а серьезные государственные акты оставляет почти без внимания.

Книга носит явно односторонний и тенденциозный характер, — она способна только затемнить, а не уяснить тогдашнюю историческую обстановку.

Народы не освобождаются путем интриг перед дворами и дипломатией той или иной страны. Они освобождают сами себя путем пробуждения национального самосознания. Герои выдвигаются самим народом, и поэтому странно и нелепо было бы искать об'яснений больших исторических событий в мелких происках, интригах и закулисной игре.

В. В.

Открыта подписка на 1928 г.

(7-ой год издания) :-: :-: :-: :-: (7-ой год издания)

на большую ежедневную газету

"ДНИ"

выходящую в Париже под редакцией А. Ф. КЕРЕНСКОГО при ближайшем участии видных политических деятелей.

ЕЖЕДНЕВНО БОЛЬШАЯ ИНФОРМАЦИЯ О РОССИИ
Постоянныя сведения о политических настроениях жизни :—: :—: и условиях труда эмиграции. :—: :—:

:-: ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ ЛИТЕРАТУРНАЯ НЕДЕЛЯ :-:
:—: :—: под редакцией М. А. АЛДАНОВА :—: :—:

В 1928 ГОДУ

Всем подписчикам и постоянным читателям, газета пре- :—: доставляет в виде премий следующие льготы :—:

1. Все подписчики «ДНЕЙ имеют право на получение журнала

"СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ"

ЗА 10 ФРАНКОВ КНИГА (вместо 25 франков) во Франции

2. Все читатели «ДНЕЙ» имеют право на получение большого ежемесячного журнала

"ВОЛЯ РОССИИ"

ЗА 5 ФРАНКОВ КНИГА ВО ФРАНЦИИ
ЗА 6 ФРАНКОВ КНИГА ЗА-ГРАНИЦЕЙ (вместо 12 и 15 франков)

Чтобы воспользоваться этой льготой достаточно вырезать из газеты «ДНИ» ЧЕТЫРЕ КУПОНА ЗА № № 1, 2, 3, 4 их прислать вместе со стоимостью книги журнала в контору газ. «ДНИ» Эти купоны будут печататься в газете на 3-ей странице.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГАЗЕТУ «ДНИ»
(1-го и 16-го каждого месяца)

	1 мес.	3 мес.	6 мес.	1 год
Во Франции	13 фр.	36 фр.	65 фр.	125 фр.
Заграницей	23 фр.	64 фр.	120 фр.	230 фр.

ДЛЯ РАБОЧИХ И СТУДЕНТОВ ДОПУСКАЕТСЯ ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА — 8 франков В МЕСЯЦ ВО ФРАНЦИИ

Перемена адреса — 1 франк

Адрес редакции и конторы:
9-bis, rue Vineuse Paris (XVI). — Tél. : Passy 89-61.

ВЕРСТЫ

под редакцией:

Кн. Д. П. Святополк-Мирского, П. П. Сувчинского и С. Я. Эфрона

при ближайшем участии:

Льва Шестова, Алексея Ремизова и Марины Цветаевой

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ № 3

Содержание:

1) **От редакции.**
2) **Марина Цветаева.** С моря. Письмо к Рильке.
3) **М. Струве.** Стихотворения.
4) **А. Ремизов.** Бику. Расея.
5) **Н. А. Бердяев.** Русская религ. мысль и революция.
6) **От редакции.** (По поводу двух последующих статей и письма А. З. Штейнберга).
7) **Л. П. Карсавин.** Россия и Евреи.
8) **А. З. Штейнберг.** Письмо Л. П. Карсавину.
9) **А. З. Штейнберг.** Достоевский и Еврейство.
10) **А. Лурье.** Два профиля.
11) **П. Сувчинский.** Письмо в Россию.
12) **С. Я. Эфрон.** Социальная база русской литературы.
13) **Д. П. Святополк-Мирский.** Годовщины. «1905 год» Пастернака.

Библиография: Критические заметки и статьи Д. П. Святополк-Мирского, Е. Извольской, В. Э. Сеземанa.

14) **В. П. Никитин.** По Азии.
15) **П. Н. Савицкий.** К познанию русских степей.

Материалы: Н. А. Сетницкий. Капиталистический строй в изображении Н. Н. Федорова. — Н. Н. Федоров. О Туркестане.

Склад издания:

«EURASIE», 4, Rue Brissard, **Clamart** (Seine) France.

БИБЛИОТЕКА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА
под ред. А. Н. ПОТРЕСОВА

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

Ст. ИВАНОВИЧ (В. И. Талин)

В К П

Десять лет коммунистической монополии

Глава 1-я. Партия и советская власть. Глава 2-я. Политическая монополия и ее последствия. Глава 3-я. Монополия коммунистической печати. Глава 4-я. Партия и пролетариат до смерти Ленина. Глава 5-я. Партия и пролетариат после смерти Ленина. Глава 6-я. О свойствах советского «треугольника». Глава 7-я. Партия и крестьянство. Глава 8-я. Партия и Красная армия. Глава 9-я. Внутренняя жизнь партии. Глава 10-я. Старая гвардия и смена. Глава 11-я. Новый господствующий класс. Глава 12-я. Пути России и пути компартии.

Цена во Франции 28 фр. во всех других странах 1,25 долл.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Editions Franco-Slaves, Paris 32, r. Ménilmontant.

Общественно-политический и литературный журнал

Современныя Записки

8-ой год издания.

под редакцией: **Н. Д. АВКСЕНТЬЕВА, И. И. БУНАКОВА, М. В. ВИШНЯКА** и **В. В. РУДНЕВА.**

В 1928 году будут напечатаны: *И. А. Бунин:* Жизнь Арсеньева (роман в 4-х частях). —*А. И. Куприн:* Жанета — принцесса четырех улиц (роман). — *Ив. С. Шмелев:* История Любовная (роман). — *Бор. Зайцев*: Аннино Болото (повесть). — *М. А. Алданов::* Ключ (роман из современной жизни в 3-х частях). — *А. М. Ремизов:* Рассказы. — *М. А. Осоргин:* Сивцев Вражек. — *М. И. Цветаева:* Поэма. — *Л. Н. Толстой:* Дневник. — *З. Н. Гиппиус:* «Правда о Земле» (Воспоминания). — *О. О. Грузенберг:* Жизнь и деятельность А. Ф. Кони. — *В. А. Маклаков:* К воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина. — *Д. С. Мережковский:* Наполеон. — *Л. И. Шестов:* Влад. Соловьев. — *В. Ф. Ходасевич:* Сологуб. — Его-же: «Игроки в жизни и в литературе». — *М. А. Алданов:* К столетию со дня рождения Л. Н. Толстого. — Ген. *Н. Н. Головин:* Социология войны. — *П. П. Муратов:* Анти-Искусство. — *Ф. А. Степун:* Мысли о России.

Цена во Франции — 25 франков, в других странах — 1 ам. долл.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

106, rue de la Tour, Paris (16) tél. Passy 64-42.

ОТКРИВА СЕ ПОДПИСКА ЗА

НАРОДНА ВОЛЯ

ГОД 1

списание за култура и политика, урежда редакционен комитет.

СЪДЪРЖАНИЕ № 2 (Декември 1927)

Франческо Нитти. — Държавни дългове. **Боян Чернев.** — Какво е патриотизъма. **Огнянов.** — Земледелската политика у нас. **Райко Инсаров.** — Балкана за балканските народи. **Албания. Волний.** — Лондон. **Анатол де Монзи.** — А. Стамболийски. **Марсел Капи.** — Съвремената френска литература. **Бронислав Сосински.** — Руската следреволюциона литература. **Политически бележки.**

Абонамент за година: за България 150 лева; Европа — 40 франка; Америка — 4 доллара. Полугодишен: 75 лв.; 20 фр. и 2 доллара. Тримесен: 40 лв.; 10 фр. и 1 долар. Цената на отделен брой е 5 франка.

Всичко да се изпраща на адрес:
Rédaction «Narodna Volia»,
32, rue de Ménilmontant. 32 — Paris (20e)

Издание Акционернаго Общества «САЛАМАНДРА»,
Рига, Б.-Кузнечная 43, Латвия.

ЕЖЕДНЕВНАЯ БОЛЬШАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА **СЛОВО**

С 1925 г. выходит под ред. Н. Г. Бережанскаго и И. С. Лукаша.

В «СЛОВЕ» участвуют писатели:

В. Л. Бурцев, С. И. Варшавский, Г. Д. Гребенщиков, Бар. В. Д. Дризен, Б. Зайцев, пр. И. А. Ильин, А. Куприн, кн. А. П. Ливен, Вл. Лодыженский, пр. А. Мельников, бар. И. С. Нолькен, М. Первухин, А. Ремизов, В. Сирин, А. Салтыков, Ариадна Тыркова, В. Унковский, Ив. Шмелев и многие другие; также русские ученые, общественные деятели, депутаты русской фракции Латвийскаго Сейма и Эстонскаго Парламента.

Собственные корреспонденты и фотографы «СЛОВА» во всех центрах Европы, на Балканах, в Америке и Азии.

Информация «СЛОВА» из Советской России — раньше других газет. «СЛОВО» имеет наиболее широкий отдел жизни в провинции.

Выходя в час дня «СЛОВО» дает полную утреннюю и послеобеденную информацию за 24 часа.

«СЛОВО» имеет обширную сеть провинциальных корреспондентов.

Собственные корреспонденты и фотографы «СЛОВА» в Литве, Эстонии, Финляндии и Польше.

Подписная цена в месяц: в Литве — 10 лит, в Эстонии — 280 марок, заграницей — 86,5 ам. центов.

Издания Акц. О-ва Печатного Дела «САЛАМАНДРА»
Рига, Б. Кузнецкая, 43.

„ПЕРЕЗВОНЫ“

В 1927 г. посвящены:

№ 28 — Москве, № 29 — И. Е. Репину, № 31 — Балканской Освободительной Войне, № 32 — Пскову и Новгороду, (ко Дню Русской Культуры), № 33 — В. Перову и С. Лиссиму, № 34 — Волгѣ, № 35 — Киеву, № 36 — Серову, № 37 — Венецианову и Федотову, № 38 — Крыму, № 39 — (гот. к печати) Отечественной Войне 1812 года (к 115 годовщине)

Цена № — 1 лат. Загран. 25 ам. ц. Комплекты «ПЕРЕЗВОНОВ»:
за 1926 г. (№№ 9 — 27) — Лс. 18. Заграницей Дол. 4½
за 1925 г. (№№ 1 — 8) — Лс. 6. Заграницей Дол. 1½

Открыта подписка на рабочую общественную газету

РАЗСВЕТ

Премии подписчикам. — Приславший годовую подписку получает в премию совершенно бесплатно две из следующих книг: «Овод» Войнича. «Век разума» Т. Пейна. «Поля, фабрики и мастерские» П. Кропоткина. Его-же: «Этика», «Хлеб и Воля». «Историю Махновскаго движения» П. Аршинова. «Среди тайн и чудес» Н. Рубакина, «Великий инквизитор» его-же.

Все эти книги весьма ценные и представляют большой научный или исторический интерес.

Приславшие подписку на полгода получают бесплатно одну из вышеуказанных книг.

Подписная плата. — В Соединенных Штатах и Канаде: на 6 месяцев 3.75; на 3 мес. 2.00; на 1 мес. 0.75 сентов. В Чикаго и заграницу: на 1 год 8.50; на 6 мес. 4.50; на 3 мес. 2.50; на 1 месяц 1 доллар. **Пробный номер высылается бесплатно.**

Деньги просим высылать переводом по почте или в заказном письме по адресу:

«RASSVIET» 1722 *West Chicago Avenue. Chicago, Ill.*

БОЛЬШОЙ РУССКИЙ
Еженедельный иллюстрированный журнал

„НОВАЯ НЕДЕЛЯ“

Богатые **иллюстрации** всесторонне освещают европейскую жизнь.

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ.

Кино. Театр. Спорт. Моды
Отдел шуток, задач и шарад. Обо всем.

Цена: в Латвии — 30 сант., (15 р.), в Литве — 75 лит. центов, заграницей — 7 ам. цент.

Адрес редакции и конторы: Латвия, Рига, Б. Кузнечная 43, «Саламандра». Тел. 23011.

РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
J. POVOLOZKY & Cie 13, RUE BONAPARTE PARIS VI
ВСѢ РУССКІЯ и ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ
ОТКРЫТО БЕЗЪ ПЕРЕРЫВА СЪ 9 У. ДО 7 ВЕЧ.
Tél.: Fleurus 42-01

Chèques postaux : Paris 105-33 R. C. Seine 212-183 B.

Фирма основана в 1910 г.

.....

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

журнала

„ВОЛЯ РОССИИ“

Для ФРАНЦИИ, ГЕРМАНИИ, БЕЛЬГИИ, ИТАЛИИ, ПОЛЬШИ
и ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

.....

Собственные издания на Русском и Французском языках. Все зарубежные издания. Все Книги Советской России. Детские книги. Учебники Словари и самоучители иностранных языков. Ежемесячные бюллетени всех французских изданий. Каталоги высылаются безплатно.

— АНТИКВАРИАТ —

ВСЕ КНИГИ ПО ИСКУССТВУ. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ИЗДАНИЯ
НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ.

.....

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

J. POVOLOZKY & Cie

EDITEURS

13, rue Bonaparte, PARIS (VIe)

Вп-91-3536 (9а
П 1
543
1927
N 11/12

La Russie Opprimée

Bulletin hebdomadaire d'information socialiste
Rédaction: A. Kerenski, O. Minor, V. Zenzinov

(PARAIT TOUS LES SAMEDIS) *Prix de l'Abonnement:* 3 mois 4 fr.; 6 mois 7 fr.
Prix du numéro : 25 centimes
9 *bis*, *RUE VINEUSE, PARIS* 16e

Le but de cette édition est de fournir des renseignements exacte sur le regime qui règne actuellement en Russie.
La Russie Opprimée puise ses reuseignementsaux sources mêmes — dans le presse sovietique et chez ses correspondants en Russie.
Tous les militants du mouvements ouvrier — socialiste, syndical, cooperatif — qui donneront leurs adresses recevront gratuitement un exemplaire du bulletin.

ЗЕМЛЕДЕЛСКО ЗНАМЕ

Le Drapeau Paysan

DÉFENSEUR DES PAYSANS BULGARES

Journal hebdomadaire, paraissant en français et en bulgare

Rédaction et Administration : Prague, (Thécoslovaquie,)
Boîte Postale No 471

Bureau à Paris : 32, Rue de Ménilmontant. PARIS (XXe)

Prix du numéro : 50 centimes

ЧИТАЙТЕ И ПОДДЕРЖИВАЙТЕ **РАБОЧЕЕ СЛОВО**

Орган русских синдицированных рабочих во Франции при Генеральной Конфедерации Труда (C. G. T.)

«РАБОЧЕЕ СЛОВО» обслуживает интересы русских рабочих во Франции и за-границей и является единственным русским чисто рабочим органом за-границей.

В каждом номере статьи, обзоры профессионального движения, корреспонденции, письма и запросы читателей, обширный справочный отдел.

«РАБОЧЕЕ СЛОВО» создано на добровольные взносы русских рабочих.

Цена номера — 50 сантимов
До 15-го декабря вышло пять номеров.
Адрес редакции: 211,rue Lafayette, C. G. T. Section russe «La Parole Ouvrière; Paris, France.

Le gérant: I ROSSEL-CHIOT

Imprimerie de la Société Nouvelle d'Éditions Franco Slaves
32, rue de Ménilmontant, Paris XXe